КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ДЕКАБРЬ

1897 г.

КІЕВЪ.

Типографія **Г. Т. Корчакъ-Новицкаго**, Михайловск. ул., собств. домъ.

ПРАЗДНИКЪ ЦЕРЕРЫ.

(Изъ воспоминаній польскаго шляхтича о событіяхъ въ Юго-западномъ краѣ 1819—1824 г г.).

Есть поговорка, гласящая, что каждый баронъ имѣетъ свою фантазію. Съ полнымъ основаніемъ эта поговорка могла бы быть примѣнена и къ польскимъ магнатамъ—разумѣется, не теперешнимъ, а временъ минувшихъ. Въ исторіи послѣднихъ вѣковъ трудно отыскать сколько-нибудь извѣстное польско-магнатское имя, съ которымъ не были бы связаны преданія о самыхъ диковинныхъ проявленіяхъ фантазёрства или чудачества; можно сказать даже, что большинство вельможныхъ пановъ потому только и попали въ исторію, что обезсмертили себя въ памяти потомства необыкновенными чудачествами (dziwactwami).

Въ ряду такихъ чудаковъ магнатовъ видное мѣсто должно принадлежать помѣщику подольской губ. Игнатію Марковскому, жившему въ концѣ прошлаго и въ первой четверти нынѣшняго столѣтія. Его причуды настолько поражали воображеніе современниковъ, что едва минуло двадцать лѣтъ со дня его смерти, какъ его личность послужила сюжетомъ для романа, въ свое время очень увлекавшаго читателей, благодаря необыкновеннымъ приключеніямъ главнаго героя [1]). Многіе изъ польскихъ мемуаристовъ болѣе или менѣе подробно упоминаютъ о Мар-

[1]) Разумѣемъ изданный въ 1848 г. въ Варшавѣ Сильвестромъ Грозою романъ въ двухъ частяхъ, подъ названіемъ: Grabia Scibor na Ostrowcu.

хоцкомъ, а среди мѣстнаго населенія память о его причудахъ жива и по настоящее время, но въ такомъ извращенномъ, на половину легендарномъ видѣ, что въ ней съ трудомъ уже можно отличить былое отъ выдуманнаго [1]). Въ 1884 г. извѣстный польскій историкъ А. Ролле издалъ интересный очеркъ, посвященный Мархоцкому; но, какъ намъ кажется, онъ нѣсколько идеализировалъ его личность, изобразивъ его какимъ-то дѣятелемъ-прогрессистомъ, почти реформаторомъ, лишь временно подвергавшимся припадкамъ мономаніи подъ вліяніемъ раздраженнаго самолюбія и неудачъ. Мы не имѣемъ въ виду дѣлать здѣсь подробное извлеченіе изъ статьи Ролле, тѣмъ болѣе, что еще недавно на страницахъ одного изъ русскихъ журналовъ сдѣлано такое извлеченіе и при томъ съ нѣкоторыми фактическими дополненіями и съ болѣе вѣрнымъ, какъ намъ кажется, освѣщеніемъ личности Мархоцкаго [2]). Достаточно будетъ, если мы напомнимъ главнѣйшіе факты изъ жизни и дѣятельности этого чудака, безъ знанія которыхъ читателю могли бы показаться непонятными тѣ изъ его причудъ, о коихъ мы намѣрены подробно разсказать со словъ современника-мемуариста Фр. Ковальскаго, почему-то обойденнаго молчаніемъ какъ самимъ Ролле, такъ равно и его русскимъ пересказчикомъ.

Предки Игнатія Мархоцкаго, незначительные шляхтичи изъ Малой Польши, зашли въ Украину въ началѣ XVIII ст. Его отецъ, Михаилъ, чашникъ брацлавскій, имѣлъ всего лишь три деревеньки въ нынѣшнемъ сквирскомъ у. Братъ послѣдняго, Войцѣхъ, занимавшійся отдачей денегъ взаймы подъ залогъ имѣній, этимъ путемъ составилъ себѣ изрядное состояніе и впослѣдствіи пріобрѣлъ сенаторскій титулъ каштеляна санокскаго. Рано потерявъ отца, молодой Мархоцкій былъ вынужденъ личными усиліями пробивать себѣ дорогу въ жизни: служилъ въ прусской военной службѣ подъ знаменами Фридриха II, затѣмъ

---

[1]) См., напр., воспоминанія Подолянина, помѣщенныя въ малор. альманахѣ „Нива“, изд. въ 1895 г.

[2]) Русскій Вѣстникъ, 1895 г., кн. 1 и 5.

состоялъ въ польской арміи, но карьеры не сдѣлалъ и въ 1783 г. вышелъ въ отставку всего лишь съ чиномъ майора. Скоро послѣ того умеръ его бездѣтный дядя Войцѣхъ, и отставной майоръ унаслѣдовалъ его значительное состояніе: м. Миньковцы (новоушицк. у. под. губ.) съ тремя фольварками и 12000 морговъ земли въ плодороднѣйшей и необыкновенно живописной мѣстности. Молодой помѣщикъ, еще въ ожиданіи этого наслѣдства, придумалъ цѣлую программу преобразованій, которыя должны были радикально измѣнить прежніе порядки въ имѣніи; но ему мѣшали спокойно заняться этимъ дѣломъ тогдашнія политическія тревоги и смуты. То были послѣдніе годы существованія Рѣчи-посполитой, ознаменованные, съ одной стороны, энергическими усиліями лучшихъ ея гражданъ путемъ общественныхъ и политическихъ реформъ спасти погибавшее отечество, а съ другой—упорнымъ противодѣйствіемъ этому движенію со стороны приверженцевъ стариннаго шляхетскаго самовластія, рѣшившихся съ оружіемъ въ рукахъ отстаивать неприкосновенность прежнихъ порядковъ. Нашъ Мархоцкій ухитрился одновременно числиться въ томъ и въ другомъ лагерѣ: онъ открыто заявлялъ сочувствіе идеямъ Четырехлѣтняго сейма и въ то же время принялъ званіе „совѣтника“ Тарговицкой конфедераціи въ подольскомъ воеводствѣ и гражданско-военнаго комиссара въ своемъ повѣтѣ. Когда же Польша совсѣмъ уже стояла на краю гибели и болѣе пылкіе изъ ея сыновъ рѣшились погибнуть вмѣстѣ съ нею подъ знаменами Костюшка, Мархоцкій также захотѣлъ оказать „ойчизнѣ“ послѣднюю услугу—послалъ королю проектъ защиты отечества: онъ совѣтовалъ сжечь города, села и деревни и населеніе всего государства выслать въ поле противъ непріятеля; въ первый огонь поставить старцевъ, калѣкъ и немощныхъ, которымъ нечего уже терять въ жизни; за ними должны пойти матери, жены, сестры, невѣсты и младенцы: ихъ гибель должна воодушевить отцевъ, братьевъ, жениховъ и т. под. Къ несчастью, короля увезли въ Вильну, и онъ не успѣлъ воспользоваться геніальнымъ предложеніемъ отважнаго эксъ-майора; послѣднему же ничего не оставалось, какъ безропотно подчиниться судьбѣ и всѣ силы

своего смѣлаго ума и организаторскаго таланта посвятить устройству принадлежавшаго ему громаднаго имѣнія. Пользуясь наступившимъ спокойствіемъ въ краѣ, по присоединеніи его къ Россіи, и полнымъ невмѣшательствомъ русскаго правительства въ патримоніальныя права польскихъ помѣщиковъ, Мархоцкій могъ теперь безпрепятственно заняться осуществленіемъ тѣхъ фантастическихъ проектовъ, съ какими онъ вступилъ во владѣніе нежданно доставшимся ему помѣстьемъ и какимъ онъ остался вѣренъ до самой смерти. Въ основаніи этихъ проектовъ лежали не одни экономическіе интересы и соображенія, не одна забота хозяйственнаго помѣщика объ увеличеніи своего благосостоянія, или филантропическое попеченіе о благоденствіи крестьянъ; нѣтъ, въ странныхъ затѣяхъ Мархоцкаго видна оригинальная политико-экономическая система, основанная на своеобразномъ представленіи его о роли и положеніи владѣльца въ его вотчинѣ и развитая съ тою прямолинейною послѣдовательностью, къ какой способны лишь мономаны. Передъ его взоромъ, окрыленнымъ буйной фантазіей, носился миражъ ни болѣе ни менѣе, какъ *собственнаго государства* (Mińkowieckiego państwa), въ которомъ онъ будетъ царовать, какъ добрый круль, „кохаючій“ своихъ подданныхъ и заботящійся объ ихъ благоденствіи. Въ этой маленькой Рѣчи-посполитой онъ заведетъ новые порядки въ духѣ Ж. Руссо и французскихъ энциклопедистовъ, идеями которыхъ онъ увлекался, и на практикѣ осуществитъ тѣ мечтанія, какими были одушевлены вожди „великаго сейма“ и творцы Майской конституціи. Мархоцкій началъ съ того, что завелъ у себя въ Миньковцахъ собственную типографію, изъ-подъ станковъ которой и вышелъ затѣмъ въ свѣтъ цѣлый рядъ sui generis законодательныхъ памятниковъ, каковы: „Право м. Маньковецъ“—для мѣщанъ; „Договоръ владѣльца съ подданными“—для крестьянъ; „Право шляхетское“—для однодворцевъ; „Право для чужеземцевъ“—раскольниковъ-великороссовъ, поселившихся въ его имѣніяхъ; „Уставы для управленія земель дѣдичныхъ“ и т. под. То были, по большей части, обширные трактаты, велерѣчиво трактовавшіе объ основахъ общежитія, о правахъ человѣка, о долгѣ подданныхъ, о договорномъ началѣ, какъ источникѣ права,

и другихъ высокихъ матеріяхъ. Какъ послѣдователь французскихъ энциклопедистовъ, Мархоцкій великодушно даровалъ своимъ иновѣрнымъ „подданнымъ“ (православнымъ, раскольникамъ, евреямъ) право безпрепятственно исповѣдывать свою религію, отмѣнилъ „панщину“ и натуральные въ пользу владѣльца поборы и замѣнилъ все это умѣреннымъ чиншемъ. Для управленія своимъ обширнымъ „панствомъ“ Мархоцкій завелъ очень сложную и многочисленную администрацію, учредилъ правильный судъ съ письменнымъ дѣлопроизводствомъ, а для осужденныхъ „подданныхъ“ придумалъ даже особое мѣсто ссылки въ въ предѣлахъ собственнаго „панства“—степное имѣніе на берегу Чернаго моря. Кто имѣлъ къ нему нужду, тотъ обязанъ былъ подать просьбу на особой, только въ „панствѣ Миньковецкомъ“ употреблявшейся, гербовой бумагѣ, цѣною отъ двухъ до шести грошей за листъ; но купчіе и дарственные акты, совершавшіеся въ Миньковецкомъ „гродѣ“, писались на бумагѣ высшаго достоинства. Лицамъ постороннимъ, обращавшимся къ нему по дѣлу, онъ давалъ формальныя аудіенціи, для чего въ его палацѣ имѣлась особая зала, куда онъ появлялся въ обстановкѣ владѣтельной особы, окруженный своими вассалами. Существуетъ даже такой анекдотъ, будто въ 1812 году, по вступленіи Наполеона въ предѣлы Россіи, Мархоцкій приказалъ поставить на межахъ своего помѣстья пограничные столбы и на нихъ прибить таблицы съ надписями: Granica państwa neutralnego Mińkowieckiego od państwa Rossyjskiego.

При такихъ непомѣрныхъ претензіяхъ, владѣльцу „нейтральнаго государства“ странно было бы довольствоваться скромнымъ фамильнымъ прозвищемъ, какимъ именовались его отецъ и дядя, каштелянъ санокскій. То было время, когда рѣдкій польскій панъ, если не въ обществѣ, то по крайней мѣрѣ у себя дома, хотя-бы собственной прислугой, не титуловался pan hrabia. И сколько такихъ „кредэнсовыхъ“ графовъ впослѣдствіи въ-серьезъ присвоило себѣ этотъ титулъ! Слѣдуя общей модѣ, и нашъ Мархоцкій съ 1796 года сталъ писаться „графъ Сциборъ-Мархоцкій“, а къ 1815 г. самъ пожаловалъ себѣ еще болѣе громкій титулъ: grabia Redux. И какъ же онъ

дорожилъ этимъ самодѣльнымъ титуломъ! Бывало, противникъ по тяжебнымъ дѣламъ пришлютъ ему судебный позовъ и въ немъ не пропишутъ ни „графа“, ни „Редукса“. И что же? Упрямый Мархоцкій ни за что не пріймете позва—и проиграетъ дѣло.

Не довольствуясь ролью полудержавнаго владыки въ своихъ обширныхъ помѣстьяхъ, Мархоцкій думалъ, что его назначеніе—быть не только добрымъ „паномъ“, отцемъ подданныхъ, но и „патріархомъ“ общины „своего народа“. Подъ старость онъ оставилъ обычный костюмъ и сталъ носить широкія одежды въ родѣ священническихъ, отростилъ бороду, вмѣсто палки употреблялъ пастораль. Еще въ 1796 г. онъ учредилъ въ Миньковцахъ религіозныя церемоніи 31 декабря (конецъ года) и 1-го января (начало года), въ которыхъ должны были принимать участіе всѣ его „подданные“ и жившая на его земляхъ чиншевая шляхта. Эти церемоніи состояли въ томъ, что въ мѣстномъ костелѣ совершалось торжественное богослуженіе, во время котораго самъ „дѣдичъ“, въ одеждѣ патріарха, всходилъ на амвонъ и произносилъ проповѣдь собственнаго сочиненія. Тексты этихъ проповѣдей сохранились въ рукописяхъ самого Мархоцкаго; онѣ довольно шаблонны и отличаются лишь тѣмъ, что, на ряду съ именами святыхъ, въ нихъ упоминаются въ почтительномъ тонѣ и имена Сенеки, Плинія, Тертулліана, Лукреція и даже Вольтера.. Каменецъ-подольскій бискупъ Мацкевичъ употреблялъ крайнія усилія, чтобы заградить уста непосвященному проповѣднику. Однажды, по его настояніямъ, была прислана въ Миньковцы команда солдатъ съ тайнымъ приказомъ—окружить костелъ во время богослуженія и лишь только помѣщикъ взойдетъ на амвонъ, заиграть въ трубы и ударить въ барабаны. Узнавъ о такомъ наказѣ, Мархоцкій перехитрилъ властей: велѣлъ подпоить солдатъ и въ назначенный часъ безпрепятственно произнесъ проповѣдь. Черезъ годъ снова являются трубачи и барабанщики, но уже подъ началомъ строгаго офицера, не поддающагося ни на какія искушенія. Едва Мархоцкій показался на амвонѣ съ тетрадкой, какъ за стѣнами деревяннаго костела раздался нѣмстовый грохотъ и визгъ. Ни

мало не смущаясь, ретивый проповѣдникъ прочелъ орацію до конца, хотя присутствовавшіе, конечно, не могли слышать ни одного слова. За то, выходя изъ костела, помѣщикъ приказалъ забрать всю костельную утварь, какъ его полную собственность, и отправить въ палацъ. Такъ какъ безъ утвари не могло быть совершаемо богослуженіе въ костелѣ, то бискупу пришлось уступить—и Мархоцкій могъ безпрепятственно забавляться въ роли церковнаго оратора.

Въ 1797 году онъ придумалъ новое „свято"—праздникъ „*обжинокъ*". Первоначально это празднество состояло въ томъ, что въ день Успенія Божьей Матери (15 августа), по окончаніи обѣдни въ костелѣ, совершался торжественный ходъ въ поле, куда заранѣе должны были прибыть изъ сосѣднихъ селъ православные священники съ прихожанами, и здѣсь происходило освященіе плодовъ оконченной жатвы, послѣ чего на особо устроенный амвонъ всходилъ панъ „дѣдичъ" и произносилъ приличную случаю проповѣдь. Вслѣдъ за тѣмъ изъ-за окружавшей толпы выступалъ рядъ плуговъ, украшенныхъ цвѣтами и колосьями. За первый, самый нарядный изъ такихъ плуговъ становился самъ помѣщикъ или его сынъ, за остальные—болѣе почетные изъ крестьянъ, и по данному сигналу начиналась оранка, при чемъ духовенство въ облаченіяхъ кропило св. водой свѣжія борозды. Въ такой формѣ новое „свято обжинокъ" не заключало ничего, противнаго религіи, и высшая духовная власть въ первое время относилась къ нему безразлично. Но Мархоцкій не удовольствовался первоначальной простотой обряда. Страстный любитель театральныхъ эффектовъ, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ до страсти увлекался классической миѳологіей, хорошо зналъ Гомера, Горація, Лукреція, сочинилъ басню о происхожденіи рода Мархоцкихъ отъ какого-то римскаго патриція и въ свою обиходную жизнь стремился ввести многія черты древне-римскаго быта. И вотъ праздникъ „обжинокъ", первоначально посвященный чествованію Пресвятой Дѣвы, сталъ постепенно принимать характеръ полуязыческаго празднества въ честь Цереры, богини жатвы и плодородія. Ритуалъ его значительно осложнился. На челѣ процессіи выѣзжалъ плугъ, запряженный четырьмя парами

чорныхъ воловъ съ позолоченными рогами, въ ярмахъ, обитыхъ бронзовыми бляхами и украшенныхъ разноцвѣтными лентами. На плугѣ сидѣлъ сынъ помѣщика, въ платьѣ аркадскаго пастушка; его окружали восемь красивыхъ дѣвушекъ въ крестьянскихъ нарядахъ. Въ центрѣ процессіи торжественно подвигалась высокая колесница, убранная дорогими тканями; тамъ на тронѣ возсѣдалъ Юпитеръ въ образѣ графа Редукса, въ длинной пурпурной мантіи, держа въ рукѣ жезлъ съ трезубцемъ. На ступеняхъ трона стояла молодая дѣвушка (чаще всего дочь Мархоцкаго) съ серпомъ въ рукѣ, въ костюмѣ Цереры. Колесницу окружали 12 дѣвушекъ въ бѣлыхъ платьяхъ, съ вѣнками на головахъ. За колесницей шелъ хоръ изъ паробковъ, нарочито обученныхъ въ существовавшей въ Миньковцахъ „Музыкальной академіи“; они несли въ рукахъ косы, цѣпы, грабли и др. земледѣльческія орудія и пѣли особыя пѣсни, сочиненныя „паномъ дѣдичемъ“. А за ними двигался огромный возъ, запряженный волами; тамъ помѣщался дворовый оркестръ; его игра поперемѣнно смѣнялась пѣніемъ хора. Вся эта оригинальная процессія была окружена цѣлымъ лѣсомъ разноцвѣтныхъ хоругвей, на которыхъ были написаны тексты изъ свящ. писанія, относящіеся къ земледѣлію. Шествіе замыкалось огромной массой экипажей и безчисленной толпой народа. Что ни годъ, то появлялись новыя детали въ этой церемоніи, все болѣе приближавшія ее къ полуязыческому празднеству, и самое названіе праздника „обжинокъ“ въ устахъ шляхты, съѣзжавшейся на него въ огромномъ числѣ, постепенно замѣнялось „праздникомъ Цереры“.

Около 15-ти лѣтъ Мархоцкій безпрепятственно забавлялся устройствомъ этого диковиннаго праздника, пока не поссорился съ мѣстнымъ бискупомъ, послѣ чего этотъ послѣдній сталъ преслѣдовать его какъ за проповѣдничество въ костелѣ, такъ равно и за чествованіе Цереры. Въ 1814 г. бискупъ Мацкевичъ прислалъ Мархоцкому формальное запрещеніе „справлять языческое празднество и тѣмъ вкоренять идолопоклонство среди вѣрныхъ католиковъ, ибо праздникъ Цереры вовсе не принадлежитъ къ числу христіанскихъ праздниковъ.“ Мархоцкій

остро отвѣтилъ бискупу и отказался исполнить его требованіе. Бискупъ обратился за содѣйствіемъ къ губернатору, каковымъ въ то время состоялъ Сан-При, католикъ. Послѣдній потребовалъ отъ Мархоцкаго выдачи подписки въ томъ, что онъ языческаго праздника справлять не будетъ. Мархоцкій отказался дать требуемую подписку и ближайшаго 15-го августа отправилъ обычную церемонію съ особенною торжественностью. Правда, мѣстный ксендзъ отказался принять участіе въ празднествѣ, но его охотно замѣнили два капуцина, приглашенные изъ сосѣдняго Дунаевецкаго кляштора. Оскорбленный ослушаніемъ губернаторъ потребовалъ Мархоцкаго въ Каменецъ для объясненій, но онъ не пріѣхалъ. Тогда бискупъ понялъ, что губернаторъ—плохой для него союзникъ, и обратилъ вниманіе подольскаго преосвященнаго Іоанникія на то, что въ празднествѣ Цереры принимаютъ участіе православные священники изъ имѣній Мархоцкаго и тысячи православныхъ его крестьянъ. Это такъ взорвало графа Редукса, что онъ написалъ бискупу оскорбительное письмо съ рѣзкимъ укоромъ за обращеніе къ содѣйствію „особъ, вѣрѣ нашей неприхильныхъ“, и назвалъ его не бискупомъ, а „духовнымъ генералъ-майоромъ“. Архіерей велѣлъ произвести дознаніе, въ результатѣ котораго всплыло дѣло, крайне характерное для личности Мархоцкаго: оказалось, что этотъ почитатель Вольтера и Руссо еще въ 1793—94 годахъ самоуправно разобралъ двѣ православныя церкви въ своихъ имѣніяхъ и отказался строить новыя, а колокола изъ нихъ велѣлъ передать въ костелы. Пока архіерей сносился съ синодомъ по этому дѣлу, Мархоцкій успѣлъ и въ 1816 г. отпраздновать безпрепятственно праздникъ Цереры. Но въ слѣдующемъ году въ самый день 15-го августа въ Миньковцы пріѣхалъ исправникъ съ полицейскими чинами и потребовалъ именемъ высшихъ властей, чтобы обычная въ этотъ день церемонія не была совершена. Мархоцкій отвѣтилъ, что онъ очень радъ пріѣзду исправника и непремѣнно исполнитъ церемонію, чтобы тотъ лично убѣдился, что въ ней нѣтъ ничего противнаго вѣрѣ и законамъ. Послѣ долгихъ безполезныхъ пререканій, исправникъ обратился къ собравшимся на торжество громадамъ крестьянъ съ приказаніемъ

разойтись по домамъ; но они не послушались. Обычное торжество совершилось безъ помѣхи. Исправникъ уѣхалъ, но на другой день возвратился съ сотней козаковъ и арестовалъ упорнаго „дѣдича“. Его привезли въ Каменецъ и обязали подпискою о невыѣздѣ изъ города. Но онъ не давалъ покоя ни губернатору, ни бискупу, ни другимъ властямъ, ходилъ по городу въ своемъ костюмѣ патріарха и благословлялъ сопровождавшую его толпу. Его недолго подержали и отпустили домой съ угрозой строжайшаго взысканія въ случаѣ дальнѣйшаго упорства. Но и въ 1817 году, несмотря на всѣ препятствія, праздникъ Цереры состоялся, хотя безъ участія духовенства; роль жреца исполнилъ самъ „панъ грабья.“ За это его снова увезли въ Каменецъ и на этотъ разъ уже посадили подъ стражу. Тутъ онъ, сидя въ заключеніи, послалъ бискупу формальное прошеніе о посвященіи его въ ксендзы: имѣетъ-де онъ съ молодыхъ лѣтъ призваніе къ апостольскимъ трудамъ и остатокъ дней своихъ желаетъ посвятить на служеніе св. церкви. Мицкевичъ не зналъ, какъ отдѣлаться отъ такого „ставленика“.

Не извѣстно, чѣмъ бы все это окончилось, но тутъ случился царскій пріѣздъ въ Каменецъ. Отъ родни и друзей Мархоцкаго посыпались жалобы, просьбы о защитѣ. Государь узналъ все дѣло, лично выслушалъ узника—и повелѣлъ оставить въ покоѣ старца, который хотя и чудачитъ, но оказывается хорошимъ помѣщикомъ по отношенію къ своимъ крестьянамъ.

Съ тѣхъ поръ и до конца жизни Мархоцкій безпрепятственно отправлялъ ежегодно праздникъ Цереры съ участіемъ ксендзовъ и православныхъ священниковъ. Онъ такъ дорожилъ этимъ празднествомъ, что и сыну завѣщалъ, подъ угрозой неблагословенія, неизмѣнно совершать его. Умеръ Мархоцкій въ 1827 году.

Приводимъ теперь въ извлеченіи подробное описаніе праздника Цереры, заимствованное изъ воспоминаній польскаго мемуариста Фр. Ковальскаго, бывшаго въ 1823 году очевидцемъ

этого оригинальнаго торжества [1]). Предупреждаемъ лишь читателей, что Ковальскій, слѣдуя общей всѣмъ польскимъ мемуаристамъ манерѣ идеализировать свое магнатство, рисуетъ личность Мархоцкаго такими чертами, которыя вовсе не соотвѣтствовали дѣйствительности.

Приближался (разсказываетъ Ковальскій) день 15-августа, и мнѣ очень хотѣлось побывать въ Миньковцахъ и увидѣть блестящій и оригинальный праздникъ Цереры, о которомъ я давно слышалъ, какъ о дивѣ. Это—праздникъ *обжинокъ* (окончанія жатвы) и вмѣстѣ день Успенія Богородицы, которую старый графъ (Мархоцкій) чествовалъ нарочито торжественной службой, благодаря Ее за обильную жатву и молясь о ниспосланіи будущаго урожая. Понравилось ему этотъ христіанскій праздникъ назвать миѳологическимъ именемъ Цереры, богини жатвы, и это не укрылось отъ вниманія властей, которыя стали чинить ему разныя препятствія въ отправленіи этого празднества; тѣмъ не менѣе графъ Мархоцкій до самой смерти чествовалъ этотъ день подъ именемъ Цереры.

Мѣстечко Миньковцы расположено въ мѣстности живописной. Уже за милю видны красивыя ущелья и поросшія лѣсомъ горы Миньковецкія. Дорога постепенно понижается и наконецъ тонетъ въ живописномъ яру, очень похожемъ на то ущелье, которымъ въѣзжаютъ въ Кременецъ. На днѣ огромной долины, обрамленной отвѣсно спадающими высотами, разомъ показывается мѣстечко, съ одной стороны окаймленное быстрою рѣчкою Ушицею, приводящею въ движеніе большія мельницы, отъ которыхъ не осталось теперь и слѣда, а съ другой оттѣненное высокими горами, съ вершины которыхъ далеко виднѣется обширное плоскогоріе, перемежаемое зелеными лѣсами и пшеничными нивами. Не доѣзжая плотины, дорога, обсаженная тополями, поднимается вправо на возвышенный холмъ съ обширнымъ дворомъ, обнесеннымъ каменнымъ заборомъ и огромными

---

[1]) Wspomnienia. Pamiętnik Franciszka Kowalskiego, t. I—II. Kiiow, 1859.

воротами, на которыхъ пестрѣли латинскія надписи изъ Цицерона, Порція, Катона, Виргилія, Горація и др. Это—*Бэльмонтъ* (Belmont). Здѣсь стоялъ въ то время небольшой замокъ, въ которомъ давались балы въ праздникъ Цереры. За Бэльмонтомъ по дорогѣ, выходящей въ поле, снова стояла арка съ надписями. На горѣ, влѣво отъ дороги, среди огромнаго лана сжатой уже пшеницы, стоялъ сложенный изъ камня какъ-бы памятникъ, формой напоминающій римское *rostrum*: мнѣ объяснили, что то былъ олтарь въ нѣсколько ступеней, или каѳедра, съ которой старый Мархоцкій, во время церемоній праздника Цереры, говорилъ рѣчи къ крестьянамъ, съ латинскими цитатами, заоочивая ихъ къ земледѣльческому труду. Надо замѣтить, что графъ Мархоцкій никогда не называлъ своихъ подданныхъ *хлопами*, гнушаясь этимъ унизительнымъ именемъ, а величалъ ихъ *rolnikami*, т. е. хлѣбопашцами, а вмѣсто „панщины“ употреблялъ терминъ *robocizna*. Любилъ онъ своихъ крестьянъ, былъ для нихъ отцемъ, а не паномъ, и они его искренно любили. Каждое село его (а было ихъ у него болѣе десятка) имѣло при въѣздѣ каменныя ворота, на которыхъ крупными буквами было означено названіе села и имя владѣльца, а въ Миньковцахъ существовала типографія, изъ которой выпускались печатные приказы экономамъ, управителямъ и крестьянамъ.

Наканунѣ 15-го августа, вечеромъ, мы прибыли въ Миньковцы, гдѣ все уже было готово къ завтрашнему празднику. Мѣстечко показалось мнѣ довольно благоустроеннымъ, съ порядочнымъ базаромъ и значительнымъ числомъ каменныхъ домовъ; костелъ лишь былъ малъ и непоказной. Въ данное время въ Миньковцахъ было полно народа, собравшагося съ разныхъ сторонъ; сельскія громады со всѣхъ имѣній Мархоцкаго расположились обозами на базарной площади и на предмѣстьяхъ; почти всѣ дома были заняты приглашенными обывателями шляхтичами и ихъ семействами, и многіе изъ гостей размѣстились въ Бэльмонтѣ. Купцы, съѣхавшіеся изъ м. Дунаевецъ, Каменца и даже изъ Бердичева, разложили въ лавкахъ свои товары, и съ разныхъ концовъ мѣстечка слышна была музыка. Едва наступила ночь, какъ все мѣстечко, предмѣстья, замокъ Бэльмонтъ

и даже сосѣднія скалы запылали огнями, между которыми смоляныя бочки, пылавшія на декорированныхъ зеленью воротахъ и башняхъ и на многихъ, болѣе выдающихся скалахъ, казались солнцами. Въ „Рыцарскомъ замкѣ“ на Бельмонтѣ данъ былъ для гостей блестящій ужинъ; здѣсь я былъ представленъ почтенному хозяину, съ молодымъ сыномъ котораго познакомился раньше.

Графъ Якса-Сциборъ-Мархоцкій, семидесятилѣтній старикъ, владѣлецъ большихъ имѣній, славился по цѣлому Подолью своей ученостью, радушіемъ, патріархальностью и полнымъ отсутствіемъ аристократической спеси. Почтенная его наружность, знаніе свѣта, гостепріимство и привѣтливость снискали ему всеобщее уваженіе. На его приглашенія съѣзжалось въ Миньковцы безчисленное множество гостей; кто не могъ помѣститься въ „Рыцарскомъ замкѣ“, для тѣхъ отводились, по его приказу, заранѣе очищенные дома въ самомъ мѣстечкѣ и его предмѣстьяхъ. Все, что было нужно для содержанія гостей, ихъ слугъ и лошадей, доставлялось изъ его экономіи. Въ теченіе нѣсколькихъ дней, пока продолжались празднества, его слуги съ ранняго утра навѣщали всѣхъ гостей, разнося и развозя имъ, что нужно: чай, кофе, шеколадъ и т. под. Никто не бывалъ забытъ, каждый получалъ все, чего хотѣлъ; ибо какъ самъ владѣлецъ былъ неисчерпаемымъ кладеземъ разума, знанія, сочувствія къ ближнему, такъ его дворъ былъ неисчерпаемымъ рогомъ изобилія для всѣхъ.

Въ тотъ вечеръ гости, послѣ ужина въ Бельмонтскомъ замкѣ, разошлись по квартирамъ для отдыха, чтобы быть готовыми къ завтрашнему празднеству. Лишь наступило утро, начался рядъ торжествъ фантастическаго праздника *обжинокъ*, день, памятный въ исторій Миньковецъ подъ именемъ Цереры. Съ разсвѣта началось движеніе. Прибывшее съ разныхъ мѣстъ духовенство готовилось къ службамъ и церковнымъ обрядамъ; костелъ былъ окруженъ народомъ. Молодой Карлъ Мархоцкій объѣзжалъ всѣхъ гостей и отъ имени отца приглашалъ ихъ въ „Рыцарскій замокъ“, чтобы вмѣстѣ отправиться оттуда въ костелъ къ обѣднѣ, которая имѣла начаться въ десятомъ часу.

Тотчасъ всѣ отправились въ замокъ въ своихъ или графскихъ экипажахъ, такъ какъ нѣсколько его каретъ и колясокъ всегда было къ услугамъ гостей.

Къ восьми часамъ богослуженіе въ церквахъ было окончено. Крестьяне со всѣхъ графскихъ селъ двигались правильными колоннами подъ предводительствомъ своихъ экономовъ и войтовъ и становились двумя шеренгами по обѣ стороны дороги, ведущей отъ костела до самаго Бѣльмонта. На челѣ этой живой улицы, при выходѣ изъ „Рыцарскаго замка", стали, также въ двѣ шеренги, сто самыхъ красивыхъ крестьянскихъ дѣвушекъ; всѣ онѣ были одѣты въ лучшія платья и каждая имѣла въ рукахъ огромный букетъ изъ полевыхъ цвѣтовъ, а на головѣ вѣнокъ изъ пшеничныхъ колосьевъ. Далѣе за ними стояли въ двѣ шеренги молодыя замужнія женщины, держа въ рукахъ серпы и корзины съ фруктами; за ними—молодые паробки, у которыхъ на плечахъ были грабли, косы, цѣпы; наконецъ, уже вблизи костела, стояли ряды пожилыхъ и старыхъ крестьянъ съ палками въ рукахъ. За шеренгами толпились остальныя крестьянскія массы, держа укрѣпленные на длинныхъ палкахъ разноцвѣтные бумажные фонари; каждое село имѣло фонари особаго цвѣта: розовые, пунцовые, желтые, зеленые, голубые и проч.

Черезъ нѣсколько времени по этой живой и пестрой улицѣ двинулся изъ Рыцарскаго замка въ костелъ огромный караванъ изъ пятидесяти съ чѣмъ-то экипажей: каретъ, колясокъ, фаетоновъ, переполненныхъ гостями, а на челѣ каравана ѣхалъ самъ графъ Сциборъ-Якса-Мархоцкій въ бархатной малиновой тогѣ съ широкими рукавами, расшитой золотыми пчелами. Почтенный старецъ съ бѣлой длинной бородой въ этомъ фантастическомъ костюмѣ своимъ величественнымъ видомъ напоминалъ іудейскаго первосвященника или же римскаго sacerdos flaminius. Онъ возсѣдалъ на высокой фантастической колесницѣ, декорированной коврами и дорогими тканями, держа въ рукѣ длинный позолоченный жезлъ въ родѣ того, какой носятъ бискупы. Рядомъ съ нимъ сидѣла его дочь Эмилія, которая въ этотъ день изображала богиню Цереру.

Въ то время въ костелѣ отправлялась тихая мша; но едва вступило въ нее прибывшее блестящее общество, тотчасъ заиграла музыка и началась торжественная обѣдня, во время которой Миньковецкое *братство* пѣло псалмы Давида, переведенные съ еврейскаго языка самимъ графомъ, который, при всей учености, отличался великимъ благочестіемъ. Послѣ приличной случаю проповѣди и по окончаніи обѣдни, вышла изъ костела торжественная процессія, обошла его три раза и направилась за мѣстечко, на почтовую дорогу, къ тому мѣсту, гдѣ среди поля, на одной изъ господствующихъ надъ мѣстечкомъ возвышенностей, стоялъ каменный алтарь въ нѣсколько ступеней, о которомъ выше упомянуто. За процессіей, посреди двухъ рядовъ крестьянъ, установленныхъ въ томъ же порядкѣ, какъ раньше по пути изъ Бѣльмонта въ костелъ, медленно подвигалась графская колесница и за ней длинный рядъ экипажей. Прибывъ на мѣсто, сельскія громады сомкнутыми колоннами расположились вокругъ алтаря по лѣвой сторонѣ дороги; по правой же, на другомъ лану, стояло множество возовъ съ яствами и напитками, и на разложенныхъ кострахъ готовился обѣдъ для народа. Шляхетная же публика, въ числѣ которой находились и военные, приглашенные графомъ,—генералъ, полковникъ и много офицеровъ,—оставались въ экипажахъ, чтобы удобнѣе было видѣть происходившій предъ ними фантастическій обрядъ. Начались молитвы и церковное пѣніе; ксендзы торжественно освящали сложенные на алтарь цвѣты, фрукты и вѣнки изъ пшеничныхъ колосьевъ. По окончаніи этой церемоніи графъ Мархоцкій поднялся по ступенькамъ алтаря и оттуда, будто съ каѳедры, среди торжественной тишины громкимъ голосомъ началъ рѣчь, обращаясь ко всѣмъ собравшимся, преимущественно же къ крестьянамъ. Онъ говорилъ о важномъ значеніи настоящаго праздника, о долгѣ благодарности по отношенію къ Богу за всѣ плоды земные, за богатые урожаи, которые Онъ благоволитъ ниспосылать намъ грѣшнымъ; о трудѣ, безъ котораго не можемъ пользоваться милостью Божьей; объ обязанностяхъ крестьянъ по отношенію къ господамъ и господъ по отношенію къ подданнымъ; о трезвости, согласіи и взаимной любви; говорилъ

также о земледѣліи, какъ главномъ источникѣ богатства и счастья народовъ, и убѣждалъ своихъ *rolników* быть усердными и трудолюбивыми земледѣльцами; а въ подтвержденіе своихъ доводовъ ставилъ имъ въ примѣръ Римлянъ, какъ народъ земледѣльческій, и цитировалъ Порція, Катона, Виргилія и даже нѣсколько стиховъ изъ *георгикъ*, что для многихъ слушателей было весьма мало, а для крестьянъ и вовсе не понятно. Окончилъ свою рѣчь колѣнопреклоненной молитвой къ Пресвятой Дѣвѣ, которую собраніе выслушало благоговѣйно, съ обнаженными головами.

Въ ту же минуту, по данному знаку, разступилась толпа народа, и глазамъ зрителей показалось великое множество, около сотни, шести-воловыхъ плуговъ, а на челѣ ихъ изящный, выкрашенный въ зеленый цвѣтъ и запряженный шестью черными волами съ позолоченными и расцвѣченными рогами плугъ, за которымъ шелъ молодой графъ Карлъ, одѣтый въ крестьянское платье, съ сумкой черезъ плечо. Тотчасъ всѣ *плугачи* крикнули громкое: *гей!* и начали пахать. Молодой Карлъ провелъ первую борозду, и разомъ на полѣ появилась сотня бороздъ, правильно проведенныхъ, подъ надзоромъ экономовъ и войтовъ. Въ прежнее время, пока старый графъ былъ помоложе, онъ лично велъ первый плугъ, но въ старости передалъ эту роль сыну.

Обратившись еще разъ съ рѣчью къ крестьянамъ, которые отвѣчали на нее сердечными возгласами, графъ Мархоцкій перешелъ съ гостями на другой ланъ, черезъ дорогу, гдѣ уже были приготовлены столы съ яствами и напитками для народа, и прежде всего провозгласилъ тостъ за здоровье Монарха, подъ благополучнымъ правленіемъ котораго такъ процвѣло земледѣліе и край наслаждается счастливымъ миромъ. Массы крестьянъ съ энтузіазмомъ повторили этотъ тостъ и чинно принялись за ѣду. Цѣлый день продолжалось ихъ угощеніе, но пьянства не было. Простившись наконецъ съ своими подданными, которые должны были вечеромъ и на всю ночь прибыть въ замокъ Бэльмонтъ, графъ пригласилъ всѣхъ гостей къ себѣ на завтракъ и обѣдъ и сѣлъ въ ожидавшую его на дорогѣ коляску. Всѣ гости также размѣстились по экипажамъ и тронулись къ мѣстечку; лишь са-

мая малая часть ихъ разъѣхалась по домамъ. Тѣмъ и закончилась, около двухъ часовъ по-полудни, первая, церковная часть программы празднества.

Вторая, исключительно свѣтская и фантастическая, происходила на Бэльмонтѣ, въ Рыцарскомъ замкѣ. Пока въ полѣ крестьяне ѣли, пили, забавлялись и распѣвали пѣсни, превознося до небесъ добраго пана, который ихъ жаловалъ и теперь такъ щедро кормилъ и поилъ, въ Бэльмонтѣ происходилъ роскошный, изысканный завтракъ, продолжавшійся почти до вечера, послѣ чего гости осматривали замокъ, башни и арки, украшенныя гирляндами изъ цвѣтовъ, и небольшой садъ, спускавшійся до самой рѣки, на мѣстѣ котораго теперь остались однѣ голыя скалы. Среди замковаго двора былъ построенъ громадныхъ размѣровъ, сложенный изъ досокъ, крытый павильонъ, куда вечеромъ долженъ былъ собраться народъ.

Лишь только наступили сумерки, изъ оконъ замка открылось великолѣпное зрѣлище: на склонѣ горы, на которой происходила утренняя церемонія, показались безчисленныя разноцвѣтныя звѣздочки. Казалось, будто волшебные рои свѣтляковъ, причудливо сплетаясь и развиваясь, огненнымъ потокомъ медленно текли въ долину и затѣмъ поднимались на гору, по направленію къ замку: то громады народа съ зажженными разноцвѣтными фонарями возвращались съ поля, гдѣ происходило цѣлодневное для нихъ угощеніе, и тихо, безъ шума, среди пылавшихъ по дорогѣ смоляныхъ бочекъ, среди торжественныхъ звуковъ нѣсколькихъ оркестровъ, подвигались къ замку, котораго башни, арки, стѣны и даже карнизы разомъ освѣтились плошками, лампами, фонарями и смоляными бочками. Всѣ гости вышли на балконъ и на дворъ, любуясь восхитительнымъ зрѣлищемъ. Массы народа вошли въ дворъ замка и чинно расположились вокругъ приготовленныхъ для нихъ столовъ съ напитками: пивомъ, водкой, медомъ, наливками, а въ нѣкоторомъ отдаленіи стояло два или три оркестра. Почтенный хозяинъ вышелъ привѣтствовать своихъ крестьянъ; они его окружили съ криками радости. Спросилъ онъ ихъ затѣмъ: не-голодны ли они и довольны ли его угощеніемъ?

— „Довольны, довольны, нашъ пане, нашъ батьку!"—закричали всѣ въ неописанномъ восторгѣ радости, умиленія и благодарности, какими были къ нему проникнуты.

— Дѣти мои!—сказалъ онъ имъ далѣе.—Первое дѣло—это Богъ и Его святой промыслъ, а второе—трудъ! Если вы съ Божьей милостью будете трудиться, Богъ вамъ поможетъ, вы все будете имѣть и будете счастливы.

Въ отвѣтъ на эти слова уважаемаго и любимаго помѣщика на лицахъ честныхъ селянъ отразилось необычайное волненіе; они цѣловали ему руки, ноги, колѣни, и онъ, растроганный, освободившись изъ ихъ объятій, вошелъ въ павильонъ и за нимъ всѣ, сколько могли въ немъ помѣститься. Мы, гости, уже раньше ожидали въ павильонѣ. То была, какъ мы сказали, громадныхъ размѣровъ зала, сложенная изъ досокъ, безъ потолка, съ высокой кровлей на столбахъ, обвитыхъ цвѣтами и вѣтвями зелени; въ ней помѣщалось нѣсколько сотъ человѣкъ. Вся она была залита свѣтомъ отъ множества люстръ, канделябръ и лампъ; однихъ люстръ, по сотнѣ свѣчей въ каждой, было въ ней 8, а вдоль стѣнъ, уставленныхъ зеркалами и убранныхъ разнообразными цвѣтами и листьями, горѣло безчисленное множество свѣчей. Со стороны входа павильонъ былъ открытъ, а противоположная сторона сверху донизу была задрапирована, какъ въ театрѣ, занавѣсью, на которой нарисовано было миѳологическое изображеніе жатвы. Полъ въ павильонѣ покрытъ былъ сѣрымъ сукномъ—издѣліемъ Миньковецкой фабрики.

Когда зала наполнилась гостями и крестьянами, нашимъ глазамъ представилась пышная, фантастическая сцена. Передъ занавѣсью оставленъ былъ небольшой свободный полукругъ, въ центрѣ котораго сталъ самъ графъ Сциборъ съ важнымъ видомъ, въ своей величественной тогѣ. По данному имъ знаку взвился занавѣсъ—и мы увидѣли подъ злато-пурпуровымъ балдахиномъ блестящій тронъ, на которомъ возсѣдала одна изъ дочерей графа, Эмилія, дама необычайной въ то время красоты, въ миѳологическомъ нарядѣ, изображавшая собою богиню Цереру, съ приличными этой роли символами. Передъ ней стоялъ покрытый пурпуровымъ бархатомъ съ золотой бахромой, кистя-

ми и позументами столъ, на которомъ лежали цѣлые бунты прекрасныхъ лентъ и нѣсколько кучъ серебряныхъ рублей. Ея прекрасное лицо съ выраженіемъ важности и какой-то задумчивости внушало зрителямъ невольное почтеніе и уваженіе. Черезъ нѣсколько минутъ двѣнадцать красивѣйшихъ крестьянскихъ дѣвушекъ въ очень красивыхъ деревенскихъ нарядахъ, съ вѣнками изъ пшеничныхъ колосьевъ на головахъ, съ почтительнымъ видомъ подошли къ трону богини; каждая по очереди, преклонивъ предъ ней колѣно, цѣловала ея руку, а богиня съ очаровательной улыбкой у каждой снимала съ головы вѣнокъ, слагала его на столѣ предъ собой и, взявъ ленту, сама повязывала дѣвушкамъ головы и дарила каждой по серебряному рублю. Осчастливленныя этимъ дѣвушки, вручивъ каждая свою дань богинѣ и получивъ отъ нея награду, по очереди возвращались на свои мѣста; а во время всей этой сцены сельскіе хоры распѣвали *обжиночныя* пѣсни. Невозможно выразить всей прелести этой восхитительной, театральной картины!

Наконецъ, когда удалилась послѣдняя изъ дѣвушекъ, графъ Сциборъ приказалъ подать ему большой бокалъ съ виномъ, поднялъ его вверхъ и громко возгласилъ:

— Теперь я пью за здоровье моихъ трудолюбивыхъ, честныхъ и kochanych rolników! Да здравствуютъ они, работаютъ и будутъ счастливы!

Онъ выпилъ бокалъ, а громады отвѣтили ему громкими криками:

— Да здравствуетъ нашъ добрый панъ, нашъ батько!—и затѣмъ стали пить и гулять въ теченіе цѣлой ночи, а музыка оживляла ихъ сердца и ноги. Веселые крестьяне съ женами и дѣтьми наводнили всю залу, старшіе засѣли вокругъ столовъ съ яствами и напитками, а молодые танцовали до упаду, съ соблюденіемъ, однако, полной благопристойности, безъ криковъ и галасовъ. А хозяинъ, простившись съ ними и предоставивъ имъ полную свободу веселиться, пригласилъ своихъ гостей въ покои замка. Мы подали руки дамамъ и вошли въ замокъ гдѣ насъ ожидалъ чай, пирожное, конфекты, варенье, фрукты, оркестръ и затѣмъ самый блестящій балъ, продолжавшійся до

шести часовъ утра. Лишь послѣ восхода солнца крестьяне разошлись съ пѣснями, а гости стали разъѣзжаться по квартирамъ для сна и отдыха.

Такъ происходилъ въ Миньковцахъ праздникъ Цереры, который я самъ нѣкогда видѣлъ и въ которомъ, кромѣ имени богини, ничего не было миѳологическаго или языческаго. Съ тѣхъ поръ минуло болѣе 30-ти лѣтъ [1]), я могъ позабыть какія-либо мелкія подробности, такъ какъ трудно быть вполнѣ точнымъ, повѣствуя о событіяхъ давно минувшихъ, но главнѣйшіе моменты празднества, которые произвели на меня очень сильное впечатлѣніе, я старался точно передать въ моемъ описаніи.

Но празднество этимъ не окончилось. Когда гости оставляли балъ и разъѣзжались по квартирамъ, достопочтенный хозяинъ привѣтливо просилъ, чтобы они, отдохнувъ, благоволили ласково принять его визиты, которые онъ считалъ себя обязаннымъ сдѣлать всѣмъ, благосклонно принявшимъ его приглашенія, чтобы онъ могъ лично убѣдиться въ томъ, были ли предоставлены имъ всѣ удобства, какъ онъ того желалъ, и чтобы поблагодарить ихъ за доставленное ему удовольствіе посѣщеніемъ его дома. Едва гости пробудились отъ долгаго сна, графскіе слуги развозили имъ утренній чай и кофе, а въ третьемъ часу по-полудни графъ съ дочерью и сыномъ всѣхъ навѣстили, не позабывъ ни о комъ. Но гости, хотя и собирались разъѣзжаться по домамъ, должны были исполнить усильныя просьбы любезнаго хозяина и остались еще на два дня. Въ тотъ день онъ сдѣлалъ для нихъ блестящій балъ въ Отроковѣ, а на другой—въ Побуйной или въ залахъ Притулійскаго палаца, гдѣ гости видѣли много прекраснаго, въ особенности любовались большимъ паркомъ и садомъ съ фонтанами, водопадами, скалами; все это было устроено съ большимъ вкусомъ. Этотъ Притулійскій садъ славился по цѣлому Подолью и привлекалъ туристовъ со всѣхъ сторонъ. Нынѣ все это исчезло: на мѣстѣ садовъ остались дикіе пустыри, а каменныя стѣны превратились въ грузъ и щебень.

---

[1]) Фр. Ковальскій писалъ свои „*Воспоминанія*“ въ 1850-хъ годахъ.

Тихій, скромный, добрый, полный патріархальныхъ доблестей и богато одаренный талантами и знаніемъ, графъ Сциборъ самъ былъ учителемъ своихъ дѣтей, училъ ихъ всѣмъ наукамъ, рисованію и музыкѣ. Сынъ его Карлъ, котораго я близко знаю, вышелъ настоящимъ ученымъ и хорошимъ піанистомъ.

За нѣсколько лѣтъ до смерти Мархоцкій приказалъ построить для себя въ Притулійскомъ паркѣ сельскую хату объ одномъ покоѣ, перегороженномъ на двѣ половины; переселившись сюда изъ роскошныхъ палатъ, онъ въ этомъ скромномъ жилищѣ спокойно и съ чистымъ сердцемъ ожидалъ смерти. Мебель для этой хаты онъ приказалъ сдѣлать простому столяру; красное дерево, сандалъ и черное дерево уступили мѣсто скромному дубу. На дворѣ, покрестьянски огороженномъ простымъ плетнемъ, было двѣ собаки, двѣ коровы, нѣсколько куръ и пѣтухъ, который возвѣщалъ ему время полуночи и восхода солнца. Это сельское хозяйничанье, этотъ новый строй своей жизни старый философъ называлъ *„примиреніемъ съ натурой и возвратомъ къ естественному состоянію человѣка“*. Надъ дверями своей хаты онъ прибилъ каменную таблицу съ надписью: *Inveni portum. Spes et fortuna valete! Stat me lusistis, ludite nunc alios* [1]).

Въ этой хатѣ семидесятилѣтній съ чѣмъ-то старецъ окончилъ свою честную жизнь. Похоронили его въ Притулійскомъ саду, гдѣ находятся могилы и его семьи.

О. Л.

[1]) Я нашелъ пристань. Прощайте, надежда и счастье! Довольно меня вы обманывали, обманывайте теперь другихъ.

Къ исторіи малороссійскихъ козаковъ въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX вѣка[1]).

VII.

Уставъ объ управленіи малороссійскими козаками отъ 17 января 1834 г.—Инструкція главной хозяйственной конторѣ „о порядкѣ производства дѣлъ.“—Инструкція „о произведеніи переписей козаковъ и опредѣленіи ихъ повинностей.“— О дозволеніи козакамъ поступать въ духовное званіе.—Князь Н. Г. Репнинъ требовалъ отъ попечителей высказывать мнѣнія о нуждахъ подчиненныхъ имъ козаковъ.— Попечитель переяславской конторы Н. Г. Краснокутскій.—Увольненіе князя Н. Г. Репнина отъ должности малороссійскаго генералъ-губернатора. — Измѣненія въ уставѣ 1834 г.—Причина паденія князя Н. Г. Репнина.

Князь Н. Г. Репнинъ еще въ 1832 г. въ приведенномъ нами выше всеподданнѣйшемъ рапортѣ[2]) настаиваетъ на необходимости „усовершенствованія внутренняго управленія козаковъ“ и упоминаетъ о томъ, что онъ „*составилъ особыя правила, относящіяся къ улучшенію нынѣшняго устройства волостныхъ и сельскихъ правленій и вообще всѣхъ частей внутренняго управленія.*“

Въ вышепомѣщенномъ письмѣ[3]) къ князю В. П. Кочубею князь Репнинъ говоритъ также между прочимъ слѣдующее: „повторяю то, что я уже сто разъ говорилъ—нужно дать козакамъ новый административный строй, дать имъ защитниковъ болѣе или менѣе доступныхъ и поставить ихъ совершенно внѣ подчиненія казеннымъ палатамъ, учредивъ для нихъ *особую конто-*

---

[1]) См. „Кіевск. Стар.“ 1897 г., № 11.

[2]) „Кіев Стар.“ 1897 г., октябрь, стр. 123.

[3]) Кіев. Стар. 1897 г. ноябрь, стр.

ру, на подобіе департамента удѣловъ—это единственный способъ искоренить злоупотребленія и притѣсненія нижнихъ земскихъ судовъ и дѣйствующихъ за одно съ ними „пановъ."

На этотъ разъ настоянія князя Репнина были приняты во вниманіе, и 17 января 1834 г. былъ обнародованъ новый „уставъ объ управленіи малороссійскими козаками." [1])

Согласно этому уставу главное попеченіе о малороссійскихъ козакахъ ввѣрялось малороссійскому генералъ-губернатору, который дѣлалъ свои распоряженія въ отношеніи общаго гражданскаго управленія чрезъ посредство общихъ губернскихъ и уѣздныхъ учрежденій. Въ отношеніи суда, по дѣламъ гражданскимъ, козаки, сохраняя права, прежде имъ дорованныя и подтвержденныя указомъ 25 іюня 1832 г., пользовались тѣми-же судебными учрежденіями, что и до обнародованія новаго устава; по дѣламъ уголовнымъ, козаки, не состоявшіе на дѣйствительной военной службѣ, подлежали общему уголовному суду, причемъ признанные по суду виновными въ преступленіи и подлежащими ссылкѣ въ Сибирь, или зачисленія въ солдаты, исключались изъ козачьяго сословія, лишались правъ и преимуществъ, дарованныхъ этому сословію, и отданные въ солдаты продолжали уже военную службу на общихъ основаніяхъ.

Ближайшее завѣдываніе всѣми дѣлами козачьяго сословія было поручено особому вновь учрежденному присутственному мѣсту, подъ названіемъ главной хозяйственной конторы для малороссійскихъ козаковъ; въ эту контору были переданы всѣ дѣла, касавшіяся козаковъ, изъ черниговской и полтавской казенныхъ палатъ, и она, наравнѣ съ этими послѣдними, состояла въ вѣдѣніи министерства финансовъ, будучи въ тоже время подъ ближайшимъ надзоромъ малороссійскаго генералъ-губернатора; для большаго удобства въ отношеніи этого надзора ей было назначено мѣстопребываніе въ Полтавѣ, мѣстѣ оффиціальнаго жительства генералъ-губернатора.

Главная хозяйственная контора состояла изъ предсѣдателя, трехъ совѣтниковъ и секретаря; кромѣ того, при конторѣ нахо-

---

[1]) П. С. З. № 6727.

дились бухгалтеръ, землемѣръ съ помощникомъ и нужное число чиновниковъ.

Главной конторѣ были подчинены попечительныя конторы, которыя учреждались по мѣрѣ надобности въ уѣздныхъ городахъ въ мѣстахъ наибольшаго разселенія козаковъ; въ завѣдываніи каждой попечительной конторы находилось около 40000 ревизскихъ душъ мужескаго пола. Конторы эти состояли изъ попечителя, его помощника, стряпчаго и четырехъ канцелярскихъ служителей.

Попечительнымъ конторамъ были подчинены козачьи волостныя правленія, въ вѣдѣніи которыхъ состояло отъ 4000 до 6000 душъ; въ составъ этихъ правленій входили голова, два старшины, два добросовѣстныхъ судьи, волостной казначей и писарь. Волостныя правленія были учреждены въ мѣстахъ постоянной осѣдлости козаковъ, по возможности въ центральныхъ селеніяхъ, по имени которыхъ и назывались.

Хотя волостныя правленія были непосредственно подчинены попечительнымъ конторамъ, но они обязаны были исполнять всѣ требованія общей полиціи, хотя-бы и стѣснительныя для козаковъ; въ послѣднемъ случаѣ, по исполненіи требованія, они могли просить защиты и покровительства у подлежащей попечительной конторы.

Каждому волостному правленію были подчинены станы, заключавшіе въ себѣ одно или нѣсколько селеній, или хуторовъ, приблизительно около 300 дворовъ, съ территоріей болѣе 10 верстъ въ поперечникѣ; дѣлами становъ завѣдывалъ становой-староста, его помощниками были сборщикъ податей, смотритель запаснаго магазина и десятскій при каждыхъ десяти дворахъ; всѣ они были въ полной зависимости отъ головы.

Въ кругъ вѣдѣнія главной хозяйственной конторы входили слѣдующія дѣла: собираніе статистическихъ свѣдѣній о числѣ козаковъ, ихъ имуществѣ и занятіяхъ; наблюденіе за сохраненіемъ во владѣніи козачьяго сословія наслѣдственныхъ козачьихъ земель; разрѣшеніе обмѣна этихъ земель въ случаѣ черезполосности, согласно указу отъ 25 іюня 1832 г.; организація переселеній козаковъ на окраины; увольненіе изъ козачьяго со-

словія для перехода въ купечество; собираніе свѣдѣній объ урожаяхъ и о количествѣ имѣющагося въ запасныхъ магазинахъ хлѣба; снабженіе козаковъ продовольствіемъ въ случаѣ неурожая; устройство приходскихъ училищъ, госпиталей и богадѣленъ; веденіе очередныхъ списковъ и ежегодный нарядъ козаковъ въ военную службу; водвореніе на жительство возвращающихся изъ службы по истеченіи пятнадцатилѣтняго срока, или сдѣлавшихся неспособными отъ ранъ и болѣзней; наблюденіе за исправнымъ взносомъ податей въ казначейство; ассигнованіе денежныхъ сборовъ на земскія повинности и на содержаніе козачьяго управленія; равномѣрное роспредѣленіе податей и налоговъ; охраненіе козачьяго сословія отъ какихъ либо притѣсненій при расквартированіи войскъ и при выполненіи ими какихъ либо личныхъ повинностей; огражденіе козачьяго наслѣдственнаго имущества при тяжбахъ; оказаніе содѣйствія козакамъ въ порядкѣ веденія тяжбъ; веденіе списковъ козаковъ, судимыхъ за какія-либо преступленія, и въ особенности, содержащихся подъ стражей, и возбужденіе ходатайствъ о скорѣйшемъ разрѣшеніи ихъ участи; веденіе всякаго рода отчетности.

Въ кругъ вѣдѣнія попечительныхъ конторъ входили всѣ вышеперечисленныя дѣла, и онѣ имѣли вообще наблюденіе, чтобы козаки исполняли всѣ свои обязанности, платили въ срокъ подати и не подвергались какимъ-либо притѣсненіямъ.

Попечителя назначалъ генералъ-губернаторъ изъ кандидатовъ, представленныхъ губернаторами по соглашенію съ губернскимъ предводителемъ дворянства; они избирались изъ числа мѣстныхъ дворянъ, извѣстныхъ своею опытностью въ веденіи хозяйства и пользовавшихся всеобщимъ уваженіемъ; ихъ служба считалась государственной.

Вѣдѣнію волостныхъ правленій предоставлялись слѣдующія дѣла: поддержаніе общаго порядка въ козачьихъ селеніяхъ; наблюденіе, чтобы козаки неуклонно выполняли всѣ повинности и своевременно вносили подати; нарядъ козаковъ къ исполненію повинностей натурою; охраненіе козачьихъ земель отъ перехода въ руки представителей другихъ сословій; общее попеченіе о благосостояніи козаковъ и ходатайство о ихъ нуждахъ чрезъ

попечительную контору; забота о казачьихъ вдовахъ и сиротахъ; опека надъ послѣдними, какъ личная, такъ и имущественная; полицейское дознаніе и наказаніе въ проступкахъ маловажныхъ, первоначальный разборъ во всѣхъ спорахъ и тяжбахъ между козаками и стараніе о прекращеніи ихъ миромъ безъ формальнаго производства.

Волостной голова считался начальникомъ всѣхъ козаковъ, входившихъ въ вѣдѣніе данной волости, и избирался на общемъ волостномъ сходѣ изъ числа наиболѣе уважаемыхъ козаковъ, занимавшихъ уже какія-либо общественныя должности и извѣстныхъ хорошимъ веденіемъ собственнаго хозяйства; согласно уставу, онъ долженъ былъ „обходиться со всѣми своими подчиненными дружески, выслушивать и принимать терпѣливо всѣ ихъ просьбы и, внимая ихъ нуждамъ, быть прямымъ ихъ ходатаемъ у правительства чрезъ посредство попечителей".

По усмотрѣнію головы и съ разрѣшенія попечителя, козаки имѣли право собираться на сельскіе и волостные сходы; если сходъ нужно было собрать для выясненія злоупотребленій головы, то разрѣшеніе на созывъ козаковъ на сходъ нужно было получать непосредственно изъ попечительной конторы.

Согласно § 31 устава, высочайшимъ указомъ отъ 18 мая 1834 года предсѣдателемъ главной хозяйственной конторы для малороссійскихъ козаковъ былъ назначенъ чиновникъ особыхъ порученій при князѣ Репнинѣ, коллежскій совѣтникъ князь Баратовъ, о чемъ увѣдомилъ князя Репнина министръ финансовъ графъ Канкринъ отъ 21 мая 1834 г., съ извѣщеньемъ, что согласно § 32 устава, съ своей стороны онъ назначилъ совѣтниками конторы бухгалтера генералъ-губернаторской канцеляріи 7-го класса Лантухова и титулярныхъ совѣтниковъ—полтавскаго уголовныхъ дѣлъ стряпчаго Гака и секретаря полтавскаго дворянскаго депутатскаго собранія Любомирскаго.

Въ одномъ изъ примѣчаній къ уставу сказано, что министръ финансовъ, по сношеніи съ малороссійскимъ генералъ-губернаторомъ, составитъ надлежащія руководства, какъ относительно подробностей отчетности, сроковъ представленія отчетовъ и книгъ, такъ и касательно порядка взиманія съ козаковъ установленныхъ денежныхъ сборовъ".

Эти „руководства", подъ названіемъ „наставленія главной хозяйственной конторѣ малороссійскихъ козаковъ о порядкѣ производства дѣлъ", были составлены въ канцеляріи князя Репнина, судя по сохранившейся въ его бумагахъ черновой этого „постановленія" съ собственноручными помѣтами князя [1]). Этимъ „наставленіемъ" устанавливался точный канцелярскій порядокъ въ конторѣ до мельчайшихъ подробностей. Въ общемъ это наставленіе по существу мало чѣмъ отличается отъ самаго устава, и потому мы считаемъ излишнимъ приводить его здѣсь.

Добившись надѣленія малороссійскихъ козаковъ нѣкоторыми особыми сословными правами и преимуществами и учрежденія отдѣльнаго управленія ими, князь Репнинъ стремился къ тому, чтобы эта реформа наиболѣе благодѣтельно отразилась на бытѣ козаковъ, и потому выработалъ для руководства конторѣ особыя правила „о произведеніи переписей малороссійскихъ козаковъ и опредѣленіи ихъ повинностей [2])".

Изъ сохранившейся въ бумагахъ князя Репнина черновой этихъ правилъ съ его собственноручными отмѣтками видна вся заботливость, все гуманное отношеніе его къ интересамъ козачьяго сословія.

Такъ какъ подати и повинности возлагались на козаковъ соотвѣтственно имуществу и составу семейства каждаго козака, то должна была быть произведена подробная перепись всего сословія, съ обозначеніемъ противъ каждой семьи имущества, ей принадлежащаго, и противъ каждаго члена семьи лѣтъ и занятій.

Въ виду того, что козаки должны были платить подати и исполнять всѣ повинности въ возрастѣ отъ 16—до 55 лѣтъ (только въ военную службу они наряжались по очереди съ 21 года до 35 лѣтъ), то дѣлалась ежегодная повѣрка посемейныхъ списковъ чрезъ посредство волостныхъ правленій, подъ надзоромъ попечительныхъ конторъ, при участіи особо командированныхъ отъ генералъ-губернатора чиновниковъ. Одновременно съ повѣркой посемейныхъ списковъ производилась и по-

---

[1]) Рукоп. Яготин. архива.

[2]) Рукоп. Яготин. архива.

вѣрка имуществъ, путемъ опроса старѣйшихъ членовъ каждой семьи въ присутствіи особо избранныхъ на сельскомъ сходѣ четырехъ старожилыхъ козаковъ и двухъ сосѣдей.

При составленіи описей имущества, козачьи семьи разбивались на четыре категоріи: достаточныя, посредственнаго состоянія, бѣдныя и ничего неимѣющія.

За всякую медленность при составленіи описей, а тѣмъ болѣе за злоупотребленія и притѣсненія козаковъ, всѣ должностныя лица подлежали строжайшей отвѣтственности; особое наблюденіе въ этомъ отношеніи возлагалось на попечителя, который самъ лично, или чрезъ посредство своего помощника и стряпчаго, долженъ былъ слѣдить за дѣйствіями подчиненныхъ лицъ во время производства ими переписей.

Чтобы измѣненія, происходившія въ теченіе года въ личномъ составѣ и въ имуществѣ козаковъ были постоянно извѣстны главной конторѣ, устанавливался цѣлый рядъ срочныхъ вѣдомостей.

Козаки, въ возрастѣ отъ 16 до 55 лѣтъ, вносились въ особый окладной реестръ и назывались *реестровыми козаками*; изъ числа этихъ козаковъ имѣвшіе отъ 20 до 35 лѣтъ записывались отдѣльно въ концѣ реестра и считались *очередными* для поступленія въ военную службу.

Козаки, поступившіе въ военную службу, исключались изъ числа реестровыхъ козаковъ на время службы, лишенные же правъ и преимуществъ козачьяго званія по суду на всегда исключались изъ числа реестровыхъ козаковъ.

Въ отношеніи отбыванія воинской повинности строго наблюдалось, чтобы списки очередныхъ козаковъ, наряжаемыхъ въ службу по приговору общества, были тщательно разсматриваемы попечителями и главной конторой, затѣмъ, чтобы были зачисляемы на службу преимущественно холостые безземельные козаки, кромѣ одиночекъ, а изъ „хозяйственныхъ семей“—изъ тѣхъ семей, въ которыхъ наибольшее число реестровыхъ козаковъ.

Такъ какъ денежные сборы съ козаковъ заключались въ подушной подати, опредѣленной указомъ отъ 25 іюня 1832 г.,

въ общихъ налогахъ на земскія повинности, въ спеціальномъ налогѣ на содержаніе присутственныхъ мѣстъ по управленію козачьимъ сословіемъ и во взносѣ особой суммы для выдачи по 12 рублей каждому принятому въ военную службу козаку, то главная контора стремилась къ возможно болѣе справедливому распредѣленію общихъ и спеціальныхъ налоговъ между волостями. Это можно было выполнить безъ особыхъ затрудненій, такъ какъ и подати, и налоги не считались на отдѣльныхъ лицахъ, въ правильномъ поступленіи ихъ были отвѣтственны цѣлыя общества или селенія.

Въ облегченіе взноса податей и налоговъ предоставлялось козачьимъ обществамъ право отдавать въ аренду шинки козакамъ же или дворянамъ, только не евреямъ, при чемъ, если арендная плата превышала ту сумму, которая должна была поступить съ общества въ казну за право продажи вина, то разница могла быть зачисляема въ уплату слѣдуемыхъ съ общества податей и налоговъ.

Чтобы не было злоупотребленій при сборѣ податей и налоговъ, каждому козаку-хозяину выдавалась выписка изъ окладной книги, въ которой было обозначено, сколько нужно было ему платить за весь годъ по числу реестровыхъ козаковъ, входившихъ въ составъ его семейства и за принадлежавшую ему землю; по отношенію къ козакамъ безземельнымъ практиковалось, чтобы токовые взносы вручались хозяину „наймита“, который бы и удерживалъ окладные платежи изъ его жалованья. По мѣрѣ полученія окладныхъ платежей, сборщикъ давалъ печатныя росписки на соотвѣтствующія суммы, которыя, будучи наклеены на „картузной“ бумагѣ, имѣли различный внѣшній видъ, такъ что безграмотный плательщикъ легко могъ расчесть, сколько онъ взнесъ. Въ концѣ года печатныя росписки отбирались, а на предварительно выданной выпискѣ отмѣчалось, что уплата произведена сполна.

Особенную заботливость къ козакамъ князь Н. Г. Репнинъ проявилъ въ отношеніи отбыванія ими натуральныхъ повинностей.

Въ § 68 правилъ сказано: „ограждение малороссійскихъ козаковъ отъ излишняго отягощенія противъ другихъ поселян-

скихъ сословій въ исполненіи личной земской повинности есть одна изъ главнѣйшихъ обязанностей попечительной конторы".

Въ видахъ этого, при нарядѣ пѣшихъ работниковъ или подводъ, а также при расквартированіи войскъ по селеніямъ, конторы должны были имѣть въ виду, чтобы тягость исполненія натуральныхъ повинностей ложилась возможно равномѣрнѣе на козаковъ, сравнительно съ казенными и помѣщичьими крестьянами, а чтобы одинъ козакъ предъ другимъ не былъ болѣе отягощаемъ, волостныя правленія должны были вести точные очередные списки работниковъ, подводъ и квартиръ и строго отвѣчали за всякое нарушеніе разъ установленнаго въ спискахъ порядка и за всякое притѣсненіе одного козака предъ другимъ. Чтобы не было злоупотребленій со стороны низшихъ козачьихъ урядниковъ, попечительныя конторы должны были представлять главной конторѣ ежемѣсячныя вѣдомости о числѣ наряженныхъ работниковъ и подводъ, съ обозначеніемъ, сколько починено ими дорогъ, мостовъ, гатей, и сколько козачьихъ домовъ было занято подъ войсковой постой. Если главная контора усматривала изъ этихъ вѣдомостей какое-либо отягощеніе козаковъ натуральными повинностями, то она доносила объ этомъ малороссійскому генералъ-губернатору, какъ „главному блюстителю благосостоянія козаковъ".

При перечисленіи дѣлъ, входившихъ въ кругъ вѣдѣнія главной хозяйственной конторы, упоминалось между прочимъ объ увольненіи изъ козачьяго сословія для перехода въ купечество. Вѣроятно, случаи такого перехода были сравнительно часты, почему о немъ и упомянули, но были случаи перехода козаковъ и въ привилегированныя сословія.

Въ 1834 г. князь Н. Г. Репнинъ входилъ съ рапортомъ [1]) въ сенатъ о разрѣшеніи вопроса, могутъ ли козаки и на какихъ основаніяхъ поступать въ духовное званіе. Вопросъ этотъ возникъ вслѣдствіе соотвѣтствующихъ представленій полтавской и черниговской казенныхъ палатъ, ссылавшихся на Высочайше утвержденное мнѣніе Государственнаго Совѣта отъ 11 февраля

[1]) Рукоп. Яготин. архива.

1826 г., коимъ изъяснялось, на какомъ основаніи могутъ поступать въ духовное званіе отпущенные на волю помѣщиками дворовые люди и крестьяне [1]).

Князь Репнинъ писалъ въ своемъ рапортѣ между прочимъ слѣдующее:

„По представленіямъ казенныхъ палатъ въ прошломъ 1833 году о дозволеніи перечисленія козаковъ въ мѣщанство или купечество я далъ имъ знать, что на основаніи указа отъ 25 іюня 1832 г. невозможно позволить козакамъ перечисленіе въ купечество или мѣщанство, но имъ не должно возбранять право пользоваться выгодами торговли и промышленности, при уплатѣ опредѣленной суммы за свидѣтельство. Принимая же въ соображеніе, что случаи перехода козаковъ въ духовное званіе, по самымъ правиламъ и законнымъ на сей предметъ постановленіямъ, могутъ быть весьма рѣдки, а потому, при согласіи обществъ на увольненіе кого-либо изъ среды оныхъ и при необходимости въ замѣщеніи причетническихъ мѣстъ, если на счетъ сего послѣдуетъ удостовѣреніе духовнаго правленія, можно бы позволить козакамъ вступать въ духовное званіе“.

При этомъ князь Рѣпнинъ находилъ, что, при увольненіи козаковъ въ духовное званіе, необходимо поставить на будущее время за правило, что „если козакъ, получившій отъ общества своего увольнительное свидѣтельство, будетъ просить о томъ, то увольнять его съ тѣмъ, чтобы имѣющіяся у него наслѣдственныя земли, грунты и всякія угодія, онъ долженъ продать кому-либо изъ козачьяго сословія или оставить навсегда во владѣніе ближайшихъ своихъ родственниковъ козачьяго же званія, а когда оныхъ не будетъ имѣть и желающихъ на покупку недвижимаго имущества въ теченіе одного года не окажется, въ такомъ случаѣ оное должно поступать въ пользу общества, изъ коего онъ выходитъ, въ противномъ же случаѣ перечисленій не дозволять“.

Въ своихъ заботахъ о козакахъ князь Н. Г. Репнинъ не ограничивался только мѣропріятіями по собственной иниціативѣ

[1]) П. С. 3 № 139.

но требовалъ, чтобы попечители, ближе стоявшіе къ козачьему сословію, высказывали свои мнѣнія о нуждахъ подчиненныхъ имъ козаковъ.

Образчикомъ дѣятельности попечителей въ этомъ отношеніи можетъ служить нижепомѣщаемый нами рапортъ попечителя переяславской конторы, маіора Николая Григорьевича Краснокутскаго [1]) къ князю Репнину, отъ 28 Августа 1834 г., въ высшей степени любопытный по высказываемымъ въ немъ пожеланіямъ, въ особенности, если принять во вниманіе, что это говорилось болѣе чѣмъ полвѣка тому назадъ, задолго еще до крестьянской реформы 1861 г., можно сказать, въ эпоху самаго расцвѣта крѣпостного права. Вотъ этотъ рапортъ [2]).

„Вашему Сіятельству благоугодно было предоставить право каждому изъ попечителей конторъ для малороссійскихъ козаковъ входить съ представленіемъ, что, по мнѣнію ихъ, можетъ служить къ улучшенію благосостоянія ввѣряемыхъ ихъ попеченію козаковъ, какъ изъяснено въ указѣ изъ главной конторы отъ 18 іюля за № 94.

Не довѣряя опытности моей и почти оставаясь увѣренъ, что предусмотрительность Ваша, Сіятельнѣйшій князь! все предвидѣла и излишне въ нижеизложенномъ сказанное отвергнетъ или по недостатку средствъ, или по невозможности къ общему государственному или края управленію, но, какъ частный начальникъ, не все понимающій, осмѣливаюсь, и то только по данному мнѣ праву, мысли мои представить на благоусмотрѣніе Вашего Сіятельства:

1) Съ возможною поспѣшностію устройство школъ, предложенное Вашимъ Сіятельствомъ, какъ первый цвѣтъ блага государства и края, желательно было-бы въ тоже время приводить въ возможное усовершенствованіе, для чего полагаю сверхъ школъ въ каждомъ волостномъ правленіи устроить для перваго начала таковыя по одной въ центральной волости попечительства для познаній нужныхъ въ сельскомъ хозяйствѣ, куда соби-

---

[1]) Н. Г. Краснокутскій жилъ и владѣлъ д. Пайками въ Пирятинскомъ уѣздѣ.

[2]) Рукоп. Ятотин. архива.

рая отличнѣйшихъ учениковъ школъ изъ попечительства преподавать имъ правила овцеводства и пчеловодства, руководствуясь для перваго издаваемымъ журналомъ, а для второго системою Прокоповича, имѣть въ сихъ школахъ земледѣльческую газету и журналы, которые имъ прочитывать и заставлять учениковъ что покажется достойнымъ замѣчанія и удобнымъ къ приведенію въ исполненіе на опытѣ, записывать въ свои тетради; смотрѣніе за симъ вмѣнить въ строгую обязанность учителямъ и наблюденію попечителей. Есть-ли возможно, то желательно бы было, чтобъ въ сихъ школахъ преподавались хотя первоначальные уроки механики и гидравлики, нужные для сельскаго хозяина, ибо какъ часто у насъ въ Малороссіи мы видимъ образующіеся таланты къ строенію мельницъ и плотинъ и остающіеся въ посредственности отъ неимѣнія средствъ къ образованію по сему предмету. Желательно бы было, чтобы въ сей школѣ читаемы были права Высочайше предоставленныя краю, въ коемъ живутъ учащіеся и что для нихъ можетъ быть нужнѣе изъ своду законовъ, изданныхъ при нынѣ благополучно царствующемъ Государѣ Императорѣ. Сильные геніи, пробивая кору невѣжества, въ преподаваніи всѣмъ вообще учащимся полезнаго, найдутъ пищу, и есть ли, подобно Ломоносову, не изъ хижины рыбака, то изъ-за плуга шагнутъ въ Академію, но, какъ дознано вѣками, что и сіи дѣти Провидѣнія оставляютъ по себѣ тѣнь не пріобрѣтеннаго ученіемъ, то для усовершенствованія оныхъ въ высшихъ наукахъ средство зависитъ отъ намѣстника Царя, или можетъ и отъ Высочайшей только власти, и что будетъ весьма необходимо для великихъ талантовъ.

2) Желательно бы устроить заведенія, первоначально хотя по одному въ попечительствѣ, для дѣвокъ, на первый разъ сиротъ Будущія матери семейства, по сей обязанности ближайшія къ дѣтямъ въ юности ихъ, нежели отецъ, онѣ посѣваютъ первыя сѣмена нравственности, почему въ сихъ заведеніяхъ преподавать съ наивозможнымъ попеченіемъ Законъ Божій и есть ли возможно чтеніе, потомъ рукодѣліе для усовершенствованія существующаго въ Малороссіи, напримѣръ: пряденіе на самопрядкахъ, тканіе полотенъ и суконъ, простое, но лучшее, шитье

бѣлья, и прочее женское рукодѣліе. О рукодѣліи говорю по опытности хозяина.

3) Въ пребываніе мое въ Малороссіи, но болѣе еще во время командованія полкомъ, бывшимъ мнѣ Высочайше ввѣреннымъ по благодѣтельному предстательству Вашего Сіятельства и состоявшему изъ одного сословія козаковъ, замѣчено мною, что многіе изъ нихъ были съ способностями къ майстерствамъ, но какъ видно по недостатку средствъ не пришедшіе въ зрѣлость до того, что во всемъ полку не было ни изряднаго кузнеца, ни плотника, ни сапожника, ни портного, не говоря уже о столярѣ и слесарѣ, что самое, по мнѣнію моему, поставляетъ козаковъ въ нѣкоторую зависимость отъ помѣщика, съ крестьянами коего они совокупно жительствуютъ. Для устраненія сего и могущаго вмѣстѣ съ тѣмъ служить образованьемъ края, можно бы, по примѣру помѣщиковъ, отдавать дѣтей козаковъ, особенно изъ сиротъ, къ разнымъ майстерствамъ на годы, что дѣлается безъ платы за изученіе и за содержаніе. Для сего можно снестись съ полиціями обѣихъ столицъ и главнѣйшихъ городовъ Россіи и чрезъ нихъ спросить майстеровыхъ разныхъ ремеслъ, не возьмутъ ли они мальчиковъ и на сколько лѣтъ на условіяхъ вышесказанныхъ. Отправку мальчиковъ можно произвести по примѣру практическихъ походовъ кадетъ, довольствуя ихъ въ пути на положеніи солдатъ изъ общихъ козачьихъ суммъ, которыя впослѣдствіи должны быть имиже возвращены.

4) Склонность къ пьянству многихъ изъ козаковъ доводитъ до крайнѣйшей нищеты, желательно бы было для обузданія таковой употребить примѣрную надъ ними строгость въ урокъ прочимъ, но, истребляя вѣтви зла, по правилу Екатерины II, надобно уничтожить и корень онаго, для сего мнѣніемъ полагаю:

Снять съ козаковъ подать за право винокуренія и по примѣру казенныхъ крестьянъ отдать у нихъ на откупъ винную торговлю. Какъ по сему предмету доходъ государственный,— сколько могу понимать, не только не будетъ увеличенъ, но напротивъ много уменьшится, то для уравненія съ существующимъ можно недостачу разложить на козаковъ, но непремѣнно

по деревнямъ и къ нимъ приписаннымъ хуторамъ, ибо гдѣ меньше будетъ откупной цѣны, значитъ тамъ жителямъ козакамъ болѣе средствъ имѣть вино вольною продажею. Въ семъ налогѣ не будетъ по мнѣнію моему ни малѣйшей несправедливости, ибо если козаки и не будутъ пользоваться правомъ свободной покупки вина въ дома свои, то мелкая чарочная продажа въ помѣщичьихъ шинкахъ уравниваетъ невыгоду государственнаго дохода съ дешевизною сей послѣдней покупки. Симъ средствомъ полагаю уменьшится пьянство, ибо болѣе всего мы видимъ впадающихъ въ сей порокъ людей на свадьбахъ, крестинахъ, похоронахъ и т. п., и на сей разъ козакъ, не имѣя права взять вина иначе какъ изъ откупного шинка, по дороговизнѣ въ томъ не возьметъ большого количества; помѣщиковъ же обовязать не увеличивать шинковъ противъ существующихъ теперь, каковые и должны быть переписаны до введенія таковаго правила, за чѣмъ наблюдаетъ попечительная контора и откупщикъ.

5) По малоземелію у козаковъ необходимо усилить переселеніе таковыхъ въ пустопорожнія земли, исключая городскихъ, проживающихъ кое-какими майстерствами, промыслами и небольшими торгами, но изъ сихъ буде кто не знаетъ майстерства и не занимаемся промыслами, не имѣя къ тому достаточно земли, побуждать также къ переселенію.

6) По мнѣнію моему необходимо взыманіе подводъ у козаковъ сдѣлать сколь возможно ограниченнѣе и дачу таковыхъ производить средствомъ законнѣйшимъ. Для сего полагаю, дабы изъ попечительныхъ конторъ были выдаваемы открытыя предписанія въ родѣ тѣхъ, кои даютъ гражданскіе губернаторы, и безъ коихъ никто не имѣетъ права требовать подводъ отъ козаковъ. Въ нижніе земскіе суды по числу членовъ должны быть препровождаемы отъ конторы срочные билеты—исправникамъ на три, засѣдателямъ на двѣ лошади, равно и для всѣхъ тѣхъ выдавать билеты изъ конторы, кои имѣютъ право ѣздить на обывательскихъ лошадяхъ, а сельскимъ старшинамъ подъ строгою отвѣтственностью воспретить дачу подводъ безъ таковаго билета. За незаконную выдачу билета изъ конторы отвѣтствуетъ

попечитель. Въ которой деревнѣ берутъ лошадей, билетъ должно вносить въ книгу, краткую выпись изъ которой контора ежетретно препровождаетъ въ главную контору. Въ какой деревнѣ равное количество козаковъ и казенныхъ крестьянъ, или менѣе, тамъ взыманіе подводъ для членовъ нижняго земскаго суда отъ козаковъ воспретить, чѣмъ и уравняются казенные крестьяне съ козаками, ибо первые будутъ давать лошадей для нижняго земскаго суда, а другіе для членовъ попечительной конторы, но самое лучшее бы было воспретить всѣмъ кому бы то ни было взыманіе для разъѣздовъ обывательскихъ лошадей, а выдавать, какъ то было въ недавнее время, деньги.

7) Желательно бы было, чтобы попечительныя конторы, въ вѣдѣніе которыхъ поступаютъ два, три или болѣе уѣздовъ, были помѣщены, какъ возможно центральнѣе, напримѣръ, помѣщеніе переяславскаго попечительства было бы самое удобное въ м. Яготинѣ.

8) Въ заключеніе мнѣ остается прибѣгнуть къ Вашему Сіятельству, всепокорнѣйше испрашивая милостиваго снисхожденія къ тому, что есть въ изложенномъ мною невѣрнаго, и судить меня только по искреннему желанію моему быть полезнымъ на мѣстѣ мною занимаемомъ по возможности и силамъ. Честь и совѣсть порукою въ томъ, что перомъ моимъ водило не своекорыстіе, а одно желаніе благовѣряемыхъ попеченію моему козаковъ, и ошибки въ средствахъ здѣсь излагаемыхъ происходятъ отъ недостатка опытности, незнанія дѣлато, отъ коего происходятъ частности въ управленіи. Маіоръ Краснокутскій".

Рапортъ этотъ интересенъ для насъ въ двухъ отношеніяхъ: во-первыхъ, изъ него мы можемъ почерпнуть, отчасти со словъ ближайшаго очевидца, нѣкоторыя данныя о тогдашнихъ условіяхъ быта малороссійскихъ козаковъ, во-вторыхъ, въ лицѣ Н. Г. Краснокутскаго мы знакомимся съ подборомъ лицъ, стоявшихъ во главѣ реформированныхъ козаковъ, умѣло и заботливо сдѣланномъ радѣтелемъ о судьбѣ козаковъ, княземъ Н. Г. Репнинымъ, что можетъ служить одной изъ данныхъ для болѣе подробной характеристики его дѣятельности въ Малороссіи, которая ждетъ еще своего изслѣдователя.

Насколько Краснокутскій являлся передовымъ для своего времени человѣкомъ, можно судить по тому, что возбужденные имъ вопросы объ устройствѣ сельско-хозяйственныхъ училищъ, объ обученіи грамотѣ и рукодѣліямъ сельскихъ дѣвочекъ, объ обученіи сельскихъ дѣтей ремесламъ, объ упорядоченіи земской почты, о переселеніи безземельныхъ и понынѣ составляютъ злобу дня. Нельзя не пожелать, чтобы нашлись гдѣ-нибудь рапорты и прочихъ попечителей князю Н. Г. Репнину.

Тотъ же Краснокутскій въ своей докладной запискѣ отъ 27 іюня 1834 г. [1]) ходатайствовалъ объ упрощеніи способовъ выдачи плакатныхъ билетовъ или паспортовъ козакамъ, такъ какъ „беззатруднительность полученія билетовъ увеличитъ число промышленниковъ и чрезъ то способъ къ уплатѣ государственныхъ повинностей не однимъ лицомъ, но нѣсколькими, ибо болѣе средствъ остающимся для заработка у самихъ отлучившихся, а таковые суть большею частью изъ достаточнѣйшихъ, пускающихся на промыслы рыбою и солью, обыкновеннѣйшіе въ Малороссіи."

Недолго пришлось князю Н. Г. Репнину радоваться достигнутыми имъ успѣхами въ отношеніи малороссійскихъ козаковъ: 6-го декабря 1834 г. князь Репнинъ былъ уволенъ отъ должности малороссійскаго генералъ-губернатора, съ назначеніемъ членомъ государственнаго совѣта. Оставшись не у дѣлъ, князь Н. Г. Репнинъ все-таки продолжалъ интересоваться судьбою козаковъ, но голосъ его, конечно, не имѣлъ уже прежняго значенія; это видно изъ нижеслѣдующаго проекта [2]) Высочайшаго повелѣнія по докладу о малороссійскихъ козакахъ, Высочайше одобреннаго 1-го августа 1835 г.

„Государь Императоръ, по прочтеніи сего доклада и приложеннаго проекта, а также всеподданнѣйшаго письма съ запискою князя Репнина отъ 29 іюля, соизволилъ отозваться, что *званіе малороссійскаго военнаго губернатора замѣщено не будетъ*; относительно-же самаго управленія козаковъ, то Его Величеству

---

[1]) Рукоп. Яготин. архива.

[2]) Приводимъ по копіи, сохранившейся въ Яготин. Архивѣ.

угодно, чтобы оно было отдѣлено въ каждой губерніи въ непосредственномъ вѣдѣніи полтавскаго и черниговскаго гражданскихъ губернаторовъ, каждаго по принадлежности, на такомъ основаніи, какъ оно находилось при управленіи обѣими губерніями военнымъ губернаторомъ, учредивъ для сего, вмѣсто общей главной хозяйственной конторы, хозяйственныя отдѣленія въ каждой губерніи *безъ всякаго въ обязанностяхъ ихъ измѣненія.*

Самихъ гражданскихъ губернаторовъ подчинить военному министерству по департаменту военныхъ поселеній [1]) въ отношеніи предметовъ, касающихся собственно до козаковъ, какъ-то: до ихъ устройства и благосостоянія, отправленія ими рекрутской повинности, отчетности въ ихъ народонаселеніи, взиманія съ нихъ государственныхъ податей и повинностей.

Государю Императору угодно, чтобы на сихъ основаніяхъ составлено было комитетомъ положеніе объ управленіи малороссійскими козаками и представлено на Высочайшее благоусмотрѣніе.

Въ комитетѣ семъ Высочайше повелѣно присутствовать дѣйствительному статскому совѣтнику Брискорну вмѣсто дѣйствительнаго статскаго совѣтника Позена за его отъѣздомъ.

Вслѣдствіе этого высочайшаго повелѣнія были составлены „измѣненія устава о малороссійскихъ козакахъ“, [2]) которыя главнымъ образомъ коснулись вопроса о „главномъ общемъ надзорѣ за благосостояніемъ козаковъ“, каковой былъ порученъ полтавскому и черниговскому гражданскимъ губернаторамъ, съ присвоеніемъ имъ званія „главныхъ попечителей“; они управляли козаками при посредствѣ двухъ хозяйственныхъ отдѣленій, учрежденныхъ вмѣсто главной хозяйственной конторы и состоявшихъ въ вѣдѣніи военнаго министерства по департаменту военныхъ

---

[1]) По уставу 1834 г., главная хозяйственная контора, находясь подъ главнымъ надзоромъ малороссійскаго генералъ-губернатора, была въ вѣдѣніи министерства финансовъ.

[2]) Эти „измѣненія“ сохранились въ копіи въ Яготин. архивѣ.

поселеній. Кругъ вѣдѣнія отдѣленій остался, согласно вышеприведенной высочайшей волѣ, „безъ всякаго въ обязанностяхъ измѣненія“, сравнительно съ главной конторой, и вообще уставъ 1834 г. не подвергся существеннымъ измѣненіямъ въ прочихъ пунктахъ, но съ упраздненіемъ единоличной власти генералъ-губернатора онъ утрачивалъ все свое первоначальное значеніе, весь свой прежній духъ, а козачье сословіе теряло самостоятельный характеръ, подчиняясь общегражданскому управленію, которому оно подчинено и понынѣ.

Въ заключеніе не можемъ не высказать мнѣнія, что самой причиной паденія князя Н. Г. Репнина, той немилости, которой онъ подвергся со стороны императора Николая Павловича, несмотря на свои многолѣтніе доблестные и безкорыстные труды на государственномъ поприщѣ, была та благородная горячность, съ которой онъ отстаивалъ интересы козаковъ, крестьянъ, вообще непривилегированныхъ сословій, съ чисто гуманной, отнюдь не политической подкладкой, которая была не по душѣ Кочубею и прочимъ сановникамъ, нарочито обвинявшимъ его предъ Государемъ въ видахъ достиженія своихъ корыстныхъ цѣлей, чуть не въ сепаратизмѣ.

„Кто бы могъ подумать, говоритъ г. Ст. фонъ-Носъ [1])—что этотъ видный государственный дѣятель, горячій патріотъ, преданнѣйшій слуга простола и отечества былъ заподозрѣнъ и почти обвиненъ ни болѣе, ни менѣе, какъ, говоря по нынѣшнему, въ сепаратизмѣ и украинофильствѣ. И однако это такъ. И не одинъ князь пострадалъ отъ нелѣпой интриги, но и множество людей ни въ чемъ неповинныхъ“. Вспомнили тутъ и то, что княгиня Варвара Алексѣевна, жена князя Николая Григорьевича, урожденная графиня Разумовская, и что онъ въ родствѣ съ графомъ Гудовичемъ, ради котораго якобы императоръ Павелъ хотѣлъ возстановить гетманское достоинство.

Нужно было лишь добиться удаленія князя Н. Г. Репнина отъ управленія Малороссіей, чего и достигли „паны“, непосильную борьбу съ которыми, какъ видно изъ его же письма къ

[1]) „Кіев. Стар.“ Т. IV, стр. 561. 1882 г.

кн. В. П. Кочубею, предпринялъ князь Н. Г. Репнинъ, ставившій всегда интересы общественные выше личныхъ, а 31-го декабря того-же 1834 г., несмотря на вышеприведенное мнѣніе императора Николая Павловича, былъ назначенъ малороссійскимъ генералъ-губернаторомъ графъ А. Д. Гурьевъ и самое генералъ-губернаторство существовало до 1856 года.

Н. С.

Изъ исторіи Кіевской Академіи

(В. Серебренниковъ. Кіевская академія съ половины XVIII в. до преобразованія ея въ 1819 г. Кіевъ. 1897).

Исторія Кіевской академіи во второй половинѣ прошлаго и въ первые годы истекающаго столѣтія разработана до сихъ поръ была еще мало. Два труда по исторіи академіи, въ которыхъ затронутъ и этотъ періодъ ея существованія—„Исторія Кіевской академіи“ іером. Макарія Булгакова (впослѣд. митроп. Московскаго). Спб. 1843 и „Кіевъ съ его древнѣйшимъ училищемъ—академіей“ В. Аскоченскаго. К. 1856,—не удовлетворяютъ современнымъ требованіямъ науки, сверхъ того, изданные въ позднѣйшее время матеріалы (особенно дневникъ и переписка митр. Серапіона Александровскаго), равно какъ и рукописные источники (дѣла архивовъ Кіево-Братскаго монастыря и Кіевской дух. консисторіи) проливаютъ новый свѣтъ на судьбы академіи въ переходную пору ея существованія, когда постепенно разрушались старые устои академической жизни. Г. Серебренниковъ поставилъ себя задачей пересмотръ исторіи академіи за указанный выше періодъ на основаніи, какъ старыхъ, такъ и новыхъ матеріаловъ. Въ его книгѣ довольно полно обрисованы строй и матеріальныя условія академической жизни и характеръ академическаго курса. Въ виду интереса, представляемаго судьбой старѣйшей изъ нашихъ высшихъ школъ, мы рѣшились ознакомить нашихъ читателей съ содержаніемъ этой книги.

Въ половинѣ XVIII в. вершителемъ всѣхъ академическихъ дѣлъ является митрополитъ. Правда, академія ежегодно посы-

лѣтія при академіи началъ образовываться изъ пожертвованій гл. обр. бывшихъ ея питомцевъ неприкосновенный капиталъ, къ 1817 г. возросшій до 264,716 р. 75 к. асс. и приносившій 13,225 р. 83 к. ежегоднаго дохода.

Съ 1766 г. академія стала получать по 500 р. въ годъ изъ губернской канцеляріи, которые должны были дѣлиться пополамъ на учащихъ и учащихся, хотя обыкновенно на долю первыхъ доставалось больше. Послѣ отобранія въ Малороссіи церковныхъ имуществъ въ 1786 г. академія получила штатный окладъ въ 9000 р., изъ которыхъ 500 р. должна была выдавать на содержаніе Переяславской семинаріи. Сумма этого оклада въ 1797 г. была увеличена до 12000 р., а въ 1807 г. до 24,000 р.

Доходы академіи пополнялись еще и случайными пожертвованіями, какъ правительства, такъ и частныхъ лицъ. Болѣе постоянный характеръ имѣли пожертвованія кіевскихъ митрополитовъ, которые не разъ обращались отъ своего лица съ просьбами о пожертвованіяхъ на академію и къ частнымъ благотворителямъ. Особый характеръ имѣли ежегодные сборы въ пользу академической (конгрегаціонной) церкви. Студенты изъ своей среды выбирали двухъ представителей, называвшихся префектами, которые въ теченіе всего года ходили за сборами по домамъ кіевскихъ и повѣтовыхъ гражданъ. Деньги эти не всѣ шли на конгрегаціонную церковь, часть ихъ шла на содержаніе бурсы и устройство академическихъ праздниковъ, а часть дѣлилась между учителями. Собиралось въ годъ рублей 60—80. Былъ еще въ академіи обычай „ежегодно въ мѣсяцѣ маіи отъ 9-го числа до 1 числа сентября отпускать учениковъ риторики, поэтики и синтаксимы бѣдныхъ, нищихъ, родителей лишившихся и вовся никакого же питанія ни откуда не имущихъ для испрошенія себѣ милостыни.“ Случалось, что такіе ученики расходились по селамъ и нанимались на сельскія работы. Въ 1763 г. во избѣжаніе злоупотребленій со стороны учениковъ, которые, пользуясь такими отпусками, уклонялись отъ ученія, повелѣно было выдавать паспорты только дѣйствительно нуждающимся и отпускать ихъ „въ малороссійскіе точію и слободскіе полки, а дальше никуды ходить не дозволять“. Митр. Самуилъ Миславъ

скій вовсе запретилъ такіе сборы. Въ пользу академіи шли еще штрафы съ лицъ духовнаго званія за провинности и за уклоненіе отъ обученія дѣтей, половина доходовъ съ вакантныхъ приходовъ и иногда плата со ставленниковъ. Деньги эти употреблялись на ремонтъ академическихъ зданій, которыя не отличались благоустройствомъ.

Въ половинѣ прошлаго столѣтія академіи принадлежало двухэтажное зданіе, въ нижнемъ этажѣ котораго было 6 комнатъ, занятыхъ классами, а въ верхнемъ зала, конгрегаціонная церковь и 2 комнаты, гдѣ помѣщались философскій и богословскій классы. Учителя жили въ „чуланахъ", находившихся частью въ общемъ монастырскомъ помѣщеніи, частью въ пристройкѣ къ академическому зданію. Для неимущихъ учениковъ былъ особый, построенный на средства митр. Іоасафа Кроковскаго „студентскій домъ", иначе „бурса" или „великая бурса". Еще въ 1755 г. зданія эти требовали „не малой репараціи", на которую было употребенол 100 руб., но черезъ полгода ректоръ снова доносилъ о крайней обветшалости школъ. Въ 1758 г., префектъ доноситъ, что въ верхнемъ этажѣ академическаго корпуса „во время ненастья превеликая бываетъ течь". Еще печальнѣе было состояніе зданія бурсы. Сеньоръ бурсы ученикъ философіи Михаилъ Павловскій съ товарищами подалъ митрополиту прошеніе, въ которомъ жаловался, что „сиротскій домъ, вообще называемый бурса, пришелъ въ такую обветшалость, что жить въ оном крайне невозможно; ибо въ избахъ нѣкоторыхъ углы поотпадали, а въ другихъ пушаки поперегнивали, почему въ оныхъ дверей и оконъ продѣлывать нельзя, да и саміе избы таки глыбоко въ землю ввойшли, что подъ часъ вейсны и другихъ мокротныхъ временъ нельзя воспятить, дабы в оніе вода не бѣжала, отъ которой на бѣгу не только срубы неоднократно портились, но еще чрезъ происходившіе въ оной заразительные вапори таковіе болѣзни приключились, что миновавшей зими више тридцати человѣкъ умерло, чего прежнихъ годовъ по объявленію здѣшнихъ жильцовъ не бывало". Митрополитъ велѣлъ составить смѣту на постройку новой бурсы и починить старую. Смѣта на постройку была составлена въ суммѣ 1054 р. 70 к., а на починку израс-

ходовано 8 р. Митрополитъ распорядился составить новую смѣту, пожертвовалъ 400 р. самъ и приказалъ подвѣдомственнымъ ему монастырямъ доставить часть матеріаловъ для постройки. Бурса эта была выстроена въ 1765 г. и обошлась въ 5523 р. 37 к. Зданіе было деревянное на каменномъ фундаментѣ, съ помѣщеніемъ на 380—400 человѣкъ. Въ слѣдующемъ 1766 г. пожаръ уничтожилъ старую бурсу со всѣми ея міазмами. Въ томъ же году покрыли, наконецъ, заново и академическій корпусъ. Но и новая бурса просуществовала недолго—въ 1775 пожаръ истребилъ и ее. Черезъ три года для нея было построено каменное зданіе. Нѣсколько лѣтъ спустя академія опять пострадала отъ пожара. На этотъ разъ сгорѣла библіотека.

Въ 1786 г. академіи стала угрожать большая непріятность. 10 апрѣля послѣдовалъ указъ, которымъ предписывалось „академіи со всѣми къ ней принадлежащими заведеніями быть при архіерейскомъ домѣ и Кіево-Печерской Лаврѣ, а Братскій монастырь обратить въ главную госпиталь". Но академіи не пришлось разстаться съ мѣстомъ, на которомъ она просуществовала болѣе полутораста лѣтъ. Въ 1787 г. Кіевъ посѣтила имп. Екатерина и по ходатайству митрополита Самуила отмѣнила распоряженіе о переводѣ академіи. Впродолженіе четверти столѣтія послѣ этого академія, благодаря увеличившимся доходамъ, успѣла обстроиться, но въ 1811 году ей пришлось испытать сильное бѣдствіе. Пожаръ, испепедившій почти весь Подолъ, уничтожилъ и всѣ зданія внѣ Братскаго монастыря, принадлежавшія академіи, кромѣ каменнаго сиротскаго дома. Пострадали и монастырскія постройки. Впрочемъ ученіе не было прервано. Пожаръ случился въ каникулярное время и къ началу учебныхъ занятій успѣли кое-какъ размѣститься въ уцѣлѣвшихъ зданіяхъ. Возстановленіе пострадавшихъ отъ огня зданій продолжалось до самаго преобразованія академіи въ 1819 г.

Матеріальное благосостояніе академическихъ учителей не было особенно завидно, жили они большею частію въ зданіи академіи, такъ какъ женатыхъ между ними было очень немного. Учителя—монахи помѣщались вмѣстѣ съ монастырскою братіею, а свѣтскимъ отводились особыя келіи или „чуланы", причемъ въ

одномъ чуланѣ жили иногда по двое учителей. Сверхъ квартиръ учителя получали отъ монастыря и съѣстные припасы. Количество и качество ихъ зависѣло отъ обстоятельствъ: медъ, сыръ, масло, свѣжая рыба выдавались тогда, когда монастырь располагалъ достаточнымъ ихъ запасомъ [1]). Эти припасы и были главнымъ источникомъ содержанія учителей, такъ какъ денежные оклады были и малы, и весьма неопредѣленны по размѣру. До митрополита Тимоѳея Щербацкаго учителя опредѣленнаго жалованья не получали. Имъ выдавались только митрополичьи консоляціи, ежегодныя и случайныя, и деньги, собираемыя съ учениковъ. При Рафаилѣ Заборовскомъ учителя изъ ежегодной консоляціи получали отъ 12 р. 50 к. до 25 р. на человѣка. Съ отобраніемъ церковныхъ имуществъ постоянныя консоляціи прекратились. До конца прошлаго столѣтія всѣ ученики должны были являться изъ дому къ префекту „съ поклономъ и знатною консоляціею". Дѣти богатыхъ родителей привозили такую консоляцію и учителямъ.

При митр. Арсеніи Могилянскомъ стали дѣлить между учителями 200 р., получаемые изъ малороссійскаго скарба. Ректоръ (онъ же учитель богословія) получалъ изъ нихъ 16 р., префектъ, преподававшій философію 14 р. 50 к., прочіе учителя отъ 4 р. 20 к. до 12 р. 40 к. Съ 1766 г. жалованье учителей значительно увеличилось; сверхъ того нѣкоторые учителя стали получать прибавки изъ процентовъ съ пожертвованныхъ капиталовъ. При митрополитѣ Гавріилѣ Кременецкомъ стали платить за произносимыя учителями проповѣди, по 2 р. за каждую. Еще до закрытія Братскаго монастыря митр. Самуилъ приказалъ замѣнить выдачу учителямъ продовольствія натурой отпускомъ имъ

1) Обыкновенно учителя получали пищу въ общей трапезѣ съ монастырской братіей; жившимъ внѣ академіи припасы выдавались въ сыромъ видѣ. О количествѣ выдаваемыхъ припасовъ можно судить по порціи, которую получалъ учитель французскаго языка Василій Люпна: „житней муки дойницъ 8, пшеничной дойницу 1, гречаной дойницъ 2, крупъ гречаныхъ дойницу 1, пшена дойницу съ половиной, гороху 1/2 дойницы, сала пудовъ 2, соли пудовъ 2, рыбы пенги 500, олѣи ведеръ 4, масла коровьяго пудовъ 2, пива бочку, сивухи ведеръ 8, на опалъ (отопленіе) колодъ 30".

денегъ на покупку провизіи „по собственному ихъ изобрѣтенію и произволенію“ въ размѣрѣ 13—15 к. въ день, а дрова, хлѣбъ и овощи велѣно отпускать въ началѣ недѣли или мѣсяца. Съ назначеніемъ академіи штатнаго оклада выдача провизіи прекратилась; хотя не всѣ учителя сразу получили увеличенный окладъ, за то монашествующихъ учителей позволено было зачислять въ монахи Лавры съ назначеніемъ имъ жалованья. Съ этого времени учительское жалованье все продолжаетъ возрастать: въ 1789 г. учителя получали отъ 50 до 400 руб., въ 1802 г. за преподаваніе каждаго предмета полагалось отъ 30 до 350 р. (т. к. обыкновенно каждый учитель преподавалъ нѣсколько предметовъ, то сумма жалованья въ общемъ увеличилась), въ 1813 г. ректору положено было 1000 р., префекту 600 р., учителямъ отъ 100 до 860 р. въ годъ.

Средства содержанія учащихся, жившихъ въ сиротскомъ домѣ, число которыхъ въ 70-хъ гг. доходило до 400 чел., отличались еще меньшимъ постоянствомъ. Ученики эти имѣли „пропитаніе и содержаніе себѣ отъ доброхотныхъ дателей“ или „спрошенною милостынею“. Крупныя доброхотныя даянія были рѣдки и случайны. Питомцы академіи „по обыкновенію и нуждѣ своей“ расхаживали по Кіеву и пѣли передъ домами зажиточныхъ гражданъ, выпрашивая подаяніе. Первой постоянной суммой на содержаніе учащихся были 250 р., ассигнованные въ 1766 г. Этихъ денегъ впрочемъ хватало только на то, чтобы выдавать „простыя шубки“ да по парѣ сапогъ на зимнее время. Въ 1779 г. митр. Гавріилъ Кременецкій завѣщалъ 30,000 р., на проценты съ которыхъ должно было содержаться по 50 учениковъ піитики, риторики, философіи и богословія; на нихъ отпускалось въ мѣсяцъ отъ 40 к. (ученикамъ піитики) до 1 р. (богословамъ). Ученики младшихъ классовъ не могли пользоваться этимъ пожертвованіемъ. Только въ 1784 г. митр. Самуилъ велѣлъ варить для живущихъ въ бурсѣ учениковъ низшихъ классовъ на счетъ процентныхъ денегъ ежедневно щи и кашу, въ мясоѣдъ съ саломъ, а въ постъ съ постнымъ масломъ, и выдавать хлѣбъ и соль. Вмѣстѣ съ тѣмъ, запрещено было ходить по городу за сборомъ подаянія. Для прикрытія грѣшнаго тѣла ака-

демія выдавала бѣднѣйшимъ изъ своихъ воспитанниковъ только по шубѣ и по парѣ сапоговъ. О прочихъ принадлежностяхъ костюма они должны были заботиться сами. Насколько первобытна была одежда учениковъ можно судить по отвѣту академическаго начальства на распоряженіе митрополита о наймѣ прачекъ для стирки бѣлья учащихся. Академія доносила, что „нѣкоторые изъ живущихъ въ сиротскомъ домѣ совсѣмъ почти не имѣютъ рубахъ, особливо же другого бѣлья“ и потому полагала, что лучше, вмѣсто найма прачекъ, пошить неимущимъ бѣлье. Митрополитъ согласился съ этимъ мнѣніемъ. Въ 1797 г. на содержаніе учащихся было ассигновано изъ штатной суммы 4000 р. въ годъ. На эти деньги, по росписи правленія, можно было воспитывать 50 чел. на полномъ содержаніи и 150 чел. на одной пищѣ. Одежду для воспитанниковъ, пользовавшихся отъ академіи только пищею, должны были доставлять ихъ родственники или попечители. Но, несмотря на рядъ мѣръ къ понужденію этихъ родственниковъ и попечителей доставлять одежду ихъ питомцамъ, многіе „получали изъ домовъ своихъ подлое одѣяніе“, а другіе „и вовся всего лишены были“. Впрочемъ въ бурсѣ жило всегда болѣе положеннаго числа воспитанниковъ. Такъ, въ 1804 г. въ бурсѣ жило 258 чел. Въ 1807 г. число живущихъ въ бурсѣ было увеличено и къ 1812 г. дошло до 400. Около $^2/_3$ учащихся жили внѣ академіи. Дѣти болѣе состоятельныхъ родителей жили на наемныхъ квартирахъ, при нихъ, въ качествѣ репетиторовъ или т. наз. инспекторовъ, жили бѣдные студенты высшихъ классовъ. Иногда ученики съ цѣлью добыть себѣ пропитаніе нанимались въ услуженіе. Обладавшіе хорошимъ голосомъ попадали въ митрополичій хоръ, иные пристраивались къ школамъ, существовавшимъ при церквахъ. Митр. Іероѳей Малицкій приказалъ выдавать жившимъ внѣ академіи сиротамъ по 90 к. въ мѣсяцъ кормовыхъ, а митр. Серапіонъ завелъ для нихъ общій столъ. На академическую больницу сначала не отпускалось вовсе никакихъ средствъ. Не было и постояннаго лѣкаря. Только при Гавріилѣ Кременецкомъ стали отпускать на больныхъ по 2 к. въ день на человѣка. Митр. Самуилъ увеличилъ эту сумму до 3 к. и велѣлъ устроить сѣнники,

отхожія мѣста, ванну, очищать воздухъ куреніемъ уксуса и въ случаяхъ заразительныхъ болѣзней приглашать лѣкаря. Хотя потомъ и былъ приглашенъ постоянный лѣкарь съ жалованьемъ въ 50 р. въ годъ, но больница была въ плохомъ состояніи до тѣхъ поръ пока ее не принялъ въ свое завѣдываніе Х. Г. Бунге. Благодаря его заботамъ, больница была приведена въ сносное положеніе.

Въ первой половинѣ XVIII в. общихъ программъ академическаго курса не было, было только раздѣленіе на классы—ординарные и экстраординарные. Первыхъ было 8: аналогія, инфима, грамматика, синтаксима, піитика, риторика, философія и богословіе, вторыхъ 3: классы языковъ греческаго, еврейскаго и нѣмецкаго. Провѣрка занятій заключалась въ томъ, что учителя ежегодно представлялиотчеты, а ректоръ лично посѣщалъ классы. Въ 1751 г. архидіаконъ Манассія Максимовичъ представилъ митр. Тимоѳею Щербацкому проектъ упорядоченія академическаго преподаванія путемъ совмѣстной выработки членами академической корпораціи программъ для каждаго изъ классовъ. Митрополитъ отослалъ проектъ въ академію, а черезъ годъ ректоръ Георгій Конисскій и префектъ Георгій Щербацкій представили инструкцію для преподаванія, которую митрополитъ и утвердилъ съ нѣкоторыми добавленіями. По этой инструкціи въ школѣ аналогіи ученики получали первоначальное знакомство съ русскимъ и латинскимъ языками. Въ инфимѣ и грамматикѣ ученики продолжали занятія латинскимъ языкомъ. Въ синтаксимѣ латинская грамматика оканчивалась и читались: исторія Сульпиція, Іустинъ и Цицероновы эпистолы. Въ высшихъ школахъ, начиная съ піитики, ученики изучали регулы и формы піитической и риторической рѣчи. Здѣсь изъ авторовъ преобладали Цицеронъ и Горацій. Ученики занимались переводами, заучивали рѣчи и произносили ихъ наизустъ. Философія и богословіе не были стѣснены опредѣленными программами. До половины XVIII в. въ кіевской академіи господствовала философія Аристотеля. Префектъ академіи Давидъ Нащинскій, учившійся въ западно-европейскихъ школахъ, представилъ митр. Тимоѳею Щербацкому мнѣніе о необходимости ввести въ курсъ преподаванія систему Баумейстера, одного изъ

умѣреннѣйшихъ представителей Лейбницe-Вольфіанской философіи. Митрополитъ обратился за совѣтомъ къ Георгію Конисскому, тогда уже бѣлорусскому епископу. Георгій вполнѣ одобрилъ выборъ Нащинскаго. Тотъ же Давидъ Нащинскій пытался опредѣлить объемъ преподаванія богословія. Неудовольствія между ректоромъ Нащинскимъ и учителями выдвинули вопросъ объ упорядоченіи, какъ отношеній между ректоромъ и преподавателями, такъ и самаго преподаванія. Выработать подробную инструкцію пришлось уже преемнику Нащинскаго Самуилу Миславскому. Новая инструкція забраковала прежніе учебники и ввела новые, измѣнила порядокъ въ преподаваніи латинскаго языка и обязала изучать польскій языкъ наряду съ русскимъ и латинскимъ. Уже въ аналогіи польскій языкъ былъ постояннымъ разговорнымъ, а въ другихъ классахъ переводы съ латинскаго дѣлались на русскій и на польскій языки. Латинскіе стихи переводились на „россійскій языкъ“ стихами же, а риторы должны были составлять орацiи и произносить ихъ съ каѳедры, философы произносили проповѣди собственнаго сочиненія и участвовали въ диспутахъ. При переводахъ предписывалось обращать вниманіе на то, „чтобы тотъ переводъ былъ чистый и россійскому языку свойственный, а не простый и грубый, съ польскимъ нарѣчіемъ смѣшанный, какой прежде сего бывалъ“. Выработана была и подробная программа богословія и двухлѣтній богословскій курсъ замѣненъ четырехлѣтнимъ. Инструкція обратила вниманіе и на изученіе языковъ: еврейскаго, греческаго, нѣмецкаго и французскаго (введеннаго въ 1753 г.). На преподаваніе ихъ положено по два года и велѣно „богословіи и философіи учащимся всегда напоминать то, что естьли они не будутъ языкамъ разнымъ обучаться, то и мѣстами никакими не будутъ снабжены“. О преподававшихся уже тогда въ академіи другихъ экстраординарныхъ предметахъ—ариѳметикѣ, исторіи и географіи,—инструкція не упоминаетъ. Занятія распредѣлялись такъ: по понедѣльникамъ, средамъ и пятницамъ отъ 7 до 10 час. утра и отъ 1 до 5 час. по полудни, по вторникамъ и четвергамъ отъ 7 до 10 и отъ 1 до 3 час., а по субботамъ отъ 7 до 10 и отъ 1 до 3 час. На ординарные классы назначалось по 20 час. въ

недѣлю, на языки греческій и французскій по 9, нѣмецкій—6 и еврейскій—5.

Въ 80-хъ годахъ прошлаго столѣтія академическое преподаваніе было реформировано. Реформаторомъ явился тотъ же Самуилъ Миславскій, занимавшій теперь митрополичью каѳедру. Въ основу реформы положено было сближеніе академическаго курса съ курсами, выработанными для свѣтскихъ школъ. Введено было изученіе русскаго языка и словесности, общеобразовательныхъ предметовъ и усилено преподаваніе новыхъ языковъ. Особенное вниманіе митрополитъ обратилъ на русскую словесность. Для преподаванія ея вызванъ былъ изъ Троицкой семинаріи студентъ богословія Дмитрій Сигиревичъ, уроженецъ Воронежской губ. Учителя новыхъ языковъ должны были преподавать ихъ на русскомъ языкѣ „съ наблюденіемъ выговора, который употребляется въ Великороссіи“. Учителя и ученики обязаны были соблюдать русское правописаніе подъ страхомъ увольненія изъ академіи въ свѣтскую команду. Для домашняго упражненія учениковъ въ русской грамотѣ былъ назначенъ въ бурсу особый репетиторъ. Въ 90-хъ гг. въ академіи уже два учителя—одинъ для русской грамматики, другой для россійской поэзіи и риторики. Изъ новыхъ языковъ Самуилъ обратилъ особое вниманіе на французскій, для преподаванія котораго назначены были также два учителя. Съ цѣлью введенія въ преподаваніе новыхъ методовъ, получившихъ право гражданства въ свѣтской школѣ конца XVIII в., митрополитъ назначалъ въ академію учителями лицъ, окончившихъ курсъ въ учебныхъ заведеніяхъ, открытыхъ коммиссіею народныхъ училищъ для образованія учителей. Приняты были и изданные тою же коммиссіею учебники, которые замѣнили господствовавшія до того рукописныя записки. По рапорту академіи въ Св. Синодъ отъ 24 марта 1798 г. въ ней преподавались: богословіе, философія, риторика и поэзія латинская и россійская и было три грамматическихъ класса (классъ аналогіи былъ упраздненъ еще въ 1773 г.). Экстраординарными предметами были: математика чистая и смѣшанная, исторія и географія, языки греческій, нѣмецкій, еврейскій и польскій и рисованье. Классъ французскаго языка былъ закрытъ въ 1794 г.

по слѣд. письму петерб. митрополита Гавріила: „семинаристы ваши обучаются французскому языку, но какъ опытъ доказалъ, что неблагонамѣренные изъ нихъ знаніемъ сего языка злоупотребляютъ; мнѣ поручено вашему преосвященству писать, чтобы благоволили сей классъ оставить". Въ 1798 г. академія рѣшила вновь открыть классъ французскаго языка, если на это согласится Синодъ.

Указомъ 31 октября 1798 г. духовно-учебныя заведенія раздѣлены были на 4 округа по числу академій, въ которыя рѣшено было высылать каждые два года лучшихъ учениковъ семинарій для четырехлѣтняго обученія въ академіи съ цѣлью приготовленія учителей семинаріи. Такимъ образомъ академіи становились высшими духовно-учебными заведеніями. Измѣнена была и программа академическаго курса. Богословскій курсъ былъ расширенъ, велся на латинскомъ языкѣ и продолжался три года. Философскій курсъ продолжался два года и въ него, сверхъ краткой исторіи философіи, логики, метафизики и нравоученія, входили натуральная исторія и физика. Философы писали диссертаціи, а богословы проповѣди. И философамъ и богословамъ вмѣнялось въ обязанность изучать въ классѣ высшаго краснорѣчія рѣчи лучшихъ авторовъ на русскомъ и латинскомъ языкахъ и сочинять собственныя „имитаціи". Языки еврейскій и греческій были обязательны для всѣхъ, а изъ новыхъ обязателенъ былъ только одинъ—французскій или нѣмецкій. Вмѣстѣ съ тѣмъ предписывалось не обременять малолѣтнихъ учениковъ изученіемъ многихъ предметовъ, поднять знаніе латинскаго языка, упавшее въ послѣднее время, обратить вниманіе на то, чтобы ученики умѣли читать церковныя книги, пѣть церковныя пѣсни и знали уставъ, и, наконецъ, велѣно было пріучать учениковъ къ сельской и домашней экономіи и врачеванію болѣзней. Впрочемъ послѣдніе два предмета не были введены въ кругъ академическаго преподаванія. Экономіи ученики обучались путемъ обязательнаго чтенія книгъ, а медицинѣ практически путемъ назначенія лѣкарю помощниковъ изъ учениковъ.

Введеніе, въ силу этого указа, новыхъ предметовъ привело въ Кіевской академіи къ увеличенію числа учебныхъ часовъ. Распо-

ряженіе о необремененіи учениковъ низшихъ классовъ вызвало новое распредѣленіе предметовъ въ этихъ классахъ. Въ низшемъ грамматическомъ классѣ обучали польскому языку, „яко въ сей и другихъ къ ней сосѣдственныхъ губерніяхъ употребляемому“, въ среднемъ продолжался польскій яз. и начиналась ариѳметика, въ высшемъ, сверхъ этихъ предметовъ, прибавлялся французскій или нѣмецкій яз. Въ піитикѣ къ перечисленнымъ выше предметамъ прибавлялась исторія, географія и греческій языкъ. Въ риторикѣ начинали математику. Кромѣ чистой математики, раздѣлявшейся на два курса, преподавалась смѣшанная, къ которой отнесены были: „гражданская и военная архитектура, механика, гидростатика, хорометрія, гидравлика, оптика, котоптрика, діоптрика и перспектива, тригонометрія сферическая, начала астрономіи, географія, гидрографія, гномика и математическая хронологія“. Вся эта премудрость была втиснута въ два класса, а съ 1802 г. въ одинъ. Курсъ исторіи и географіи дѣлился съ 1802 г. на 4 класса, къ которымъ въ 1807 г. прибавленъ былъ 5-й—институтный. Медицинскій классъ былъ открытъ въ томъ же 1802 г. и лекціи въ немъ читались 2 раза въ недѣлю по 2 часа каждая на латинскомъ языкѣ. Около того же времени открытъ особый классъ „нотнаго и ирмойнаго пѣнія“. Для неосиливавшихъ латыни при академіи съ 1800 г. была учреждена особая русская школа, вскорѣ преобразованная въ трехклассную съ пятилѣтнимъ курсомъ. Изъ искусствъ въ академіи процвѣтали рисованіе, для котораго при Самуилѣ Мисловскомъ былъ открытъ особый классъ, и музыка инструментальная и вокальная. Академическій хоръ состоялъ иногда изъ 300 чел. Для оркестра былъ особый капельмейстеръ.

Въ классахъ ученики сидѣли по успѣхамъ. Первая скамья носила почетное названіе „senatus“. Уроки выслушивались избраннымъ изъ учениковъ же аудиторомъ, который отмѣчалъ отвѣты въ своихъ нотатахъ и эрратахъ; auditor auditorum выслушивалъ самихъ аудиторовъ. Впрочемъ аудиторы были только до риторики. Учитель провѣрялъ отмѣтки аудиторовъ и затѣмъ объяснялъ слѣдующій урокъ. По субботамъ сдавали все пройденное за недѣлю. Въ концѣ мѣсяца были публичные экзамены.

И академическое начальство, и учителя заботились о томъ, чтобы пріохотить воспитанниковъ къ чтенію книгъ. Нѣкоторые изъ учителей въ свободное время звали къ себѣ избранныхъ учениковъ и устраивали совмѣстныя чтенія. Въ 1792 г. учитель поэзіи Ириней Фальковскій учредилъ „Вольное піитическое общество", члены котораго взносили рубль единовременно или 50 к. въ годъ и имѣли право пользоваться выписываемыми этимъ обществомъ книгами. Еще около 1768 г. при академіи была основана спеціальная ученическая библіотека, которая въ самомъ началѣ получила въ даръ значительное количество книгъ, главнымъ образомъ отъ бывшихъ питомцевъ академіи. Въ фундаментальной библіотекѣ въ 1780 г. числилось до 12,000 книгъ. Въ 1784 или 1785 г. библіотека эта сгорѣла. Но, благодаря щедрымъ пожертвованіямъ и покупкѣ, библіотека скоро пополнилась и въ 1804 г. въ ней числилось до 8,000 книгъ. Въ 1811 г. она снова пострадала отъ пожара.

Воспитательныя средства не отличались мягкостью. Правда, инструкція 1763 г. нѣсколько ограничивала наказанія. Такъ, за невыученный неоднократно урокъ учителю предписывалось „малолѣтнему кромѣ трехъ ударовъ, а большаго возраста кромѣ пяти никогда не давать и то имѣя разсужденіе о состояніи, о здравіи и о слабости дитины", а за проступокъ, „который произошелъ приватно между учениками отъ взаимной ссоры, или ребячей шалости, а не касается къ обидѣ сторонніхъ людей, то и тогда учителю давать не болѣе, какъ 20, а за проступки, вящшаго еще наказанія достойные, всегда доносить префекту, а самому учителю не наказывать". Размѣръ наказанія, налагаемаго префектомъ, ограниченъ не былъ, хотя предлагалось наказывать „малыхъ розгою, а большихъ и среднихъ первѣе словомъ угрозительнымъ, другой разъ переведеніемъ съ высшей школы въ низшую, третій лишеніемъ кондиціи или мѣста опредѣленнаго и инымъ наказаніемъ по разсмотрѣніи дѣла и вины, а наконецъ на неисправляющихся доносить ректору". Гавріилъ Кременецкій запретилъ учителятъ сѣчь учениковъ розгою, но это предписаніе, какъ и предписаніе инструкціи о количествѣ ударовъ, не соблюдалось.

Такъ, въ 1790 г. одинъ ученикъ риторики жаловался митрополиту, что, „получивъ не по заслугамъ, но по злобѣ отъ учителя риторики въ классѣ наказаніе очень чувствительное, состоящее около 50 ударовъ, болѣе уже ученія продолжать не намѣренъ". Убѣдившись въ справедливости жалобы, митрополитъ велѣлъ уволить жалобщика для поступленія въ медико-хирургическій институтъ. Увольняли изъ академіи крайне рѣдко.

Часты бывали въ академической жизни и различныя торжества. Храмовые праздники на Крещенье и Благовѣщенье, вечерня въ день кончины Петра Могилы (31 декабря) отличалось торжественнымъ богослуженіемъ. Въ Лазареву субботу устраивалась торжественная процессія. Въ праздники Рождества, Пасхи и въ дни имянинъ митрополита студенты приносили ему поздравленія и привѣтствовали его на разныхъ языкахъ въ стихахъ и въ прозѣ. Въ маѣ устраивались такъ наз. рекреаціи, т. е. гулянья за городомъ на Шулявкѣ, Глубочицѣ, около Кириллов-скаго монастыря, рѣже въ Борщаговкѣ. Рекреаціи сопровождались пѣніемъ, музыкой и иногда драматическими представленіями. Особенно торжественный характеръ имѣли академическіе диспуты. Наканунѣ митрополитъ уѣзжалъ въ лавру, куда утромъ съѣзжались почетнѣйшіе кіевскіе обыватели. Часовъ въ девять вереница экипажей направлялись изъ лавры въ Братскій монастырь. Процессія эта растягивались такъ, что когда экипажъ митрополита былъ уже на Александровскомъ спускѣ, послѣдніе экипажи еще выѣзжали изъ лавры. При входѣ въ монастырь митрополита встрѣчали пѣніемъ, музыкой и рѣчами. Гостямъ раздавались программы диспута. Учитель произносилъ краткую рѣчь и начинался споръ между двумя студентами, состоявшій въ доказываніи и опроверженіи какого-нибудь философскаго или богословскаго тезиса. При посѣщеніи академіи высокопоставленными особами устраивались экстренныя торжества. Такъ, въ 1781 г. при посѣщеніи Братскаго м-ря вел. княземъ Павломъ Петровичемъ съ супругою высокіе гости были встрѣчены у входа учащимъ персоналомъ и монастырскою братіею, а студенты „отъ вратъ къ церкви стояли въ два ряда, пѣвчіе же въ бѣломъ платьѣ съ лав-

рами на головахъ, а въ рукахъ держа пальмы, по сторонамъ шли и пѣли кантъ". Въ помѣщеніи академіи „академисты мальчики привѣтствія сказывали по единому сими языки по русску, по польску, по латыни, по нѣмецки, по французску, по еллиногречески, по еврейску. По сказаніи сихъ рѣчей отецъ архимандритъ поднесъ Ихъ Высочествамъ рукописныя оды въ тетрадяхъ, обложенныхъ парчею, а обоимъ фельдмаршаламъ графу Понятовскому и графу Румянцеву и генералитету тутъ бывшему—зеленою тафтою". Подобныя встрѣчи устраивались Екатеринѣ II въ 1787 и Александру I въ 1816 г.

До половины XVIII ст. Кіевская академія была общесословнымъ учебнымъ заведеніемъ. Но уже во второй половинѣ столѣтія она мало по малу начинаетъ превращаться въ заведеніе духовно-учебное. Съ одной стороны открытіе новыхъ школъ отвлекаетъ воспитанниковъ свѣтскаго званія, съ другой епархіальное и академическое начальство начинаетъ заботиться о томъ, чтобы въ академіи преобладали дѣти духовенства. Митрополиты дѣлаютъ рядъ распоряженій относительно обязательной высылки духовенствомъ своихъ дѣтей въ академію и въ то же время стараются затруднить выходъ изъ академіи до окончанія курса. Окончившимъ курсъ отдавалось предпоченіе при назначеніи на священническія мѣста. Такъ, въ указѣ 1760 г. духовнымъ властямъ Кіевской епархіи предписывалось: „дабы отдавали въ замужье дочерей своихъ священники и діаконы, желающіе зятей имѣть на своихъ парохіальныхъ мѣстахъ такихъ, гдѣ имѣется приходскихъ домовъ отъ 80 до 100 и выше, за учительныхъ дѣтей академіи Кіевской богословіи, а гдѣ отъ 60 до 80 дворовъ, по крайности, когда изъ богослововъ не сыщутся, за философовъ, а гдѣ и ниже 60 дворовъ, священники и діаконы прежде искали бы по прописанному изъ учительныхъ, а если бы къ какому приходу, какъ къ меньшему, такъ и къ большему не могли затѣмъ пріискаться люди учительные къ дочерямъ священническимъ и діаконскимъ, по крайнему ихъ о томъ старательству, то имъ представлять о томъ доношеніями по порядку, а безъ того священникамъ и діаконамъ, равно

какъ протопопамъ и наместникамъ дочерей своихъ за неучительныхъ, проповѣдывать слова Божіе не могущихъ, въ надежду рукоположенія ихъ на свои парохіальныя мѣста не выдавать." Въ 1770 г. Синодъ также предписываетъ предпочитать учившихся неучившимся при „произвожденіи въ священные чины," а Самуилъ Мислављскій даже вовсе запретилъ представлять неучившихся въ высшихъ классахъ академіи къ священническимъ и діаконскимъ мѣстамъ.

Всѣ указанныя выше обстоятельства способствовали тому, что во второй половинѣ XVIII ст. число дѣтей духовныхъ родителей постепенно возрастало, число же свѣтскихъ воспитанниковъ уменьшается. Такъ, въ 1744 г. первыхъ было 380, вторыхъ 722, въ 1778 число тѣхъ и другихъ одинаково по 418, къ концу столѣтія, въ 1799 г., воспитанниковъ духовнаго званія 544, свѣтскаго 234, наконецъ, въ 1811 г. цифры эти достигаютъ 1069 и 129.

Пріемъ въ академію учащихся производился въ концѣ августа и началѣ сентября. Возрастъ для поступленія не былъ опредѣленъ точно—принимали отъ 7-лѣтняго до 15-лѣтняго возраста. Въ самыхъ школахъ различіе учениковъ по возрасту было очень велико: въ школѣ богословія ученики были отъ 19 до 34 лѣтъ, философіи 17—30, риторики 14—29, поэзіи 13—26, синтаксимы 12—24, грамматики 12—23, инфимы 11—20, аналогіи 9—19. Огромное большинство учащихся были уроженцами нын. Черниговской и Полтавской губ., но бывали и изъ отдаленныхъ мѣстностей, даже изъ-за границы. Академическій курсъ продолжался 13 лѣтъ, но въ концѣ XVIII ст. былъ сокращенъ до 11. Въ каждомъ классѣ можно было оставаться нѣсколько лѣтъ. Неуспѣвавшихъ или провинившихся часто переводили въ низшій классъ. Иногда вмѣсто перевода въ низшій классъ увольняли изъ академіи и опредѣляли на причетническія мѣста. Многіе сами увольнялись изъ академіи, а иные просто не являлись изъ отпуска. Нерѣдко уходили изъ академіи и лучшіе воспитанники. Съ открытіемъ Московскаго университета многіе студенты академіи перешли туда. Многихъ соблазняла медицинская

служба и они отправлялись въ Москву, гдѣ получали при тамошнемъ госпиталѣ и аптекѣ медицинское образованіе, пользуясь казенной субсидіей. Не мало уходило и въ заведенныя коммиссіей народныхъ училищъ школы. Конечно, оставленіе академіи лучшими воспитанниками печально отражалось на ея состояніи и было одной изъ причинъ ея упадка въ началѣ текущаго столѣтія.

ПЕРЕДЪ БУРЕЙ[1].

ИСТОРИЧЕСКІЙ РОМАНЪ ИЗЪ ВРЕМЕНЪ ХМЕЛЬНИЩИНЫ.

XXX.

На высокомъ берегу Сулы расположился грознымъ вѣнцомъ гордый и неприступный замокъ князя Іереміи. Уже издали виднѣется онъ острыми шпицами своихъ башенъ и зубцами красныхъ стѣнъ.

Вокругъ замка идетъ широкій и глубокій ровъ, наполненный до краевъ водою; надъ въѣздомъ три башни, а подъ ними на цѣпяхъ тяжелый и крѣпкій подъемный мостъ. Стѣны тянутся острыми выступами и на каждомъ изъ нихъ грозно усѣлась тяжелая, круглая башня; осматриваетъ она черными щелями своихъ амбразуръ всю окрестность, растянувшуюся у подошвы горы. Изъ узкихъ отверстій выглядываютъ длинныя жерла „гаковницъ“.

А за зубцами стѣнъ подымаются еще болѣе высокія башни самого княжьяго замка, заключеннаго въ замковомъ дворѣ. По стѣнамъ медленно ходятъ стражники; караулъ стоитъ у воротъ.

За замкомъ пріютился, вдоль по горѣ и у подножья ея, княжій городъ Лубны. Высокія крыши тѣсно-тѣсно сплотились и прижались другъ къ другу, стремясь укрыться отъ дикихъ нападеній татаръ подъ охрану грознаго замка. Вокругъ города тянутся также и ровъ, и деревянныя стѣны, набитыя, между двухъ рядовъ колоссальныхъ бревенъ, глиной и землей.

Съ правой стороны замка, саженей двѣсти, не дальше, тянется безконечный дѣвственный лѣсъ. Онъ спускается до самаго дна обрыва,

---

[1]) См „Кіевск. Сарт.“ 1897 г. № 11.

отдѣляющаго отъ замка, густою, непроходимою стѣной, а слѣва и прямо обогнула подножье горы тихая Сула. За Сулой, сколько око хватитъ, протянулись ровною, зеленою пеленой, топкія болота и заливные луга. Къ берегу Сулы ведетъ изъ замка „тайникъ“, а на случай, если бы враги даже и отвели рѣку, выкопанъ въ замкѣ глубокій колодезь. Правда, трудно было копать его на такой высотѣ, да у князя Яремы есть на всякую его прихоть тысячи даровыхъ, послушныхъ рукъ.

И гордо смотритъ замокъ со своей высоты на распростершуюся у его ногъ окрестность, потому что нѣтъ и не было еще такой силы, которая могла бы сломить его.

Въ замчищѣ шумъ, суматоха, движеніе...

Изъ множества конюшенъ, устроенныхъ подъ замковыми стѣнами, слышится храпъ, ржанье и фырканье лошадей. По двору снуютъ толпы разнородныхъ слугъ и надворной команды, одѣтыхъ въ самые пестрые цвѣта, съ расшитыми гербами своихъ господъ. Кое гдѣ подъ навѣсами, у деревянныхъ, грубыхъ столовъ, собрались за кружкой добраго пива старые рубаки. Они вспоминаютъ пережитыя битвы и каждый превозноситъ своихъ вождей. Въ иныхъ мѣстахъ играютъ въ кости и въ „четъ и не четъ“; любопытные окружаютъ стѣной играющихъ, принимая живое участіе въ ходѣ игры и подзадоривая то ту, то другую сторону. Передъ самою выѣздною „брамой“ группы подвыпившихъ слугъ забавляются чехардой; взрывы дружнаго хохота сопровождаютъ каждый неудачный скачокъ. И сторожа при башнѣ, и воротарь, и мостовничій не отводятъ глазъ отъ играющихъ.

Между тѣмъ, со стороны въѣздной „брамы“ раздался звукъ трубы, но за шумомъ и гамомъ никто его не разслышалъ. Спустя немного времени затрубили опять. Дѣйствительно, къ противоположной сторонѣ замковаго рва подъѣхалъ чей то пышный поѣздъ. Впереди всѣхъ подскакалъ на горячемъ конѣ, окруженный небольшою свитой, статный молодой шляхтичъ въ роскошной шляпѣ, съ развѣвающимся длиннымъ перомъ. За нимъ подъѣхало десять высоко-нагруженныхъ возовъ, окруженныхъ слугами и „погоничами“.

— Ну, что-жъ вы поснули тамъ, что ли?—крикнулъ по польски громко и нетерпѣливо молодой шляхтичъ, когда и послѣ третьяго сигнала не появлялся на башнѣ никто.

Какъ бы въ отвѣтъ на его гнѣвное восклицаніе, показалась, наконецъ, въ окнѣ надъ воротами тощая фигура вахмистра, и крикливый голосъ спросилъ:

— Кто идетъ и откуда?

— Панъ Адамовичъ-Шпорецкій, посолъ отъ князя Конецпольскаго.

— Откуда и куда?—раздался снова тотъ же крикливый вопросъ.

Въ отвѣтъ не него молодой шляхтичъ разразился такою энергичною бранью, что тощій вахмистръ, убѣдившись теперь вполнѣ въ высокомъ назначеніи пана, кубаремъ спустился съ башни и поспѣшилъ отдать надлежащій приказъ.

Черезъ нѣсколько минутъ тяжелыя желѣзныя цѣпи жалобно заскрипѣли, и огромный мостъ началъ медленно опускаться; наконецъ, чудище съ грохотомъ упало, и всадники въѣхали на него по парно.

Молодой шляхтичъ приблизился къ самому его краю и измѣрилъ глазами ширину рва, наполненнаго почти до краевъ темнѣющею водой.

— Ишь ты, бѣсова „копанка“,—проговорилъ онъ вполголоса,—пожалуй и не переплывешь!

— Въ зброѣ и думать нечего!—отвѣтилъ ему ближайшій изъ сопровождавшихъ его пяти слугъ; четыре остальные ѣхали за огромнымъ возомъ, напакованнымъ грузными мѣшками, въ которыхъ очевидно заключались вещи богатаго шляхтича. Шляхтичъ бросилъ на него многозначительный взглядъ и молча сталъ разсматривать грозную крѣпость.

„Да, это чортовое гнѣздо почище Кодака будетъ,—мелькали у него мысли,—ее простыми зубами не угрызешь... этакую твердыню можно добыть лишь подкопомъ... да голодомъ... Не пустое-ли дѣло задумалъ Максимъ? Впрочемъ, чѣмъ чортъ не шутитъ“! Попался въ руки Адамовичъ-Шпорицкій,—такъ и воспользуемся его бумагами... Они думали насъ изловить и живьемъ зажарить, а мы попробуемъ ихъ... Лишь бы князя выманить, да завесть къ „дидьку“ въ болото... Вѣрно: „утикъ—не втикъ, а побигты можна“! и онъ двинулся рѣшительно въ браму...

Въ самомъ замкѣ, освѣщенномъ сверху до низу тысячью сіяющихъ огней, собралось самое пышное панство. Идутъ шумные толки, споры, дебаты,—передъ большимъ варшавскимъ сеймомъ панство устраиваетъ свой маленькій, приватный сеймикъ.

Большой двухсвѣтный залъ князя Яремы, напоминающій скорѣе внутренность какого-то гигантскаго храма, освѣщенъ весь безчисленнымъ множествомъ восковыхъ свѣчей. Съ высокаго потолка, разрисованнаго на подобіе неба и украшеннаго мѣсяцемъ и золотыми звѣздами, спускаются на длинныхъ цѣпяхъ три круглыя люстры, усаженныя восковыми свѣчами; свѣчи горятъ по стѣнамъ въ сере-

бряныхъ „свѣчницахъ“, горятъ и въ тяжелыхъ шандалахъ, разставленныхъ на длинныхъ столахъ. Зала полна свѣта и блеска, и пышностью не уступаетъ королевскому дворцу. На стѣнахъ прибиты щиты, ключи и знамена добытыхъ княземъ и его предками замковъ и городовъ. Золоченые, штофные стулья и лавки тянутся рядами вдоль стѣнъ и столовъ. Пиръ уже оконченъ, но драгоцѣнные кувшины и кубки покрываютъ еще всѣ столы. Неслышно скользятъ по мраморному полу разодѣтые слуги и доливаютъ ихъ мальвазіей, венгерскимъ и старымъ медомъ.

Панство группируется кружками и вокругъ столовъ. Молодые шляхтичи увиваются подлѣ прелестныхъ паненокъ княгини Гризельды. Сдержанный гулъ стоитъ въ залѣ отъ множества голосовъ. За главнымъ столомъ, въ сторону котораго устремляются то и дѣло глаза собравшагося панства, раздаются громкіе и властные голоса.

Во главѣ стола, рядомъ съ княземъ Яремой, сидитъ прелестная молодая женщина. Волнистые вороньяго крыла волосы обрамляютъ ея бѣлый небольшой лобъ. Черныя брови лежатъ на немъ бархатными шнурками, а глаза, темные и блестящіе, кажутся еще темнѣе и больше отъ матовой бѣлизны лица. Все въ ней дышетъ необычайною тонкостью и изяществомъ, но сжатыя тонкія губы показываютъ и силу, и страстность характера. По лѣвую руку княгини сидитъ молодая пани, жена стараго магната Корецкаго, давняя подруга Гризельды.

Нельзя было назвать пышную пани красавицей, но въ ея наружности было что-то обольстительное. Роскошные волосы были взбиты въ высокую прическу надъ гордо посаженною головой; густыя черныя брови почти сходились надъ переносицей, а темные съ поволокой глаза то потухали въ истомѣ, то искрились дерзкимъ огнемъ. На припухлыхъ, чувственныхъ розовыхъ губкахъ бродила насмѣшливая улыбка.

Подъ прозрачной, какъ алебастръ, кожей разливался нѣжный румянецъ, касаясь открытой шеи и розовыхъ ушей, а на лѣвой щекѣ выдѣлялась темнымъ пятнышкомъ маленькая бархатистая родинка. По правую руку княгини расположился панъ ксендзъ, въ одеждѣ Іезуитскаго ордена. Онъ зорко слѣдитъ за разговоромъ, незамѣтно направляя его туда, куда хочется ему самому. За паномъ ксендзомъ, молча и пыхтя, тянетъ венгржину необъятный князь Заславскій; за нимъ вытянулся неподвижно, словно проглотилъ желѣзный аршинъ, высокій и тонкій панъ Остророгъ. Несмотря на свое знатное имя и извѣстную всей Рѣчи Посполитой ученость, онъ кажется среди собравшагося кичливаго панства человѣкомъ, попавшимъ не въ свое общество. Голубые близорукіе глаза его расте-

рянно переходятъ съ одного магната на другого; движенія неловки и неувѣренны, и только по высокому умному лбу, окруженному свѣтлыми волосами, можно замѣтить, что это не загнанный бѣдный шляхтичъ, попавшій неожиданно въ роскошную среду, а кабинетный ученый, очутившійся вдругъ въ непривычномъ для него обществѣ женщинъ, воиновъ и кичливыхъ, кричащихъ вельможъ. Вокругъ стола тѣсною стѣной сплотились менѣе важные паны. Всѣ слушаютъ разговоры съ живымъ интересомъ, но, между тѣмъ, въ головѣ каждаго мелькаютъ быстрыя соображенія, на чью сторону выгоднѣе стать и что съ какой стороны можно заполучить?

— Такъ,—говоритъ рѣзко и отрывисто князь Ярема, подкручивая ежеминутно свои тонкіе черные усы,—до насъ доходятъ смутные слухи... говорятъ о какомъ то заговорѣ... упоминаютъ объ Оссолинскомъ и королѣ; набираются де войска... артиллерія. Козачья сволочь снова подымаетъ голову, и я мечомъ моимъ клянусь, что между этими новыми повстанцами и тайными замыслами короля есть какая то скрытая связь. Нѣтъ!—ударилъ онъ по столу кулакомъ,—мы не можемъ теперь быть покойными даже за свою вольность! И это будетъ такъ вѣчно, говорю я вамъ, пока Рѣчь-Посполитая будетъ „обирать“ на тронъ свой чужихъ, чуждыхъ ей королей. Развѣ среди насъ мало князей, ведущихъ родъ отъ Витовта, Ольгерда? Шляхтѣ угодно „обирать“ чужеземца, такъ не къ чему и ждать отъ него любви къ нашей отчизнѣ... Насъ предаютъ... И кто предаетъ? Самъ король! Что ему Рѣчь-Посполитая? Она не была и не будетъ ему никогда отчизной! Не такъ ли домогался онъ и московской короны?!... А сколько пролилъ шляхетской крови за шведскій престолъ? Но досыць, досыць! говорю я... Рѣчь-Посполитая не подножье королевскаго трона и хлопскихъ затѣй!

— Совершенно вѣрно, ясный княже!—прогудѣла въ отвѣтъ ближайшая шляхта.

— Князь Вишневецкій — „уродзоный круль“,—выкрикнулъ кто то въ заднихъ рядахъ, послѣ горячей рѣчи князя Яремы.

— Этотъ законъ, панове,—отдуваясь, сообщилъ Заславскій,—постановленъ въ огражденіе нашей золотой вольности, чтобы короли не имѣли въ Рѣчи Посполитой ни собственности, ни родственныхъ связей.

— Однако, тѣмъ не менѣе,—возразилъ горячо Вишневецкій,—и отъ чужеземца идутъ подкопы подъ насъ, а поддержку находитъ онъ тоже.

— Да, да,—сверкнулъ зелеными глазами Чарнецкій,—всѣ эти приготовленія къ войнѣ не даромъ... ужъ что-то они навѣрно

задумали съ этой лисой, купившей себѣ княжье достоинство въ Римѣ, съ этимъ нашимъ великимъ канцлеромъ!

— Бѣса кривого мнѣ въ его войнахъ!—воскликнулъ пышный панъ Заславскій, отставляя свой „келехъ“.—Ему хочется войсковой славы, а я за нее своими боками плати? Не будетъ! Подати снова, „мыта“, поборы, татары, грабежъ, разоренье. Не „позволямъ“, да и только! Хочешь воевать—въ пограничное войско иди!

Въ группахъ, окружившихъ столъ, раздались одобрительные возгласы.

— Послѣ послѣдняго повстанья мои украинные „маентки“ до сихъ поръ „облогомъ“ лежатъ, хлопство разбѣжалось, рукъ нѣтъ—продолжалъ онъ съ отдышкой.—На милость короля не надѣйся! И каштелянство, и староства онъ раздаетъ своей новой шляхтѣ, Осссолинскимъ, Казаковскимъ, а старой самой за плугомъ, что-ли, идти?—и тучный панъ Заславскій весь побагровѣлъ отъ благороднаго гнѣва и шумно отодвинулся отъ стола.

— Не въ хлопахъ дѣло!—возразилъ раздражительно Іеремія.—Это наше „быдло“ и съ нимъ мы расправимся сами... позорно для шляхты обращаться къ королевской ласкѣ въ этомъ дѣлѣ, а вотъ обуздать этого чужеземца слѣдуетъ. Объ этомъ нужно подумать.

— Обуздать, обуздать!—загалдѣли кругомъ.

— Да, — продолжалъ Вишневецкій, — если мы — правящій классъ въ Рѣчи Посполитой, такъ намъ и должно принадлежать исключительное право входить въ договоры съ иностранными державами, собирать войска, объявлять войну, заключать миръ, назначать подати и поборы, а этой коронованной иноземной куклѣ для почета достаточно и тысячи душъ стражи да доходу съ коронныхъ имѣній.

— Ха, ха, ха!—закачался отъ смѣху князь Заславскій,—коронованной куклѣ! Виватъ!

— Виватъ, ясноосвѣцонному князю!—подхватила и стоявшая шляхта, опорожняя „келехи“ и наполняя ихъ вновь старымъ медомъ.

— Отчего ты, Викторія, сегодня скучна?—обратилась къ своей подругѣ, между тѣмъ, княгиня Гризельда,—глаза твои такъ вяло, такъ безжизненно скользятъ по нашему пышному рыцарству?

— Не люблю я, признаться,—улыбнулась та,—этихъ разговоровъ про королей, да про хлоповъ... тоска! А рыцарство твое совсѣмъ не интересно!

— Какъ?!—изумилась Гризельда,—а присмотрись къ пану Раймунду, да къ пану Яну

— Экъ, невидаль!—сдѣлала презрительную гримасу подруга.

— Ты ужъ очень разборчива,—пожала плечами Гризельда,—никто тебѣ у насъ не нравится... Или заполонилъ твое сердце „малжонокъ“,—бросила она насмѣшливый взглядъ,—или...

— Или что?—вспыхнула полымемъ пани.

— Или оно всецѣло принадлежитъ кому-нибудь другому.

— Гризельда!—вскрикнула, какъ-бы прося пощады, Викторія,—на Бога!

— Или,—продолжала лукаво Гризельда,—оно совсѣмъ не способно къ любви.

— Послѣднее самое вѣрное,—улыбнулась, подавивши вздохъ, подруга, и темный взоръ ея ушелъ самъ въ себя.

А за столомъ между шляхтою опять поднялся оживленный говоръ. Вопросъ зашелъ о религіи, и Гризельда вся обратилась въ слухъ, а пани Викторія, воспользовавшись минутой, встала отъ стола и подошла къ паненкамъ.

— Да и здѣсь его королевская мосць оказалъ намъ услугу,—выкрикивалъ непріятнымъ и рѣзкимъ голосомъ князь Вишневецкій.

— Кто, какъ не онъ, хлопоталъ о греческой схизмѣ, кто отдалъ имъ епархіи? Мало того, хотѣлъ посадить схизматскаго митрополита съ нами въ сенатъ.

— O tempora, o mores!—промолвилъ іезуитъ.—Схизма на вѣрной землѣ, посвященной Папскому престолу и Пресвятой Дѣвѣ!

— Король хотѣлъ примирить вѣроисповѣданія во имя мира и спокойствія въ панствѣ,—вставилъ негромко Осторогъ.

— Только тотъ миръ и проченъ, который предписанъ мечемъ,—произнесъ гордо Іеремія, бросая въ сторону Осторога полный презрѣнія взглядъ.

— Ха, ха, ха, миръ съ хлопами!—разразился дикимъ смѣхомъ Чарнецкій.—Такъ можно разсмѣшить и мертваго: мирить меня съ тѣмъ, кто самъ съ головой и съ ногами въ моихъ рукахъ? Да послѣ этого мнѣ могутъ предложить помириться и съ моимъ надворнымъ псомъ!

— Однако,—поднялъ Осторогъ свои голубые глаза,—панъ забываетъ...

Но слова его перебилъ рѣзкій и надменный голосъ Іереміи.

— Но не бывать тому, панове!—крикнулъ онъ запальчиво.—Я не допущу этого, и если панство не пойдетъ за мной, самъ сорву сеймъ!

— Да и къ чему вмѣшательство короля въ наши религіозныя дѣла?—просопѣлъ багровый Заславскій.—Мы сами надъ собою паны, а въ помощь еще намъ могутъ стать святые отцы.

— И они бы давно сдѣлали свое дѣло, если-бы его милость король не былъ такъ ослѣпленъ склонностью къ схизмѣ,—вздохнулъ смиренно патеръ.—При покойномъ королѣ Жигимондѣ, пока не вмѣшивалась свѣтская власть въ дѣла церкви, нашъ орденъ не подвергался гоненію, и заблудшія въ схизмѣ овцы мирно возвращались въ лоно святой церкви, а нынѣ разогнаны слуги святѣйшаго отца, въ небреженіи дѣло вѣры, но..—іезуитъ поднялъ глаза къ потолку и произнесъ совсѣмъ тихо и смиренно:—Пока живу, надѣюсь, а надежда—въ Бозѣ!

При послѣднихъ словахъ патера на блѣдномъ лицѣ княгини вспыхнулъ горячечный румянецъ, черные глаза загорѣлись затаеннымъ огнемъ и, обращаясь къ мужу, она замѣтила дрожащимъ отъ волненія голосомъ:

— Неужели князь допуститъ и дальше такое насиліе надъ вѣрными служителями вѣры нашихъ отцовъ?—Неужели позволитъ схизмѣ множиться и распространяться на нашей землѣ?

— О, Пресвятая Дѣва!—воскликнулъ съ паѳосомъ іезуитъ.—Ты избираешь себѣ достойныхъ служительницъ на этой грѣшной землѣ.

Іеремія взглянулъ на княгиню... и вдругъ все лицо его, надменное, кичливое и холодное, преобразилось отъ несвойственнаго ему выраженія нѣжности и любви, оно сдѣлалось даже почти красивымъ.

— Нѣтъ, княгиня, клянусь,—воскликнулъ онъ гордо и увѣренно,—покуда я живъ, въ моихъ по крайней мѣрѣ владѣніяхъ измѣнѣ и схизмѣ не удастся свить своего гнѣзда!.. Размечу, съ лица земли сотру всѣ ихъ селенія, но водворю тишину и спокойствіе и истинную вѣру вотъ этимъ мечомъ!..

— И прославится имя твое отъ вѣка до вѣка и народы преклонятся передъ нимъ,—заключилъ торжественно патеръ.

Князь Остророгъ хотѣлъ было что-то сказать, но голосъ его покрыли громкіе и дикіе крики окружающаго панства: „Vivat! vivat! vivat!“

— Ба! кого я вижу, панъ ротмистръ?—воскликнулъ громко молодой уланскій поручикъ, сталкиваясь въ дверяхъ съ сѣдымъ офицеромъ въ формѣ коронныхъ гусаръ.

— Онъ самый,—отвѣтилъ тотъ съ радостною улыбкой, освѣтившею сразу его угрюмое на видъ лицо.

— Откуда? какъ? какимъ образомъ здѣсь?

Встрѣтившіеся знакомцы отошли въ амбразуру окна

— Я-то съ письмомъ отъ великаго польскаго гетмана, а ты, панъ-товарищъ, какимъ образомъ здѣсь?

— А развѣ панъ не слыхалъ, что я перешелъ въ войска князя Іереміи?.. Надоѣло стоять тамъ на „кресахъ“ (границахъ)! Здѣсь, по крайней мѣрѣ, жизнь, пышность, веселье, да и опаски нѣтъ никакой, а тамъ что за радость? Каждую минуту подставляй свою голову...—и онъ добавилъ, взявши пана ротмистра за руку:— Ну, а какъ пану нравится замокъ?

— Крѣпость неприступна. Гарнизонъ на мѣстахъ, порядокъ вездѣ безпримѣрный... Больше нечего и желать.

— Нѣтъ, я не о томъ!—усмѣхнулся снова панъ-товарищъ.— Какъ пану нравится самъ замокъ, пріемы, дворъ? Вѣдь по крулевски? Въ Варшавѣ не встрѣтишь такой красоты.

— Объ этомъ не знаю, въ королевскомъ дворцѣ не бывалъ, а что шуму много, то правда.

— Ха, ха!—перебилъ его панъ-товарищъ,—впрочемъ, панъ ротмистръ самой красы еще не видалъ. Я могу показать ему настоящій цвѣтникъ; но если панъ къ женщинамъ относится такъ-же сурово, то, быть можетъ, не стоитъ и огорчать нашихъ дамъ.

— О, нѣтъ!—усмѣхнулся добродушно панъ-ротмистръ подъ своими гигантскими усами, и подмигнулъ молодцовато бровью,— панны никогда не могли пожаловаться на мое равнодушіе.

— Въ такомъ случаѣ прошу пана слѣдовать за мной,—сказалъ панъ товарищъ, пробираясь осторожно сквозь снующее безпрестанно панство къ концу залы, гдѣ въ полукругломъ выступѣ, образовывавшемъ родъ гостинной, съ гигантскими окнами, протянувшимися почти отъ самаго потолка до самаго пола, размѣстились на шелковыхъ табуретахъ знатныя панны, проживавшія въ замкѣ князя Іереміи и составлявшія нѣчто въ родѣ свиты княгини Гризельды; между ними сидѣла теперь и пани Викторія. Пушистый турецкій коверъ покрывалъ весь полъ гостинной. Свѣчи въ высокихъ консоляхъ горѣли по угламъ, а въ открытыя окна вливался лѣтній воздухъ, такой душистый, теплый да неподвижный, что даже не колебалъ ни одного пламени свѣчи. Вокругъ вельможныхъ паненокъ суетились молодые магнаты, офицеры изъ княжьихъ, коронныхъ и другихъ хоругвей. Слышался сдержанный говоръ и веселый смѣхъ.

— Ну, а что, какъ пану ротмистру это понравится?—остановился панъ-товарищъ, любуясь издали блестящимъ видомъ залитыхъ золотомъ и каменьями красавицъ; но панъ-ротмистръ почему-то сурово молчалъ, не сочувствуя, очевидно, похваламъ, расточаемымъ его юнымъ собесѣдникомъ.

— А вотъ эта пани,—видитъ панъ-ротмистръ?—вонъ та, съ рыжеватыми волосами,—указалъ онъ на одну изъ дамъ, сидѣвшую

у раскрытаго окна, возлѣ которой увивалась цѣлая толпа.—Это пани Викторія, красавица, „малжонка“ стараго, престараго дѣда Корецкаго, ищущая утѣшителя... По ней сходитъ съ ума весь замокъ, даже, говорятъ, вельможный панъ Остророгъ забываетъ свою латынь, глядя на нее.

— Ну, что-же, хороша?—спросилъ замирающимъ отъ восторга голосомъ панъ товарищъ.

— Къ сухому пороху такую не подпускай,—усмѣхнулся ротмистръ, подмигивая бровью.

— А панъ?

— Отсырѣлъ, пане брате, отсырѣлъ... теперь „безпешно“ хоть въ самую печь положи—не вспыхну! А вѣдь въ былое время трепетала меня всякая панна на Литвѣ,—закрутилъ ротмистръ свой богатырскій усъ, сверкнувъ изъ-подъ нависшихъ бровей глазомъ, и хотѣлъ было уже разсказать пану товарищу какую-то молодцоватую исторію, но послѣдній перебилъ его:

— Однако же, иди, пане, я тебя представлю панству.

Панъ-ротмистръ послѣдовалъ за своимъ юнымъ проводникомъ и остановился передъ очаровательною Викторіей, окруженною цѣлою толпой пышныхъ пановъ.

— „За позволеньемъ“ ясноосвѣцоной пани,—склонилъ изящно товарищъ передъ красавицей голову,—я представляю: вотъ мой пріятель! Панъ ротмистръ стоитъ съ коронными войсками на „кресахъ“; но и туда, въ такую глушь, достигла слава о красѣ пани, и вотъ панъ ротмистръ просилъ меня представить его...

— Для того, чтобы убѣдиться въ томъ, какъ всѣ люди лгутъ?—спросила, насмѣшливо пани Викторія,—не правда ли?

— Я не могу, пани, на людей взвесть такую напраслину,—панъ ротмистръ, и звякнулъ шпорами.

— Панъ очень снисходителенъ къ людямъ,—улыбнулась обворожительная Викторія...—Да, кстати,—перемѣнила она вдругъ разговоръ,—панъ-ротмистръ стоитъ на „кресахъ“, онъ можетъ разрѣшить намъ споръ.

Да, да—зашумѣли кругомъ и паны, и пышныя панны.

— Въ чемъ дѣло?—спросилъ панъ-товарищъ.

— Пани увѣряетъ—заговорило въ одинъ голосъ нѣсколько молодыхъ пановъ,—что эта дикая козацкая сволочь умѣетъ любить.

— Да, да,—подхватили паны, пересмѣиваясь между собой,—грязные, пьяные, дикіе звѣри—и вдругъ любить!..

— А я говорю, что умѣютъ, и такъ горячо, какъ не съумѣетъ никто изъ нашихъ пресыщенныхъ пановъ,—произнесла

пани Викторія необычайно твердымъ тономъ, бросая въ сторону панства вызывающій взглядъ своихъ темныхъ глазъ.

— Пани говоритъ это такъ увѣренно,—усмѣхнулся почтительно одинъ изъ разряженныхъ магнатовъ,—что, можно думать, она извѣдала это на опытѣ. Впрочемъ, я самъ готовъ честью своей поклясться, что не только козакъ, но и дикій буй-туръ не останется равнодушнымъ подъ взглядомъ глазъ пани; но какъ онъ объ этомъ скажетъ ей,—развелъ вельможный руками,—да какимъ образомъ сдѣлаетъ, такъ сказать, декларацію любви?

— Ха, ха, ха!—разразились веселымъ смѣхомъ вельможныя панны.—Хлопское быдло и—декларація любви!

Пани Викторія закусила губу и, нахмуривши свои густыя брови, обратилась нетерпѣливо къ ротмистру.

— Что-жъ это панъ-ротмистръ не скажетъ ничего?

— Къ большому моему сожалѣнію, дѣла любви не находятся теперь въ моей компетенціи, но что касается того, что панство называетъ козаковъ хлопскимъ быдломъ и буйною сволочью, то смѣю завѣрить, что это такіе храбрые воины, съ какими не стыдно стать въ ряду.

Нѣсколько паненокъ хихикнуло, закрывшись вѣерами, вельможи бросили полный изумленія взглядъ на дикаго чудака.

— Удивляюсь, почему же панъ ротмистръ не перешелъ въ ихъ шайки, тамъ бы онъ сразу гетманомъ сталъ?—вставилъ насмѣшливо одинъ изъ драгуновъ Іереміи.

— Благодарю сердечно пана ротмистра,—протянула Викторія руку,—за правдивое слово и предлагаю за это свою дружбу.

— Падаю къ ногамъ пани,—поцѣловалъ ротмистръ протянутую руку,—головой лягу за ея ласковое слово.

— Конечно,—подхватилъ поспѣшно важный магнатъ, увивавшійся подлѣ пани Викторіи,—и остервенившійся звѣрь защищается храбро; но что же это? Все таки табунъ какихъ-то дикихъ коней.

— Дикій конь горячѣй объѣзженнаго!—бросила небрежно съ вызывающимъ взглядомъ пани Викторія.

— Но онъ не понесетъ такъ покорно пани, какъ выѣзженный, кровный конь!—усмѣхнулся изысканно магнатъ.

— Ну, чтожъ?—окинула его дерзкимъ взглядомъ пани Викторія,—умчитъ бурею, а тамъ пусть и затончетъ на вѣкъ.

— А, вотъ какъ думаетъ пани!

— Вино съ водою мѣшать не люблю!

— Браво, браво!—захлопали кругомъ магнаты.—Слова пани мѣтки, какъ стрѣлы татарина.

— Бьюсь объ закладъ на двадцать арабскихъ коней,—продолжалъ магнатъ,—что въ пани былъ влюбленъ какой-нибудь изъ этихъ дикарей, быть можетъ, и самъ Гуня или Павлюкъ. Если-бы пани была добра, она бы разсказала намъ этотъ интересный случай; я увѣренъ, что это было бы нѣчто въ родѣ Геркулеса, прядущаго по приказанію нимфы

Пани Викторія небрежно улыбнулась, хотя по лицу ея разлился нѣжный румянецъ.

— Почему панъ такъ думаетъ?—спросила она игриво, склоняясь головой на руку.—Но хорошо, что панъ вспомнилъ о приключеніяхъ. Я попрошу пана разсказать что-нибудь; разсказы его такъ остроумны и забавны, а я устала. Ну, я жду!—окончила она нетерпѣливо.

Панъ началъ разсказывать какое-то безконечное приключеніе.

Пани Викторія слушала разсѣянно и небрежно. Тихая ли ночь, обнявшая сквозь открытое окно ея пылающую головку, или какое то сладкое давнее воспоминаніе, выплывшее вдругъ неожиданно среди этой роскоши, пышности и суеты,—навѣяли на нее нѣжную мечту,—только рѣсницы ея опустились; по лицу разлился тихій покой, а полуоткрытыя уста такъ и застыли въ нѣжной, задумчивой улыбкѣ.

Между тѣмъ разговоръ у княжьяго стола принималъ все болѣе и болѣе горячій характеръ.

— Не надо войны, никакой войны ни съ какимъ бѣсовымъ батькомъ, не надо, да и баста!—кричалъ уже подвыпившій князь Заславскій, стуча своимъ келехомъ по столу.—Всѣ войны къ бѣсу, онѣ намъ въ убытокъ!

— Но государство имѣетъ свои интересы, которые стоятъ выше интересовъ частныхъ людей,—заявилъ негромко панъ Остророгъ.—Политика требуетъ...

— Какого мнѣ бѣса въ ихъ политикѣ!—перебилъ его князь Заславскій.—Мало ли чего они тамъ съ этою тонкою лисой понакрутятъ!—Долой война!

— Такъ, такъ! Згода, згода, не надо войны!—зашумѣли кругомъ магнаты.

— Однако, панство, позвольте!—поднялъ надменно голову князь Іеремія, и при звукѣ его холоднаго голоса умолкли всѣ взбушевавшіеся возгласы.

— Война есть рыцарская потѣха, и наши славные предки не прятали своего меча и не уклонялись отъ чужого. Война войнѣ рознь. Если она принимается за расширеніе границъ государства,

за усиленіе его, я первый предложу мечъ свой. Но если это подвохъ, такъ я подниму мечъ на измѣнниковъ.

— Правда, правда!—зашумѣло панство.

— Если бы король поднялъ мечъ для завоеванія Крыма, чтобы Рѣчь Посполитая уперлась ногами въ Черное море, я бы благословилъ его.

— А къ чему намъ этотъ Крымъ? Что въ немъ?—допытывался совсѣмъ захмѣлѣвшій Заславскій.

— Ко всему! Въ немъ наше спасенье!—запальчиво отвѣтилъ Іеремія.—Если Крымъ ляжетъ у нашихъ ногъ, тогда эти подлые стражи козаки намъ не нужны. Мы ихъ сметемъ. А когда ихъ не станетъ, тогда и ваши хлопы умолкнутъ на вѣки и смирно будутъ вамъ землю пахать.

— По моему проще,—заявилъ съ конца стола толстый панъ,—вырѣзать козаковъ, выпороть хлоповъ и баста!

— Да, да!—подхватили не совсѣмъ, впрочемъ, дружно нѣкоторые голоса.

— Да благословитъ Господь благія намѣренія, освѣщающія головы панства!—провозгласилъ торжественно іезуитъ.

На лицѣ пана Остророга отразилось не то смущеніе, не то страданіе.

— Осмѣлюсь обратить вниманіе вельможнаго панства,—началъ онъ своимъ тихимъ голосомъ, опуская глаза,—что такими жестокими мѣрами наша междоусобная война, такъ сказать, „bellum civile“, не прекратится, а возгорится еще сильнѣе. Козаки, терпящіе и такъ не малыя утѣсненія, возстанутъ съ еще большею горячностью и соединятся съ народомъ. Жестокость выкуетъ имъ мечъ.

При первыхъ словахъ Остророга панство оглянулось въ его сторону съ едва скрываемымъ недоброжелательствомъ и нетерпѣніемъ: Казалось, у каждаго въ головѣ промелькнула одна и та же мысль. „И какія еще тамъ добродѣтельныя сентенціи начнетъ распускать эта латинская машина?“—но при послѣдней его фразѣ шумъ негодованія поднялся кругомъ.

— O, Dei!—воскликнулъ патеръ,—кто станетъ слушать жалобы Гракховъ?

— Но Гракхи, велебный ксендже, подымали возмущеніе изъза хлѣба,—возвысилъ уже голосъ панъ Остророгъ, подымая свои голубые глаза, загорѣвшіеся теперь возмущеніемъ,—въ дѣлахъ, касающихся цѣлыхъ народовъ, нужно разсуждать спокойно, такъ сказать, „aequo animo“.

— Не „aequo animo“, а „forti animo“. Это единственный способъ, достойный рыцарей и вельможъ!—перебилъ его громко князь Іеремія.

— Правда, правда!—загремѣло кругомъ панство.

Панъ Остророгъ окинулъ всѣхъ своими свѣтлыми вдумчивыми глазами и молча опустилъ голову.

— Посолъ отъ старосты Чигиринскаго, ясновельможнаго пана на Конецполѣ, Конецпольскаго, панъ Адамовичъ-Шпорицкій!—провозгласилъ въ это время громко слуга, распахивая широкія дубовыя двери.

Всѣ заинтересовались, притихли.

— Отлично!—буркнулъ пану-товарищу ротмистръ.

— А что?—не понялъ тотъ.

— Да вотъ, прибывшій гость—мой землякъ, литвакъ, я всю фамилію Адимовичей-Шпорицкихъ знаю.

— А!—протянулъ товарищъ и бросился къ какой-то паннѣ поднять упавшій платокъ.

Въ большой залъ князя Іереміи вошелъ стройный молодой шляхтичъ. Драгоцѣнная, залитая каменьями одежда лежала на его высокой стройной фигурѣ свободно и изящно; красивая свѣтловолосая голова была гордо отброшена назадъ, а синіе глаза глядѣли увѣренно и смѣло. При входѣ молодой магнатъ слегка остановился и окинулъ весь залъ пристальнымъ взоромъ; казалось, одно мгновеніе онъ взвѣшивалъ что-то. Одобрительный шепотъ пробѣжалъ по залѣ при входѣ молодого красавца. Гость сдѣлалъ нѣсколько шаговъ и, замѣтивши князя, приложилъ правую руку къ груди, а лѣвую опустилъ со шляпой почти до самой земли, отвѣсивъ полный достоинства и изящества поклонъ.

— Добро пожаловать!—привѣтствовалъ его князь Ярема, вставая съ мѣста и опираясь рукой на высокую спинку кресла.—Надѣюсь, панъ привезъ намъ добрую вѣсть?

— Князю Іереміи не страшны и злыя вѣсти!—отвѣтилъ звонкимъ молодымъ голосомъ шляхтичъ и, вынувши толстый пакетъ бумаги, двинулся впередъ.

— Ахъ, кто это? Кто?—раздался громко встревоженный голосъ панны Викторіи, когда молодой шляхтичъ поравнялся съ круглою нишей, занятою паннами.

При звукахъ этого голоса молодой шляхтичъ вдругъ вздрогнулъ и остановился; по лицу его пробѣжало какое то мучительное выраженіе; онъ быстро оглянулся въ ту сторону, откуда донесся знакомый голосъ,—смертельная блѣдность покрыла его молодое лицо. Передъ нимъ въ глубинѣ амбразуры окна стояла, приподнявшись

съ своего стула, блестящая пани Викторія. На одно мгновеніе глаза ихъ встрѣтились, пани тихо вскрикнула и, закрывши глаза рукою, опустилась въ изнеможеніи на стулъ. Отъ присутствующихъ не ускользнула эта непонятная сцена.

— Чтожъ это панъ остановился? — обратился нетерпѣливо Іеремія.

— Засмотрѣлся на нашихъ красавицъ,—усмѣхнулся князь Заславскій.

Молодой шляхтичъ сдѣлалъ надъ собой невѣроятное усиліе.

— Прошу прощенія у ясноосвѣцонаго князя и вельможнаго панства,—отвѣчалъ онъ, повидимому, спокойнымъ голосомъ, подходя къ столу,—послѣ нашей тьмы, пышность и блескъ княжьяго двора ослѣпляютъ непривычное око.

— Однако, что съ княгиней?—засуетился подлѣ Викторіи молодой магнатъ.—Бьюсь объ закладъ, что это какой нибудь старый знакомецъ.

— Онъ такъ и замеръ на мѣстѣ, при видѣ ея ясной мосци, вставилъ другой.

— Удивительно было-бы, если-бы прошелъ равнодушно мимо,— вскрикнулъ горячо панъ товарищъ.

— Панство шутитъ все,—улыбнулась принужденно Викторія, отымая отъ глазъ руку; на лицѣ ея еще видны были слѣды неулегшагося волненія.—Просто напомнилъ мнѣ панъ одного стараго пріятеля,—заговорила она нервно, стараясь придать своему голосу самый небрежный тонъ,—да, пріятеля, котораго уже нѣтъ, который умеръ давно.

— Тысячу перуновъ!—вскрикнулъ рѣзко Іеремія, бросая распечатанный пакетъ на столъ.—Не моя ли правда была, когда я панству толковалъ, что война съ татарами необходима уже потому, чтобы уничтожить эту буйную орду до тла!... Панъ Конецпольскій пишетъ мнѣ въ этомъ „листѣ“,—протянулъ онъ величаво руку, указывая на брошенный пакетъ,—что хлопство снова бунтуетъ, шайки Кривоноса, этого бѣглаго хлопа, разсѣялись въ моихъ владѣніяхъ, а самъ онъ засѣлъ въ моихъ плавняхъ.

— Мало того, осмѣлюсь доложить ясноосвѣцоному князю,— вставилъ громко молодой шляхтичъ,—подлый хлопъ поклялся и распускаетъ повсюду слухи, что до тѣхъ поръ, пока онъ не добудетъ головы князя Іереміи и не сошьетъ себѣ изъ его благородной кожи сапогъ, онъ не остановитъ своего буйнаго движенія и обречетъ смерти всѣхъ и каждаго, попавшагося на его пути.

Княгиня Гризельда вскрикнула и почти упала на стулъ.

— Панъ могъ-бы оставить и про себя эту гнусную новость,— метнулъ взбѣшенный Іеремія въ сторону шляхтича стальной взглядъ.

— Прости, ясноосвѣцоный княже, за передачу продерзостныхъ словъ подлаго хлопа,—поклонился посолъ,—но они показываютъ только, до чего возросла дерзость разбойника,—дерзость, требующая немедленной поимки этого звѣря и примѣрной кары надъ нимъ.

— Неслыханная дерзость! На „палю“ быдло!—зашумѣла кругомъ разгоряченная толпа.

— На меня, на Іеремію, осмѣлился подняться дерзкій хлопъ,— продолжалъ князь, выкрикивая слова,—на Іеремію, имени котораго дрожитъ Турція, Московія и Бахчисарай! Что-жъ ожидаютъ всѣ ваши „маѣтки“? Если онѣ еще не лежатъ пепелищемъ, то будутъ сожжены завтра, сегодня. Ваши жены будутъ проданы въ Крымъ. Вы сами попадете къ „быдлу“ на пали!..

— In nomen Patri et Fili et Spiriiti sancti, да охранитъ насъ Святая Дѣва отъ вторженія исчадій ада!—поблѣднѣлъ патеръ.

— Быть можетъ, разбойникъ уже близко,—пропыхтѣлъ растерянно князь Заславскій, оглядываясь по сторонамъ.

— Проклятіе всякому, кто еще заступается за эту шайку, изъ-за которой никто не можетъ быть увѣренъ въ завтрашнемъ днѣ. Цѣлуйтесь теперь съ Кривоносомъ!—стукнулъ рукой по столу панъ Чарнецкій.

Бомба, упавшая среди залы, не произвела бы большаго смятенія, чѣмъ это слово „Кривоносъ“, раздавшееся теперь въ тысячѣ мѣстахъ. Панны, молодые магнаты, всѣ столпились вокругъ стола.

— Прошу панство не тревожиться,—остановилъ всѣхъ гордо и пренебрежительно князь Іеремія,—замокъ неприступенъ, жизнь моихъ гостей подъ моимъ кровомъ неприкосновенна. Въ оборонѣ замка 500 моихъ непобѣдимыхъ драгунъ, столько же возвратится изъ Жовновъ завтра,—по лицу молодого шляхтича пробѣжала какая то темная тѣнь,—всѣ они останутся въ замкѣ. На это быдло я выѣзжаю съ псарями и хлыстомъ!

— Князь слишкомъ увѣренъ,—вставилъ гордо молодой шляхтичъ, едва сдерживая какое-то непонятное волненіе,—не совѣтовалъ бы я выѣзжать на шайку Кривоноса съ псарями и хлыстами— они многочисленны.

Іеремія прищурилъ глаза и смѣрилъ своимъ надменнымъ взглядомъ съ ногъ до головы молодого шляхтича.

— Панъ или слишкомъ боится Кривоноса,—произнесъ онъ медленно, отчеканивая каждое слово,—или преклоняется передъ нимъ.

— Ни то, ни другое,—отвѣтилъ тотъ спокойно,—я слишкомъ хорошо знаю эти буйныя головы, такъ какъ часто дрался съ

ними, да и задача князя требуетъ многочисленнаго войска: нужно вѣдь окружить огромное пространство плавней и не дать уйти звѣрю!

— Да, да, упаси, Господи!—раздались тревожные голоса.

— Панъ съ ними дрался, но и князь Іеремія билъ ихъ нерѣдко,—подчеркнулъ Вишневецкій,—однако, если панъ знаетъ ихъ такъ близко, то, я надѣюсь, онъ не откажетъ мнѣ принять участіе въ облавѣ, которую я объявляю на завтра.

На лицѣ молодого шляхтича отразилось невольное смущеніе.

— За честь для себя почту выступить съ княжьими войсками,—произнесъ онъ съ легкою запинкой,—но я тороплюсь поскорѣе въ Чигиринъ: панъ староста наказалъ мнѣ возвратиться къ нему завтра обратно... Если ясный князь приметъ на себя ослушаніе мое передъ паномъ-старостой, то я могу указать княжьимъ войскамъ, гдѣ скрываетсм этотъ песъ.

— Хорошо!—кивнулъ головой Іеремія, давая тѣмъ понять, что аудіенція окончена.

Шляхтичъ отошелъ къ группѣ молодежи.

— Не узнаетъ меня панъ, что-ли?—протянулъ къ нему широкую руку панъ ротмистръ.

— Кажется,—смѣшался шляхтичъ,—гдѣ-то встрѣчались.—„Масловъ-Ставъ!“—мелькнуло у него молніей въ мозгу,—а, можетъ быть, я похожъ на кого-либо изъ панскихъ знакомыхъ?

— Да, какъ же, какъ же... знакомое лицо... земляки вѣдь,—трясъ руку шляхтичу длинноусый панъ ротмистръ.—Панъ вѣдь изъ Литвы?

— Изъ Литвы,—какъ-то тихо и робко отвѣтилъ посолъ.

— Изъ моей родины... Я панскій родъ весь знаю... со многими другъ и пріятель, панъ, вѣроятно, сынъ Януарія?

— Гм... вѣроятно,—процѣдилъ сквозь зубы посолъ.. „А, чтобъ тебя вѣдьма подрала съ твоимъ знакомствомъ... и прицѣпился же чортовый литвинъ!“—ругалъ онъ его мысленно, не зная, какъ отойти, улизнуть.

— Да?—обрадовался ротмистръ,—а какъ же поживаетъ панна Ядвига?

— Ничего себѣ,—осматривался по сторонамъ молодой шляхтичъ, подыскивая предлогъ отойти дальше —„Да помоги же святой Юръ!—напрягалъ онъ мозгъ свой съ мольбой,—вывези: свѣчку поставлю!—Э, впрочемъ, была,—не была!“—повернулся онъ рѣшительно къ пану ротмистру.

— Прости, пане, тутъ какое-то недоразумѣніе: я сейчасъ немного разсѣянъ, думаю все про этого пса Кривоноса, а панъ мнѣ повторяетъ незнакомыя имена.

— Панъ какихъ Адамовичей знаетъ? Изъ какихъ мѣстъ? Изъ Боровки, Сосницы, что на Вилейкѣ, недалеко отъ Вильны, фамиліи—пана Януарія, пана Антося, пана Эдуарда, кажется, всѣ?

— Э, панъ ошибается,—засмѣялся небрежно шляхтичъ,—я не изъ тѣхъ, слышалъ про Вилейскихъ тоже, но они даже не родственники, а только одного герба.

— Странно,—пожалъ плечами панъ ротмистръ,—а мнѣ Антось божился, что во всей Рѣчи-Посполитой только и есть единственная вѣтвь фамиліи Адамовичей-Шпорицкихъ—это ихъ... а вотъ выходитъ и другая нашлась, а гдѣ же панская сидитъ?—любопытствовалъ таки панъ ротмистръ.

— Моя... далеко, пане, за Могилевомъ...

— А гдѣ-же именно? Тамошнія мѣста мнѣ тоже знакомы.

— „Провались ты въ тартары, „литовская бочка!“—ругнулъ почти вслухъ новаго, нежданнаго пріятеля шляхтичъ,—“чтобъ ему выдумать?“—Изъ Рудни!—выпалилъ, наконецъ, онъ отчаянно.

— Изъ Рудни?—вытаращилъ глаза ротмистръ.—Изъ Рудни? Изъ моего роднаго села?

— Не изъ Рудни, а изъ Рудницъ,—поправился нагло шляхтичъ, и потомъ, не давши придти въ себя ротмистру, пожалъ ему руку, пробормотавъ, отходя,—во всякомъ случаѣ радъ, весьма радъ... А вотъ еще мой знакомый,—показалъ онъ неопредѣленно головою въ противоположный конецъ залы и скрылся между толпой.

Панъ ротмистръ такъ и остался, застывшій отъ изумленія, съ разставленными руками:

— Эй, что-то, голубчикъ, хвостомъ ты вертишь и улизываешь, какъ вьюнъ! Адамовичъ ли ты? Вотъ что!

Къ пану ротмистру подошли нѣкоторые изъ шляхты.

А молодой шляхтичъ пробирался безцѣльно впередъ и очутился незамѣтно возлѣ амбразуры окна, у котораго стояла пани Викторія, какъ окаменѣлая статуя; грудь ея вздымалась высоко и медленно, глаза не отрывались отъ молодого шляхтича, рука судорожно теребила платокъ... глубокое, необоримое волненіе охватывало всю ее властно.

Когда молодой шляхтичъ, потупивъ голову, подошелъ къ ней близко, она не удержалась и порывистымъ шепотомъ бросила къ нему лово: „Михасю!“

Это милое, давно забытое слово ударило шляхтича, какъ стрѣла, и заставило обернуться и вздрогнуть всѣмъ тѣломъ.

— Ты! Ты! Узнала!—прошептала Викторія, и на ея красивомъ лицѣ вспыхнулъ такой огонь радости и восторга, что у мо-

лодаго шляхтича что-то дрогнуло въ груди и разлилось горячею волной по всѣмъ жиламъ.

— Я пани не знаю!—пересилилъ онъ все таки свое волненіе и отвѣтилъ холодно и небрежно.

— На Бога! Панъ по лезвію ходитъ,—шептала, смотря по сторонамъ, Викторія,—я... я... не врагъ...

— А, пани другъ? — улыбнулся презрительно шляхтичъ, но въ это время обратился къ нему рѣзкимъ голосомъ князь Ярема:

— Проше, пане посолъ!—махнулъ онъ рукою.

Молодой шляхтичъ подошелъ безпечно и элегантно.

Пани Викторія двинулась тоже и остановилась за княземъ Вишневецкимъ, между толпой молодежи.

— Панъ давно изъ Чигирина?—спросилъ, прищуривъ глаза, князь Ярема.

— Третьяго дня выѣхалъ, ваша княжья мосць,—отвѣтилъ бойко шляхтичъ.

— И панъ Конецпольскій былъ дома?—улыбнулся князь.

— Куда-то собирался... мнѣ неизвѣстно,—замялся шляхтичъ.

— Странно, что онъ послу своему не сообщилъ, гдѣ будетъ находиться... Мнѣ могла придти мысль навѣдаться къ нему...

— Да, вѣроятно, дома, ясный княже! — снова ободрился шляхтичъ.

— Еще страннѣе!—нахмурилъ брови Іеремія.—Развѣ пану не извѣстно, что Чигиринскій староста выѣхалъ въ Варшаву на свадьбу Радзивила, и, кажется, не три дня назадъ... а болѣе?..

Одно мгновеніе шляхтичъ почувствовалъ, какъ сердце его перестало биться, а кровь замерла въ жилахъ, но это было лишь мгновеніе.

— Панъ-староста не считаетъ нужнымъ сообщать подчиненнымъ о своихъ намѣреніяхъ...—отвѣчалъ онъ съ нѣкоторою наглостью.—Быть можетъ, потому панъ-староста и потребовалъ моего немедленнаго возвращенія, чтобы въ его отсутствіе было вѣрное лицо у подстаросты.

— Возможно...—протянулъ князь Іеремія, пронизывая шляхтича насквозь своими сѣрыми, злыми глазами.—Хорошо, увидимъ!.. Во всякомъ случаѣ панъ у меня останется гостемъ,—подчеркнулъ князь тономъ, не допускающимъ возраженій.

Потомъ, поднявшись со стула, громко заявилъ всѣмъ:

— Панове! на утро походъ! Кто желаетъ принять участіе въ нашей облавѣ, прошу всѣхъ подъ мою хоругвь!

Громкіе бурные возгласы покрыли оглушительнымъ шумомъ его слова.

Гости двинулись за княземъ въ другіе покои.

Блѣдная, съ искаженными отъ ужаса чертами лица, съ блуждающими глазами, стояла въ сторонѣ пани Викторія, готовая крикнуть кому-либо: „На помощь! Во имя Бога!“ Она чувствовала, какъ все кружилось въ ея головѣ, какъ внутри ея жгло, и, ломая себѣ безсознательно руки, шептала только: „Что дѣлать? Что дѣлать! Погибъ!“. Вдругъ глаза ея замѣтили сѣдого ротмистра, остановившагося невдалекѣ.

— На Бога!—рванулась она къ нему и заговорила прерывистымъ шепотомъ:—Вамъ я могу довѣриться, какъ новому другу, отъ васъ зависитъ спасеніе моего добраго имени... Но моя честь... моя жизнь...

Панъ-ротмистръ взглянулъ на блѣдное, взволнованное лицо пани и не заставилъ повторить просьбы.—Положитесь на меня,—шепнулъ онъ,—головы лишусь, а не выдамъ!

— Спасибо!—произнесла она, сдавивъ ему руку.—Остановите поскорѣе... вонъ того новаго посла.. во имя Матки Найсвѣнтшей, остановите!.. Пусть онъ пойдетъ ко мнѣ только на два слова... отъ этого зависитъ... да, моя жизнь!

— Все будетъ сдѣлано!—увѣренно сказалъ ротмистръ и скрылся въ толпѣ.—„Однако,—кружились у него въ головѣ мысли,—посолъ-то этотъ, видно, штучка: и относительно деревни вретъ, и такую „сличную“ пани пугаетъ до смерти... Нѣтъ, братъ, я тебя не спущу съ глазъ!“

Черезъ нѣсколько минутъ стоялъ передъ смертельно взволнованною паней Викторіей молодой шляхтичъ въ почтительно-насмѣшливой позѣ, а въ глубинѣ залы за колоннами виднѣлась на стѣнѣ безобразно-длинная колеблющаяся тѣнь пана ротмистра.

— Чѣмъ могу служить пани?—спросилъ холодно и церемонно молодой шляхтичъ.

— Вотъ ключъ,—протянула она судорожно руку,—во имя всего святого, Михась, будь въ сѣверной башнѣ... черезъ годину... я буду тамъ .

— Таинственное свиданіе!—захохоталъ беззвучно посолъ.

— Не оскорбляй!—съ мольбой протянула Викторія руки.

— А! испугалась за свое имя?—оледенилъ онъ ее презрительнымъ взглядомъ.

— Не обо мнѣ рѣчь, но о тебѣ,—задыхаясь отъ волненія, но тотчасъ отвѣтила пани,—о твоемъ спасеніи... жизнь твоя на волоскѣ! Завтра будетъ поздно!

Какъ окаменѣлый, стоялъ Чарнота посреди отведенной ему комнаты, не зная, что дѣлать, на что рѣшиться, что предпринять?

Мысли у него мѣшались: тысячи различныхъ плановъ и предположеній росли, подымались въ мозгу, словно волны прибоя, но, какъ волны прибоя, онѣ и разбивались о скалы, при одномъ воспоминаніи о несомнѣнной западнѣ, въ которую онъ попалъ. Одно было, какъ Божій день, ясно, что нападеніе на замокъ при наличномъ числѣ гарнизона и прибывшихъ командъ было невозможно, безумно! Мысль о бѣгствѣ изъ замка сегодня же, ночью, приходила ему нѣсколько разъ, но какъ ни изощрялъ Чарнота своего остроумія, а долженъ былъ, наконецъ, согласиться, что сдѣлать это при всей предосторожности, при самой отчаянной храбрости было немыслимо. Оставалась одна только надежда на завтра: и то, если возьметъ съ собою въ походъ князь,—тогда бы можно было завести куда-нибудь панство въ непролазную пущу или въ такое болото... А батька Максима натравить на застрявшаго въ болотѣ Ярему .. Вотъ была-бъ потѣха,—ужъ на что лучше! Конечно, меня-бы онъ велѣлъ искромсать, да за такое дѣло—любо! А то еще, чего добраго, въ суматохѣ и улизнуть-бы было возможно... Да, да,—оживился Чарнота,—птицу на волѣ, а козака въ полѣ кто поймаетъ? Но возьметъ-ли Ярема съ собой?—вотъ въ чемъ рѣчь! Да, эта рѣчь съ гвоздемъ!... А теперь, какъ дать знать товарищамъ, чтобы сидѣли тихо, чтобы ни словомъ, ни звукомъ не выдали себя „вартѣ“... Имъ-то наказалъ я строго, чтобы до выстрѣла не смѣли и пискнуть, а поили-бы до мертва „варту“, а главное воротаря, чтобъ послѣ сигнала могли сами спустить мостъ и отворить „браму“... А тѣмъ, тѣмъ въ мѣшкахъ какъ сказать... задохнутся, пожалуй... Нѣтъ, выдержатъ .. не въ такихъ передѣлкахъ бывали... Но вѣкъ-же сидѣть нельзя... Нападеніе ночное невозможно... Кривоносъ стоитъ подъ замкомъ... ему нужно дать знать... иначе завтра его могутъ обойти... я то могу и остаться; „разъ, вѣдь, умирать, а не двичи“, а товарищамъ нужно дать знать... Ахъ, Господи, что дѣлать?... только бы передать... шепнуть два слова, но какъ? На дверяхъ стража... Въ окно!—почти вскрикнулъ онъ.—Высоко... ничего... ночь темная... можно связать поясъ...—Чарнота началъ поспѣшно разматывать огромный шелковый поясъ, обвивавшій нѣсколько разъ его фигуру.

„Хватитъ, хватитъ...—шепталъ онъ тихо, лихорадочно,—а тамъ и спрыгнуть можно... треснутъ немножко кости,—не бѣда!“ Чарнота подошелъ къ окну, распахнулъ осторожно раму, перегнулся, чтобы измѣрить разстояніе, отдѣлявшее его отъ земли, и отскочилъ съ проклятіемъ назадъ: подъ окномъ, при слабомъ мерцаніи одинокихъ звѣздъ, онъ замѣтилъ тяжелую и неподвижную фигуру латника съ длиннымъ копьемъ. Сердце замерло у Чарноты,

и морозъ пробѣжалъ по спинѣ до самыхъ пятъ... Западня!... Западня.

Прошло нѣсколько минутъ мучительнаго, безсильнаго оцѣпенѣнія.

— А, проклятье!—воскликнулъ онъ, наконецъ, сжимая рукоятку своей сабли,—что-жъ теперь дѣлать? Что предпринять?...

Положимъ, онъ приказалъ Вернигорѣ не начинать ничего до его появленія... Но кто можетъ поручиться за ихъ буйныя, неудержимыя натуры? А Кривоносъ?... О, тысячи тысячъ чертей и столько-же лысыхъ вѣдьмъ!... какъ ихъ увѣдомить?... какъ дать имъ знать? Нѣсколько разъ прошелся онъ въ волненіи по комнатѣ... А пани Викторія?... Какъ расцвѣла, похорошѣла, какъ пышный макъ! Узнала... и поблѣднѣла... У! панская лядская душа!... Что-жъ, тѣшится теперь съ своимъ старымъ чортомъ! Ха, ха, ха! И онъ могъ когда-то „кохать ее“?... Думалъ назвать своею „дружиной“?... Ухъ!... Гадина... съ горящими глазами: за „почтъ“, за роскошь продала и сердце, и красу!

Чарнота снова обвязался поясомъ, засунулъ за него дорогой пистолетъ и остановился у окна. Тихій вѣтеръ пахнулъ ему прохладой въ разгоряченное, взволнованное лицо и приподнялъ взъерошенную „чуприну“. Нѣсколько минутъ козакъ стоялъ молча, закусивши губу и скрестивши на груди руки... На лицѣ его, всегда безпечномъ и удаломъ, отразилось теперь выраженіе глубокой и тяжелой муки. Казалось, какія-то давнія, забытыя воспоминанія нахлынули бурею на молодое сердце козачье... Наконецъ, глубокій вздохъ вырвался изъ его груди... „Минуло!—произнесъ онъ подавленнымъ голосомъ.—Одна ты теперь у меня и „дружина“ и „пора́дница“!—опустилъ онъ руку на эфесъ своей сабли.—Ты не измѣнишь, не промѣняешь на пана „шираго коханца“!... Чарнота снова прошелся по комнатѣ и снова остановился у окна. „Однако, просила придти, молила, говорила, что должна сказать что-то. Что это, неужели новая слабость?“—отступилъ онъ.

„Нѣтъ, нѣтъ!—сказалъ козакъ, усмѣхнувшись горькою улыбкой.—Что разъ похоронено, того не воскресить никогда! Только-жъ тутъ больно какъ,—сжалъ онъ свое сердце руками,—охъ, обида, обида!... Да что тамъ вспоминать?“ Чарнота безнадежно махнулъ рукой и устремилъ глаза въ темную даль сада; на концѣ его мрачнымъ силуэтомъ вырѣзывалась круглая замковая башня съ острымъ высокимъ шпилемъ, на которомъ свѣтлою красноватою точкой виднѣлся фонарь.

„Ахъ, тамъ они!—сказалъ, подойдя къ окну ближе, Чарнота,—и ничего не знаютъ, надъ ними мечъ, а я тутъ безсильно злобствую и

ничего этой башкой не придумаю. Стой!—ударилъ онъ себя рукой по лбу,—она говорила что-то о спасеніи, быть можетъ, знаетъ ,,лехъ", тайный ходъ, пойти спросить, не для себя,—вскинулъ онъ гордо голову,—для нихъ, для товарищей. Да, пойти, пойти,—сверкнули глаза Чарноты въ темнотѣ,—и сказать ей, панской продажницѣ, какъ онъ, ,,козакъ-нетяга", ненавидитъ ее, презираетъ".

Чарнота быстро повернулся и распахнулъ тяжелую дверь. Въ замкѣ все спало. Утомленное крикомъ и пьянствомъ вельможное панство храпѣло безпечно подъ охраной башенъ, рвовъ и ,,гарматъ". Затаивъ прерывистое непослушное дыханіе, двинулся Чарнота по корридору, вспоминая дорогу, указанную ему Викторіей. Въ одномъ мѣстѣ ему показалось, что на высокихъ сводахъ корридора заволновалась какая-то посторонняя тѣнь, но, оглянувшись пристально, онъ рѣшилъ, что это лишь глупая игра воображенія. По мѣрѣ приближенія къ сѣверной башнѣ, волненіе поднималось въ немъ все сильнѣе и сильнѣе. Онъ чувствовалъ, что, несмотря на всѣ его усилія, сердце въ его груди бьется все тревожнѣе, неудержимѣе, горячѣе...

,,Да цыть ты, подлая ,,ганчирка!"—сказалъ, сцѣпивши зубы, козакъ и ударилъ себя со всей силы въ грудь кулакомъ,—или я пройму тебя тутъ-же своей карабелой. Слышишь, подлое? Цыть"!

Но не слушалось молодое сердце.

Вотъ онъ остановился у маленькихъ низкихъ дверей. Слабый свѣтъ фонаря вырывался изъ замочной скважины тонкою предательскою полоской. Здѣсь!—пронеслось въ головѣ козака. На минуту онъ еще остановился и распахнулъ, наконецъ, настежъ дверь.

Небольшой потайной фонарикъ тускло освѣщалъ маленькую, сводчатую комнату. Въ глубинѣ ея, прижавшись горячимъ лбомъ къ холодному стеклу окна, стояла пани Викторія.

При первомъ стукѣ она вздрогнула и быстро повернулась. Чарнота притворилъ дверь и остановился при входѣ. Нѣсколько минутъ они молча стояли, не отрывая глазъ другъ отъ друга. Наконецъ, Чарнота отвѣсилъ низкій и церемонный поклонъ, и, смѣривши Викторію холоднымъ, презрительнымъ взглядомъ, спросилъ насмѣшливо:

— Ну? что-жъ вельможной пани угодно было сказать мнѣ?.. Я жду.

Викторія поблѣднѣла.

— Оставь!... Не будемъ играть другъ съ другомъ!—проговорила она прерывисто, едва держась за подоконникъ окна.—Михайло, я узнала тебя!...

— Нѣтъ ничего мудренаго, я все тотъ-же, ,,лядскія“ прикрасы не измѣнятъ меня,—усмѣхнулся Чарнота.

— Стой! Не язви! Время идетъ... Скажи, зачѣмъ ты здѣсь?—продолжала Викторія съ возрастающимъ волненіемъ.—Я знаю твою безумную голову: твой пріѣздъ... твой уборъ, все это не даромъ... ты рискуешь жизнью...

Чарнота смѣрилъ ее взглядомъ и, забросивши гордо голову, произнесъ холодно и надменно:

— А что-жъ до этого вельможной пани?

— Пресвятая Дѣва!—прошептала Викторія, сжимая съ мольбой руки.—Я слыхала, какъ Іеремія отдалъ распоряженіе не спускать тебя съ глазъ,—продолжала она снова задыхающимся шепотомъ.—Знаешь-ли ты, что это значитъ? Знаешь-ли ты князя Іеремію? Жизнь твоя на волоскѣ!

На лицѣ козака не дрогнулъ ни одинъ мускулъ.

— Ну, что-жъ, посадятъ на палю!... Ужъ не пани-ли будетъ печалиться обо мнѣ?

— Михайло! вырвалось у Викторіи съ горечью,—не говори такъ, я отъ муки умру!

— Ха, ха!—усмѣхнулся козакъ и насмѣшливо, и горько.—Что-жъ это вельможная пани такъ поздно стала жалѣть обо мнѣ? Или вельможный панъ уже пріѣлся, или слишкомъ старъ?

Викторія взглянула на него своими расширившимися отъ волненія и ужаса глазами и отступила назадъ. Плечи ея задрожали: изъ груди вырвалось судорожное рыданіе. ,,За что?... за что? за что?“—прошептала она надорваннымъ, безсильнымъ голосомъ, прислоняясь къ стѣнѣ.

Нѣсколько мгновеній длилось тяжелое молчаніе, нарушаемое лишь порывистымъ дыханіемъ козака.

Наконецъ, Чарнота заговорилъ глухимъ, взволнованнымъ голосомъ, стараясь превозмочь охватившую его дрожь:

—За что? Ты еще спрашиваешь, за что? А за что ты играла со мной? За что ты дурила меня? За что ты ,,зневажыла“ мою первую и послѣднюю любовь?

— Я любила тебя... тебя одного,—прошептала тихо Викторія, отнимая руки отъ лица.

— Любила? Ха-ха-ха!—разсмѣялся горько козакъ,—любила и отдалась за ,,гроши“ другому.

— Михайло, ты знаешь... Богъ видитъ, не я .. принудили...

— А, ,,лядская“ вѣрность,—продолжалъ горячо козакъ,—любила и не посмѣла ослушаться батька? Побоялась уйти со мной и довѣриться мнѣ? ,,Жартуешь“ ты, вельможная пани... Тебѣ-ли

кого-нибудь ,,кохать"? Да знаешь-ли ты,—продолжалъ онъ съ загорающеюся страстью,—знаешь-ли ты, бѣдная, въ самоцвѣты закутанная кукла, что если-бы ты мнѣ сказала только тогда: ,,Михайло, люблю тебя, бери меня съ собой!"—изъ пекла бы вырвалъ, со дна моря бы вынесъ, у Бога въ раю, слышишь, пани, нашелъ бы я тебя, и не разлучилъ бы меня съ тобой никто ни на жизнь, ни на смерть.

— Михайло!—рванулась къ нему Викторія.

— Годи!—отступилъ Чарнота, тяжело дыша и отстраняя ее рукой,—то было, пани, было, но прошло.

Лицо Викторіи сначала вспыхнуло горячимъ румянцемъ, затѣмъ поблѣднѣло, какъ полотно. Мгновеніе она боролась съ собой, но, наконецъ, заговорила снова глубокимъ и печальнымъ тономъ:

— Охъ, повѣрь же мнѣ, повѣрь мнѣ хоть въ этомъ словѣ,—забросила она свои бѣлыя руки и сжала имя пылавшую голову.—Какую муку вынесла я, когда узнала, что ты на Запорожье ушелъ! Словъ нѣтъ разсказать тебѣ, сколько тяжкихъ слезъ пролила я! Я думками за тобой всюду летала, я отъ тоски извелась... Охъ, Михасю, Михасю! Когда бы не люди, которыхъ ко мнѣ приставилъ батько, я бы давно нашла свою смерть!

— И нашла вмѣсто нея мужа! Ха-ха-ха!—разразился глухимъ смѣхомъ Чарнота.—Что-жъ это, пани, отъ слезъ или отъ тоски?

— Не своею волей, что-жъ было дѣлать мнѣ? Меня принудилъ батько.

— Покорная, ,,слухьяная" дочка. Коханца утеряла и замужъ за стараго магната пошла для батька!—крикнулъ Чарнота яростно.—А знаешь-ли ты,—заговорилъ онъ вдругъ, задыхающимся, безумнымъ шепотомъ, хватая ея руку и сжимая до боли.—Знаешь-ли ты, что дѣлаютъ наши дивчата, когда ихъ противъ воли тянутъ въ панскій покой? Знаешь-ли ты, что дѣлаютъ онѣ потомъ съ собой? Подъ лозы въ тихій омутъ, арканъ на шею. А ты?—оттолкнулъ онъ ее съ силою,—ну, что-жъ не спѣшишь къ старому мужу?

Викторія гордо выпрямилась, въ глазахъ ея блеснулъ оскорбленный огонь и, отступивши назадъ, она заговорила твердо и смѣло:

— Что-жъ, и вышла. Да, своею волей пошла! Когда у человѣка отнимутъ любовь, остается еще одна страсть, сильная и могучая, какъ и она! Жажда власти! Тебѣ-ли не знать ее? Да, я вышла за стараго магната, вышла для того, чтобы имѣть власть и силу, чтобы отомстить имъ всѣмъ за то униженіе и безсиліе, которое я несла до сихъ поръ!—и на щекахъ Викторіи вспыхнулъ горячій румянецъ.—Теперь я сильна и свободна! Жизнь свою продала я мужу, но сердце не продамъ никому!

Чарнота молчалъ, не отрывая глазъ отъ Викторіи. Два разнородныя чувства боролись мучительно въ немъ: презрѣніе, ненависть и непобѣдимый восторгъ передъ этою смѣлою, дерзкою красотой. Нѣсколько разъ онъ бросалъ бѣглый взглядъ въ высокое окно, изъ котораго видно было въѣздную башню и красный фонарь, но что-то могучее и бурное уже овладѣвало безраздѣльно его мыслями, отуманивая и память, и мозгъ.

— Не бойся, Михайло. Любви твоей я не требую!—продолжала еще горячѣе Викторія!—Одно только говорю тебѣ: я любила тебя, люблю и не перестану любить!

— Втайнѣ отъ магната, чтобъ не узнали паны?—стиснулъ зубы Чарнота.

— Что мужъ? Что панство? Да я не боюсь всему міру сказать... Тебя люблю, тебя одного,—почти шептала она, протягивая къ нему руки.

— Годи, пани!—отступилъ еще разъ Чарнота, чувствуя, что теряетъ волю надъ собой, но было уже поздно.

Охватило козака полуденнымъ зноемъ, обвились вокругъ его шеи руки Викторіи.

— Желанный мой, ,,коханый'' мой, не мучь, не мучь меня больше,—шептала она, прижимаясь къ его лицу пылающими щеками.—Ты любишь, ты любишь меня! Вѣдь, любивши такъ, невозможно забыть. О, нѣтъ, довольно, не отстраняй меня, не хмурь бровей, зачѣмъ отталкивать свое счастье? Сегодня нашъ рай, а кто знаетъ, что принесетъ намъ завтрашній день?

— Оставь, пусти!—слабо уже вырывался Чарнота, но бѣлыя цѣпкія руки охватили его шею еще страстнѣе, и гибкое тѣло Викторіи прильнуло еще горячѣе къ его груди.

— Забудь, забудь все на свѣтѣ,—продолжалъ молодой, опьяняющій голосъ.—Ты первый, ты и послѣдній. Въ моемъ сердцѣ не было и не будетъ другой любви. Смотри, вотъ уходитъ тихая ночь, тамъ настанетъ шумное утро... Ахъ, день несетъ съ собою такъ много золъ и хлопотъ! Михасю, быть можетъ, это единая ,,мыть'' счастья, которая блеснула намъ за всю нашу жизнь? О, милый, ненаглядный, ,,коханый'' мой!—закинула она свою огненную головку.—Хоть взгляни-жъ на меня ласковымъ окомъ. Неужели въ твоемъ сердцѣ нѣтъ ни жалости, ни ласки?—и на глазахъ ея блеснули слезы.—Смотри, я люблю тебя, я умираю отъ любви!

— Викторія,—произнесъ страстно Чарнота,—да пропадай же пропадомъ все!—и онъ покрылъ ее всю порывистыми, жгучими поцѣлуями...

— Ахъ, что я? Пусти!—рванулся Чарнота, приходя наконецъ, въ себя, но безумныя объятія Викторіи гипнотизировали его волю.

— Ты опять?—отстранила она головку отъ его груди и, глянувши ему въ глаза, съ безконечно нѣжною улыбкой прошептала тихо:

— Да развѣ ты не видишь, жизнь моя, счастье, что теперь ты моя жизнь... одинъ, одинъ... въ тебѣ мое дыханье!

— А мужъ?

— О, нѣтъ!... ты—мой мужъ, ты—мой „коханый“!—воскликнула горячо Викторія, изгибаясь, какъ кошка, и ища жадными устами лобзаній.

Нѣсколько минутъ козакъ молчалъ, тяжело дыша; грудь высоко подымалась, казалось, что въ немъ происходила послѣдняя мучительная борьба. Наконецъ, онъ заговорилъ клокочущимъ, рвущимся голосомъ:

— Викторія, Викторія! Я все забываю... я вѣрю тебѣ... Что обманывать? Люблю тебя безъ ума, безъ души. Но если ты меня любишь, уйдемъ отсюда... отъ мужа, отъ панства навсегда, навсегда... Ты знаешь какой-то лазъ, уйдемъ со мной... ввѣрься мнѣ! Я буду любить тебя, какъ только возможно любить человѣку. Я окружу тебя роскошью, нѣгой, я вѣтру на тебя дохнуть не дамъ... Отъ огня солнца укрою. Уйдемъ, Викторія, скорѣе!—сжималъ онъ ее порывисто въ своихъ объятіяхъ.—Будь мнѣ вѣрной и честной „дружиной“ на всю жизнь, на всю жизнь!

— Богъ мой! Счастье мое! Утѣха моя!—охватила его голову Викторія и прижалась къ его горячимъ устамъ.

Чарнота покрылъ безумными поцѣлуями ея лицо, ея плечи, ея грудь...

— Идемъ, идемъ скорѣе!—шепталъ онъ, бросая тревожные взгляды на башенный фонарь.—Оставь это подлое панство, будь моею безраздѣльно и передъ Богомъ, и передъ людьми! Мы уйдемъ такъ далеко, гдѣ никто насъ не догонитъ и не отыщетъ... Разстанься съ своимъ панствомъ, довѣрься мнѣ!...

— Зачѣмъ уходить?—прильнула къ нему еще страстнѣе Викторія.—Милый мой, коханый, хорошій! Я тебя выгорожу и такъ. Ты знаешь, что князь обожаетъ Гризельду. Гризельда—моя подруга: два слова скажу, и ты будешь свободенъ.

Чарнота вздрогнулъ, отшатнулся и пристально взглянулъ на Викторію, но она не замѣтила его взгляда и продолжала еще нѣжнѣе, ласкаясь и прижимаясь къ нему:

— Милый мой, ненаглядный, ты поступишь въ наши хоругви. Теперь сеймы, потомъ усмиренія хлоповъ. Мужъ мой рѣдко бываетъ дома, да и кто знаетъ, что намъ готовитъ на дальше судьба?

— Что-о?—прошепталъ, задыхаясь, Чарнота и лицо его страшно поблѣднѣло, а синіе глаза сдѣлались почти черными.—Опять предлагаешь обманъ и шельмовство? Мало, осмѣлилась пред-

ложить „зраду“! А, теперь то я тебя вижу! Но ты промахнулась, вельможная пани, не на такого напала! „Геть“ отъ меня,—оттолкнулъ онъ ее гадливо и съ такою силой, что Викторія пошатнулась и едва удержалась за подоконникъ окна.—„Геть“!—крикнулъ онъ яростно,—лядская у тебя кровь и лядская душа!

— Михайло!—рванулась было Викторія

— Ни слова! Гадина!—перебилъ ее бѣшено Чарнота.—Я ненавижу, я презираю тебя!

— А, такъ-такъ? Постой, Михайло, не торопись на „зневагу“, на униженіе,—заговорила она медленно глухимъ, дрожащимъ голосомъ, выпрямляясь во весь свой ростъ, блѣдная, съ горящими глазами, съ оскорбленнымъ, дышащимъ гнѣвомъ лицомъ.—Не торопись, говорю тебѣ, подумай. Знаешь ли ты месть отвергнутой женщины?—впилась она въ него глазами.—Знаешь ли ты, что жизнь твоя въ моихъ рукахъ?

— Угроза?—улыбнулся, прищуривъ презрительно глаза, Чарнота.

— Нѣтъ, не угроза, а правда... я не пощажу, коли такъ, и себя. Ужъ коли такая обида, коли мое сердце разбито, такъ что мнѣ жизнь?—И она быстрымъ, неожиданнымъ движеніемъ выхватила у него изъ-за пояса пистолетъ и, выставивши въ незастекленную желѣзную раму, выстрѣлила на воздухъ.—Пусть накроютъ меня съ тобой!

— Проклятье!—вскрикнулъ Чарнота, бросаясь къ окну.—Что ты надѣлала?

Онъ быстро взглянулъ въ окно, и снова крикъ ужаса вырвался у него изъ груди: фонарь, висѣвшій на вершинѣ башни, судорожно заколебался и полетѣлъ съ высоты внизъ, и въ то же время донесся до него поднявшійся у „брамы“ крикъ и звукъ сабель.

— Они погибнутъ!—вырвался у него вопль изъ груди.

— Ага, измѣнникъ!—вскрикнула бѣшено Викторія, хватая его за руку —Теперь ты не уйдешь отъ меня!

— Мало!—отступилъ отъ нея гордо Чарнота, и произнесъ громко и смѣло.—Я Чарнота, разбойникъ, товарищъ Кривоноса. Ну, спѣши-жъ теперь къ своему князю и скажи ему, что мы прибыли сюда для того, чтобы выжечь весь замокъ и истребить всѣхъ васъ до единаго.

— Ай, Матка Свѣнта!—воскликнула съ невыразимымъ ужасомъ Викторія, какъ подстрѣленная птица, зашаталась и, хватаясь за стѣну, опустилась на полъ.

Окна башни начали мигать огнями. Послышалась тревога.

— Проклятье!—шепталъ Чарнота, задыхаясь и потрясая съ усиліемъ рѣшетчатое окно,—все погибло! Смерть, ужасъ, безчестье! А!..—трясъ онъ съ остервенѣніемъ желѣзную раму. Лицо его по-

крылось багровымъ румянцемъ, на лбу надулись жилы.—Проклятье! пекло!—кричалъ онъ бѣшено, но рама не поддавалась. Крикъ и шумъ въ „замчищѣ“ принимали все болѣе угрожающіе размѣры. Вотъ по двору замелькали фонарики.

— Куда ты? Я не пущу тебя!—вскрикнула Викторія, приходя въ себя и замѣтивъ, что Чарнота стоитъ на окнѣ.—На Бога! Тамъ вѣрная смерть, я спасу, я спрячу тебя!—поползла она къ нему.

— Не подходи, змѣя!—оглянулся на нее изступленный Чарнота, потрясая съ нечеловѣческимъ усиліемъ раму.—Позоръ! Предательство!

— На Бога, на Панну!—захлебывалась съ рыданьемъ Викторія, ломая руки и ползая у ногъ Чарноты.—Я спасу тебя, я спрячу! Князь—„катъ“, пекельныя муки!

— Пусти!—Я товарищей не брошу! вырвался отъ нея Чарнота, но цѣпкія руки судорожно охватывали его, мѣшая свободѣ движеній.

— Ай! не удержу тебя! Ты уйдешь, ахъ, смотри, то князь Іеремія!—вскрикнула обезумѣвшимъ голосомъ Викторія, увидѣвши князя во главѣ своихъ латниковъ, быстро мчавшагося къ воротамъ.—Смерть, смерть, смерть!—закричала она, цѣпляясь въ безпамятствѣ за одежду Чарноты.

— Прочь или я убью тебя!—оттолкнулъ ее Чарнота съ такою силой, что она плашмя упала на полъ.

— Езусъ-Марія! „Ратуйте!“—взвизгнула Викторія съ послѣднею отчаянною надеждой, протягивая руки къ Чарнотѣ, но онъ уже былъ на окнѣ. Рама, наконецъ, распахнулась и сорвалась со звономъ. Освѣщенный огненнымъ заревомъ, козакъ готовъ былъ ринуться внизъ, какъ вдругъ чьи то сильныя, тяжелыя руки схватили его сзади за плечи, и онъ, потерявъ равновѣсіе, грохнулся замертво со всей высоты головою объ полъ.

XXXI.

Двѣ недѣли прошло съ тѣхъ поръ, какъ Богданъ вернулся домой и Марылька водворилась въ семьѣ. За это время уже къ ней попривыкли немного, а сначала пріѣздъ польской панны поразилъ было всѣхъ и послужилъ на цѣлую недѣлю матеріаломъ для всевозможныхъ хуторскихъ толковъ. Хотя Богданъ и объяснилъ съ первыхъ словъ, что великій канцлеръ и наияснѣйшій кругь принимаетъ въ этой сироткѣ большое участіе, даже просили его, Богдана, взять ее подъ свое покровительство, какъ спасенную имъ же отъ

смерти, но всѣмъ казалось страннымъ, во-первыхъ, то, что дочь польскаго „можновладца“ поручается въ опеку козаку, а во-вторыхъ, что объ этомъ спасеніи до сихъ поръ никому не было извѣстно.

Жена Богдана встрѣтила Марыльку привѣтливою улыбкой, довольная тѣмъ, что ея мужъ почтенъ довѣріемъ и лаской наияснѣйшихъ особъ, а главное, что онъ вернулся, что Царица Небесная сжалилась надъ ея мольбами, послала ей въ послѣднія минуты скорбной жизни отраду увидѣть дорогого Богдана, сказать ему прощальное слово и сомкнуть при немъ на вѣки глаза.

Положеніе больной уже было смертельно. Удушье не давало ей ни сна, ни минутнаго даже покоя; высохшее до ужасающей худобы желтое лицо ея почти утопало въ высоко взбитыхъ подушкахъ, руки неподвижно лежали, какъ тонкія плети, на „колдрѣ“; подъ складками его обрисовывался вспухнувшій непомѣрно животъ и протянутыя бревнами ноги, только теплящійся огонь блуждающихъ очей, глубоко запавшихъ въ орбиты, да судорожно подымавшаяся грудь обнаруживали въ этомъ немощномъ тѣлѣ послѣднюю борьбу угасающэй жизни.

Марылька подошла благоговѣйно къ страдалицѣ, опустилась на колѣни и поцѣловала ей почтительно руку; больная съ страшнымъ усиліемъ положила обѣ руки на голову панночки и прошептала слабо:

— Спасибо, панно... они тебя полюбятъ... У него,—повела она на Богдана глазами,—золотое сердце.

— А я то,—закрыла руками свои очи Марылька,—уже всѣмъ сердцемъ люблю васъ и всѣхъ... всѣхъ. Вѣдь я сирота, никого нѣтъ у меня... и ласки я не видала. Да наградятъ васъ Богъ за нее...

Голосъ ея порвался, и она, вздрагивая и всхлипывая, отошла къ окну.

Всѣ были тронуты. Неласково и недоброжелательно устремленные на Марыльку взоры засвѣтились болѣе теперь теплымъ чувствомъ. Ея вкрадчивый, чарующій голосъ и прорвавшееся горе подкупили всѣхъ сразу, а Марылька, распросивши потомъ про болѣзнь своей новой мамы, заявила, что она сможетъ, при помощи Божіей, облегчить ей страданія, что такою же болѣзнью была больна и теща Оссолинскаго, при которой она состояла неотлучною сидѣлкой, и что она припрятала многія травы и „лики“, привезенныя чужеземными знахарями для ея княжьей мосци.

Баба воспротивилась было вмѣшательству въ сферу ея дѣятельности, протестуя, что всякое чужеземное зелье, собранное безъ

надлежащей молитвы, не чисто; но утопающій хватается вѣдь за соломенку, да и Богданъ притопнулъ на бабу.

Марылька сварила траву и дала выпить больной раза три этой настойки, подсунувши маму, при помощи Богдана, повыше; и полусидячее, болѣе удобное положеніе, и новое снадобье облегчили видимо страданія умирающей: она вскорѣ затихла и заснула спокойно.

Баба, глядя на это, только качала головой да бросала исподлобья сердитые взгляды на эту новую ляшскую знахарку, а Марылька торжествовала, да и Богданъ вмѣстѣ съ ней,—онъ былъ умиленъ ея горячею заботливостью и смотрѣлъ на нее, какъ на ниспосланнаго ему ангела-утѣшителя; про больную и говорить нечего: она сразу привязалась къ Марылькѣ, какъ къ спасительницѣ, не находя словъ, какъ и благодарить ее...

Проходили дни. Больная привыкала и привязывалась все больше къ Марылькѣ, послѣдняя высказывала съ каждымъ днемъ и умѣнье ухаживать за больной, и свою беззавѣтную преданность, и свой откровенный, простой, веселый характеръ. Въ минуты облегченія страданій, она развлекала свою маму интересными разсказами изъ своихъ приключеній и умѣла иногда разными прибаутками вызвать даже улыбку на безжизненно-блѣдномъ лицѣ.

Оленка и Катра, смотрѣвшія сначала исподлобья на новую, навязанную имъ сестру, начинали мало-по-малу любить ее и сходились въ свѣтлицу матери слушать разсказы панночки. У одной только Оксаны крѣпко росло недружелюбное чувство къ Марылькѣ, и она все избѣгала ее да отводила съ бабой накипавшую злость: Оксана видѣла, что такъ или иначе, а Марылька оттерла незамѣтно отъ больной пани и Ганну, и бабу. Хотя Ганна не показывала и вида, что чѣмъ либо огорчена, но Оксана замѣчала, что она стала молчаливой и печальной, а баба, такъ та втихомолку и плакала, да жаловалась Оксанѣ,—до чего дожила: цѣлый вѣкъ де „упадала“ за паней, какъ за родною „дытыной“, а вотъ прибилась какая-то „ляховка прычѣпа“, да и завладѣла и сердцемъ ея, и насиженныхъ въ этой хатѣ хозяйствомъ.

И дѣйствительно, Марылька становилась полною госпожей въ этой свѣтлицѣ, пропитанной запахомъ ладона, васильковъ да оливы, горѣвшей въ неугасаемой лампадѣ передъ ликомъ Матери всѣхъ скорбящихъ. Все здѣсь дѣлалось только ею или по ея приказанію; никто уже не могъ угодить больной: и подушки не такъ перебьютъ, и не подвернутъ безъ боли ноги, и не такъ подадутъ „кухоль“, только Марылька умѣла во всемъ угодить, и умирающая не могла даже дохнуть безъ Марылькы.

Съ пріѣздомъ этой панночки, она не только чувствовала себя физически лучше, но и душой была безконечно счастливѣе. Богданъ теперь почти не отходилъ отъ жены и былъ безгранично къ ней нѣженъ.

Ему только тяжело было носить личину печали и удерживать рвущуюся изъ груди радость; но и тутъ облегченіе страданій больной давало приличный мотивъ. Особенный тактъ Марыльки и умѣнье ея себя поставить и очаровать всѣхъ простотой и сердечностью своего нрава вывели Богдана изъ ложнаго положенія и возвратили ему прежнюю увѣренность и спокойствіе.

Въ эти двѣ недѣли Богданъ почти никуда не выѣзжалъ и не давалъ знать никому о своемъ пріѣздѣ; ему хотѣлось хотя на время укрыться въ своемъ хуторѣ и пожить личными радостями; онъ дорожилъ этимъ кратковременнымъ покоемъ, предчувствуя, что за предѣлами хутора опять поднимутся бури и человѣческія стенанія.

Ганна неоднократно сообщала Богдану про наплывъ новыхъ поселенцевъ, про то, что они поселены временно въ „куреняхъ“, но что нужно имъ пріискать новыя мѣста для поселковъ; но онъ долго отказывался выѣхать на осмотръ, ссылаясь на больную жену.

Ганна была поражена такимъ необычайнымъ горемъ, охватившимъ Богдана до оцѣпенѣнія, до полнаго даже равнодушія къ наступающимъ со всѣхъ сторонъ бѣдамъ. Этотъ взрывъ чувства къ отходящей въ вѣчность страдалицѣ глубоко бы тронулъ отзывчивое сердце Ганны, если-бы ее не смущала игравшая въ глазахъ дядька радость.

Только одно извѣстіе потрясло Богдана, извѣстіе, переданное дѣдомъ, про гибель Чарноты.

— Эхъ, не выдержалъ!—рванулъ себя Богданъ за „чупрыну“,— а какъ я просилъ, какъ молилъ! Прямо на погибель пошелъ, тяжело, видно, было носить свою голову... Чарнота, голубь мой сизый! А какой рыцарь былъ изъ тебя славный!—утеръ Богданъ набѣжавшую слезу.

— Да, перомъ надъ нимъ земля!—покачалъ „сивою“ головой дѣдъ.

— Ну, а какъ тамъ, что добраго?—спросилъ подошедшій съ Золотаренкомъ Ганджа.

— Да что, братцы, все слава Богу... Можетъ, и увидимъ ласку Господню, вотъ скоро, скоро услышите про королевскія милости,—хотѣлъ отдѣлаться общими фразами Богданъ.

— Да какія-же милости—допытывался Золотаренко.—Все про эти милости гудутъ, а ихъ и не видно. По моему, лучше „синица въ жменѣ, чѣмъ журавель въ небѣ“.

— А можетъ быть уже и „журавель“ въ жменѣ, мои друзья... Я не имѣю права оповѣстить васъ раньше уряда, а говорю только, какъ близкимъ своимъ, что „журавель“ есть.

— Ну, слава Богу,—мотнулъ головой дѣдъ,—а вотъ что еще, пане господарю, хотѣлось бы мнѣ, да вотъ и добрымъ людямъ знать, что это ты за ляховку къ намъ привезъ? Положимъ, дѣло хозяйское, а все-таки откуда она и на что?

Золотаренко и Ганджа присоединились тоже къ просьбѣ дѣда.

И Богданъ вынужденъ былъ для успокоенія умовъ разсказать про батька Марыльки, про этого „можновладца“—„баниту“, ставшаго потомъ завзятымъ запорожцемъ, его побратимомъ, принявшаго, наконецъ, во спасеніе „товарищества“ добровольную смерть и завѣщавшаго на освобожденіе Украйны половину закопанныхъ „скарбовъ“. Разсказъ этотъ очень тронулъ слушателей и сразу же измѣнилъ ихъ расположеніе къ новой субботовской гостьѣ.

— Такъ ты, пани господарю, съ того бы и началъ, что она дочь товарища,—замѣтилъ дѣдъ, кивая головою,—а кѣмъ былъ этотъ товарищъ раньше,—намъ „байдуже“.

— А и вправду такъ,—подхватилъ и Ганджа,—на Запорожье, вѣдь, къ славному товариству доступъ всѣмъ воленъ,—ляхъ-ли ты, татаринъ-ли, турокъ,—приди, прочитай „Вѣрую“ да „Отче Нашъ“, да перекрестись... вотъ и все!

— На томъ и стоитъ Запорожье,—замѣтилъ Золотаренко,—оттого-то и переводу нѣтъ нашимъ орламъ, что оберегаютъ родной край и отъ татарина, и отъ лихого пана, не прошеннаго гостя, такъ вотъ и эта панна Марылька выходитъ уже не панна и не Марылька, а вольная козачка, дочь нашего товарища, значитъ, должна носить христіанское имя, Марина, что-ли,—баста!

— Я ей пока не сообщалъ истины про ея отца,—замялся какъ-то Богданъ,—вѣдь она была плѣнницей у татаръ и про своего батька, про смерть его не знаетъ. Я скрылъ отъ малой еще „дытыны“, натерпѣвшейся и безъ того лиха въ неволѣ, это тяжкое горе; потомъ ее пріютилъ у себя Оссолинскій, а я отправился, какъ вамъ извѣстно, по королевскимъ „справамъ“ въ чужія края... Такъ она, значитъ, и думаетъ до сихъ поръ, что батько ея только запропастился куда то, что его можно и разыскать... Вотъ почему я васъ, панове, и прошу не разглашать этой исторіи, пока я не приготовлю Марыльки къ смерти батька.

Всѣ согласились съ Богданомъ и отнеслись съ теплою похвалой къ его сердцу, откликнувшемуся съ безкорыстнымъ участіемъ на предсмертный завѣтъ побратима.

— Что и толковать,—заключилъ дѣдъ,—Божье дѣло! И спасена душа та, что осушитъ сиротскія слезы?

Хотя Богданъ и видѣлъ разрушительное шествіе болѣзни своей жены, хотя и сознавалъ, что приближаются уже послѣднія мгновенія ея страданій, но все-таки его радовали и тѣшили эти временныя облегченія, дававшія женѣ и забытье, и покой.

Заснетъ, подъ вліяніемъ наркотическаго питья, больная, и Марылька позволитъ себѣ выйти въ большую свѣтлицу, а Богданъ уже сидитъ тамъ и передаетъ своей дѣтворѣ какой-либо случай изъ его боевыхъ „пригодъ“, или разсказываетъ про чужія страны, про цвѣтущіе города, про высокія горы, прячущія въ облакахъ свои бѣлыя вершины, про широкія моря, играющія нѣжною лазурью...

А молодые хлопцы и подлѣтки „доньки“ по прежнему льнутъ къ своему тату и просятъ все разсказывать побольше да подлиннѣе; Марылька тоже присядетъ, бывало, скромно къ этой группѣ, цѣлуетъ и ласкаетъ своихъ новоприобрѣтенныхъ сестеръ, расчесываетъ имъ головки по Варшавской модѣ и не сводитъ очей съ своего любаго тата. Одна только Ганна не принимала живого участія въ этихъ бесѣдахъ; она вся отдалась дѣламъ благотворительности: устраивала пріюты бѣглецамъ, калѣкамъ, ухаживала за больными и по цѣлымъ днямъ не бывала дома, а если случайно и заставала иногда въ свѣтлицѣ такую нѣжную семейную сцену, то съ опущенными глазами уходила назадъ. Богданъ ловилъ иногда грустный серьезный взглядъ ея лучистыхъ очей, и ему становилось жутко и непокойно на сердцѣ, онъ читалъ въ нихъ какой-то нѣмой, но заслуженный имъ укоръ. А то, бывало, пригласитъ Богданъ и дѣтей своихъ, и Марыльку на свою половину, чтобы не безпокоить уснувшей жены. Дѣти были въ восторгѣ отъ такой рѣдкой для нихъ ласки и съ веселымъ шумомъ бѣжали черезъ широкія сѣни въ батьковскіе покои: хлопцамъ была великая радость полюбоваться дорогимъ отцовскимъ оружіемъ и другими диковинками, развѣшенными по стѣнамъ, разставленными по „полицамъ“, а дивчатъ особенно привлекала бандура. Здѣсь уже можно было попросить батька ударить по струнамъ, а какъ онъ игралъ! Мертвый, кажись бы, всталъ изъ могилы послушать его „шумки“ и „думки“.

Теперь Богданъ не заставлялъ себя и просить; только придутъ къ нему, сейчасъ онъ сниметъ со стѣны „розважницу туги“ и запоютъ, заговорятъ струны, да такъ заговорятъ выразительно, что Марылька вся вспыхнетъ румянцемъ и опуститъ на нѣжныя щеки тонкія стрѣлы темныхъ рѣсницъ.

— Иногда Богданъ заставлялъ Катрю спѣть пѣсню подъ переливы тихаго звона бандуры. Голосъ ея, не совсѣмъ еще окрѣпшій,

звучалъ тѣмъ не менѣе серебромъ, задушевная, безъискусственная мелодія лилась прямо каждому въ сердце, заставляя отзывчиво звучать его струны.

— Ахъ, какія ваши пѣсни!—всплеснетъ, бывало, руками Марылька.—Въ нихъ и слезы, и ласка, и безконечная жалость, словно матери передаетъ кто свое горе! Катруся, милая, дорогая моя, научи меня этимъ пѣснямъ, научи,—покроетъ ее поцѣлуями панна,—а я тебя научу своимъ пѣсенкамъ.

— Вотъ и отлично, отзовется трепещущій отъ восторга Богданъ,—учитесь, доньки, одна у другой, перенимайте лучшее, всякаго вѣдь Богъ надѣлилъ особымъ добромъ, такъ нужно имъ и дѣлиться. Да полюбите, мои любыя, дружка дружку, безъ хитрости и „щыро“. По волѣ Божьей, Марылька въ нашей семьѣ, а она тебѣ, Катрусю, и тебѣ, Оленка, можетъ быть, Господи, какъ полезна! Марылька видѣла большой свѣтъ, магнатскіе звычаи и обычаи, а вы, хуторянки, кромѣ Субботова, ничего не видали.

— Я всему, всему, что знаю, буду учить тебя, Катруся, и тебя, Оленка,—обнимала сестеръ своихъ Марылька,—чорезъ годъ увидите, и въ королевскій дворецъ можно будетъ выѣхать смѣло.

Катря обняла Марыльку, а Оленка надула губы и, отвернувшись, проговорила:

— На чорта намъ дворецъ, мнѣ лучше на „скобзалку“.

— Вотъ тебѣ и на!—засмѣялся Богданъ,—и давай ей „эдукацію“! Ты бы промѣняла на дворецъ и коровникъ.

— А что же, тату,—посмотрѣла исподлобья Оленка,— и въ коровникѣ весело, особенно когда придутъ Марта, Ликера, Явдоха и Явтухъ.

Марылька бросила въ ея сторону презрительный взглядъ, но спохватившись, смѣнила его снисходительною улыбкой.

— Нельзи такъ, Оленка, судить, погладила она ее по головкѣ,—кто знаетъ, а можетъ придется и тебѣ быть во дворцѣ,—и она бросила украдкой на Богдана пламенный, вызывающій взглядъ.

— Куда имъ!—засмѣялся Богданъ и взяль нѣсколько аккордовъ.—А ну, Марылько,—поднялъ онъ на нее восхищенныя очи,—а ну, моя квиточко, пропой какую либо пѣсенку, а я подберу „прыгравання“.

Марылька начала напѣвать веселенькую мазуречку; вскорѣ подъ звонъ бандуры раздалось увлекательное пѣніе. Зажигательный мотивъ, исполненный сильнымъ, сочнымъ голосомъ, производилъ неотразимое впечатлѣніе, наполнялъ серебромъ рулладъ свѣтлицу, а глаза Марылки искрились такимъ зноемъ страсти, что Богданъ въ порывѣ восторга взялъ такъ сильно аккордъ, что струны взвизгнули и лопнули.

Дверь тихо отворилась и на порогѣ стала незамѣтно Ганна. Звуки бандуры и пѣніе давно привлекли ея вниманіе и изумили несказанно; въ то время, когда надъ этимъ „будынкомъ“ вѣяло черное крыло смерти, они казались ей святотатствомъ. Ганна бросила строгій взглядъ на застывшую въ увлекательной позѣ Марыльку, перевела его на опьяненнаго восторгомъ Богдана, на озаренныя живою радостью лица дѣтей и занѣмѣла, глубоко потрясенная и возмущенная сценой.

— Титочка стонутъ и плачутъ,—сказала она тихо, хотя въ ея голосѣ послышалась непослушная дрожь горькой укоризны.

— Боже! Неужели мы ее разбудили?—всполошился Богданъ.

— Пѣніе и бандура долетали и туда,—еще тише проговорила Ганна.

— Но не черезъ нее же, надѣюсь, она плачетъ,—съ досадой и тревогой возразилъ Богданъ.

— Вообще, появленіе и сообщеніе Ганны непріятно задѣло его; онъ увидѣлъ въ немъ какой то ригоризмъ, накидывающій узду на его волю.

— Нѣтъ, не черезъ пѣніе,—уже увѣренно заявилъ онъ.—Кого можетъ оскорбить пѣсня и дума? никого и никогда. Мамѣ можетъ быть хуже, такъ пойдемъ, дѣтки, къ ней!

— Я даже думаю, тато,—отозвалась скромно Марылька,—что музыка на такую больную должна дѣйствовать успокоительно и для больной бы слѣдовало, въ минуты облегченія, нарочито съиграть или спѣть что либо; это бъ, кромѣ всего, подняло у нея бодрость духа, а, значитъ, и силы... Больной именно нужно показать, что близкіе не убиты тоской, что, значитъ, положеніе ея улучшилось, а показное горе,—подчеркнула Марылька,—убило бы ее оразу.

— Правдивое твое слово, моя дытыно,—поцѣловалъ Богданъ въ лобъ Марыльку и отправился въ сѣни.

Ганна поблѣднѣла замѣтно, и ея расширившіеся глаза потемнѣли.

Въ сѣняхъ Богданъ остановилъ ее ласковымъ словомъ:

— Голубко Ганнуся, „упаднице“ моя любая!

Марылька, услыхавши эту фразу, остановилась было на порогѣ и въ свою очередь поблѣднѣла, но Катря увлекла ее къ матери.

Ганна задрожала, и если бы сѣни были свѣтлѣе, то можно бы было замѣтить, какъ говорящіе глаза ея переполнились слезами.

— Вотъ еще къ тебѣ моя просьба,—наклонившись къ ней, продолжалъ тихо Богданъ.—Не можешь ли ты пріютить у себя эту Марыльку, а то въ большой свѣтлицѣ съ „дивчатами“ ей неудобно, да и больная постоянно то тѣмъ, то другимъ тревожитъ... панночка видимо поблѣднѣла... да и ея покоевка валяется по кухнямъ...

Онѣ вѣдь обѣ привыкли къ роскоши, къ нѣгѣ, не то, что мы, грубые... Да и то еще не хорошо, что Марылька, по своей ангельской добротѣ, приняла на себя роль сидѣлки возлѣ больной", а мы словно обрадовались этому, „напосѣли"... совсѣмъ „змарнила" и извелась бѣдная дѣточка...

— Я ужъ думала, дядьку, объ этомъ,—отвѣтила взволнованнымъ голосомъ Ганна,—я совсѣмъ уступлю этой панночкѣ съ ея покоевкой свою верхнюю горенку, а сама помѣщусь съ дѣтьми: мнѣ тѣсно съ ними не будетъ, а если придется услужить чѣмъ моей второй матери, такъ я всякій трудъ посчитаю за радость, за счастье.

— Святая душа у тебя... вотъ что!—промолвилъ съ чувствомъ Богданъ.—Вся то ты для другихъ, вся въ людскомъ горѣ, а про себя и не думаешь... Эхъ, даже жутко намъ, грѣшнымъ, стоять рядомъ съ тобою!

— Дядьку, за что вы смѣетесь?

— Провались я на этомъ мѣстѣ, коли слово мое не идетъ отъ „щираго" сердца!—воскликнулъ Богданъ.—Чиста ты сердцемъ, а мы духомъ „буяемъ"...—вздохнулъ онъ,—однако, твоимъ предложеніемъ воспользоваться—это ужъ было бы для тебя обидно... Ты такъ привыкла къ своему гнѣздышку... и уступить его... Я полагалъ, что вдвоемъ вы могли бы помѣститься... тамъ вѣдь просторно...

— Нѣтъ, дядьку, не „турбуйтесь"... мнѣ будетъ съ дѣтьми удобнѣе и ближе къ больной, а вдвоемъ мы могли бы стѣснить другъ друга.

— Ну, быть по твоему... Спасибо, моя „порадо!"—и Богданъ поцѣловалъ Ганну въ высокій, словно выточенный изъ слоновой кости, лобъ.

Вечеромъ „покоевка" варшавская, Зося, уже суетилась въ новомъ, отведенномъ для ея панны покоѣ; взбила ей пуховики на кровати, закрыла ее шелковымъ одѣяломъ, убрала столикъ вывезенными изъ Варшавы игрушками, установила посерединѣ, поддерживаемое амурами, зеркало, поставила на окна роскошные букеты цвѣтовъ, а у изголовья кровати прибила небольшой образокъ Остробрамской Божіей Матери. Для себя же устроила постель на канапкѣ, стоявшей у дверей.

Чистенькая комнатка, убранная цвѣтами и изящными бездѣлушками, выглядывала уже не строгою кельей затворницы, а кокетливымъ гнѣздышкомъ птички.

Въ отворенныя окна смотрѣла теперь съ неба блистательная южная ночь; подъ ея волшебнымъ сіяніемъ открывалась серебристымъ

пологомъ даль; темныя линіи и пятна дремучихъ лѣсовъ пестрили ее причудливыми арабесками. Прохладный воздухъ, напоенный ароматомъ цвѣтущихъ гречихъ, вливался тихою струей въ эту горенку... Даже Зося, несклонная вовсе къ поэзіи, залюбовалась и этою ночью, и этою чарующею картиной.

— Панночко, любая, милая!—не удержалась она вскрикнуть на встрѣчу входившей Марылькѣ.—Посмотрите, какъ здѣсь хорошо, какъ здѣсь пышно!

— Да,—обвела усталыми глазами свѣтлицу Марылька.—Хоть и медвѣжій, а все-таки уголокъ. Уйти хоть есть куда, отдохнуть...

— Ужъ именно насилу добились какого-нибудь угла,—проворчала Зося, вынимая изъ „скрыньки“ для панны бѣлье.—Мнѣ и не доводилось отъ роду валяться по такимъ хлѣвамъ, какъ тутъ отвели, съ „быдломъ“ въ одной хатѣ.

— Ничего, потерпимъ немного,—улыбнулась Марылька.—Это бывшая келья той... какъ ее... черницы, что ли?

— Черницы!—засмѣялась Зося.—Этой преподобницы схизматской, Ганны.

— Какъ же это выгнали хлопскую святошу и ради кого? Ради шляхетной католички!

— Значитъ, наши святые посильнѣе!—подмигнула бровью Зося.—Панъ-господарь приказалъ мнѣ вынесть просто Ганнины вещи, а свѣтлицу приготовить для панны со мной.

— То то она сегодня зелена, какъ жаба, а ехидна, то какъ ужъ!—вздумала было пустить яду Богдану... Меня укорить! Ну, нѣтъ!—гордо подняла голову Марылька, сверкнувъ надменно очами.—Меня то легко не повалишь!

— О, съ ними нужно, моя паняночка, строго, а то народъ здѣсь такой,—осмотрѣлась Зося осторожно кругомъ.—Езусъ-Марія! Такой грубый, да дикій, не „быдломъ“, а звѣремъ глядитъ, ласковаго слова ни отъ кого не услышишь, ругаютъ въ глаза ляхами, „католиками“... Ненавистники этакіе!—докладывала обиженно Зося.

— Здѣсь ихъ, кажется, притѣсняютъ „можно-владцы поляки“, промолвила, Марылька сбросивши кунтушъ и спенсеръ, и начала выпутывать изъ волосъ передъ зеркаломъ нити мелкаго жемчугу.—Самъ канцлеръ говорилъ, но вообще они...

— Ненавидятъ всѣхъ насъ,—перебила Зося.—И васъ, и меня, а за что? За то, что католики.

— Да,—задумалась Марылька, глядя куда-то въ даль.—Распусти мнѣ косу,—оттянула она голову.—Да,—повторила она медленно,—разная вѣра—это порогъ, чрезъ который легко не переступишь.

— Да и не перескочишь, а голову разобьешь,—сдвинула плечами Зося—Я не знаю, какъ вамъ это не пришло въ голову тамъ еще, въ Варшавѣ.

— Ты на счетъ чего?—повернулась къ ней быстро панянка, и, сдвинувъ брови, добавила:—Марылька разъ что задумала—назадъ не отступитъ, и если порога нельзя переступить, такъ разрубить его будетъ можно...

— Да,—не поняла Зося своей паняночки,—а вотъ только та черничка не допуститъ распоряжаться въ домѣ, не позволитъ пороговъ рубить.

— Какъ не допуститъ?—встрепенулась Марылька.

— Да вотъ, я сама слыхала, что она говорила и этой цыганкѣ Оксанѣ, и бабѣ,—что, говоритъ, вѣрить, молъ, этой ляховкѣ нельзя... якъ Бога кохамъ! На показъ то она съ раскрытою пазухой, а въ глазахъ „дьяблы“ играютъ, а баба и пошла ругаться ругательски...

— Ахъ, эта тощая святоша!—вскочила Марылька, и притопнула ногою. Неужели она осмѣлится стать мнѣ на дорогѣ?

— Но, моя „цицяна“, панно здѣсь Ганна все—и хозяйка, и совѣтница, и мать; ее и дѣти считаютъ за родную мать, а дворня гомонитъ что по смерти старой пани она займетъ ея мѣсто.

Послѣ минутной вспышки, Марылька, уже саркастически улыбаясь, слушала докладъ своей наперстницы: отраженное изображеніе въ зеркалѣ видимо успокаивало ея тревогу и разливало по лицу выраженіе торжества и побѣды.

— Посмотримъ,—процѣдила она съ улыбкой сквозь зубы и, потянувшись, какъ кошечка, томно добавила.—Устала я за эти дни: вѣчная осторожность и вниманіе къ каждому шагу, все меня стѣсняетъ,—сбросила она съ стройныхъ, словно выточенныхъ ножекъ шитыя туфельки.

Зося расплела ей косу и отбросила на спинку кресла роскошныя волны золотистыхъ волосъ.

Теперь Марылька осталась лишь въ легкой сорочкѣ изъ турецкой тафты, сквозившей на нѣжномъ алебастровомъ тѣлѣ чарующими округлостями линій и таинственными полутѣнями.

— Ну, что-жъ,—любовалась собой Марылька, спуская небрежно съ обольстительнаго плечика прозрачную ткань.—Думаешь, что я передъ этой святошей безсильна?

— Ай, ай!—всплеснула руками Зося.—Мнѣ даже больно смотрѣть, а что-жъ то хлопцамъ?

— Будто?—вспыхнула Марылька и, поправивъ шаловливо свою воздушную одежду, заговорила игриво, по дѣтски:—Вотъ не-

ревели насъ уже изъ „быдлятника“ въ хатку, а изъ хатки переведутъ въ свѣтлицу, а изъ свѣтлицы—въ палацъ.

— Когда то еще будетъ, а пока солнце взойдетъ—роса очи выѣстъ,—махнула Зося рукой.

— Но, но!—вскрикнула капризно Марылька.—Не смѣй мнѣ противорѣчить!—и, вставши, она подошла къ раскрытому окну, передъ которымъ разстилался прилегавшій къ „будынку“ „гаекъ“, окутанный таинственными тѣнями и облитый фосфорическимъ блескомъ.—Ахъ, какъ хорошо тамъ въ лѣсу и вонъ на той свѣтлой опушкѣ, гдѣ сверкаетъ серебромъ рѣчка!—заломила Марылька за голову руки и стала медленно вдыхать ароматный прохладно-живительный воздухъ.

— А вы осторожнѣе, моя „яскулечка“, тамъ какая то тѣнь двигалась въ „гайку“.

— Нѣтъ, все глухо и мертво,—пододвинулась еще ближе къ окну Марылька.—А какія еще новости?—спросила она, не поворачиваясь лицомъ и впиваясь глазами въ тѣни „гайка“.

— Старшій панычъ сегодня пріѣхалъ,—сообщила Зося.

— О! Тымко! Какой же онъ?

— Ничего себѣ, только рябоватый... все лицо будто мелкимъ просомъ „подзюбано“, а самъ изъ себя статный, здоровый, молодой, только еще хлопецъ и меня испугался даже,—расхохоталась Зося,—вытаращилъ глаза, покраснѣлъ, какъ ракъ, словно дѣвица... Такіе здѣсь глупые хлопцы! У насъ бы не пропустилъ не обнявши, а тутъ—стыдятся...

— А вотъ ты позаймись „эдукаціей“—перегнулась даже въ окно Марылька,—такъ выйдутъ изъ нихъ пылкіе рыцари.

— Стоитъ возиться,—надула презрительно губки Зося,—развѣ ужъ съ большой тоски да съ дьявольской скуки.

— Терпѣніе, терпѣніе, моя Зосюня,—скука не вѣчна, тоску можетъ смѣнить и веселье, и радость, и блескъ.

— Да, ждите! Старуха то еще, можетъ, и другой десятокъ протянетъ, и для чего только панна старалась помочь?—укоризненно покачала она головой,—уже этого я и въ толкъ не возьму.

— Глупенькая ты,—чѣмъ-же я ей помочь могла, потянулась сладко Марылька—на счетъ старухи, я тебѣ скажу, будь покойна,—ея дни сочтены: отъ такой вѣдь болѣзни умерла и мать Оссолинской, я знаю. Опухоль у нея съ каждымъ днемъ подымается, и какъ только дойдетъ подъ ложечку, такъ и задушитъ.

— Дай то Богъ,—вздохнула наивно Зося,—а вотъ что до пана,—улыбнулась она лукаво,—такъ ужъ и видно, что совсѣмъ очумѣлъ, глазъ не сводитъ.

— Ну, полно,—остановила ее Марылька,—ты черезчуръ болтлива.

Освѣщенная съ одной стороны свѣтомъ восковой свѣчи, а съ другой—краснымъ отблескомъ лампады, фигура ея роскошно обрисовывалась на темномъ фонѣ окна. Даже Зося залюбовалась своею панночкой, стоя у другого окна, но, взглянувши случайно въ „гаекъ", она замѣтила подъ тѣнью липы неподвижно стоящую, словно въ оцѣпенѣніи, высокую, статную фигуру.

— Панночка! Отойдите!—вскрикнула она,—вѣдь я говорила, кто то смотритъ изъ сада, не панъ ли господарь?

— Гдѣ, гдѣ?—не довѣряла Марылька, перегибаясь изъ окна и присматриваясь.

— Да, вонъ посмотрите, подъ липой!...

Марылька вскрикнула и бросилась на кровать, зарывши свое лицо въ подушки.

Ночь. Луна высоко стоитъ въ небѣ и задумчиво смотритъ съ зеленовато-прозрачной выси на Субботово, на Тясминъ, на „гаекъ", на будынокъ... Вездѣ тихо; въ чуткомъ воздухѣ слышенъ даже отдаленный шумъ падающей съ „лотоковъ" воды... Сонный вѣтерокъ вздрогнетъ, зашелеститъ нѣжно въ листвѣ и замретъ... Все оковалъ сонъ: иныхъ, утомленныхъ дневною работой, онъ обнялъ по дружески, крѣпко, другихъ, удрученныхъ болѣзнью, успокоилъ хоть мимолетною лаской, третьихъ, смущенныхъ страстями и счастьемъ, обвилъ прозрачною сѣтью чарующихъ грезъ... только не могъ онъ дать забвенья наболѣвшему сердцу, не могъ утолить его жгучихъ страданій...

Въ нижней свѣтлицѣ, гдѣ спятъ Катря и Оленка съ Ганной, таинственный полусвѣтъ. Черезъ небольшія два окна, приподнятыя вверхъ на подставкахъ, лунное блѣдное сіяніе падаетъ серебристыми столбами внизъ и ложится яркими квадратами на глиняномъ желтомъ полу; въ противоположномъ углу, увѣшанномъ иконами кіевскаго и переяславскаго письма, передъ образомъ Матери всѣхъ скорбящихъ теплится кротко лампадка; ея нѣжный, красноватый отблескъ, обливая лики угодниковъ, смѣшивается дальше съ луннымъ свѣтомъ, производя эффектныя сочетанія тоновъ.

На кроваткѣ, уступленной Катрею, сидитъ Ганна; она обняла колѣни руками, поникнувъ въ безъисходной тоскѣ головой; распущенные волосы ея, тронутые слегка теплыми свѣтовыми пятнами, падаютъ на плечи, на спину черною волной, свѣшиваются шелковистыми прядами напередъ, закрывая отчасти лицо.

Ганна сидитъ неподвижно, уставившись въ какую то яркую точку на полу, и не сознаетъ даже, гдѣ она,—такъ задумалась,

такъ глубоко ушла въ самое себя; она только чувствуетъ тупую, зудящую боль въ сторонѣ сердца и необозримую „тугу“.

Откуда взялъ онъ эту ляховку? Зачѣмъ привелъ сюда, что будетъ она здѣсь дѣлать?... кружатся въ ея головѣ ѣдкіе, болѣзненные вопросы. Осолинскій поручилъ ее ему. Но почему же онъ поручилъ ее не какому нибудь шляхтичу, а Богдану, войсковому писарю, схизмату? Развѣ могла прійдти ему самому такая думка? Нѣтъ, нѣтъ! Значитъ Богданъ просилъ его. О, да, не иначе? Да и сама Марылька, какъ могла-бъ она безъ особаго желанія промѣнять пышную магнатскую жизнь на такую жизнь въ безвѣстномъ козацкомъ хуторѣ. Она такая безсердечная, пустая ляховка! Да, безсердечная, лукавая,—даже прошептала настойчиво Ганна, —я это вижу по ея кошачьимъ глазамъ... она никогда прямо въ очи не глянетъ, все у нея притворство... Чужая она намъ, чужая!... Развѣ ея панское сердце отзовется на людскія слезы? Развѣ ей можетъ быть дорогъ этотъ тихій край? Она воспитана на роскоши, въ магнатскомъ чаду, такъ ее туда и тянетъ... Я не разъ подмѣчала въ глазахъ ея презрѣніе и скуку... О, когти ея, какъ она ихъ ни прячетъ, видны!—и, несмотря на лѣтнюю, душную ночь, Ганна дрожитъ, словно ей сыпетъ мелкимъ снѣжкомъ за спину...

Но что нибудь привлекало же ее, если она согласилась пріѣхать сюда? Что же, что?! Зачѣмъ она пріѣхала! Что будетъ здѣсь дѣлать холодная, пустая, злая? И словно боясь дать отвѣтъ на эти мучительные вопросы, Ганна не останавливается на нихъ, а идетъ дальше и дальше. А онъ ей вѣритъ, онъ тѣшится ею, дытыной зоветъ, ловитъ каждый ея взглядъ, улыбается каждому слову. Все съ нею, да съ нею! Все забылъ для нея. Какъ хлопецъ, какъ мальчишка готовъ угождать ей, сегодня даже комнату отнялъ у нея для Марыльки! ту комнату въ которой она провела столько лѣтъ! На губахъ Ганны появилась горькая улыбка. Ахъ, нѣтъ сомнѣнья, сердце не обманываетъ ее: оно видитъ, оно чуетъ, онъ любитъ, любитъ ее!... чуть не вскрикнула Ганна и ухватилась рукой за сердце; мысли ея понеслись горячечно, возбужденно. Онъ, Богданъ, первый лыцарь, первый орелъ Украины, опора, надежда всего края и закохался, какъ неразсудливый хлопецъ, въ пустую, глупую, надменную ляховку! О. Боже, кто-бъ могъ думать это. Кому-жъ послѣ этого можно вѣрить? Никому, никому! Всѣ на одинъ ладъ и онъ не лучше другихъ!—повторяла съ горечью, съ болью Ганна. Герой, спаситель отчизны, и первая смазливая ляховка заставляетъ его забывать о всемъ. Ха—ха! А она еще такъ вѣрила ему, такъ надѣялась на него. Но что это? поднялась сразу

съ мѣста Ганна и остановилась, какъ вкопанная. Она кажется готова въ своей злобѣ и ярости осудить его, Богдана?!. Что-же пробуждаетъ въ ней эту ярость? что? что?. О, Господи, спаси меня, спаси его, спаси всѣхъ насъ, вскрикнула Ганна, падая на колѣни передъ иконой Спасителя въ терновомъ вѣнцѣ: За что попустилъ ты,Милосердный, такое поруганіе надъ душей Твоего раба! О, спаси его, отврати его душу, вѣдь тебѣ все возможно, все, все! Ганна склала на груди свои руки и вся застыла въ нѣмой молитвѣ и кажется ей, что кроткіе глаза Спасителя вспыхиваютъ нѣмымъ укоромъ.—Нѣтъ, нѣтъ, не могу я молиться! Сорвалась она съ колѣнъ и закрыла рукою глаза. Душа моя смятена... Ослѣплены очи мои лукавымъ... Нѣтъ, не могу я молиться... Въ сердцѣ нѣтъ чистоты, нѣтъ смиренія!... Оно кипитъ завистью и хулой... Ахъ, что со мной?... Обида жжетъ, обида!... замолчала она и провела рукой по холодному лбу; мысли ея приняли болѣе покойное теченіе.—А, можетъ быть, это мнѣ только кажется?—мелькнулъ у нея вопросъ.—Вѣдь она противъ него дитя, да и католичка... ужъ одно это... свѣтъ бы перевернулся!—улыбнулась даже Ганна и, отбросивъ назадъ волосы, повела вокругъ свѣтлицы глазами и остановила ихъ на открытомъ окнѣ. За грядами „чернобривцевъ“ она замѣтила на зеленой полянѣ подъ липой, высокую и статную фигуру.

— Богданъ? Онъ!—сверкнуло у нея молніей въ головѣ и молніей же ударило въ сердце; она схватилась за него обѣими руками и слабо вскрикнула, скорѣй застонала. Первымъ порывомъ ея было броситься къ окну, разсмотрѣть, онъ-ли? А если нельзя, если ночью трудно замѣтить, одѣться и самой выйти...! но потомъ она устыдилась этого шпіонства и осталась пригвожденной къ своей кровати.

— Онъ, онъ! Кому бы по ночамъ тамъ стоять? Съ ея окна глазъ не сводитъ... Такъ значитъ правда, правда все! Это она, ляховка околдовала его какими то чарами, приворотъ зелье дала чаровница, чаклунка литовская. Отобрала, украла у насъ наше лучшее сердце. Охъ, проклятая, ненавистная! вскрикнула Ганна и вдругъ замерла. Ненавистная... словно прислушалась она къ звуку этого слова... Что-жъ это говоритъ во мнѣ—ревность? Ревность, повторила она съ ужасомъ и, выпрямившись гордо, вскрикнула: нѣтъ! мнѣ стыдно, мнѣ больно за него, за нашу несчастную родину, за его бѣдную умирающую жену!

Ганна упала на колѣни передъ образомъ и заломивши руки зашептала горячо и страстно слова молитвы.

Часъ уплываетъ за часомъ. Не отводитъ глазъ отъ лика пречистаго Ганна, слезы струятся по ея блѣднымъ щекамъ.—Уйти,

уйти отсюда,—мелькаетъ смутно въ ея головѣ,—уйти и отъ нихъ, и отъ людей, далеко въ келью, въ Кіевъ. Тамъ хорошо, тихо, монашки поютъ, колоколъ звучитъ. Тамъ только и можно вылить слезами тоску. Но какъ бросить бѣдную титочку? Охъ, силы, силы мнѣ дай, Матерь скорбящихъ!—страстно шепчетъ Ганна, сжимая молитвенно руки, а слезы, капля за каплей, бѣгутъ, беззвучно падая на полъ, и голубой разсвѣтъ ложится нѣжно и мягко на складкахъ ея бѣлой сорочки...

А Марылька спитъ въ своей горенкѣ, на новой, мягкой постелѣ, спитъ долго и сладко. Уже солнце давно заглянуло къ ней въ окна и наполнило свѣтличку золотыми и радужными лучами; но паненка, разметавшись въ истомѣ, не можетъ открыть своихъ глазъ; надъ ними еще рѣютъ дивные образы и чарующія картины: грезятся ей райскіе сады, разубранные невиданными цвѣтами; между изумрудною зеленью сверкаютъ прозрачныя голубыя озера, съ дномъ, усыпаннымъ золотомъ; въ глубинѣ ихъ тихо плаваютъ рыбы, а между ними одна въ серебрянной чешуѣ, большая, пышная... Марылька раздѣвается, обаятельная нагота ея отражается и дрожитъ въ прозрачной водѣ, даже рыбы всѣ замерли и остановились, но это не смущаетъ Марыльки; она бросается къ серебрянной, большой рыбѣ, схватываетъ ее за жабры и вытаскиваетъ огромную, сѣрую, съ выпученными глазами жабу. Марылька хочетъ вскрикнуть, бросить жабу, но ни того, ни другого не можетъ.

На лѣстницѣ послышались торопливые шаги; вбѣжала Катря въ свѣтличку, всплеснула руками и бросилась тормошить Марыльку:

— Марылько, Бога бойся! До сихъ поръ спать! Да уже „сниданокъ“ второй подали... И Зося спитъ?—оглянулась она,—ото!

— Ахъ, это ты, Катрусе?—проснулась Марылька и обняла Катрю,—какъ я рада, что ты меня разбудила: мнѣ такое страшное снилось...

— Вставай, вставай!—торопила Катря,—и ты, Зосю, го-го! И мама ждетъ, не дождется своей знахарки,—поцѣловала она звонко въ щеку новую сестру,—и пріѣхалъ къ татѣ подстароста нашъ, панъ Чаплинскій. Хочетъ видѣть варшавское диво... Ей-Богу, такъ и сказалъ...

— Ой, ой!—схватилась Марылька съ постели,—правда, какъ мы заспались, Зосю! „Прендзей“ одѣваться!... А что онъ, какой изъ себя, этотъ подстароста, гарный, молодой—спросила она Катрю небрежно.

— Фе! Какой тамъ гарный?—скривилась Катря,—по моему такъ поганый, толстый, все отдувается и глазами мигаетъ...

— Ну, ну!—засмѣялась Марылька,—такъ скажи, моя ясочка, мамѣ, что я сейчасъ.

Катря спустилась внизъ, а Марылька принялась тщательно за свой туалетъ. Взбила свои пепельно-золотистые волосы какимъ-то ореоломъ вокругъ бѣлоснѣжнаго лба, заплела ихъ въ двѣ роскошныхъ косы, обула краковскіе высокіе башмачки, надѣла „адамашковую“ бронзоваго цвѣта сподницу, а сверхъ нея синій бархатный кунтушъ, отороченный соболемъ, и вышла въ нижнюю свѣтлицу, блистая неотразимымъ обаяніемъ дивной красы.

Встрѣтившись съ Богданомъ, Марылька зардѣлась алой розой, ожгла его кокетливымъ взглядомъ и стыдливо опустила глаза, а онъ и самъ вспыхнулъ огнемъ до самой чуприны. Какой-то сладостный ядъ, одуряющій, опьяняющій чарами, проникъ во все его существо, и Богданъ, чувствуя себя въ его власти, сознавалъ смутно, что эта отрава коснулась и его дочки Марыльки, и что эта болѣзнь сближаетъ ихъ еще больше...

Когда увидѣлъ Чаплинскій Марыльку, то не донесъ до рта даже чарки, уронилъ ее на полъ, и, разставивши руки да вытаращивъ глаза, изобразилъ довольно смѣшную фигуру.

Марылька взглянула на него и чуть не прыснула со смѣху; но салонный тактъ заставилъ ее сдержаться, и она только улыбнулась очаровательно вельможному пану на его любезное изумленіе.

— Езусъ-Марія!—вскрикнулъ, наконецъ, въ порывѣ восторга Чаплинскій,—гдѣ я? Въ чистилищѣ или въ самомъ раю? На землѣ такой красоты быть не можетъ!

— Панъ насмѣхается,—отвѣтила, покраснѣвъ отъ удовольствія Марылька.

— Клянусь рыцарскою доблестью, клянусь моею властью и славой!—подкрутилъ онъ вверхъ свои подбритые усы.

— Панъ слишкомъ расточителенъ на клятвы,—взглянула на него игриво Марылька,—такъ можно и сбанкротовать.

— Что удивительнаго?—приложилъ къ сердцу руку Чаплинскій,—передъ паненкой все сбанкрутуетъ.

— Я даю своей красотѣ слишкомъ малую цѣну,—скромно отвѣтила Марылька,—да и что вообще она передъ красой сердца и разума?—сверкнула она молніей своихъ глазъ на стоявшаго тутъ же въ нѣмомъ восторгѣ Богдана.

— O sancta Mater!—воскликнулъ Чаплинскій,—панна похитила у неба всѣ сокровища!

— Тато!—подбѣжала Марылька къ Богдану въ обворожительномъ смущеніи.—Панъ обвиняетъ меня въ ужасномъ преступленіи, неужели за бѣдную Марыльку никто не заступится?

— И эта грудь, и эта сабля,—тебѣ, моя зорька, защитой,—отвѣтилъ съ нѣжной улыбкой Богданъ и обратился къ Чаплинскому,—она сама не похитила, а небо ее всѣмъ надѣлило...

— Намъ на погибель!—вздохнулъ Чаплинскій.

— О, если бы все это было правдой, то я была бы самою несчастной,—вздохнула печально Марылька,—но панство шутитъ, а шутка сестра веселью... Такъ и мнѣ остается только поблагодарить пышное панство,—поклонилась она изысканно.

— Да скажи мнѣ, сватъ,—подошелъ къ Богдану Чаплинскій,—чѣмъ ты угодилъ Богу, что Онъ тебѣ послалъ такую дочку?

— Долготерпѣніемъ.—улыбнулся Богданъ,—это награда свыше за всѣ ваши „утиски“...

— О, такъ ради Бога обдери меня до костей!—съ напускнымъ пафосомъ крикнулъ Чаплинскій.

— Пусть панъ не рискуетъ,—погрозила кокетливо пальцемъ Марылька,—можно и обмануться въ наградѣ.

Катря вбѣжала въ свѣтлицу и, сконфузившись, сообщила, что мама проситъ заглянуть къ ней.

Всѣ двинулись къ спальнѣ больной, а Марылька побѣжала первая.

— Нѣтъ, безъ шутокъ,—шепталъ на ходу Богдану Чаплинскій,—эта паненка—восторгъ, очарованіе! Пану можно позавидовать.

Богданъ, будучи опьяненъ самъ прелестью своей дорогой дочки, тѣмъ не менѣе былъ раздраженъ уже чрезмѣрными нахальными похвалами Чаплинскаго, а потому и постарался измѣнить тему бесѣды, заговоривъ съ нимъ о серьезныхъ дѣловыхъ „справахъ“.

Сначала Чаплинскій разсчитывалъ быть въ Субботовѣ одну лишь минуту, такъ что съ трудомъ удалось оставить его на „снѣданокъ“; теперь же онъ, очевидно, забылъ о своемъ намѣреніи: разговорился съ Богданомъ о мѣстныхъ событіяхъ, передалъ нѣсколько тревожныхъ слуховъ про князя Ярему, про Ясинскаго, упрекалъ козаковъ въ разбойничьихъ выходкахъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ не одобрялъ заносчивой политики „можновладцевъ“, возбуждавшихъ народныя страсти и безсильныхъ подавить ихъ въ концѣ; увѣрялъ, что въ его старостве никогда ничего подобнаго быть не можетъ. Между своими сообщеніями онъ выпытывалъ у Богдана про Марылькy: откуда она родомъ, какъ попала сюда, по чьей прихоти?

Эти допросы бросали Богдана въ жаръ, и онъ отвѣчалъ на нихъ односложно, не скрывая даже неудовольствія. А Чаплинскій, замѣтивъ его смущеніе, перескакивалъ неожиданно отъ Марылькы къ политикѣ, ошарашивая разспросами про Варшаву, про короля, про канцлера, про Радзивилловъ. Богданъ, однако, былъ на сто-

рожѣ и не далъ себя ни разу поймать; сообщалъ съ подробностями о столичныхъ новостяхъ, о ходячихъ того времени сплетняхъ, но о политикѣ—ни слова: не было де съ кѣмъ поговорить о ней, по братерски, интимно.

Марылька появлялась еще раза два въ свѣтлицѣ, но мимолетно: блеснетъ метеоромъ, ожжетъ пламеннымъ лучемъ своихъ сапфировыхъ глазокъ, подаритъ улыбкой, кокетливымъ словомъ и исчезнетъ. Чаплинскаго все это приводило въ большій и большій экстазъ, и Богданъ для усмиренія этихъ порывовъ отвелъ гостя на свою половину, потребовалъ меду и занялся серьезными дѣлами съ подстаростой.

Время шло. Наступила обѣденная пора, и хозяинъ долженъ былъ предложить гостю отвѣдать борщу и каши; тотъ не заставилъ себя дважды просить, а охотно остался „потрапезовать“ у пана генеральнаго писаря.

Къ обѣду Ганна не явилась,—она сказалась больной; Андрій, Юрась и Оленка тоже остались при матери; сѣли за столъ только Богданъ, Чаплинскій, Марылька да Тимко. Послѣдняго привелъ насильно Богданъ и заставилъ „витать“ дорогого гостя и названную сестру.

Тимко, красный, какъ ракъ, вспотѣвшій даже отъ смущенія, стоялъ букой, словно приросшій къ мѣсту.

— Эхъ ты, дикій, дикій!—укоризненно качалъ головою Богданъ.—Сколько еще тебѣ эдукаціи нужно!... Подойди же, „привитай“ вельможнаго пана...

Тимко, наконецъ, промычалъ что то въ родѣ: „Здоровъ будь, пане-дядьку“, и мотнулъ, какъ степной конь, головою.

— А я и сама „прывитаюсь“ съ своимъ братомъ,—подбѣжала Марылька.—Ну, здравствуй, Тимко, взгляни-ка на свою сестричку, полюби ее...

Тимко взглянулъ исподлобья и такъ растерялся, что хотѣлъ было удрать, но Богданъ взялъ его за руку и внушительно сказалъ:

— Поцѣлуй же, увалень, ручку у вельможной паненки, у своей сестрицы!

— Не хочу, буркнулъ Тимко, утирая рукавомъ потъ, выступившій у него на лбу крупными каплями.

— Ахъ, ты, „неукъ“!—притопнулъ Богданъ ногою,—да ты бы почитать долженъ за счастье.

— Я бѣднаго хлопца выручу, замѣню,—двинулся было къ Марылькѣ Чаплинскій, но послѣдняя остановила его граціознымъ жестомъ и промолвила нѣжнымъ голосомъ:

— Я сама, какъ сестра, выручу Тимка,—и, подбѣжавъ къ нему, неожиданно поцѣловала его въ щеку.

Тимко побагровѣлъ, смѣшался въ концѣ и, не сознавая даже, что ему дѣлать, бросился къ Чаплинскому и поцѣловалъ его въ усы. Поднялся страшный хохотъ, заставившій Тимка опрометью удрать и запрятаться въ бурьянахъ, гдѣ никакіе розыски не открыли его убѣжища; такъ онъ и остался тамъ безъ обѣда и безъ вечери.

За обѣдомъ Чаплинскій, несмотря на „принуку", ѣлъ мало, а утолялъ все внутренній жаръ запеканками, да наливками, да мальвазіями, да старымъ венгерскимъ. Марылька, по просьбѣ Богдана, разыгривала роль хозяйки и угощала гостя съ обворожительною любезностью и изысканнымъ кокетствомъ. Чаплинскій пилъ и все разсыпался въ комплиментахъ, хотя тяжеловѣсныхъ, литовскихъ, но вырывавшихся бурно изъ его воспаленнаго сердца.

Марылька, замѣтивъ съ восторгомъ, что они будили у Богдана вспышки ревности, умѣла тонко отпарировать ихъ, накинуть узду на опьяненнаго и охмѣлѣвшаго пана подстаросту. Фигура и наружность пана подстаросты не могли назваться красивыми, особенно же они теряли при сравненіи съ Богданомъ. Но бурные восторги шляхетнаго пана, вызываемые ея красотой, льстили самолюбію женщины и подкупали ея сердце невольно: она смягчала свой приговоръ и находила подъ конецъ пана подстаросту даже видныиъ и ловкимъ.

— Нѣтъ, возмущался Чаплинскій,—это ужасная жертва, моя пышная панна! Ея мосць не взвѣсила еще, какъ, привыкши къ роскоши, къ нѣгѣ... воспитавшись, такъ сказать, какъ лучшій райскій „квятекъ" въ теплицѣ, и вдругъ изъ Эдема—въ глушь, въ дикій „гай", въ хуторскую трущобу!

— Напрасно панъ тревожится обо мнѣ,—отвѣтила, взглянувъ на Богдана любовно, Марылька,—та теплица, гдѣ я росла, была для меня лишь тюрьмой, а эта, какъ панъ выражается, глушь и трущоба для меня рай... всякому дорого то, что говоритъ его сердцу, что грѣетъ лаской.

— Что ни слово у панны, то новый перлъ!—пожиралъ ее маслянными, слипающимися глазками Чаплинскій.—„Якъ маме кохамъ", это неисчерпаемый кладъ сокровищъ,—икнулъ онъ.—Но неужели паненкѣ не жаль роскошныхъ варшавскихъ пировъ, гдѣ блескъ, великолѣпіе, пышное рыцарство?—подкручивалъ онъ свои подбритые усы.

— Моя красота не имѣетъ на панскомъ рынкѣ цѣны,—улыбнулась нѣжно Марылька,—а всѣ эти пиры, весь этотъ блескъ—одна лишь лукавая суета; голова только кружится отъ чада, а на

сердцѣ—пустота и тоска. Повѣрь, пане, что въ безъискусной природѣ больше красы, что въ неизнѣженномъ сердцѣ больше любви и правды.

— Такъ, панна моя „коханна", такъ!—ухватился Чаплинскій за сердце и покачнулся.—Здѣсь больше ласки, а если панна любитъ природу, такъ вотъ у меня она въ моихъ „маетностяхъ", безконечныхъ въ Литвѣ, кромѣ староства.

— Ого!—взглянулъ Богданъ насмѣшливо на подстаросту.—У свата такіе страшные „маетки", а онъ бросилъ свое добро и заѣхалъ сюда искать счастья.

— Такъ, заѣхалъ,—кивнулъ усиленно головою Чаплинскій.—Заѣхалъ потому, что мнѣ все мало... Дай мнѣ полсвѣта, такъ я и за другою половиной протяну руки, „дали Бугъ"!

— Ой, свате,—засмѣялся Богданъ,—не „зазихай" на весь свѣтъ!

— Какой же панъ ненасытный!—укоризненно взглянула на него Марылька.—Развѣ его „маетки" литовскіе мизерны?

— Мизерны, „Матка найсвѣнтша"! Они богаты восхитительны, какъ сказка!—воскликнулъ панъ подстароста.—Боръ, сосны, ели одна на другую насѣли и подъ ними вода, а на зеленыхъ вѣткахъ качаются зеленыя русалки, „мавки".

— Ой, я бы ни за что туда не пошла!—закрыла глаза руками Марылька.—Я ихъ боюсь: онѣ заласкочутъ; да и въ водѣ жабы...

— Панна, не бойсь! Вотъ этою рукой тридцать рыцарей косилъ,—такъ мы и жабъ, и „мавокъ" канчуками къ панскимъ ножкамъ...

— Ха, ха, ха!—разсмѣялся Богданъ,—неужели косилъ? Я не подозрѣвалъ въ сватѣ такого Самсона.

— Я скрываю силу... пане... чтобы не пугать, „не полохать"... Но для паненки...

— Панъ разгонитъ весь свѣтъ? Ой, страшно!—залилась серебристымъ смѣхомъ Марылька.—Да и тоскливо бы было...

— И разгоню... и сгоню къ паннѣ... арканомъ...—„цалуе ручки"!—потянулся было Чаплинскій, но опять сѣлъ.

Марылька, замѣтивъ, что поведеніе Чаплинскаго начинало уже коробить Богдана, поспѣшила незамѣтно уйти, не попрощавшись даже съ подстаростой.

А Богданъ было предложилъ ему отдохнуть на своей половинѣ, но тотъ упорся ѣхать.

Когда колымага Чаплинскаго была подана, и Богданъ вывелъ подъ руки своего гостя, то послѣдній началъ обнимать его и изъясняться въ любви:

— Я тебя, свате, такъ люблю... такъ, что теперь мнѣ этотъ Субботовъ сталъ самымъ дорогимъ мѣстомъ... Я это и самому старостѣ скажу... Ей Богу, скажу. А эта твоя дочка... это „крулевна... просто... околдовала меня!...

— Больше наливка да ратафія,—замѣтилъ Богданъ,—а къ паненкѣ я бы просилъ пана относиться скромнѣй: она терпѣть не можетъ комплиментовъ и обижается... Для сироты всякое „залицанье“ обидно. Я ей поставленъ Богомъ за отца,—сверкнулъ онъ невольно глазами,—такъ клянусь, что въ обиду ее не дамъ никому.

— Убей меня громъ, коли я что, свате... вѣдь, пойми ты, друже мой... возразилъ слезливымъ голосомъ Чаплинскій, цѣлуя Богдана,—я вдовъ... одинокъ... такъ отчего же мнѣ нельзя помечтать о счастьи?

— Стары ужъ мы для него.

— Не говори, сватъ, про старость...—замахалъ Чаплинскій руками, усѣвшись въ свой „повозъ“,—цуръ ей!.. А я у тебя теперь вѣчный гость... радъ ли, не радъ... а гость...

— Много чести, нахмурилъ брови Богданъ,—такъ много, что врядъ ли и поднять мнѣ на плечи... Ну, съ Богомъ!—махнулъ онъ рукой кучеру, и колымага съ пьянымъ и влюбленнымъ Чаплинскимъ громыхая покатилась за „браму“.

А Марылька давно уже сидѣла на скамеечкѣ въ самомъ уютномъ мѣстѣ „гайка“, гдѣ сплетались вверху зыбкимъ куполомъ изумрудныя, широкія вѣтви и откуда виднѣлась дуга ясной рѣки.

Обѣдъ утомилъ панночку, и она сѣла тамъ отдохнуть и задумалась,—не о Чаплинскомъ, конечно,—а о себѣ, о своемъ положеніи... Богданъ ей нравился и лицомъ, и своимъ увлеченіемъ, и своею мощью: эта сила, что вскорѣ должна была открыть ему всюду широкія двери, особенно была привлекательна для „паненки“. Честолюбивая съ дѣтства, имѣющая всѣ данныя для власти, она до сихъ поръ играла въ жизни самую ничтожную роль; это терзало ее и раздражало еще больше; и вотъ появляется на ея горизонтѣ Богданъ, которому всѣ предсказывали такое высокое будущее. Марылька страстно ухватилась за этотъ способъ возвышенія. Но... любила ли она Богдана? Объ этомъ она и не думала да и сама не могла разобраться: такъ какъ до сихъ поръ сердце ея не знало пылкой любви, то она искренно поклялась бы, что одного Богдана лишь любитъ, что онъ для нея все. Особенно теперь, при напряженной борьбѣ за него съ Ганной, Марылька ощущала ѣдкое раздраженіе, поднимавшее теплоту ея чувства.

Уже были сумерки, когда Зося, бѣгая по „гайку“, натянулась на Марильку.

— Вотъ гдѣ моя кохана паненка, а я по всей левадѣ ищу!

— А что такое, Зося?—вздрогнула та,—вѣрно къ больной? Это становится скучно.

— Нѣтъ, я не оттуда...—съ трудомъ переводила духъ запыхавшаяся Зося,—а отъ пасѣки... думала, что тамъ панычъ, хотѣла позабавиться, да и наткнулась на разговоръ дѣда съ Ганджой.

— На какой?—заинтересовалась Марылька.

— Да вотъ рѣчь у нихъ шла про паненьку.

— Ну, ну!—даже привстала Марылька и съ тревогой оглянулась кругомъ.

— Они говорили про то, что панночкѣ не подобаетъ быть католичкой, что козачка повинна быть греческаго закона, а то ляховку и семьѣ козачьей держать грѣхъ... что они объ этомъ сказывали и больной пани и что та встревожена, хотѣла просить Богдана, такъ Ганна заступилась: „Зачѣмъ, молъ, принуждать? Вѣдь намъ же, говоритъ, больно, если ляхи насъ заставляютъ приставать къ уніи... такъ и имъ. Да и на что это намъ? Она чужая... и никогда съ нами не побратается... вотъ, молъ, какъ оливы съ водой не соединишь, такъ и ее съ нами. Такъ пусть-де она и остается чужой".

— А, ехидна!—поблѣднѣла и прикусила себѣ губу Марылька.—Прямо ставитъ порогъ... накидаетъ на горло арканъ. Значитъ, медлить нельзя: тамъ цѣлая стая волковъ, а я одна... Ахъ, какъ тяжело быть одной на свѣтѣ!—вздохнула она и, опустившись на скамью, прислонила свою голову къ липѣ.

Въ это время вблизи раздались торопливые шаги, и Зося, вскрикнувши: „панъ-господарь", убѣжала въ глубь рощи; Марылька же встрепенулась было, какъ вспугнутая газель, но не убѣжала, а снова усѣлась на скамью, принявъ еще болѣе грустную позу.

— Такъ и думалъ, что здѣсь мою доньку найду... сердце подсказало,—подошелъ торопливо Богданъ и вдругъ остановился:—но что съ тобой моя любая „квиточка?" Ты грустна... ты плачешь... Ужъ не обидѣлъ ли тебя кто?

— Ахъ, тато, тато!—вздохнула глубоко Марылька и отвела руку отъ влажныхъ, повитыхъ тоскою очей.—Какъ мнѣ не грустить? Вѣдь одна я на этомъ холодномъ свѣтѣ... Одна сирота!.. Нѣтъ у меня близкихъ... всѣмъ я чужая!

— Какъ? И мнѣ?—опустился даже отъ волненія на скамью Богданъ.—Тебя обидѣлъ вѣрно этотъ литовскій пьяница?

— Нѣтъ, нѣтъ, тато,—перебила его грустно Марылька, всѣ мнѣ эти „можновладцы" противны... я презираю ихъ пьяную дерзость... а ты, тато мой любый... ты одинъ у меня на всемъ свѣтѣ,

одинъ, одинъ!—залилась она вдругъ слезами и припала къ нему на грудь.

— И ты у меня одна,—вскрикнулъ Богданъ, опьяненный и близостью дорогого существа, и созвучіемъ охватившаго ихъ чувства,—одна, одна!.. Весь міръ... все... только бы тебя оградить... только бы осушить эти слезы... дать счастье, шепталъ онъ безсвязно, осыпая и душистые ея волосы, и дрожащія руки ея не отцовскими поцѣлуями...

— Тато!—выскользнувъ незамѣтно изъ его объятій, сказала Марылька и посмотрѣла на него пристальнымъ, печальнымъ до безконечности взглядомъ,—у меня такая тоска на душѣ, а неизвѣстность еще больше гнететъ. Я слыхала про смерть отца... онъ завѣщалъ меня тебѣ; но я не знаю его послѣднихъ минутъ, его послѣднихъ желаній... Разскажи мнѣ, дорогой, все про него, все, безъ утайки.

— Не растравляй своей тоски,—погладилъ ее нѣжно по головкѣ Богданъ,—ты и безъ того сегодня разстроена...

— Нѣтъ, нѣтъ, тато, разскажи на Бога!—сложила на крестъ руки Марылька.—Дай мнѣ съ нимъ побыть хоть немного мгновеній; это меня успокоитъ.

— Ой, смотри, моя „квиточка“,—хотѣлъ было еще уклониться Богданъ, но не могъ устоять передъ ея неотразимымъ, молящимъ взоромъ. И началъ разсказывать про отца, про его удаль и отвагу, про его самоотверженіе за товарищей, про его послѣднюю волю...

Марылька слушала Богдана съ трогательнымъ вниманіемъ; хотя слезы и набѣгали крупными каплями на ея собольи рѣсницы, но въ глазахъ ея отражалась не скорбь, а скорѣе горделивая признательность за доблести отца и благоговѣйная къ нему любовь.

— Ахъ, спасибо, спасибо,—шептала Марылька, сжимая свои тонкіе пальцы.—Тато мой! Если ты видишь свою доню съ высокаго неба, то благослови ее, сироту! Любила я тебѣ вѣчно, а теперь боготворю тебя... Значитъ, тато мой былъ козакъ? — обратилась она оживленно къ Богдану,—удалой запорожецъ, „щырый“ товарищъ?... Значитъ, и я козачка, а не ляховка?... Да, не ляховка, какъ меня дразнятъ... только вотъ что, зачѣмъ же мнѣ быть католичкой?

— Какъ, Марылька?... Ты сама хочешь стать...—развелъ руками Богданъ, устремивъ на свою дочку изумленные глаза.

— Не только хочу, но даже требую,—сказала серьезно и твердо Марылька.—Это оскорбленіе, что дочь со своимъ отцомъ разнаго закона. Я не хочу быть католичкой, я хочу быть одного съ вами обряда.

— Господи! Святая ты моя, хорошая!... Козачка „щырая!“— цѣловалъ Богданъ ея руки, и Марылька теперь ихъ не отнимала.— Самъ Богъ тебѣ вдохнулъ такую думку. .—Вотъ радость мнѣ; такъ ужъ такая, что „сказиться“ можно... Ну, теперь „утнемъ“ всѣмъ языки... Ахъ ты, бей его сила Божія!...

— Тато! Скорѣй меня окрести,—прижималась къ нему Марылька,—скорѣй успокой мою душу!... Ты мнѣ будешь и крестнымъ батькомъ, еще больше породнишься...

— Нѣтъ,—перебилъ ее Богданъ,—крестнымъ батькомъ тебѣ я ни за что не буду, да и не нужно,—ты не еврейка...

— А отчего же ты, тато, не хочешь?—вздохнула печально Марылька.

— Оттого...—посмотрѣлъ на нее Богданъ пристально,—сама догадайся...

Марылька взглянула на него лукавымъ, кокетливымъ взглядомъ и вдругъ вся залилась яркимъ румянцемъ.

Желаніе Марыльки присоединиться къ греческой церкви надѣлало много шуму; всѣ обитатели двора и „будынка“ были рады этой новости и ободряли Марыльку; одна только Ганна не вѣрила искренности ея желанія и подозрѣвала въ этомъ новый подвохъ, но она никому не высказала своихъ тайныхъ мыслей, а замкнула ихъ въ самой себѣ.

Отецъ Михаилъ, обрадованный пріобрѣтеніемъ новой овцы въ свое духовное стадо, сталъ ежедневно приходить къ Марылькѣ и наставлять ее въ правилахъ греческаго закона.

Долетѣла объ этомъ вѣсть и до Чигирина; Чаплинскій возмутился страшно, предполагая здѣсь насиліе со стороны Богдана, и прилетѣлъ въ Субботовъ.

Богданъ встрѣтилъ его церемонно, но холодно, и на его разспросы сухо отвѣтилъ, что это желаніе самой Марыльки, а такъ какъ она полноправна, то никто и не можетъ тѣснить ея воли. Марылька на этотъ разъ обошлась съ Чаплинскимъ въ высшей степени сдержанно и заявила ему, что она сама пламенно желаетъ присоединиться къ греческому обряду, къ которому подъ конецъ жизни принадлежалъ и ея отецъ, и что всякія увѣщеванія и совѣты здѣсь безполезны. Чаплинскій пригрозилъ было старостой, но на эту угрозу Марылька отвѣтила гордою, презрительною улыбкой. Такъ онъ и уѣхалъ, не солоно хлебавши, затаивъ въ своей душѣ на Богдана страшную злобу.

Прошло нѣсколько дней. Марылька, присоединенная уже торжественно къ греческой церкви и нареченная Еленой, неотлучно сидѣла у изголовья своей умирающей матери, силы которой уга-

сали съ каждымъ днемъ... Всѣ окружающіе, а особенно больная, относились теперь къ новой единовѣркѣ, Еленѣ, чрезвычайно тепло и любовно, словно желали загладить бывшіе недружелюбные о ней отзывы.

— Ахъ, какъ я рада, что ты теперь совсѣмъ наша, моя доченька! — шептала задыхаясь пани Хмельницкая. — Хотѣлось бы тебя пристроить, дѣтокъ довесть до ума.., да уже и думки мои оборвались... Чую, что смерть за плечами.

— Что вы, мама?—встревожилась Елена.— Господь милостивъ... Выпейте вотъ зелья, усните... силы наберетесь,—подала она приготовленный въ горшечкѣ напитокъ.

— Нѣтъ ужъ, пора...—хлебнула все-таки лѣкарства больная,—и то всѣмъ надокучила. Охъ, худо мнѣ!... Моченьки нѣтъ! Покличь, родненькая, скорѣе Богдана,—упиралась она костлявыми руками въ подушки, желая присѣсть.

Елена побѣжала въ тревогѣ за Богданомъ, но его на этотъ моментъ не было дома; пока побѣжали звать пана, она вернулась къ больной и замѣтила, что та начинала дремать подъ вліяніемъ наркоза. Измученная пережитыми за послѣдніе дни волненіями, тревогами и физическою усталостью, Елена воспользовалась тоже минутнымъ успокоеніемъ больной, и сама прикурнула за пологомъ кровати на какихъ то мѣшкахъ съ сушеными яблоками.

На долго ли забылась Елена, или нѣтъ,—она не помнила; но ее разбудилъ стукъ тяжелыхъ сапогъ и сдержанный говоръ. Въ комнатѣ было уже совершенно темно, и Елена по голосу только узнала, что говорилъ съ умирающей женой ея мужъ Богданъ.

— „Дружино“ моя любая,—шептала едва слышно, рвущимся голосомъ умирающая,—отпустило мнѣ немного... такъ я хочу тебѣ... сказать мое послѣднее желаніе... Спасибо тебѣ, соколъ мой... за счастье, что далъ мнѣ... за все!... Тамъ я за тебя и за дѣтокъ буду Бога молить. Десять лѣтъ уже я тебѣ не жена... а калѣка, „нахаба“... Прости, что такъ долго мучила... не моя на то воля...

— Голубка моя, что ты?—промолвилъ растроганнымъ голосомъ Богданъ,—да мнѣ и думка такая не приходила!

— Борони, Боже!... Развѣ я на тебя нарекаю?... Только постой...—съ страшнымъ усиліемъ старалась она вдохнуть широко раскрытымъ ртомъ воздухъ,—дай мнѣ договорить... а то духъ забиваетъ... Ты еще молодъ... силенъ... тебѣ нужно жить въ парѣ... да и сиротамъ моимъ нужна мать... Такъ я прошу тебя... „благаю“: женись послѣ моей смерти... и женись на Ганнѣ: она тебя любитъ.. она для моихъ дѣтокъ будетъ наилучшею матерью... Я тогда буду покойна... за нихъ...

Богданъ молчалъ, но по нервному, порывистому дыханію можно было судить, что онъ сильно взволнованъ.

— Такъ ты исполнишь мою просьбу?—допытывалась, дыша тяжело, съ хрипомъ, пани.

— Моя „люба“,—послѣ долгой паузы отвѣтилъ, наконецъ, Богданъ,—мнѣ больно слушать... и думка про это—кощунство! Можетъ, Господь еще исцѣлитъ тебя... вѣдь всякое чудо въ рукѣ Божьей...

— Нѣтъ... „годи“: я молюсь, чтобъ прибралъ,—закашлялась пани, судорожно хватаясь руками за грудь.—Воды... Воды!—прохрипѣла она, опрокидываясь на подушки.

Богданъ бросился за „кухлемъ“ въ свѣтлицу, а Елена, воспользовавшись его отсутствіемъ проскользнула незамѣтно въ дверь, убѣжала въ свою горенку и упала со слезами въ подушки.

Припадокъ больной, впрочемъ, прошелъ, и она, напившись зелья, снова успокоилась и заснула. Богданъ вышелъ на цыпочкахъ изъ ея комнаты въ свѣтлицу, заглянулъ въ „панянскую“ и не нашедши въ ней Елены, пошелъ искать ее въ садъ. Но, не смотря на усердные поиски и окликанія, не нашелъ ее ни въ саду, ни въ „гайку“; въ волненіи и тревогѣ онъ направился въ ея горенку. Елена услыхала приближающіеся къ ней тяжелые, хотя и сдержанные шаги и затрепетала, какъ въ лихорадкѣ, забившись въ уголъ кровати.

— Оленочко, зирочко, ты здѣсь?—спросилъ шепотомъ Богданъ, подвигаясь въ темнотѣ ощупью.

— Здѣсь, одна...—едва слышно, дрожащимъ голосомъ отозвалась Елена.

— Гдѣ-же ты?—подходилъ осторожно къ кровати Богданъ.

— Ахъ, не подходи, тато!—всхлипнула она, ломая руки, такъ что пальцы ея захрустѣли.—Я такая несчастная, я не могу этого перенесть! Увези меня отсюда, забрось куда-нибудь далеко, не то я руки на себя наложу!

— Дитятко мое, что съ тобой?—стремительно подошелъ къ ней Богданъ.—Ты плачешь? Ты вся дрожишь?—обнялъ онъ ее и осыпалъ поцѣлуями ея голову и руки.

— Не могу, не могу я здѣсь оставаться,—билась она у него на груди, какъ подстрѣленная птица.—Я была въ маминомъ покоѣ, я слыхала ея просьбу.

— А, вотъ что!—задрожалъ, въ свою очередь, Богданъ: лихорадочный жаръ заражалъ и его.—Я не далъ слова, а тебѣ же, мое дитятко, что?—прижималъ онъ ея головку къ своей груди,

нагнувшись къ ней такъ близко, что ощущалъ даже зной ея порывистаго дыханія.

— Какъ что?—затрепетала Елена,—и вдругъ, приподнявшись на кровати, вскрикнула страстно—прости мнѣ Боже, не властна я надъ сердцемъ!—вѣдь я люблю тебя! и, обвивши его шею руками, она упала къ нему на грудь и примкнула своимъ разгоряченнымъ лицомъ къ его лицу.

— Ты? Меня?—даже задохнулся отъ прилива страсти Богданъ.—Какое счастье!... Я только мечталъ о немъ, только и думалъ! Не перенесть такой утѣхи: она жжетъ меня полымемъ... Да вѣдь и я тебя, моя ненаглядная зирочко, моя рыбонько, безумно, „шалено“ люблю, „кохаю“ тебя одну, какъ никого еще не любилъ, до потери разума, до потери жизни!—обнималъ онъ ее порывисто и страстно, обнималъ и цѣловалъ всю, забывая все окружающее, забывая весь міръ

— Да, да, соколъ мой, радость моя!—прижималась къ нему все ближе и горячѣе Елена.—Такъ пропадай все! Нѣтъ для меня больше блаженства, какъ быть твоею...

— Такъ и будь же моею на вѣки!—прошепталъ обезумѣвшій отъ страсти Богданъ.

Мрачно въ Субботовскомъ домѣ; словно чернымъ саваномъ покрыла его налетѣвшая „туча“.

Съ печальными лицами, съ влажными глазами, на цыпочкахъ, осторожно всѣ ходятъ и прислушиваются къ шороху, къ малѣйшему шуму; встрѣтятся два лица, вопросительно, тревожно взглянутъ другъ на друга и молча разойдутся въ разныя стороны, иногда только тупое безмолвіе нарушится слабымъ стономъ, заставивъ всѣхъ вздрогнуть.

Уже третій день, какъ пріобщилась Св. Таинъ пани Хмельницкая и почти третій день, какъ лежитъ она въ безсонательномъ состояніи; придетъ немного въ себя, застонетъ отъ невыносимой боли, поманитъ умоляющими жестами, чтобъ ей дали успокоительнаго питья, и снова впадетъ въ предсмертный, изнурительный сонъ. Ей уже и не отказывали въ этомъ напиткѣ, видя неотразимую, безъисходную развязку ея страданій и желая хоть этимъ облегчить агонію.

Елена тоже третій день не сходитъ со своей горенки внизъ, сказавшись больной. Приходила навѣстить ее Катря, но Елена, блѣдная и смущенная, уклонилась отъ всякихъ разговоровъ о своей болѣзни, отъ всякихъ ухаживаній за ней и отъ лѣкарствъ, прося лишь, чтобы ее оставили въ покоѣ. Катря ушла отъ нея, обиженная этимъ пріемомъ. Вообще болѣзнь и поведеніе Елены возбудили

бы въ иное время много недоразумѣній и пересудовъ, если бы всѣ не были пришиблены висящимъ надъ головой горемъ.

Зося, придя утромъ къ своей коханной панянкѣ, была поражена ея видомъ.

— Ой, панно „цо̀ то есть?“—не удержалась она отъ восклицанія.

— То, что и должно было быть,—отвѣтила сквозь зубы, не глядя на Зосю, Елена.

— То „скутки“ (послѣдствія) греческаго обряда?

— То „скутки“, глупая, моей воли,—прищурила презрительно глаза Елена.—То порогъ къ моей власти и силѣ, то цѣна паденія Ганны.

— А! такъ, значитъ...—хотѣла было пояснить Зося.

— Такъ значитъ,—перебила ее съ раздраженіемъ панна,—что тебѣ нечего совать свой носъ, коли ни „дьябла“ не понимаешь, значитъ, что я теперь госпожа и приказываю тебѣ молчать и не разсуждать.

Зося закусила языкъ и съ рабскою покорностью начала убирать постель и комнату панны.

Богданъ, волнуемый тревогой, укоромъ совѣсти и страстью, былъ почти неузнаваемъ; внутренній огонь словно пепелилъ его и подрѣзывалъ силу, благо агонія больной давала приличное этому объясненіе; Ганна даже останавливала на немъ умиленный, лучистый свой взоръ; но Богдану казалось, что глаза всѣхъ устремлены на него съ страшнымъ укоромъ и пронизываютъ его сердце насквозь.

Богданъ приходилъ къ умирающей и чувствовалъ, что въ душѣ у него росло, какъ прибой, обвиненіе, что онъ передъ ней виноватъ, что даже стыдно высказызать здѣсь свое горе, такъ какъ все это будетъ притворствомъ, святотатствомъ... и отъ непослушной внутренней боли онъ сжималъ до хруста пальцевъ свои сильныя руки и уходилъ... уходилъ въ „гай“, разобраться наединѣ съ своимъ сердцемъ. Но и тихій, задумчивый „гай“ не могъ усмирить бушевавшей въ немъ бури.

„Да, и дѣти тоже,—ходилъ онъ по извилистымъ, узкимъ дорожкамъ, заложивъ за спину руки и думалъ, склонивъ чубатую голову,—смотрятъ такъ трогательно на убитаго горемъ отца, а онъ...“—язвительно усмѣхнулся Богданъ и опустился на скамейку.—„Но что же дѣти?—поднялъ онъ голову.—Да развѣ я обязался быть чернецомъ? Развѣ я переставъ ихъ любить? Да и передъ кѣмъ я поклялся отречься отъ счастья? Я и безъ того десять лѣтъ волочусь бобылемъ. Меня не упрекнула бы и жена,—успокоивалъ онъ

себя,—не упрекнула бы эта „кроткая голубица“,—и обвиненія, и оправданія, и лукавые афоризмы, и искреннія угрызенія совѣсти кружились ураганомъ въ его головѣ, давили его сердце тоскою, а образы, блѣдные, изнуренные трудомъ, искалѣченные насиліемъ, стояли передъ нимъ неотступно.

— Да что это!—произнесъ, наконецъ, вслухъ раздраженный Богданъ,—съ ума схожу я, что ли? Развѣ я забылъ свой народъ? Откуда-жъ этотъ вздоръ, кто укорять меня смѣетъ? Вотъ передъ кѣмъ,—всталъ онъ въ приливѣ страшнаго возбужденія,—вотъ передъ кѣмъ я единственно виноватъ, передъ горлинкой, передъ этимъ ангеломъ небеснымъ!—ударилъ онъ себя кулакомъ въ грудь.—Какъ воръ я подкрался къ ней, беззащитной, какъ коршунъ заклевалъ довѣрчиво прильнувшаго ко мнѣ птенчика!.. Одна она только жертва, и ей въ искупленіе—вся моя жизнь!

Онъ направился къ своей любимой липѣ и взглянулъ пристально въ окна мезонина! но онѣ были закрыты и сквозь ихъ стекла бѣлѣлись спущенныя занавѣски.

— Что-то съ ней, моей радостью, моимъ солнышкомъ? Не выходила... Здорова ли? Хоть бы взглянуть, замолить... Но сейчасъ всѣ слѣдятъ, пойдутъ сплетни, люди вѣдь такъ злы!

И онъ отправляется снова въ свѣтлицу, заходитъ къ умирающей, молча терпитъ тайную муку и ждетъ не дождется удобнаго момента.

Елена цѣлый день провела въ страшномъ волненіи и неумолкаемой тревогѣ: она поставила теперь на карту все и съ томительнымъ нетерпѣніемъ ждала, куда падетъ выигрышъ? И стыдъ, и проблески зарождавшейся страсти, и невѣдомый страхъ за исходъ, и даже мимолетные порывы отчаянія заставляли ея сердце трепетать тоской, кипятили кровь до головной боли.

„Отчего не приходитъ до сихъ поръ Богданъ? Неужели онъ такъ покоенъ? Неужели не можетъ для меня хоть на мигъ оставить этотъ трупъ?“—задавала она себѣ сто разъ эти вопросы, прислушивалась къ шуму, стояла у входныхъ дверей и ждала.

Но внизу было тихо, безмолвно; никто не приходилъ къ ней, и Елена въ нервномъ раздраженіи плакала, проклинала себя, проклинала весь міръ.

Къ вечеру только, въ сумерки, услыхала она знакомые, крадущіеся шаги по своей лѣстницѣ.

Елену забила лихорадка: она схватилась и сѣла у окна, неподвижно склонивъ свою голову и прикрывши рѣсницами лазурь своихъ глазъ.

Богданъ взглянулъ на нее и въ порывѣ терзаній, разившихъ его мощную грудь, бросился передъ ней на колѣни и осыпалъ поцѣлуями.

Вздрогнула Елена, оглянулась и зардѣлась вся до тонкихъ ушей густымъ румянцемъ.

— Прости, прости меня, ангелъ небесный, ненаглядная моя, счастье мое, рай мой!—шепталъ Богданъ дрожащимъ отъ страсти голосомъ,—потерялъ я разумъ и волю, ты все сожгла!... Ахъ, какъ безумно люблю я тебя!

— Такъ за что же ты просишь прощенія, мой любый, мой коханый?—провела она нѣжной рукой по его львиной чупрынѣ и прильнула губами къ его губамъ,—вѣдь ты любишь меня? Такъ какого мнѣ еще блаженства желать? Ты меня не обманешь...

— Клянусь всѣмъ, прервалъ ее и поднялъ порывисто руку Богданъ,—честью моей, жизнью, благомъ моей родины; только лишь минетъ время, и я тебя передъ лицомъ церкви и свѣта назову своею „дружиной“.

— Я тебѣ вѣрю... доказала, что вѣрю...—обвила она горячо его шею руками и прильнула къ нему упругою, трепещущею грудью.— И я тебѣ клянусь, добавила она послѣ паузы, съ приподнятымъ чувствомъ,—быть вѣрною, нѣжною и пылкою женой до самой, до самой смерти...

— О, моя радость!...—ласкалъ и прижималъ ее опьянѣвшій снова Богданъ,—посланная мнѣ Богомъ подруга!... Ахъ, какое счастье! Умереть бы въ такую минуту..

— Тсс!—отстранилась въ испугѣ Марылька,—подъ лѣстницей шаги... Нехорошо... Нехорошо, если тебя застанутъ здѣсь... поспѣши туда. Что же дѣлать?... Потерпимъ недолго,—прошептала она, и глаза ея вспыхнули зноемъ.

— Ахъ... вотъ она, жизнь...—простоналъ даже Богданъ,— кричитъ, требуетъ... хоть одинъ еще торопливый поцѣлуй на прощанье!

— На, вотъ какой!—впилась она въ его губы и страстно прижалась къ нему всѣмъ тѣломъ.—Ну, пока будетъ!...—отшатнулась она и, взглянувши кокетливо на Богдана, взяла его слегка за ухо и пропѣла:—у, тато! хорошъ тато!—а потомъ, опустивши стыдливо глаза, вырвалась изъ его объятій и убѣжала.—Что-то непріятное полоснуло по сердцу Богдана при этой шуткѣ, но, опьяненный восторгомъ, онъ почти не замѣтилъ ее.

Точно очумѣвшій отъ чада, сошелъ онъ съ лѣстницы безсильный даже скрыть игравшую во всемъ его существѣ радость.

На счастье его, раздававшіеся внизу шаги оказались принадлежащими Морозенку, пріѣхавшему изъ Сѣчи съ запросами и порученіями отъ Нечая; Богданъ бросился съ такимъ увлеченіемъ обнимать его, что удивилъ своимъ восторгомъ не только Олексу, но даже и бывшихъ при свиданіи свидѣтелей, особенно Ганну; послѣдняя взглянула на него пристально и изумилась: ни тѣни бывшей тоски на лицѣ, ни капли печали, а одна лишь утѣха да сладость.

Ганна вспыхнула сначала огнемъ, а потомъ поблѣднѣла. „Нѣтъ, не обманешь,—пронеслось стрѣлой въ ея головѣ,—не Морозенку радъ ты, а не можешь скрыть своей радости. Разъ и меня ты обнялъ“,—рѣзнуло ее страшной болью это воспоминаніе, и она, прошептавъ неслышно: „Ой, украли у насъ солнце красное“,—схватилась за притолку двери, чтобъ не упасть.

Богданъ поспѣшилъ увесть Морозенко на свою половину, чтобы самому поскорѣй уйти отъ непрошенныхъ наблюденій.

Выскочила въ сѣни вся раскраснѣвшаяся, взволнованная Оксанка и чуть не расплакалась, что не застала Олексы. Потомъ, обведя глазами, она увидала свою любую Ганночку съ искаженнымъ отъ страданій лицомъ, едва державшуюся на ногахъ, увидала и подбѣжала къ ней съ непритворнымъ участіемъ.

— Что съ вами, родненькая?—взяла она ее за холодныя руки и прижала ихъ къ своимъ губамъ.—Вы нездоровы?

— Проведи меня... въ дѣтскую... простонала слабо Ганна,—прилягу... пройдетъ.

Оксана едва ее довела, такъ она шаталась изъ стороны въ сторону, и почти уронила ее на постель... Ганна упала и разразилась истерическими рыданіями.

Когда Морозенко встрѣтился съ Оксанкой, то, послѣ пламенныхъ поцѣлуевъ, послѣ нѣжныхъ ласкъ и объятій, послѣ безсвязныхъ безсмысленныхъ, но счастливыхъ обрывковъ рѣчей, прерываемыхъ шепотомъ, вздохами и нѣмыми моментами непереживаемаго дважды блаженства,—послѣ всего этого началъ онъ, наконецъ, разспрашивать Оксану про причину какой-то придавленности всѣхъ въ Субботовѣ, про значеніе скрываемой радости и нескрываемыхъ слезъ.

— Развѣ ты не знаешь?—Титочка, мамо наша... вотъ, вотъ умретъ...—простонала Оксана.

— Слыхалъ, слыхалъ,—сочувственно вздохнулъ и Олекса,—но что-жъ? Давно вѣдь всѣ это знаютъ... тутъ благодарить нужно Бога, что беретъ ее къ Себѣ, прекращаетъ муки... Но только помѣчаю я,—качнулъ онъ головою,—что, помимо пани-господарки, что-то затуманило, замутило всѣхъ здѣсь.

— Да! Ты не знаешь развѣ? Правда, правда, безъ тебя возвратился сюда панъ-господарь изъ Варшавы съ какою-то панянкой...

— Съ Марылькой?—вспыхнулъ Олекса.

— А ты почемъ знаешь?—всполошилась Оксана.

— Какъ же не знать? Вмѣстѣ съ батькомъ „выратовали“ ее, вмѣстѣ „гайдались“ на морѣ, вмѣстѣ ѣхали верхомъ ажъ до Каменца... Она такая ласковая, славная, красавица писаная!

— И тебя околдовала?—устремила Оксана съ ужасомъ на Олексу свои большіе, черные, готовые брызнуть слезами глаза.—Ты „закохался?“ Охъ, пропалъ же ты, пропала и я!—всплеснула она въ отчаяніи руками.

— Господь съ тобой!—перекрестилъ ее Олекса, отступивъ на шагъ,—что тебѣ въ думку пришло?

— Да, да...—оглянулась она трусливо и, нагнувшись къ его уху, прошептала съ глубокимъ убѣжденіемъ:—она вѣдьма, она знахарка, „чаклунка“... Она испортила своимъ колдовствомъ нашего батька, она ускорила своимъ зельемъ смерть пани-титочки, она обидѣла кровно голубку Ганнусю... и та черезъ нее сколько разъ плакала, а теперь и совсѣмъ уѣзжаетъ отсюда... Я ее не люблю... и баба не любитъ... Хоть она и приняла нашу вѣру, а я, хоть и грѣхъ, а не повѣрю ей ни въ чемъ, ни въ чемъ!

— Такъ она уже и вѣру перемѣнила?—задумался Олекса.

— Перемѣнила, перемѣнила, а послѣ этого,—добавила серьезнымъ шопотомъ Оксана,—у насъ еще хуже стало...

Оксанку позвали къ умирающей; послѣдняя просила къ себѣ Елену, но Богданъ остановилъ Оксанку и сказалъ, что панна больна отъ безсонныхъ ночей и что ей нужно дать еще отдыхъ. Ночь прошла какимъ-то кошмаромъ: умирающая то металась на постели въ тоскѣ, то лежала неподвижно, безъ памяти.

Богданъ, узнавши, что Ганна захворала, зашелъ съ тревогою къ ней.

— Что съ тобой, моя ясочко?—присѣлъ онъ на ея кровати, положивъ ласково на ея голову руку.—Ты истомилась, извелась возлѣ несчастной больной, давно замѣчаю, какъ ты блѣднѣешь.

Ганна ничего не отвѣтила, а только задрожала вся, какъ въ ознобѣ, и заплакала тихо, беззвучно.

— Ты за титочкой „побиваешься“—смутился ея слезами Богданъ. Онѣ зажгли его гдѣ-то далеко въ тайникахъ сердца, всполохнули трепетавшую тамъ радость и холодомъ побѣжали къ „чурынѣ“. Ахъ, какое у тебя сердце золотое, святое!—вздохнулъ онъ и поцѣловалъ ее въ голову.

Вздрогнула отъ этого поцѣлуя Ганна и встала порывисто съ кровати; встала и отошла въ уголъ, устремивъ на Богдана такой всепрощающій, такой печальный взглядъ, что тотъ не выдержалъ этого кроткаго укора и отвернулся въ смущеніи.

— Отпустите меня, дядьку,—едва слышно прошептала она, хватаясь рукой за стѣну,—тяжело, тяжело мнѣ, невыносимо. Вотъ это святое сердце,—улыбнулась она грустно—видите, какъ извело меня, и что его золото,—подчеркнула она,—стоитъ?... Однѣ безполезныя муки.

— Что ты? О чемъ ты?—обернулся взволнованный, потрясенный ея словами Богданъ.

— Къ брату хочу... въ Золотарево.

— Въ такую минуту насъ хочешь кинуть?

— Ахъ, правда!—заломила она руки,—хоть титочка, мама моя, „порадница“ моя, уже почти на Божьихъ рукахъ, но уйти отъ нея...

— А отъ меня, отъ дѣтей-сиротъ ушла бы?—промолвилъ огорченнымъ голосомъ Богданъ.

— Ай, дядьку мой, батько нашъ единый!—всплеснула она руками и скрестила пальцы,—не спрашивайте... не нужно. И вамъ, и всѣмъ тяжело, больно!

Она, шатаясь, ушла къ титочкѣ и опустилась передъ ней на колѣни.

Къ вечеру больной сдѣлалось видимо лучше; она открыла глаза и поманила Ганну рукой.

— Всѣхъ хочу видѣть, всѣхъ, проститься,—беззвучно прошептала она, но Ганна, по движенію губъ, поняла ея желаніе.

Тихо, торжественно, съ благоговѣйною печалью начали входить всѣ ближайшіе члены семьи въ комнату умирающей; вошла теперь въ нее и Елена.

Вошла она съ поникшею головой, тихая, робкая, умиленная общею печалью; вошла и окаменѣла.

Передъ страшнымъ таинствомъ смерти и гордые духомъ смиряются, а слабые трепещутъ и падаютъ ницъ; видъ человѣка, стоящаго на рубежѣ вѣчности, поражаетъ все наше чувство и смущаетъ слабый умъ роковымъ вопросомъ: что онъ, догорающій нашъ собратъ, за этимъ мрачнымъ пологомъ черезъ мгновеніе увидитъ? И этотъ безотвѣтный, неразрѣшимый вопросъ наполняетъ холодомъ наше сердце, робостью—душу, ничтожествомъ—мозгъ.

Такія же, быть можетъ, мысли освѣтили ледянымъ блескомъ головку Елены и заставили ее затрепетать; она подняла глаза на умирающую, и ей показалось, что это лежитъ передъ ней не на-

званная мать ея, а грозный судья, и что чрезъ мигъ этотъ судья броситъ къ подножію Бога свои чувства, оскорбленныя безпощадной рукой, не пощадившей даже послѣднихъ страданій.

Елена нервно вскрикнула и упала къ ногамъ умирающей. Богданъ оцѣпенѣлъ отъ ужаса. Катря, Оленка и Андрійко опустились на колѣни передъ матерью... Это смягчило нѣсколько и сгладило отчаяніе Елены, поразившее всѣхъ своимъ непонятнымъ порывомъ; Богданъ тоже подошелъ къ изголовью своей жены.

Послѣдняя лежала неподвижнымъ пластомъ, безъ дыханья; грудь ея почти не шевелилась, глаза были полузакрыты, по коченѣвшимъ мускуламъ пробѣгала изрѣдка холодная дрожь.

Крикъ Елены вызвалъ ее на мгновеніе изъ летаргіи; она съ страшнымъ усиліемъ открыла глаза и обвела всѣхъ сознательнымъ взглядомъ.

Какъ догорѣвшая лампада вспыхиваетъ въ послѣдній разъ яркимъ огнемъ, такъ и въ этомъ, почти безжизненномъ трупѣ вспыхнула на мигъ жизненная энергія и освѣтила неописанною радостью лицо, зажгла свѣтильники глазъ, подняла голосъ...

— Какое счастье Господь мнѣ грѣшной послалъ,—прошептала умирающая медленно, но довольно внятно; казалось только, что голосъ у нея не вылеталъ изо рта, а оставался внутри и оттуда глухо звучалъ.—Какая ласка, что я васъ всѣхъ вижу... всѣ дорогія мнѣ лица,—всматривалась она пристально,—вокругъ меня, вотъ я всѣхъ и запомню и возьму вмѣстѣ съ собой эту „память“ и запрячу ее у Бога... Простите же меня,—повела она вокругъ напряженнымъ взоромъ.—Если я кого обидѣла, „пробачьте“ мнѣ, грѣшной... ты первый,—положила она на голову Богдана дрожащую руку,—прости меня...

— Меня, меня прости!—захлебнулся слезами Богданъ и припалъ къ ея холодной рукѣ.

— Молиться буду...—все тише и труднѣе произносила она слова.—И вы, дѣтки, благословляю васъ...—старалась она коснуться рукой каждой головки.—Доглядайте ихъ, моихъ „зирокъ“... Господь вамъ за это... Ганна!... замѣни имъ...—деревенѣлъ звукъ ея голоса, совершенно теряясь.—И ты, Елена,—снова поднялся онъ до ясности,—не обижай ихъ и его, его...—перевела она глаза на Богдана.—Берегите, „шануйте“... Его сердце всѣмъ несчастнымъ нужно, а я за васъ... вѣкъ... вѣдь ласка Его безъ конца... Устала... про...—замеръ вдругъ звукъ, занѣмѣло въ послѣднемъ напряженіи тѣло и остановились расширенные глаза, стекло ихъ помутилось, померкло.

Всѣ вздрогнули, почуявъ вѣянье крыла смерти, и опустились съ смиреніемъ на колѣни... Сдерживаемыя рыданья прорвались, наконецъ, и понеслись волной изъ покоя усопшей въ свѣтлицу, изъ свѣтлицы во дворъ, изъ двора разлились по Субботову, по поселкамъ, смѣшавшись съ волнами заупокойнаго, печальнаго звона...

Какъ во снѣ промелькнула тяжелая церемонія похоронъ. Всѣ ходили, всѣ двигались, хлопотали, но какъ то машинально, не давая себѣ отчета, зачѣмъ и къ чему исполняютъ они всѣ эти обряды, обычаи, помня только одно, что все это нужно, что всегда это бываетъ такъ.

Ганна даже рада была этимъ хлопотамъ, она вся отдалась имъ: ходила, обмывала покойницу, не присѣдала ни на мгновенье, даже читала надъ ней по цѣлымъ ночамъ,—казалось, что физическое утомленіе давало ей какое-то успокоеніе души: она забывалась, она отвлекалась механически отъ своихъ думъ. Когда же ночью она оставалась одна у изголовья покойницы и всѣ засыпали кругомъ, а въ открытыя окна заглядывало только звѣздная ночь, Ганна тихо и долго плакала, не спуская глазъ съ застывшаго измученнаго лица. Она смутно чувствовала, что со смертью этого существа все порвалось, все измѣнилось въ Субботовѣ. И въ самомъ дѣлѣ, больное, измученное созданіе, неспособное принять никакого участія въ жизни, служило здѣсь все-таки крѣпкимъ, связывающимъ звеномъ, а теперь всѣ были свободны. Еще и не схоронили покойницу, а слѣды ея смерти уже сдѣлались замѣтны всѣмъ. Правда, Елена видимо раздѣляла общую скорбь, но прежней покорной, услужливой и любезной дѣвочки не было и слѣда. Обращеніе ея сдѣлалось сдержаннымъ и надменнымъ, и Ганна ловила на себѣ не разъ презрительный взглядъ ея холодныхъ синихъ очей.

— Титочко, титочко,—шептала она, прижимаясь головой къ холоднымъ, скрещеннымъ на груди рукамъ покойницы, и слезы тихо сплывали одна за другой изъ глазъ Ганны на эти окаменѣвшія руки, и Ганна чувствовала, что больше уже не нужны „титочкѣ“ ни ея заботы, ни услуги, да и вообще, что она, Ганна, не нужна больше въ Субботовѣ никому. Дѣти выросли... одинъ только Юрась, да и тотъ льнетъ охотно къ Еленѣ... „титочка“ умерла, а Богданъ... Охъ, ему теперь утѣхи довольно! И гдѣ то былое время, когда онъ хлопоталъ вмѣстѣ съ нею надъ хуторами, надъ пріемомъ бѣглецовъ, когда дѣлился съ нею каждою думой, каждою мыслью своей? Минуло, прошло! Все, все прошло безвозвратно, какъ осенній туманъ надъ водой. Картины прошлой жизни проходили, какъ живыя передъ ея глазами, и Ганна невольно прерывала свое чтеніе, такъ какъ слезы застилали ей глаза. Одна мысль стояла передъ ней

ясно и неоспоримо: Субботовъ умеръ для нея, а вмѣстѣ съ нимъ умерла и ея жизнь!

Богданъ сносилъ свое горе сдержанно и спокойно, но видимо какая-то другая мысль угнетала его; онъ избѣгалъ встрѣчи съ Ганной, избѣгалъ ея взгляда, грустнаго и тихаго, словно подавленнаго безвыходною тоской.

Въ домѣ было мрачно и тихо. То и дѣло прибывали толпы крестьянъ и сосѣдней шляхты поклониться покойницѣ. Всѣ входили безшумно, прикладывались къ мертвой рукѣ и, разспросивши шепотомъ о подробностяхъ смерти, грустно покачивали головами и отходили къ сторонѣ. Два раза въ день служились панихиды. Запахъ ладона проникалъ въ самые отдаленные уголки. Наконецъ, насталъ и третій день; схоронили покойницу и возвратились домой.

Опустѣла маленькая комнатка, гдѣ за столько лѣтъ всѣ привыкли видѣть неизмѣнно больное, но доброе лицо хозяйки и слышать ея слабый, прерывающійся голосъ. Теперь можно было и ходить и говорить громко, но несмотря на это, всѣ двигались безшумно и вырвавшійся нечаянно громкій возгласъ пугалъ всѣхъ, словно смерть еще не покинула этотъ домъ. Такъ насталъ и девятый день.

Съ самаго ранняго утра и даже съ вечера началъ прибывать въ Субботово народъ изъ окрестныхъ селъ и деревень. Вѣсть о смерти жены пана генеральнаго писаря и о томъ, что онъ дастъ на девятый день большой поминальный обѣдъ, успѣла уже облетѣть всѣхъ близкихъ и дальнихъ сосѣдей. Хлопоты и заготовленія къ обѣду начались еще за три дня. Между прибывающими толпами виднѣлось множество нищихъ, калѣкъ, слѣпцовъ и бандуристовъ. Въ ожиданіи панихиды и обѣда люди группировались кружками, то сообщая о своемъ житьѣ-бытьѣ, то разспрашивая о новостяхъ у захожихъ бандуристовъ и слѣпцовъ.

Оксана, Катря, Олекса и дворовыя дивчата суетились во дворѣ, устанавливая на столахъ огромные полумиски съ нарѣзанными ломтями хлѣба, оловяные стаканы, ложки, солонки и все, что нужно было для обѣда.

Среди собравшихся нищихъ одинъ только не принималъ участія во всеобщихъ разговорахъ. Судя по внимательнымъ взорамъ, которые онъ бросалъ по сторонамъ, можно было бы заподозрить его въ какомъ нибудь злomъ умыслѣ, кстати и гигантская фигура незнакомца, почти закрытая всклокоченною бородой, съ надвинутою на самые глаза шапкой могла внушать большія опасенія, но гигантскій нищій, казалось, не имѣлъ никакихъ злостныхъ намѣ-

реній,—онъ держалъ себя весьма странно и нѣсколько разъ, отвернувшись отъ всѣхъ, утиралъ глаза рукавомъ.

— Дивчыно, какъ звать тебя?—обратился онъ, наконецъ, къ Оксанѣ, останавливаясь передъ нею и опираясь руками на палку.

— Оксаной,—отвѣтила та, смотря съ изумленіемъ на нищаго и вслушиваясь въ его глухой и неестественный голосъ.

Странный нищій давно уже обратилъ на себя ея вниманіе, тѣмъ болѣе, что Морозенко, она замѣтила это, видимо обрадовался его приходу и нѣсколько разъ шептался и переговаривался съ нимъ.

— Такъ, такъ,—проговорилъ задумчиво нищій, покачивая грустно головой.—А выросла ты, дивчыно, и расцвѣла, какъ пышный макъ!

— Развѣ вы знали меня?—изумилась Оксана.

— Мнѣ ли не знать? Зналъ, зналъ.

— А я васъ, дядьку, не помню.

Да куда-жъ тебѣ,—маленькой была... А что, хорошо ли тебѣ здѣсь, у пана-писаря?

— Хорошо, слава Богу,—отвѣтила Оксана, смотря съ еще большимъ изумленіемъ на страннаго нищаго.—Любятъ, „титочка“ любила, Ганна, ну, и другіе тамъ,—опустила она глаза и снова подняла.

— Ты, дивчыно, не дивись,—поспѣшилъ онъ успокоить ее.—Вѣдь я тебѣ почитай что родной, вѣдь я товарищъ твоего батька.

— Батька? Такъ вы, быть можетъ, знаете что нибудь о немъ?—вскрикнула Оксана и хотѣла было разспросить неизвѣстнаго товарища, но голосъ бабы призвалъ ее.

Дивчына побѣжала поспѣшно, а нищій бросилъ въ сторону ея удаляющейся стройной фигурки долгій и любовный взглядъ.

Болѣе знатные гости изъ старшины или вельможныхъ сосѣдей подъѣзжали на колымагахъ къ рундуку будынка.

Въ отдѣленіи господаря, въ средней свѣтлицѣ и въ свободной теперь комнатѣ покойницы, толпились именитые гости. Среди нихъ въ отдѣльной кучкѣ таинственно бесѣдовалъ о чемъ-то панъ Чаплинскій со своимъ зятемъ Комаровскимъ; всѣ окружающіе, очевидно, близкіе люди, поляки, наклоняли и вытягивали головы, чтобы услышать интересныя сообщенія пана-подстаросты, но среди шопота и недомолвокъ долетали до заднихъ рядовъ только отрывочныя фразы.

— Клянусь вамъ, панове,—только тихо, и лисица будетъ въ капканѣ. Уже слѣды открыты. Гончихъ и доѣзжачихъ у нашего вельможнаго панства—не счесть... хвостомъ долго не помашешь... и цапъ-царапъ!... Ха, ха, ха! Только дождемся сейма, а тогда,... але тихо!

Въ господарскомъ отдѣленіи Золотаренко велъ между тѣмъ интимную бесѣду съ Ганджей.

— Что то у васъ тутъ дѣется?—говорилъ угрюмо Золотаренко, глядя въ сторону.

— Да что, какъ видишь. Хозяйку похоронили... Обѣдъ „справляемъ“.

— Смерть, это что! Самый вѣрный другъ: не обманетъ. А вотъ сумно тутъ стало.

— Да чудной ты! Оттого-то и сумно. Что-жъ, на похоронахъ плясать, что ли? Вотъ ты и „ушкварь“!

— Да я не о томъ,—тряхнулъ раздражительно головой Золотаренко,—а о новыхъ порядкахъ... ляхи какіе-то завелись... Богданъ что-то какъ будто...

— Стой! Что ты?—отступилъ Ганджа.—Никакого ляха, а батько, какъ есть батько. Ну, и какіе-жъ теперь порядки? Извѣстно, какіе, по завѣту, какъ слѣдъ.

— Э, да что съ тобой толковать!—махнулъ Золотаренко рукою съ досадой и потомъ добавилъ торопливо:—Ну, а что про дѣла? Я вѣдь въ отлучкѣ былъ, доходила глухая чутка, а доподлинно не знаю, что новаго, хорошаго, да такого, чтобы чувствовала ладонь?

— А вотъ обѣщалъ, что торжественно объявитъ, може, сегодня,—улыбнулся Ганджа своею широкою, волчьей улыбкой.

Въ просторной дѣвичьей свѣтлицѣ хлопотали уже съ самаго утра Ганна съ бабой и другими помощницами; она рѣзала хлѣбъ, укладывала въ миски пироги, разливала наливку и водку.

Елена, войдя въ свѣтлицу, слегка прищурила глаза, обвела всю комнату бѣглымъ взглядомъ и остановила ихъ на Ганнѣ. Ухъ, до чего опротивѣла ей эта тощая святоша! И почему это она до сихъ поръ распоряжается здѣсь всѣмъ?

— Столы для старшины, панно Ганно, гдѣ разставлять?—спросила торопливо Оксана, вбѣгая въ комнату.

— А гдѣ-жъ, голубка? Тамъ вмѣстѣ на „гапкѣ“ и возлѣ дома въ тѣни,—отвѣтила Ганна, стоя на колѣняхъ возлѣ большой сулеи наливки, которую она разливала въ кувшины.

— Какъ это, и старшину, и вельможную шляхту посадить вмѣстѣ съ нищими и калѣками?—спросила Елена, и въ голосѣ ея послышался какой то насмѣшливый и пренебрежительный тонъ.

Ганна подняла голову и отвѣтила сдержанно, хотя краска залила ей все лицо до самыхъ ушей:

— У насъ всегда такъ бывало.

— Мало ли чего не бывало, да миновало, панно,—подчеркнула едва замѣтно Елена.

— Еще при жизни „титочки“ я привыкла здѣсь всѣмъ распоряжаться сама,—отвѣтила гордо Ганна,—и дядько довѣрялся мнѣ во всемъ.

— Но вѣдь „титочка“—Елена усмѣхнулась при этомъ словѣ,—умерла, а „дядько“,—подчеркнула она опять,—просилъ и меня показывать всѣ „звычаи“, такъ какъ я выросла при Варшавскомъ дворѣ.

Ганна встала:

— Панна хочетъ сказать этимъ,—произнесла она глухимъ голосомъ, блѣднѣя, какъ полотно,—что я здѣсь лишняя теперь, что она можетъ распорядиться всѣмъ и сама.

— О, нѣтъ! Ха, ха, ха!... Сохрани, Пресвятая Дѣва! Богъ съ тобой, панно,—разсмѣялась Елена своимъ звонкимъ, серебристымъ смѣхомъ,—я не ищу отнять твою власть отъ „леховъ“ и коровъ!

— Не для коровъ и „леховъ“ прибыла я въ Субботовъ,—заговорила Ганна прерывающимся голосомъ, отступая назадъ и обдавая Елену гордымъ взглядомъ своихъ расширившихся глазъ.—Не разсчетъ и не коварство привели меня сюда! Я бросила для семьи дядька единственнаго брата; я была матерью дѣтямъ Богдана; я была дядьку другомъ „щирымъ“ и вѣрнымъ...

— А я... усмѣхнулась ѣдко Елена,—стала „татку“ коханою дочкой!—и, смѣривъ Ганну холоднымъ, торжествующимъ взглядомъ своихъ синихъ глазъ, она гордо повернулась къ дверямъ.

Во время разговора Ганны съ Еленой, Оксана едва удерживала свое негодованіе, но когда она замѣтила, что Елена, вся сіяющая довольствомъ, вышла горделиво изъ комнаты, а панна Ганна, блѣдная, едва сдерживающая слезы, направилась, шатаясь, къ дверямъ сѣней, она бросилась и сама опрометью изъ дома во дворъ, чтобы отыскать Морозенка и передать ему весь слышанный ею разговоръ.

— Олексо,—зашептала Оксана, найдя молодого козака у бокового крыльца, выходящаго въ садъ, гдѣ не было видно никого.

— Что, моя любая?—протянулъ къ ней козакъ обѣ руки.—Что съ тобою?—произнесъ онъ съ тревогой, замѣтивъ, что лицо молодой дѣвушки было сильно взволновано.

— Тамъ панно Елена—заговорила Оксана, моргая усиленно рѣсницами,—такъ обижаетъ панну Ганну. Говоритъ, что ей пора уже выѣзжать отсюда... смѣется надъ ней.

— Голубко моя,—поцѣловалъ Олекса поспѣшно черноволосую головку, замѣтивши, что никто не видитъ ихъ въ этомъ уголкѣ.—Что-жъ, правда, нечего паннѣ Ганнѣ оставаться здѣсь больше.

— Ну, такъ и я не останусь здѣсь безъ нея ни за что!— вскрикнула Оксана.—Лучше наймычкой наймусь!

— Ты и такъ не останешься здѣсь больше,— шепнулъ ей Олекса на ухо, притягивая дѣвушку къ себѣ и покрывая ея голову поцѣлуями.—И наймычкой не наймешься никуда.

Оксана вспыхнула и прижалась головкой къ его груди.

— Однако, подожди меня здѣсь,—отстранился онъ быстро, замѣтивъ, что къ нимъ подходитъ гигантскій нищій.—Я только оповѣщу пана Золоторенка. да сейчасъ и прибѣгу сюда.

Оксана вытерла лицо фартукомъ и присѣла на ступеньки крыльца.

— А что, славный козакъ, дивчино?—обратился къней нищій, останавливаясь у крылечка.—Давно ты, дивчино, его знаешь?

— Давно, еще какъ батько мой былъ со мной.

— А гдѣ-же твой батько?

— Ушелъ на Запорожье.

— А хотѣла бы ты увидѣть его?

На глазахъ Оксаны показались слезы.

— Олекса говоритъ, что онъ живъ, да что ему нельзя никогда возвращаться сюда... Если бы я знала, гдѣ могу увидѣть его, я бы сама пошла туда.

— Тебѣ это не треба, дытыно моя!—вскрикнулъ вдругъ нищій, срывая свою косматую бороду.

— Батько!—вскрикнула въ свою очередь Оксана, не вѣря своимъ глазамъ.

— Батько, батько,—повторилъ нищій, прижимая къ себѣ дѣвушку и цѣлуя ее и въ щеки, и въ лобъ, и въ глаза.

— Такъ это ты тато, тато мой?—шептала со слезами Оксана, обвивая вокругъ его шеи руки и цѣлуя щетинистые рыжіе усы отца. Нѣсколько минутъ они не могли произнести ни единаго слова.

— Дытыно моя,—заговорилъ онъ, наконецъ, съ трудомъ,— ты простила-ль меня за то. что я оставилъ тебя тогда?

— Батьку, батьку!—вскрикнула она съ укоромъ, прижимаясь губами къ его жилистой грубой рукѣ.

— Что это значитъ?—изумился притворно вернувшійся Морозенко

— Ты зналъ, зналъ,—подняла голову Оксана и взглянула на него съ укоромъ счастливыми, еще влажными отъ радостныхъ слезъ глазами,—недобрый, зналъ и не сказалъ.

— Ну, а теперь, не „гаючи часу“, такъ какъ батько съ нами,— заговорилъ Олекса, беря Оксанину руку въ свою,—признаемся мы ему, что покохали другъ друга „щыро“ и вѣрно и что просимъ батька благословить насъ.

Оксанка вся вспыхнула и закрылась фартукомъ, а старый звонарь растрогался въ конецъ.

— Истинно глаголю,—заговорилъ онъ, овладѣвая собою,— Господь печется о единомъ отъ малыхъ сихъ. Любитеся, дѣти, будьте счастливыми, да не забывайте горемычнаго батька. Тебѣ, Оксано, Олекса измалу былъ за батька, ему и отдаю я тебя, онъ тебѣ будетъ и „чоловикомъ“, и другомъ и батькомъ... Золотое у него сердце и честная душа,—говорилъ дзвонарь уже дрожащимъ голосомъ, чувствуя приближеніе позорной слабости.—Это тебѣ счастье отъ Бога: вѣрно его вымолила тамъ покойная твоя мать...

Сычъ остановился. Оксана стояла, опустивши голову низко, низко... Олекса сжималъ тихо ей руку...

Ну теперь поцѣлуйтесь-же, дѣти мои, по христіанскому закону,— произнесъ уже совершенно растроганнымъ голосомъ Сычъ.

Олекса горячо обнялъ смущенную дивчыну, а дьякъ возложилъ на ихъ головы руки и заключилъ торжественнымъ тономъ, утирая глаза: „Будьте счастливы, дѣти мои, много, много лѣтъ!...“

Между тѣмъ Золотаренко, оповѣщенный Морозенкомъ, отправился торопливо отыскивать Ганну. Ему уже давно чуялось что-то недоброе въ домѣ, но послѣднее извѣстіе Морозенка взорвало его въ конецъ. Въ своемъ горячемъ волненіи онъ и не замѣтилъ пріѣзда какого-то знатнаго козака, прибытіе котораго встрѣтилъ радостными криками весь народъ.

Пройдя весь домъ, Золотаренко нашелъ Ганну въ самой послѣдней свѣтлицѣ. Она стояла, отвернувшись лицомъ къ окну.

— Ганно!—окликнулъ ее ласково Золотаренко.

Ганна вздрогнула и обернулась къ нему. На лицѣ ея не видно было и слѣда слезъ; казалось, она похудѣла и постарѣла за эти нѣсколько минутъ. На блѣдномъ, какъ полотно, лицѣ ея глаза горѣли сухимъ, горячешнымъ огнемъ.

— Ганно,—подошелъ къ ней Золотаренко,—я знаю все... Я знаю больше, чѣмъ ты думаешь. Тебѣ дольше не годится оставаться здѣсь.

— Брате мой!—словно всхлыпнула тихо Ганна, склонясь къ нему головой на грудь, и въ звукѣ ея голоса послышалась такая наболѣвшая горечь что сердце у Золотаренка сжалось отъ обиды, отъ жалости къ своей единой сестрѣ.

— Замучили они тебя,—произнесъ онъ глухо, сквозь зубы, нахмуривъ сумрачно брови.

— Замучила себя я сама,—прошептала она, подымая на брата свои лучистые, безконечно-печальные глаза.

Нѣсколько минутъ они стояли молча, не говоря ни слова, но чувствуя какъ горе однако, покоряло въ свою власть и другого... Наконецъ, Золотаренко произнесъ угрюмо:—Завтра-же уѣдемъ отсюда, и нога моя здѣсь не будетъ!

— О, нѣтъ, нѣтъ!—встрепенулась Ганна,—Боже храни тебя подумать что злое на дядька... Дядько здѣсь не причемъ!

— Можетъ быть... можетъ статься, заговорилъ отрывисто, ворчливо Золотаренко, шагая по комнатѣ,—только ты... и я... мы теперь лишніе здѣсь... и оставаться нечего...

Снова наступило молчаніе, прерываемое только тяжелымъ дыханіемъ Золотаренка; видно было, что ему стоило большого труда удерживать свое волненіе.

— Брате мой,—заговорила, наконецъ, съ трудомъ Ганна; Золотаренко остановился передъ ней.—Я хочу просить тебя объ одномъ... Я знаю, что тебѣ это будетъ тяжко, такъ тяжело, какъ и мнѣ... только я много думала объ этомъ и рѣшилась уже навсегда...

— Ганно!—произнесъ съ тревогою Золотаренко, беря ее за руку.—Что ты задумала?

— Брате,—проговорила она тихимъ и молящимъ голосомъ, не поднимая головы,—отпусти меня въ монастырь...

— Что ты, что ты?—произнесъ онъ, отступая, словно не въ силахъ будучи понять ея словъ.

— Друже мой,—продолжала Ганна,—я знаю, что тебѣ это тяжко, но иначе неможно, неможно...

Наступило тяжелое молчаніе.

— Ганно,—подошелъ къ ней Золотаренко и заговорилъ глухимъ, рвущимся голосомъ;—я знаю, что ничего не говоришь ты на вѣтеръ и ничего не дѣлаешь на обумъ, но подумала-ли ты о томъ, что нѣтъ у меня ни матери, ни жены, ни дѣтей, что всего роду у меня—одна ты, на всю жизнь одна ты—и утѣха, и гордость...

— Родный мой, любимый, „коханый“,—склонилась къ нему на плечо головой Ганна,—думала я обо всемъ... насъ съ тобой монастырь не разлучитъ..—добавила она, беря его ласково за руку.

— Э, что ужъ тамъ говорить,—махнулъ безнадежно рукой Золоторенко, отворачиваясь въ сторону:—монастырь—это смерть!

Ганна молчала и только тихо прижимала къ своей груди его руку. Молчалъ и Золотаренко.

— А думала-ли ты о томъ,—проговорилъ онъ, наконецъ, послѣ долгой паузы, не поворачивая къ ней лица, что мнѣ лишиться тебя—все равно, что лишиться полъ-жизни?

— Думала, думала, „коханый мой, любый мой!“...

— И горе твое перемогаетъ тебя?

— Брате,—почти простонала шопотомъ Ганна,—оно хуже смерти во сто кратъ...

— Иди!—произнесъ съ усиліемъ Золотаренко, не поворачивая головы.

Ганна прижала къ губамъ его руку крѣпко, крѣпко, и на нее упала съ рѣсницъ тяжелая слеза ..

Вдругъ двери неожиданно распахнулись, и на порогѣ появился Богунъ. Послѣдняя сцена не ускользнула отъ его вниманія.

— Бувай здоровъ, друже! Будь здорова, Ганно!—остановился онъ у дверей, сбрасывая шапку и оглядывая ихъ взволнованнымъ взглядомъ. Ганна и Золотаренко поклонились ему.

— А какимъ родомъ прибылъ ты сюда?—спросилъ Золотаренко, все еще не выпуская руки сестры.

— Услыхалъ о смерти господыни... да видно тутъ есть что-то хужее, чѣмъ смерть.—Богунъ провелъ рукою по волосамъ.—Встрѣтила меня какая-то ляховка... ляховъ полонъ будынокъ... Ты, Ганно, одна и въ слезахъ... Скажи мнѣ, что сдѣлалось здѣсь, скажи мнѣ, кто здѣсь обидѣлъ тебя? Будь то мой первый другъ и пріятель,—я клялся и клянусь, что голову разможжу!

Золотаренко махнулъ рукою и проговорилъ, отворачиваясь въ сторону:—Эхъ, я бъ и самъ разможжилъ, да что ужъ теперь толковать! Умерла она, друже, для насъ!

— Ганно, Ганно... Какъ? что случилось? что сталось?—вскрикнулъ Богунъ, подходя къ нимъ.

— Въ монастырь идетъ,—произнесъ Золотаренко тихо.

— Что?—отступилъ Богунъ.—Ты? Ганно? Ты? Въ монастырь? Нѣтъ, нѣтъ, не можетъ быть!—заговорилъ онъ горячо.—Ты не захочешь осиротить насъ... Ганно, Ганно! Ты наша порадница, сестра наша, гордость наша.. Охъ, Ганно!.. Ганно!

— Друже мой, перебила его Ганна:—сестрой вашей я останусь и тамъ... Если-бъ могла я сдѣлать для васъ что-либо здѣсь, я бъ не ушла, я бъ осталась... но что я? къ чему мои ничтожныя силы? А молитвы мои будутъ и тамъ, какъ и здѣсь,—о васъ и за васъ...

— Нѣтъ, Ганно, нѣтъ!—возразилъ горячо Богунъ,—молиться ты можешь вездѣ и широка для твоей молитвы дорога.. Но уйти отъ міра, отъ его горя и слёзъ за „муры“, отречься отъ борьбы за долю своей поруганной родины—это значитъ—снять съ нищаго послѣднюю рубаху,—прости на словѣ: оно вотъ отсюда, изъ самой глубины,—ударилъ онъ себя кулакомъ въ грудь.—Ты помнишь, когда я съ раздавленнымъ сердцемъ хотѣлъ пронзить себя турецкимъ клинкомъ,—ты удержала меня, ты крикнула мнѣ: „Стой!

сердце твое принадлежитъ не тебѣ,—оно должно служить и родинѣ и Богу"! И я его ношу, съ пекельной мукой, а ношу и терплю... Такъ если мнѣ—а такихъ вѣдь, какъ я, у насъ хвала Богу, безъ счету... такъ вотъ, если мнѣ нужно для Украйны носиться съ этимъ глупымъ, стучащимъ въ груди молоткомъ, то какъ-же тебѣ „ховать" его въ власяницу, тебѣ—единой, единой на всей нашей широкой землѣ?!

Ганна смятенная бурей его пылкихъ рѣчей, стояла, опустивши голову и едва замѣтно дрожала; по выступавшимъ алымъ пятнамъ на ея нѣжныхъ щекахъ и по смѣнявшей ихъ смертельной блѣдности, можно было видѣть, какая въ глубинѣ ея души происходила борьба: Ганна порывисто, тяжело дышала и хранила молчаніе. Нѣсколько минутъ и Богунъ смотрѣлъ молча на Ганну; наконецъ, онъ снова заговорилъ клокотавшимъ отъ волненія голосомъ, обращаясь къ Золотаренку и Ганнѣ:

— Друже мой, отъ тебя мнѣ нечего крыться: люблю я, „кохаю" твою сестру, больше всего на этомъ свѣтѣ... „Не поталанило" мнѣ... Что-жъ, такая ужъ щербатая доля! Да и стою-ли я кохання? Я уже давно о своемъ счастьѣ и „гадку закинулъ"... Эхъ, я былъ-бы и тѣмъ счастливъ безъ мѣры, если бы Ганна дозволила мнѣ хоть защитникомъ ея стать по праву: воля ея была-бы для меня волей Бога, каждое слово ея, взглядъ—райской утѣхой, всякая за нея мука—блаженствомъ... батькомъ, братомъ, рабомъ бы я сталъ ей, вѣрной „незрадной" собакой... и за право стеречь лишь ее—перевернулъ бы весь свѣтъ!

Ганна молчала; но становилась блѣднѣй и блѣднѣй...

— Ганно!—дрожащимъ голосомъ прошепталъ Богунъ и ему показалось, что передъ нимъ стоитъ три Ганны и что всѣ онѣ словно колеблятся на высокихъ крестахъ:—ты вѣдь говорила, что не пришло только время... что твое сердце пока мертвое...

Ганна подняла руку, словно желая остановить Богуна и что-то прошептала, но губы ея пошевелились беззвучно...

— Я лукавила,—произнесла она, наконецъ, съ страшнымъ усиліемъ.—Да, лукавила,—продолжала она, овладѣвши собою.—У меня было свое горе, тяжкое, невыносимое, которое пригнетало меня до самой земли... оно меня и теперь гонитъ въ келью. Но ты Богунъ—лыцарь нашъ первый... тебя я какъ брата Ивана, люблю... передъ Богомъ говорю... и ты правъ...—она задыхнулась и прижала обѣ руки къ бьющемуся примѣтно сердцу.

Богунъ впился въ нее глазами, и въ нихъ вспыхнуло пламя надежды; а Золотаренко, слѣдя за каждымъ словомъ сестры, не могъ удержаться, чтобъ не подтвердить:

— Да, лучшаго лыцаря нѣтъ во всей Украйнѣ! Спасибо тебѣ, друже... я бъ отдалъ съ радостью сестру, если-бъ она... Господи, сколько-бъ счастья!

Ганна сдѣлала надъ собой послѣднее усилiе:

— Друзья, братья!!—зашептала она прерывисто.—Не говорите про это: мнѣ больно... Взгляните на меня, какая я невѣста! Но ты, Богунъ, правъ... и если мой голосъ ничтожный и эти дрожащія руки нужны будутъ для моей родины, то я не спрячу ихъ „за мурами“,—подняла она голосъ,—а понесу ей, Украинѣ моей, на послугу!

— Если выпустятъ,—замѣтилъ угрюмо Богунъ.

— Я послушницей буду... права не потеряю,—добавила поспѣшно Ганна,—меня никто не удержитъ!—подняла она высоко руку. Но теперь, если любите меня, братья, дайте исполнить мнѣ то, къ чему меня тянетъ душа: я хочу забыться отъ боли... на „самотѣ“, въ молитвѣ... подъ тихое пѣнье сестрицъ... Козаче мой, орле сизый!—обратилась она, вся потрясенная, къ Богуну,—Я безъ вины, безъ воли моей „розшарпала“ твое „юнацкое“ сердце... прости-же мнѣ, „пробачъ“! И ты брате родный,—давилась она подступившими къ горлу слезами,—прости, что причиняю и тебѣ горе... Но не сила моя, не сила!... Не такъ думала... простите-же меня, простите,—и она съ рыданьемъ поклонилась до земли...

— Ганно, сестра! Въ чемъ прощать? Ты—святая!—вскрикнули горячо Богунъ и Золотаренко, бросившись къ ней, помочь встать.

Но въ это время двери раскрылись, и появившаяся въ нихъ Катря объявила торжественно, что батюшки пріѣхали, началась панихида, и батько просили, чтобы заразъ послѣ панихиды всѣ шли къ столу.

Всѣ двинулись на террасу, гдѣ торжественно была отслужена панихида.

Послѣ нея общество раздѣлилось: нѣкоторые изъ значныхъ козаковъ, какъ напр. Золотаренко съ сестрой, Богунъ, дѣти Богдана, остались трапезовать вмѣстѣ, по старому обычаю, съ темнымъ народомъ, а самое избранное общество, преимущественно именита шляхта, помѣстилась въ свѣтлицѣ Богдана. Мрачная обстановка ея, завѣшенныя чернымъ сукномъ окна, двери, иконы, горящія лампадки, восковыя зеленыя свѣчи, смирна и ладанъ, печальныя рѣчи, тяжелыя воспоминанія, и не заздравицы съ веселыми криками, а заупокоицы съ щемящимъ припѣвомъ „вѣчная память“,—все это давило сотрапезниковъ, навѣвало на всѣхъ тоску и уныніе... даже поляки сочувствовали горю Богдана, считая писаря совершенно

своимъ... Помянули тихо за трапезой и погибшаго безвременно Чарноту...

Когда, послѣ трапезы, разъѣхались всѣ именитые гости, Богданъ, усталый и разбитый, отправился, наконецъ, въ свою комнату отдохнуть и освѣжить люлькой отуманенную голову. Во всей этой суетѣ и сутолокѣ онъ замѣтилъ, однако, какъ Елена держала себя и царицей, и привѣтливѣйшею хозяйкой, какъ умѣла она сказать каждому ласковое слово и возбудить въ каждомъ восторгъ. Воспоминаніе это пріятно щекотало самолюбіе Богдана. Вотъ такую-то, такую жинку и надо было ему давно!

Мало-по-малу въ комнатѣ собрались всѣ товарищи, желавшіе попрощаться передъ отъѣздомъ съ хозяиномъ, пришла съ братомъ и Ганна. Елена только удалилась къ себѣ.

— Ну, кажись, свои тутъ,—окинулъ Богданъ зоркимъ глазомъ свѣтлицу,—чужого чертъ ма! Такъ гукни-жъ, Олексо, чтобъ намъ подали сюда добраго меду батьковскаго: выпьемъ на прощаніе уже за живое и за живыхъ.

— Да тамъ еще въ погребѣ и дѣдовскій найдется,—замѣтилъ дѣдъ, улыбаясь и тряся головой,—а сошлись то еще не всѣ, не всѣ: тамъ еще у меня на пасикѣ сидитъ „мацапура“.

— Кто-жъ бы это?—изумился Богданъ, да и всѣ переглянулись между собой.

— А, вотъ кто!—словно вынырнула съ этими словами изъ сѣнныхъ дверей колоссальная фигура и почти уперлась чубатою головой въ сволокъ.—Вотъ кто!—отбросилъ вошедшій всѣ завертывавшіе его платки и тряпки.

— Кривоносъ!—вскрикнули всѣ и радостно, и словно растерянно.

— Друже мой!—бросился къ нему Богданъ и обнялъ щыро, по братски.

Послышались разспросы и разсказы, прерываемые шумными изъявленіями радости и восторга.

Морозенко вбѣжалъ въ свѣтлицу и сообщилъ, что къ батьку пріѣхалъ какой-то бей.

— Не Тугай ли, мой побратимъ?—схватился Богданъ.

Всѣ всполошились.

Въ это мгновеніе въ двери вошелъ богато одѣтый турокъ. Роскошная чалма была надвинута почти на глаза, а расшитымъ зеленымъ плащемъ онъ закрывалъ нижнюю часть лица.

— Селимъ-ай-Лекимъ!—привѣтствовалъ всѣхъ новоприбывшій, приложивъ правую руку къ сердцу и къ челу.

— Гомъ-гелды!—отвѣтилъ Богданъ и почувствовалъ, что въ его сердцѣ что-то екнуло.

Таинственный гость обвелъ изъ-подъ чалмы всѣхъ присутствующихъ внимательнымъ взглядомъ и, отбросивши въ сторону и плащъ, и чалму, крикнулъ восторженнымъ голосомъ, распростерши руки: „Да здоровы же будьте, друзя-товарищи! Не узнали, что ли, Чарноты?“

— Чарноты?—вздрогнули всѣ и отшатнулись невольно. Одинъ только Кривоносъ при этомъ имени покачнулся было, какъ оглушенный громомъ, а затѣмъ бросился стремительно къ этому выходцу съ того свѣта.

— Чуръ меня, кто-бы ты ни былъ, хоть сатана изъ пекла, но если ты взялъ на себя обликъ моего лучшаго друга, то я обниму тебя! Сожги меня на уголь пекельный, а обниму!—и онъ охватилъ Чарноту за плечи и началъ пристально вглядываться ему въ лицо.

— Онъ, друзи, онъ самый, вражій сынъ!—крикнулъ Кривоносъ и началъ душить Чарноту въ своихъ объятіяхъ.

Всѣ, подавленные сначала невольнымъ трепетомъ при видѣ сверхъестественнаго появленія мнимаго мертвеца, теперь вдругъ ожили и радостно зашумѣли: „Чарнота! Голубе! Вотъ такъ радость!“

— Да хоть перекрестись-же ты, сатано!—то всматривался, то снова обнималъ его Кривоносъ,—може съ чертями уже накладаешь,—шельма, проклятый песъ, каторжный? Чтобы тебѣ вѣдьма съ помеломъ въѣхала въ глотку... Сколько муки изъ-за него, аспида!—улыбался Красноносъ, сіялъ счастьемъ, и по рытвинамъ его щекъ катились замѣтныя слезы.

— Да стой-же, Максиме, дай и мнѣ „привитаться“,—отнималъ Богданъ отъ Кривоноса Чарноту, заключалъ его въ свои объятія,—и послѣдній, награждаемый трогательной бранью, сталъ переходить изъ однихъ объятій въ другія.

— Горилки!—крикнулъ, наконецъ, Кривоносъ,—тащи ее, Олекса, скорѣе! Да и кухли тащи съ твою голову! У меня отъ радости кипитъ все, такъ заливать нужно пожаръ.

Когда голодъ Чарноты и жажда Кривоноса были удовлетворены, Богданъ предложилъ своимъ гостямъ по кубку стараго меду. „За нашу дорогую „справу“ и за живыхъ друзей - борцовъ!“—поднялъ высоко кубокъ Богданъ и опорожнилъ его при общихъ крикахъ: „хай жіютъ!“

— А что, есть ли синица въ „жменѣ“, или только все „обицянки?“—спросилъ Кривоносъ, закуривая люльку.

— Есть, друже мой, есть, братцы! Король намъ далъ „привилеи“ и возвращаетъ намъ всѣ наши старыя права: рейстрови-

ковъ двадцать тысячъ, свое атаманье, земли, запорожцамъ новыя вольности и „непорушность“ вѣры.

— О, вотъ такъ радость! Вотъ такъ король! За его здоровье!

— Отчего-жъ „привилеевъ“ этихъ не оповѣщаютъ такъ долго?— спросилъ скептическимъ тономъ Золоторенко.

— Хе! тутъ то и „ковинька“,—подморгнулъ Богданъ.—Его королевская мосць вручилъ эти привилеи нашему полковнику Барабашу, схожему во всемъ больше на бабу, чѣмъ на лицаря. Такъ вотъ этотъ храбрецъ, напуганный ляхами, все выжидаетъ какого-то сейма и припрятываетъ королевскія милости.

— Гай-гай!—махнулъ Золотаренко рукой,—такъ поминай эти привилеи, какъ звали!

— Онъ перевертень, измѣнникъ, Іуда!—закричали грозно со всѣхъ сторонъ.

— Успокойтесь, панове,—поднялъ руку Богданъ,—клянусь, что не пропадетъ ни одного слова, и что я вирву эти привилеи.

— Эхъ, все это басни,—отозвался со стономъ молчавшій до того времени мрачно Богунъ,—для дѣтей они „забавки“, а вотъ для тѣхъ, чьи плечи не выходятъ изъ ранъ, что изнываютъ въ панской неволѣ,—для тѣхъ они плохое утѣшенье! Вѣдь чѣмъ дальше, тѣмъ больше затягивается узелъ! А эти „привилеи?“ Да развѣ сеймъ ихъ допуститъ! Барабашъ и правъ, что ихъ прячетъ.

— Не быть добру,—прорычалъ глухо и Кривоносъ,—пока хоть одинъ жидъ, или ляхъ будетъ топтать нашу землю.

Слова Богуна и Кривоноса произвели на всѣхъ удручающее впечатлѣніе.

— Нѣтъ, братья мои и друзи, не будемте Бога гнѣвить!—поднялъ голосъ Богданъ, и въ немъ зазвучала прежняя мощь.—Развѣ можно сравнить наше теперешнее положеніе съ прежнимъ? Вспомните ужасный разгромъ нашихъ послѣднихъ, изнеможенныхъ силъ подъ Старицей. Лучшіе атаманы или убиты, или казнены, или пропали безъ вѣсти; ни людей, ни оружія не осталось; села разграблены, народъ на колахъ, на висѣлицахъ или звѣремъ въ трущобѣ. О сопротивленіи врагу можно было только мечтать съ отчаянія. Наконецъ, насъ созываютъ какъ быдло, на Масловъ Ставъ и объявляютъ „баницію“, лишеніе всѣхъ стародревнихъ вольностей, лишеніе всѣхъ человѣческихъ правъ!...

Тяжелый вздохъ вырвался изъ широкихъ грудей и пронесся тихимъ стономъ по свѣтлицѣ.

— Да, то была могила, широкая и глубокая для всѣхъ насъ могила,—продолжалъ Богданъ, переводя духъ,—но ласка Го-

сподня блюла насъ, милосердіе Его не истощилось. Онъ внушилъ королю мысль не дать насъ на истребленіе, и король, хоть слабымъ голосомъ, а сдерживалъ буйство пановъ, ободрялъ насъ надеждой, соединялъ насъ воедино и вотъ прошло семь лѣтъ медленной, незамѣтной работы, и скажите же по совѣсти, братья, развѣ мы такіе же безсильные, какъ тогда? Нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ!—поднялъ руку Богданъ.—Запорожье наше укрѣплено, до четырехъ тысячъ лицарей по камышамъ, по островамъ, по затонамъ; двѣсти чаекъ „гайдается“ на Днѣпрѣ, тутъ у каждаго изъ насъ,—только свистни,—такъ слетится не мало орлятъ! Не забывайте, что съ нами теперь наше знамя и клейноды, а будутъ съ нами и „привилеи“, и охрана, и воля найяснѣйшаго!

По мѣрѣ того, какъ говорилъ Богданъ, смутившіяся было лица начали проясняться снова, глаза зажигались огнемъ и бодрая радость овладѣвала всѣми. Даже Ганна, забывъ свое горе, улыбнулась восторженно этой вѣсти.

— Такъ съ такими силами, да „клейнодами“,—звучалъ между тѣмъ побѣдоносно его голосъ,—коли ежели что... такъ мы такую кашу заваримъ, что зашатается и Рѣчь Посполитая!

— Слава, слава Богдану!—закричали всѣ возбужденно и весело, потянувшись къ кубкамъ.

— На погибель врагамъ, а намъ и люду на счастье!

И полился темною ароматною струей въ кубки старый медъ, и усилилъ, и усладилъ еще больше это радостное настроеніе, окрыленное радугой пышныхъ надеждъ.

Всѣ вѣрили въ эту минуту, что уже налетѣло желанное всѣми затишье, что оно открыло уже свои убѣжища... многіе мечтали о личномъ счастьи, многіе мирились съ неизбѣжной судьбой, многимъ рисовалась картина народнаго благополучія...

— Браты мои и друзи!—наполнилъ Богданъ снова всѣ кубки,—много пережили мы вмѣстѣ и горестей, и бурь, и несчастій; но во всѣхъ нашихъ „злыгодняхъ“ поддерживала насъ до сихъ поръ та крѣпкая любовь и згода, которая соединяла насъ противъ враговъ и давала намъ, слабымъ, силу и мощь. Теперь мы разстанемся, всякій пойдетъ своею дорогой, и кто знаетъ, когда и при какихъ обстоятельствахъ сведетъ насъ снова Господь? Выпьемъ-же на прощанье, друзи мои, за нашу братскую любовь, за нашу вѣру другъ къ другу и „згоду“, чтобы она вѣчно между нами жила, чтобы мы стояли всѣ одинъ за одного и каждый за всѣхъ!

— Будемъ, бу емъ!—раздались отовсюду восторженные крики.

— Ганна, прощаешь?—притянулъ къ себѣ за руки ожившую дѣвушку Богданъ и заглянулъ ей въ глаза.

— Дядьку—вспыхнула она вся—вамъ до вѣку... защитнику нашему...

— Объятія, поцѣлуи и клятвы смѣшались съ радостными слезами.

И никто изъ присутствовавшихъ не могъ и подумать въ это мгновеніе о той страшной бурѣ, которая уже подымалась надъ ихъ головой...

М. Старицкій.

КОНЕЦЪ.

ПИСЬМА П. А. КУЛИША КЪ О. М. БОДЯНСКОМУ.

(1846—1877 г.г.).

81.

2 Ноября, 1853, С.-Петерб.

Покорно благодаримъ Васъ за присылку забытыхъ у Васъ вещей; что же касается до прочихъ моихъ надобностей, то я просилъ объ исполненіи ихъ Сорокина. Будучи совершенно увѣренъ, что Вы не потяготитесь для меня снити даже и во адъ, не только въ Опекунскій Совѣтъ, я ужъ написалъ къ Н. Д. Бѣлозерскому, чтобъ онъ прислалъ на Ваше имя довѣренность. Получивъ оную, потрудитесь только доставить Сорокину (Яузской части, 3-го квартала, въ домѣ купца Ларіонова, близь Покровскихъ Казармъ). Я ужъ написалъ къ нему, чтобъ онъ освободилъ Васъ отъ всякаго труда по предмету передачи ему данной или сдѣланной на Ваше имя довѣренности, и онъ попроситъ Васъ приложить только, гдѣ нужно, Вашу руку. На него же возложилъ я и фаэтонное упованіе.

Ошибшись такъ неловко въ своей увѣренности, я отнынѣ буду разборчивѣе въ своихъ просьбахъ къ Вамъ, и въ этомъ случаѣ буду уже соображаться не съ чувствомъ дружеской расположенности, которое—какъ вижу—улетучивается подобно эфирному маслу, а съ Вашими существенными выгодами. Я знаю, что я могу быть Вамъ полезенъ во многихъ случаяхъ, какъ предвидимыхъ, такъ и непредвидимыхъ; думаю, сверхъ того, что Вы понимаете отчасти и цѣните

---

[1]) См. „Кіевск. Стар.“ 1897 г., № 11.

тѣ мои свойства, которыя такъ или иначе могутъ Вамъ пригодиться; и потому, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, буду обращаться къ Вамъ такъ запросто, какъ будто мнѣ и во снѣ не снилось Ваше незабвенное письмо отъ 27 октября. Одинъ изъ этихъ нѣкоторыхъ случаевъ представляется и теперь.

У меня собралось десятка три-четыре болѣе или менѣе важныхъ писемъ Гоголя, которыя составятъ интереснѣйшія страницы въ моемъ сочиненіи. Думаю, что если я сообщу копію онаго господамъ А—мъ, то они добудутъ мнѣ еще кое-что, или по крайней мѣрѣ что-нибудь въ моей рукописи дополнятъ и исправятъ. Потрудитесь отвѣчать мнѣ, согласны-ли Вы передать имъ лично мою рукопись, попросить, чтобъ они сдѣлали для нея то, что могутъ, немедленно, и потомъ опять переслать ее мнѣ. Дѣло пошло у меня быстро, такъ что Вы получите отъ меня цѣлый томъ. Надѣюсь, что въ рукахъ А—выхъ онъ будетъ безопасенъ отъ разныхъ непріятныхъ случайностей и что они ни подъ какимъ видомъ не выпустятъ его изъ своего дома.

Квартира моя, *съ 10 ноября*, будетъ находиться въ Малой Морской, въ домѣ г-жи Телешовой, а до тѣхъ поръ я могу еще получить отъ Васъ письмо по прежнему адресу, разсчитайте сами.

Потрудитесь увѣдомить, какую книгу я заказалъ для Васъ выписать въ англійской лавкѣ, тогда я вспомню и самую лавку, а то совсѣмъ забылъ, въ чемъ прошу извиненія.

Преданный Вамъ П. К.

82.

9 ноября, 1853. С.-Петерб.

Откладывая въ сторону всѣ недоразумѣнія—и да погибнетъ память ихъ съ шумомъ—буду бесѣдовать съ Вами о томъ, что важнѣе временныхъ нашихъ нуждъ, удовольствій и неудовольствій. Я думаю, что худа оттого не будетъ, если я сообщу господамъ *онымъ* копію вышеупомянутаго сочиненія, а польза *можетъ* быть. До охоты и неохоты, съ которою они сдѣлаютъ въ немъ поправки и дополненія, мнѣ мало нужды, ибо я прошу отъ нихъ этого не во имя свое, а во имя того, которому недостоинъ есмь развязать ремень у обуви. Что же касается до ихъ мнѣнія, что чѣмъ позже будетъ сдѣлана оцѣнка сего крѣпкаго мужа, тѣмъ лучше, то, между нами сказать—это мнѣ-

ніе мелѣное и недостойное уваженія. Оно пахнетъ тѣмъ временемъ, когда еще не родился Гуттербергъ. Можно-ли добраться до оцѣнки, когда я думаю свою думу въ Петербургѣ, вы свои въ Москвѣ, а кто-нибудь еще свою въ Лондонѣ или въ Нью-Йоркѣ, и не знаемъ взаимно о томъ, что именно каждый изъ насъ думаетъ? Будущее время постоитъ само за себя, не бойтесь—его не собьете ранними воззрѣніями, ибо magna est veritas et praevalebit. Но отказываться, изъ какого-то старушечьяго опасенія за благосостояніе мозга нашихъ потомковъ,—отъ наслажденія мѣняться мыслями и даже фактами—просто глупо и тупо. Притомъ же, моя книга написана (или будетъ написана) въ самомъ умѣренномъ духѣ; я не говорю въ ней, что это nec plus ultra анализа и синтезиса. Сохрани Богъ! Я, напротивъ, широко распахиваю царину въ это поле каждому человѣку, волу и даже ослу. Идите обработывайте его и унаваживайте для будущей запашки. А въ доказательство приведу Вамъ послѣднюю страницу перваго періода жизни поэта (она естественно дѣлится на три).

Вотъ все, что можно было до сихъ поръ собрать о первомъ періодѣ жизни Гоголя. Другой бы, можетъ быть, представилъ это въ болѣе выразительномъ видѣ и слилъ бы разныя мелочи въ болѣе стройную картину; я представляю факты въ томъ простомъ видѣ и почти въ томъ сцѣпленіи ихъ между собою, въ какомъ они были открываемы мною, будучи убѣжденъ, что это только абрисъ, по которому впослѣдствіи нанесутся цвѣтъ и тѣни, и что, если послѣдующая внутренняя жизнь Гоголя была столь разнообразна въ своихъ движеніяхъ, столь богата умственными представленіями, столь благоуханна цвѣтами сердца, то корней всего этого надобно искать въ темной и таинственной почвѣ дѣтства, ибо въ «организмѣ ребенка скрывается уже человѣкъ», [1]) и первыя движенія дѣтскаго ума нерѣдко проявляютъ тѣ идеи, для распространенія которыхъ геніальная натура призвана въ міръ [2]). Какъ ни много, на первый разъ, собрано у меня матеріаловъ для каждаго изъ трехъ періодовъ жизни поэта, но изъ этого не слѣдуетъ еще строить исторіи его жизни такъ систематически, такъ послѣдовательно и заключительно, какъ развивается романъ или поэма. Я только покажу читателю разныя положенія Гоголя въ жизни и въ литературѣ, разныя стороны его житейскаго и поэтическаго характера, сколько это раскрылось для самого меня изъ

[1]) Слова Альфьери.

[2]) Замѣчаніе д'Израэли.

извѣстныхъ доселѣ фактовъ и письменныхъ документовъ; но далеко еще то время, когда можно будетъ произнести о немъ послѣднее слово и когда можно будетъ въ заглавіи подобнаго сочиненія написать «Полная Біографія». Что́ касается до перваго періода жизни Гоголя, то онъ, сравнительно съ прочими, оказывается самымъ скуднымъ свѣдѣніями и требуетъ много труда для наполненія всѣхъ своихъ пробѣловъ. Не знаю, кто будетъ имѣть возможность, желаніе или умѣнье заняться этимъ дѣломъ; но важность подобнаго занятія, какъ для исторіи русской словесности, такъ и для психологіи вообще, должна быть очевидна для каждаго».

Итакъ, почтеннѣйшій другъ Осипъ Максимовичъ, опоясшитесь готовностью передать кому слѣдуетъ мое рукописаніе и даже скажите онымъ страннымъ ревнителямъ словесности заблаговременно объ этомъ. Угодно ли, дескать, имъ будетъ снизойти на мою покорнѣйшую просьбу прочитать то-то и удостоить мой трудъ поправокъ и дополненій. Музыка Вашей рѣчи будетъ зависѣть отъ тону, которымъ Вы ее исполните, а вѣдь Вы знаете, что отъ музыки двигались древле и камни. Времени у насъ довольно. Первый періодъ выйдетъ 1-го янв., 2—1-го ф., а 3—1-го марта; слѣдовательно дополненія и приложенія можно будетъ вклеить какъ слѣдуетъ. Впрочемъ Вы симъ доблестнымъ мужамъ объявите девизъ: «Кто даетъ скоро,—тотъ даетъ вдвойнѣ». Копія списывается для нихъ дѣятельно и, пока Вы сообщите мнѣ отвѣтъ ихъ, будетъ готова. Вашъ П. К.

О Вашей книгѣ справлюсь у Киртона или Кертона или Кертона, а можетъ быть—Чартона или просто Чорта. Они, эти Англо-Саксы, такъ коверкаютъ свои имена, что и самъ сатана, записывая ихъ грѣхи на воловой шкурѣ, не всегда будетъ точенъ.

83.

13 Декабря, 1853. С.-Петербургъ.

Давно бы пора уже писать къ Вамъ, почтеннѣйшій другъ Осипъ Максимовичъ, да все откладывалъ, чтобъ сообщить Вамъ кой-какія литературныя новости, которыми Вы интересуетесь. Да будетъ же первою новостью извѣстіе, что Киртонъ требуемой Вами книги о шотландской церкви до сихъ поръ не выписалъ, потому что это должна быть брошюра, которою книгопродавцы не интересуются. Уже въ третій разъ послалъ онъ повтореніе своего требованія.

Вторая новость: Макаровъ окончилъ «Опытъ біографіи Гоголя», но какъ Вы увѣдомили меня, что А-вы зимуютъ не въ Москвѣ, то онъ писалъ къ (С. И.) въ деревню и получилъ отъ его отца отвѣтъ, что онъ уѣхалъ на годъ въ южныя губерніи по порученію Географическаго Общ. Это, однако жъ, дѣла не испортило, потому что самъ старикъ вызвался прочитать рукопись, исправить и, можетъ быть, дополнить. Вслѣдствіе чего она ему и отправлена. Между тѣмъ первый отдѣлъ сочиненія поступилъ уже въ типографію для первой кн. Совр. на 1854 г. Зная, что Вы принимаете искреннее участіе въ дѣлахъ или лучше въ обстоятельствахъ моего пріятеля, считаю не лишнимъ увѣдомить Васъ, что ему заплатятъ за печатный листъ по 65 руб. сер. съ правомъ напечатать 500 отдѣльныхъ оттисковъ въ пользу редакціи, а 50 экз. для автора даромъ. Изъ этого числа и мы съ Вами получимъ по экземпляру. Но что-то скажетъ цензура,— это еще не извѣстно.

Въ первой же книгѣ будетъ напечатано и «Лѣто въ Малороссіи» того же автора. Условія его съ редакціею мнѣ еще неизвѣстны; знаю только—намъ съ Вами по экземпляру будетъ. *(Сбоку помѣчено:* «не будетъ въ 1-й»).

Одинъ изъ воспитанниковъ Академіи Художествъ, Левъ Мих. Жемчужниковъ, очень полюбилъ нашу Малороссію, шлялся по ней все лѣто, нарисовалъ много малороссійскихъ типовъ и теперь помышляетъ о новомъ путешествіи весною. Онъ посвящаетъ свой талантъ исключительно Малороссіи и теперь занятъ изученіемъ ея исторіи, этнографіи и словесности. Когда я прочелъ ему нѣсколько украинскихъ преданій, онъ воспламенился такимъ восторгомъ, который тотчасъ показалъ въ немъ истиннаго художника. Независимое состояніе, молодость, энергія и природный умъ, жаждущій знанія, ручаются въ томъ, что изъ него выдетъ отличный историческій живописецъ. Меня онъ занялъ до такой степени, что я хочу написать собственно для него книгу, въ которой опишу по воспоминаніямъ свои встрѣчи съ разными Харками Цехмистрами и вставлю въ свои бесѣды съ ними преданія въ такой послѣдовательности, которая бы живо рисовала его воображенію исторію послѣднихъ временъ заднѣпровскаго казачества. Онъ хочетъ рисовать акварелью рядъ эскизовъ, которые олицетворятъ все, что сохранено отъ забвенія въ преданіяхъ. Это укрѣпитъ его силы для будущихъ картинъ изъ исторіи Малороссіи, потому что тутъ на каждомъ шагу буду учить его живописной техникѣ. Нельзя ли

перекинуть одного экземпляра преданій по сему нарочитому случаю, ибо моя рукопись заключаетъ не всѣ? Пожалуйста не откажите.

А вотъ къ Вамъ еще покорнѣйшая просьба. Пускай Базуновъ вышлетъ экземпляръ «Исторіи Руссовъ» на имя Андрея Николаевича Маркевича, на углу двухъ Почтамтскихъ, въ д. Лончинова, въ квартирѣ Кочубея, а деньги запишетъ на мой счетъ, если только цѣна не возвысилась выше 2 (или даже 2 съ полтиною) рублей. Мы всѣ, слава Богу, здравствуемъ и кланяемось Вамъ обомъ низенько. Вашъ П. К.

Литературныя прибавленія.

М. не поладилъ съ Современниками за статью о Малороссіи и взялъ ее назадъ, съ тѣмъ чтобы или напечатать ее такъ, какъ она написана, или же совсѣмъ не печатать. Послѣдняя мысль получила для него особенную привлекательность потому, что здѣсь являются поползновенія къ изданію Сына Отечества со стороны людей, близкихъ къ автору, и онъ собирается съ запасами, чтобъ было чѣмъ поддержать журналъ. Впрочемъ это еще вилами писано, какъ и всѣ предположенія человѣческія. А славно бы, если бы нѣкій господинъ былъ хозяиномъ журнала. Тогда бы и къ Вамъ бы была просьба объ отдѣлѣ матеріаловъ. Тутъ былъ бы одинъ хозяинъ по части денежной и одинъ распорядитель по части литературной, а не десять, какъ хотѣли сдѣлать въ Москвѣ.

84.

Нѣтъ, Осипъ Максимовичъ, я увѣренъ, что искреннимъ обращеніемъ къ кому то ни было изъ достойныхъ людей можно сдѣлать то, что сдѣлалъ съ камнемъ жезлъ Моисеевъ. Аксаковъ пишетъ къ М. между прочимъ слѣдующее: «Ко второму изданію Вашей книги, я надѣюсь написать исторію моего знакомства съ Гоголемъ. Она напишется не для печати; но я охотно предложу Вамъ взять изъ нея все, что будетъ нужно для третьяго періода». Что касается до содѣйствія въ настоящій моментъ, то онъ, по прочтеніи рукописи, говоритъ вотъ что: «Ваше сочиненіе возбудило во мнѣ сильное участіе, и я прилежно началъ заниматься составленіемъ замѣчаній и поясненій. Все это дѣлаю съ полной откровенностію; черезъ недѣлю надѣюсь выслать вамъ рукопись и тетрадку замѣтокъ». Похваламъ его нѣтъ мѣры. «Вы означили—говоритъ онъ—образъ поэта такъ истинно,

что всѣ дальнѣйшія свѣдѣнія о немъ будутъ только дополненіями, доказательствами», и проч. и проч.

Что касается до уступчивости М., то это доказываетъ только, что онъ слишкомъ снисходителенъ къ издателямъ Современника. Когда ему говорятъ, что мы, дескать, въ затруднительномъ положеніи, у него отнимается рѣчь, и онъ не знаетъ, что сказать имъ на это: онъ забываетъ о собственномъ положеніи, которое несравненно хуже положенія этихъ повѣсъ. Но въ то время, когда онъ дѣлаетъ для нихъ все, они плутуютъ передъ нимъ самымъ наглымъ образомъ. Долго было бы разсказывать всѣ ихъ продѣлки. Довольно съ Васъ будетъ знать, что, можетъ быть, начало біографіи не явится въ 1-й книжкѣ; если же и явится, то сомнительно, чтобъ явилось продолженіе. М. раздраженъ имъ въ такой степени, что хочетъ потребовать впередъ всѣ деньги и притомъ въ бо́льшемъ (немного) количествѣ противъ условія (для круглаго счету). Это еще тайна, которая обнаружится для Современниковъ на дняхъ. Въ случаѣ разрыва, немедленно будетъ приступлено къ отдѣльному изданію; я вызвался держать корректуру.

De Cosmographia Etici ни у кого изъ книгопродавцевъ нѣтъ. Одинъ изъ нихъ, новый, A. Münz берется выписать скоро, потому что лѣтомъ и зимою ежемѣсячно получаетъ по пакету книгъ изъ за границы. Вашъ П. К.

85.

1854, янв. 12. С.-Петербургъ.

Извините, ради Бога, что я прозѣвалъ дня три по полученіи отвѣта отъ Минкса (Münx). Въ это время происходили со мной разныя разности, о которыхъ сообщу Вамъ лично. Я былъ озабоченъ до зѣла, и потому—изъ памяти вонъ, что надобно писать къ Вамъ. Теперь—что бы вы думали я дѣлаю? Собираюсь въ дорогу. Надѣюсь выѣхать отсюда 25 января—развѣ какія нибудь особенныя надобности помѣшаютъ. Сдѣлайте одолженіе, прикажите Андрею, чтобъ онъ осмотрѣлъ наши сани и сказалъ Вамъ, можетъ-ли починка ихъ быть произведена во время пребыванія нашего въ Москвѣ, или же надобно отдать ихъ мастеру заблаговременно. Въ Москвѣ я намѣренъ прожить цѣлую недѣлю, потому что ѣду домой не къ спѣху и хотѣлось бы видѣть на сценѣ Щепкина и другихъ хорошихъ актеровъ.

Здѣсь ихъ, кромѣ иностранцевъ, нѣтъ, или, по крайней мѣрѣ, я не хожу смотрѣть, потому что видѣть Рашель одинъ разъ стоитъ тысячи представленій разныхъ Воронцовыхъ, Леоновыхъ и т. п.—выхъ. На этотъ разъ насъ будетъ ѣхать всего двое, я да жинка; ибо Н. М. и Варвара остаются при Василіѣ Михайловичѣ, который теперь обрѣтается въ Петербургѣ. Надѣюсь, что мы не обременимъ Васъ своимъ присутствіемъ; если же у Васъ кто-нибудь боленъ, или явилось въ домѣ какое-нибудь особенное неудобство, то сдѣлайте одолженіе—извѣстите меня. Тогда я остановлюсь у Шевалдышева. Кланяемся всѣ и всѣмъ низенько. Вашъ П. К.

Васъ, вѣроятно, интересуетъ, чѣмъ кончилась пря моего пріятеля съ великими литераторами. Они должны были положить ему на столъ 1000 руб. и тогда только получили рукопись. Не смѣйтесь надъ его мягкосердечіемъ. Тутъ много разныхъ и разныхъ было обстоятельствъ, по которымъ нельзя было иначе дѣйствовать. Писать обо всемъ было бы слишкомъ долго; лучше я Вамъ перескажу на словахъ.

А, о Минксѣ еще разъ забылъ. Онъ говоритъ, что теперь ужъ не прежде получитъ книгу, какъ въ началѣ марта, что можно было бы выписать ее отдѣльно, но въ такомъ случаѣ дорога будетъ пересылка, и при томъ онъ не знаетъ, сколько брать съ меня денегъ за книгу. Поэтому я и не подписывался. Если же Вы сообщите мнѣ цѣну Этпка по каталогу, то онъ берется доставить Вамъ ее черезъ мѣсяцъ.

---

88 [1]).

3 апрѣля 1854. х. Мотроновка.

Не могу понять причины Вашего молчанія, мой дорогой Осипъ Максимовичъ! Я послалъ Вамъ посылку и письмо, а отъ Васъ ничего же. Я ожидаю съ нетерпѣніемъ,—тѣмъ болѣе, что послѣ праздника недѣли черезъ двѣ собираюсь удалиться въ степи. Я слышалъ, что Вы обѣщали черезъ Павлова Галагану быть у него лѣтомъ. Это даетъ намъ надежду видѣть Васъ у себя въ Зарогѣ, который находится только въ 15 верстахъ отъ Стороженка, у котораго Вы, безъ сомнѣнія, побываете. Пріѣзжайте поночисты хочъ галушокъ пидъ чистымъ небомъ, бо на хату ще може не зберемось до того часу. А писать до мене у степъ треба на имя моего прикащика, сице: Унтеръ-Офицеру Василію Марковичу Цибенку для передачи П. А. К. Въ Лубны, Полтавской губ., а оттуда въ хуторъ Зарогъ.

---

[1]) Письма подъ №№ 86 и 87, писанныя по малорусски, будутъ помѣщены въ концѣ статьи.—*Ред.*

О себѣ не скажу на этотъ разъ ничего новаго, кромѣ развѣ того, что Высоцкій, къ которому два письма Гоголя я подарилъ Вамъ, отыскался, наконецъ, и предлагаетъ къ моимъ услугамъ всѣ свои бумаги, только бы я пріѣхалъ къ нему и отыскалъ въ нихъ, что относится къ Гоголю. Онъ надѣется доставить мнѣ разные памятники ученическаго періода Гоголя и письма его изъ Италіи.

Кланяемся Вамъ обоимъ низенько и просимъ насъ не забывать.

Да! вотъ еще новость. Мать Гоголя жалѣетъ въ письмѣ къ Н. М., что не могла помочь ему въ составленіи его статьи, потому что «всѣ ея письма до сихъ поръ еще не возвращены ей» (Писано 30 генв. 1854). Есть надежда, что эти письма будутъ, наконецъ, въ нашихъ рукахъ.

Не осудите за небрежность моего письма. Я все работаю рубанками, такъ, право, перо какъ-то не повинуется.

Весь Вашъ П. К.

Что Москвитянинъ? все еще въ рукахъ безсмертнаго Кощея? Я думаю, Вы обратили вниманіе на обертку моей посылки?

89.

Іюля 2, 1854 г. с. Байвщина.

Ого, какой прорѣхъ въ нашей корреспонденціи! Но видно оно такъ и слѣдуетъ. Между малороссійскимъ панкомъ и профессоромъ университета какая можетъ быть переписка? А я въ послѣднее время погрузился по шею въ мелочь самой ничтожной панской жизни. Не буду вамъ описывать, въ чемъ она состояла; скажу только, что франтъ, окунутый въ помойную яму, вышелъ бы оттуда съ болѣе веселой физіономіей, нежели съ какой Вашъ покорнѣйшій слуга пишетъ къ Вамъ сіе посланіе. Меня мѣсяца два не было на свѣтѣ, былъ только человѣкъ, носившій мое имя. Но этому человѣку чужды были всѣ мои привычки и стремленія. Наконецъ, деревенскія мерзости мелкопомѣстнаго хозяйства въ глухой степи дошли до послѣдней крайности; я плюнулъ на все и обратился къ своимъ обычнымъ занятіямъ. Теперь ужъ ничто не вовлечетъ меня въ дрязги деревенщины; я откуплюсь отъ нихъ жалованьемъ прикащику и позволю ему украсть у меня даже платокъ изъ кармана—только такъ, чтобъ я этого не замѣтилъ. Самъ же обращу свои мысли на дѣло жизни, какъ говаривалъ землякъ нашъ Гоголь. Кстати о Гоголѣ. А—въ прислалъ мнѣ

драгоцѣнные матеріалы для втораго изданія «Опыта»; Высоцкій сообщилъ новыя свѣдѣнія о временахъ дѣтства своего знаменитаго товарища. Мать Гоголя сообщила мнѣ свои замѣтки о сынѣ; нѣкоторые, знавшіе Гоголя за границею, вызвались описать свои съ нимъ встрѣчи. Остается получить что-нибудь только отъ Васъ. Мнѣ извѣстно, что Вамъ посланъ экземпляръ «Опыта». Передайте его отъ меня Тихонравову, чтобъ я не показался ему неблагодарнымъ; а Вамъ я готовлю экземпляръ съ приписками, какъ было обѣщано. Передайте жъ немедленно. Я знаю, что Вы неохотно выпускаете попавшую Вамъ въ руки книгу; но прошу Васъ убѣдительно — отдайте свой экземпляръ Тихонравову. Не удивляйтесь, что Вамъ не прислано болѣе: одному Плетневу отдано 15 экз., а потомъ какъ обдѣлилъ Макаровъ Кочубеевъ и разныхъ другихъ особъ, то на мою долю досталось только 10 экз., которые отчасти уже и предназначены разнымъ лицамъ. Щепкину подарю экз. 2-го изданія, въ которое войдутъ его письма, т. е. письма къ нему Гоголя.

Увѣдомите меня, намѣрены-ли Вы быть въ Малороссіи и у Галагана и когда? Тамъ Васъ ожидаютъ. Недавно посѣтилъ меня Ригельманъ и, между прочимъ, сказалъ, что будто-бы Вы отказались отъ предложенія Галагана. Я просилъ его быть посредникомъ между Вами обоими и разрушить Ваши обоюдныя недоразумѣнія, въ которыхъ, какъ кажется, Вы находитесь.

Будетъ у Васъ нѣкто Симоновъ. Я просилъ его доставить мнѣ фаетонъ. Благоволите вручить ему ящики и баулы, а на случай Вашего отсутствія, распорядитесь, чтобъ онъ не встрѣтилъ отказа.

Съ Стороженкомъ я не видался и, вѣроятно, не увижусь до самаго выѣзда своего въ Москву, гдѣ намѣренъ провести зимою мѣсяца три одинъ; а пани моя останется у своей матери или съ сестрою въ нашемъ хуторѣ. Кланяемся Вамъ и Марѳѣ Никитичнѣ.

Вашъ П. К.

---

91 [1]).

Мотроновка. 1854, ноября 12.

Если не отправили Вы ко мнѣ полученныхъ изъ Лубенъ посылокъ, то прошу Васъ адресовать ихъ къ С. Т. Аксакову, къ которому я скоро надѣюсь выѣхать. Снѣгъ уже выпалъ на мерзлую землю,

[1]) Письмо подъ № 90 будетъ помѣщено въ концѣ статьи.—*Ред.*

но еще маленькій, а лишь только выпадетъ большой, тотчасъ мы въ сани да и въ дорогу!

Порядочно Вы подразнили меня, сказавши о корректурахъ, о спѣшной и большой работѣ, но не объявя, въ чемъ дѣло! Въ отмщеніе объявляю Вамъ, что когда отпечатанъ шкафъ Гоголя въ Москвѣ, въ немъ собраны были лоскутки изорванной рукописи. Эти лоскутки вложены были въ пакетецъ и надписаны рукою Шевырева: «Клочки чего-то изорваннаго». Во время пребыванія своего въ Васильевкѣ, онъ какъ то прозѣвалъ этотъ пакетецъ, и теперь онъ врученъ мнѣ сестрами поэта. Я соединяю клочки, и что же оказывается? Это отвѣтъ Бѣлинскому на его оскорбительное письмо. Цѣлыя фразы этого отвѣта вошли въ авторскую исповѣдь, но много въ немъ есть такого, что и не вошло туда, а это многое—прекрасно!

Получилъ я 40 новыхъ писемъ Гоголя отъ Плетнева и 28 отъ Александра Данилевскаго. Какія въ этихъ письмахъ есть вещи о Булгаринѣ и Кукольникѣ, такъ просто прелесть!

Отъ матери Гоголя я получилъ два превосходныхъ начала повѣстей изъ періода «Портрета» и «Невскаго Проспекта».—Что, Васъ разбираетъ? Но погодите, я Васъ еще не такъ пригеку.

Мать Гоголя сообщила мнѣ содержаніе и нѣкоторыя мѣста изъ комедій Василія Гоголя. Эпиграфъ Сорочинской ярмарки: «Ой лыхо, Романъ иде! теперь же винъ наробыть колоту»—произносится нѣкоею Параскою, у которой пируетъ дякъ Хома Григорьевичъ и называетъ ее сладкоустою Парасковіею Охримовной.

Г. И. Высоцкій сообщилъ мнѣ извѣстіе о большой сатирѣ Гоголя, написанной въ Нѣжинѣ: «Нѣчто о Нѣжинѣ или дуракамъ законъ не писанъ». Я, кажется, писалъ Вамъ о первыхъ стихахъ Гоголя:

„Се образъ жизни нечестивой
Пугалище монаховъ всѣхъ...

подписанныхъ имъ подъ сатирическимъ транспорантомъ собственнаго сочиненія и рисованья.

А что Вы скажете о 26 большихъ письмахъ, въ видѣ дневника, къ Гоголю писанныхъ одною весьма близкою и любимою имъ дамою, которой имени я не долженъ пускать въ оборотъ, изъ уваженія къ ея прекраснымъ способностямъ ума и сердца? Эти письма у меня.

У меня также кипа другихъ писемъ, не столь замѣчательныхъ, хотя между ними есть письма Жуковскаго, Бѣлинскаго, живописца Иванова и семейства Вельгорскихъ.

Журналъ надзирателей въ лицеѣ временъ Гоголя въ моемъ распоряженіи. А недавно мнѣ сообщили изъ Нѣжина отмѣтки Гоголевскихъ успѣховъ за 1828 годъ, въ которыхъ Бѣлевичъ аттестовалъ его такъ: «Непослушенъ, очень требуетъ исправленія, дерзокъ и грубъ».

Надѣюсь, что всего этого достаточно для раздраженія Вашего аппетита, не говоря о кой чемъ другомъ, какъ напримѣръ о новыхъ историческихъ думахъ, которыя я готовъ вручить первому вызывающемуся печатать. И въ томъ Вы не должны строго судить меня. Я Вамъ служилъ вѣрою и правдою по этой части, пока не явились люди, которые нашли средства обнародовать эти драгоцѣнные памятники нашей старины. А приступайте Вы къ печатанію Вашего сборника—я Вашъ покорнѣйшій слуга, и уже тогда никому не дамъ. Вѣдь я сперва давалъ Максимовичу—медлитъ и медлитъ; потомъ Срезневскому—медлитъ и грабитъ, потомъ Вамъ—выжидаете и выжидаете. Я вездѣ суюсь съ своими находками, я не жадничаю, не придерживаю у себя, у меня нѣтъ того, чѣмъ бы я не готовъ былъ снабдить каждаго, работающаго для общей пользы,—и потому не смотрите на меня, какъ на нѣкоего отступника. Я все тотъ же, что и въ 1846 году. И вчора Кулишъ и сиогодни Кулишъ.

92.

Думка-то, бачъ, була така, щобъ исты паску у Блатенеци, та ще не все зробывъ, що треба, то вже ничого на сало кванытысь, а треба дило кинчаты.

Книжокъ у мене до—господа: одного Москвытянына за 4 годы. Раздобрывсь, бачъ, Мыхалко Плетневъ прытьмомъ прохавъ, щобъ я переказавъ іому дещо, мусывъ я йхаты на те репъяхове, чы дивоцьке поле; а винъ и раздобрывсь. Тай не знаю теперъ, де диватысь изъ симъ добромъ. Колыбъ у сели, то греблю бъ загатывъ, а тутъ выкынь на юлыцю, то ще калавурный потягне патерыцею.

Спасыби жъ, що прислалы. Ще побачымось.

Панько Казюка.

Подумавши и поразмысливши, какова моя будетъ рецензія Лѣтописи Грабянки, я отложилъ свое намѣреніе. Трудно удержаться въ предѣлахъ умѣренности тона, непремѣнно прорвется гдѣ-нибудь гадкое движеніе—унизить себѣ подобнаго. Я же при томъ ничего не люблю дѣлать прихваткомъ и, пожалуй, преслѣдуя легкомысліе, самъ

представлю примѣръ легкомысленнаго увлеченія. Но положимъ, что я напишу свои нѣсколько строкъ, какъ знатокъ дѣла. Какой же изъ этого результатъ? Кіевская Коммиссія, право, не сдѣлается ни умнѣе, ни нравственнѣе; профаны отъ частности заключатъ къ цѣлому и заподозрятъ всѣ ея труды болѣе должнаго; а молодой авторъ предисловія къ Лѣтописи (онъ же и неисправный и даже несвѣдущій корректоръ оной) упадаетъ во мнѣніи своихъ начальныхъ людей, и первая оплошность будетъ, можетъ быть, стоить ему очень дорого. Богъ съ ними! спасибо, что хоть такъ издали. Мудрому не повредятъ ихъ ошибки и заблужденія, а дураковъ моя рецензія не сдѣлаетъ мудрыми. Я просилъ бы также и Васъ не писать ничего. Намъ надобно заниматься дѣлами посолиднѣе этого и не развлекаться мелочами. Вашъ П. К.

1855, марта 27.

93.

Байвщина, 1855, іюня 26.

Здравствуйте, Осипъ Максимовичъ! Надѣюсь, что Вы здравствуете. Я тоже здравствую, но моя пани, къ крайней моей горести, хвораетъ. Занятія мои очень обыкновенны и состоятъ преимущественно въ чтеніи, не говоря о садоводствѣ и т. п. Ни съ кѣмъ не вижусь, но ни мало не скучаю, и день всегда кажется мнѣ короткимъ. Ложусь спать съ нетерпѣливымъ ожиданіемъ утра. Но не объ этомъ *нужно* мнѣ писать къ Вамъ, а вотъ о чемъ. Просятъ у меня подаренной Вамъ рукописи о Воспитаніи, соч. Ѳеофана Прокоповича; а я отвѣчаю, что не могу располагать ею и не надѣюсь даже выпросить у Васъ обратно. На что получаю прилагаемые упреки отъ единственнаго человѣка, которому я говорю *ты*.

Если можете, уважьте его и мою просьбу и вышлите ему рукопись въ Черниговъ на имя смотрителя уѣзднаго училища Антона Даниловича Карвасовскаго, для передачи П. Е. Чуйкевичу.

Увѣдомьте о себѣ, какъ Вы поживаете и что подѣлываете и что у Васъ хорошаго слыхать о цензурѣ и о прочемъ. Я не читаю никакихъ газетъ и ничего не знаю, что дѣлается за предѣлами моего хутора.

Адресовать на мое имя въ Лубны, Полтавской губерніи.

Вашъ П. Кулѣшъ.

94.

Сентября 16. 1855. Хуторъ Байвщина.

Не знаю, какъ Вамъ живется, Осипъ Максимовичъ, а намъ wcale niezle! Не мѣшаетъ намъ увѣдомлять другъ друга немножко пообстоятельнѣе о себѣ, нежели какъ у насъ съ нѣкотораго времени завелось. Увѣдомляю Васъ, на всякій случай, что судьба послала мнѣ въ руки: 1, Новгородъ-Сѣверскую лѣтопись, подлинникъ компиляціи, какія дѣлали въ прошломъ столѣтіи многіе Малороссіяне. Въ концѣ тою же рукою переписана мистерія въ стихахъ, подъ заглавіемъ: «Воскресеніе Мертвыхъ, въ пользу чающимъ оного всѣмъ неотмѣнно будущое, но страждущимъ неповѣнно въ вѣцѣ семъ блаженно, а обидящимъ гибленно, въ пяти дѣйствіяхъ показанное учителемъ Академіи Кіевской Георгіемъ Конѣскимъ, *нынѣшнимъ* епископомъ могилевскимъ», да еще стихи на Мазепу, начинающіеся сице:

«Горе ти, горе, второму Каину!» да еще: «Нравоученіе умного отца къ сыну», начинающееся тако:

«Хотя я надѣюсь, что ти добрыхъ совѣтовъ и наставленія учителей своихъ не забилъ».

Не знаю, извѣстны-ли Вамъ сіи три послѣднія пьесы. Напишите.

2. Гисторію о Варлаамѣ и Іоасафѣ, начинающуюся страницею 5-ою, а оканчивающуюся тма.

3. Месію Голятовскаго, полный экземпляръ, только нѣтъ конца указателя.

Послѣдняя строчка на послѣднемъ листкѣ онаго: «Талмутъ блюзнѣрства и».

4. Дѣянія и посланія Апостоловъ, переписанныя въ 16 д. листа уставомъ съ узорами въ началахъ и заглавными буквами, разрисованными золотомъ, и съ изображеніемъ на византійскій манеръ апостола Луки. Письмо чрезвычайно искусное и тщательное, особенно золоченая вязь. Нельзя насмотрѣться досыта!

5. 1600 пѣсенъ, записанныхъ Нѣговскимъ въ Харьковской и Полтавской губерніяхъ. Сіе послѣднее сокровище навело меня на мысль: Когда же оный мужъ совѣта передастъ тисненію свои сборники? Пора, пора! Я слышу, что у инспектора нѣжинскаго лицея Морачевскаго есть большое собраніе пѣсенъ, и что черниговскій Бѣлозерскій мнитъ присоединить его къ своему сборнику, который сгараетъ нетерпѣніемъ напечатать во славу своего имени. А Вы когда? Напишите, не думаете ли Вы соперничать въ быстротѣ своихъ на-

мѣреній съ Максимовичемъ, который стяжалъ себѣ безсмертія мѣшкотностію. Однимъ словомъ, я хочу знать, что Вы думаете объ изданіи своихъ пѣсенъ, и есть-ли надежда читать ихъ въ печати на этомъ свѣтѣ, или ужъ прочитаемъ на томъ?

Хоть Вы и ближе меня къ Николаю М., но я прежде Васъ узналъ, что онъ приготовляетъ къ цензурѣ интересный сборникъ преданій, думъ, сказокъ, легендъ и критическихъ взглядовъ на многое въ малороссійской жизни по поводу объясненій нѣкоторыхъ изъ этихъ вещей. Если только цензура пропуститъ, то въ этой книгѣ нашлись бы и для Васъ интересныя страницы. Давно бы слѣдовало Николаю М. заняться подобнымъ изданіемъ, чтобы оживить и разшевелить изслѣдователей Малороссіи, но лучше поздно, нежели никогда. Если Богъ поможетъ, то за этимъ томомъ послѣдуютъ еще одиниадцать. Вы спросите съ недовѣрчивымъ изумленіемъ: откуда у него возьмется столько матеріаловъ? Но дѣло дѣйствительно на такомъ ходу. Надобно поднять на ноги все, что было писано о Малороссіи, и пустить въ ходъ все, что о ней не напечатано, разумѣется, если цензура не воспрепятствуетъ. Планъ у него обширенъ, и Вы пожалуйста не покивайте главою, что человѣкъ, не подождавши Васъ, затѣялъ великую затѣю, а радуйтесь, что хоть одинъ человѣкъ во всей Малороссіи чувствуетъ готовность трудиться съ энтузіазмомъ. Николай М. очень желаетъ снискать своему труду благосклонную улыбку московскаго земляка своего, и, если бъ только было можно, то все бы подвергъ предварительной его критикѣ. Но у Васъ свои хлопоты, а время бѣжитъ. Ars longa, vita brevis. Надобно хоть что-нибудь успѣть сдѣлать, пока есть охота трудиться. Когда она пройдетъ, тогда ее не вдохнете и Вы никакими планами и предпріятіями. Итакъ склонитесь на сторону дѣла, хотя бы и несовершеннаго, а не неопредѣленнаго выжиданія, которое ужъ надоѣло Николаю М. до омерзѣнія.

Я скоро переѣду въ Кіевъ для своихъ литературныхъ студій и вѣроятно проведу тамъ, съ перерывами, всю зиму. Теперь для меня ни Москва, ни Петербургъ не годятся, и, кажется, не скоро я пожелаю въ нихъ заглянуть. Весною хочется начать основательное путешествіе для всевозможнаго изученія Малороссіи. Это наше дѣло, и стыдно намъ его не исполнить. Аминь.

Жинка Вамъ и М. Ник. кланяется вмѣстѣ со мною. Вашъ П. К.

Адресъ: Ивану Дан. Юскевичу-Красковскому, для передачи П. А. К. Въ Кіевъ, въ собственный домъ, близъ Софійскаго собора.

95.

Охъ, Осипъ Максимовичъ! почтеннѣйшій и любезнѣйшій Осипъ Максимовичъ! гдѣ тутъ везетъ!? *Я* долженъ везти, а не мнѣ везетъ. Мнѣ ужъ никогда, можетъ быть, везти не будетъ, какъ человѣку выскочившему изъ рельсовъ; а я все-таки буду самимъ собою—вотъ Вамъ и все тутъ.

Живу, пишу не для похвалъ..... т. е. не для печати, а потому что хочется жить и писать. Я попалъ въ Средніе Вѣка, когда еще не было изобрѣтено книгопечатаніе, и тружусь надъ своими рукописями, какъ трудились алхимики. Можетъ быть, и мои труды, подобно ихъ, не достигнутъ своей цѣли, но какъ алхимія пригодилась для химіи, такъ и мои рукописи къ чему-нибудь да пригодятся же. «Посли насъ не буде насъ, будутъ люди, да не мы!» вотъ почему должно трудиться.

Посылаю Вамъ ключикъ отъ моего портфеля. Поищите въ немъ моего аттестата и, буде онъ тамъ, вышлите по прежнему адресу; ключикъ же заверните въ пакетецъ и надпишите, що се не кавунъ, а свыня.

Да еще вышлите собственно для меня ненужную Вамъ ни на что подаренную мною вамъ рукопись, сочиненіе Ѳеофана, руки нѣкоего Юзефовича. Теперь ужъ она *мнѣ* пригодится, а черезъ меня и другимъ, такъ нехай зъ воза не падае.

Напишу когда-нибудь Вамъ о здѣшнихъ ученыхъ людяхъ и ихъ занятіяхъ, а также и о тѣхъ, которые, не называясь учеными, грѣются у чужого огонька. Теперь же я еще не оглядѣлся вокругъ себя и очень озабоченъ всякою всячиною. Обнимаю Васъ. Вашъ П. К.

1855, окт. 26, Кіевъ.

96.

Кіевъ. 1855, ноября 25.

Почтеннѣйшій Осипъ Максимовичъ!

Въ отношеніяхъ нашихъ давно ужъ чувствуется что-то не прежнее, и, наконецъ, это *что-то* высказалось слишкомъ рѣзко въ письмѣ Вашемъ отъ 11 ноября. Когда я прочиталъ его, мнѣ въ первыя минуты казалось, что я долженъ прекратить съ Вами навсегда переписку, но людямъ, сколько-нибудь другъ друга уважающимъ, не слѣ-

дуетъ затаивать оскорбленіе. Вы говорите, что я Васъ какъ то *задираю*. Клянусь Богомъ, у меня не было этого намѣренія. Можетъ быть, слова мои показались Вамъ задирательными оттого, что Вы предполагали во мнѣ нѣчто, мнѣ несвойственное. Вѣдь это бываетъ иногда съ самыми добрыми и умными людьми. Я не помню своего письма, но знаю, въ какомъ настроеніи чувствъ писалъ его къ Вамъ. Я обращался къ Вамъ, распахнувши душу настежъ. Неужели Вы думаете, что много есть на свѣтѣ людей, съ которыми бы я сталъ говорить подобнымъ образомъ? А Вы, вмѣсто того, чтобы видѣть въ этомъ доказательство моей любви къ Вамъ, осыпали меня самыми грубыми насмѣшками. Если бы мои безкорыстныя побужденія и показались Вамъ смѣшными, то изъ уваженія къ моей довѣренности, Вы не должны были такъ грубо надо мною смѣяться. Видно, что Вы находились подъ вліяніемъ какого-то недостойнаго Васъ чувства, которое помѣшало Вамъ сочувствовать моему письму. Какъ бы то ни было, но Вашъ слишкомъ ужъ надменный юморъ оскорбилъ меня до глубины души. Если Вы этого желали, то радуйтесь, если же Вы не знали, какъ я почувствую Ваше письмо, то знайте: можетъ быть Вы примете это къ свѣдѣнію и будете впередъ внимательнѣе къ двигателямъ пера Вашего, сирѣчь къ Вашимъ чувствамъ, которыя не рѣдко играютъ съ нами роль чертей. Намъ изъ-за какихъ-нибудь недоразумѣній или недостатковъ (Вы ли, или я ихъ больше имѣю,—все равно) расходиться не слѣдуетъ. Вы дѣлали и дѣлаете свое дѣло, а я свое—каждый въ свою моготу, и не намъ рѣшать, кто изъ насъ больше сдѣлалъ. Каждый знаетъ себѣ и другимъ цѣну, но странно это высказывать. Вы для меня во первыхъ Осипъ Максимовичъ, во вторыхъ—Бодянскій: видя Ваши чисто человѣческія достоинства (не слѣпой же я, слава Богу!) и Ваши заслуги литературныя или ученыя, я никогда не примѣриваю ни тѣхъ, ни сихъ къ своимъ собственнымъ, даже и для того, чтобы опредѣлить Васъ: я знаю Вамъ цѣну независимо отъ собственнаго существованія и отъ собственнаго участія въ дѣлахъ человѣческихъ. Откуда же у Васъ явились такія фразы, какъ: «И мы когда-то ѣзжали не хуже другихъ»! Плохо, Осипъ Максимовичъ, плохо,—сознайтесь хоть передъ самимъ собою. Но во всякомъ случаѣ прошу вѣрить, что я остаюсь къ Вамъ съ готовностью служить Вамъ, если только Вамъ понадобятся мои услуги, и ни въ какомъ случаѣ не поступлю такъ, какъ Вы этотъ разъ поступили со мною. Я подарилъ Вамъ нѣсколько вещей, имѣющихъ въ Вашихъ глазахъ болѣе или менѣе цѣны, одна изъ нихъ мнѣ понадобилась, и Вы имѣете без-

стыдство отвѣчать мнѣ: «что съ возу упало—пропало». Покажите эти мои строки кому угодно изъ общихъ нашихъ пріятелей и попросите, чтобы они сказали искренно: имѣю ли я право называть Вашъ отвѣтъ безстыднымъ? Оно, конечно, извинительно, какъ антикварское чудачество; оно составляетъ забавный анекдотъ, и я первый готовъ имъ восхищаться въ этомъ смыслѣ; но уважать Вашего поступка не могу, при всемъ моемъ уваженіи къ другимъ Вашимъ поступкамъ въ отношеніи ко мнѣ и къ другимъ людямъ. Напрасно Вы безпокоились возвращать мнѣ ключикъ: я для того и просилъ Васъ оставить его у себя, чтобъ не доводить Васъ до хлопотъ, связанныхъ съ пересылкою по почтѣ.

Я остаюсь въ Кіевѣ на всю зиму съ женою, которая Вамъ кланяется. Адресъ на мое имя, у Золотыхъ Воротъ, въ домѣ Мартынова.

Хотѣлось бы мнѣ потолковать съ Вами о моемъ собраніи пѣсенъ и о томъ, что я съ ними хочу дѣлать, да послѣ Вашихъ писемъ и послѣ непріятныхъ, грустныхъ для меня объясненій съ Вами по поводу ихъ, какъ-то и не хочется. Дѣло въ томъ, что многіе собиратели пѣсенъ по Харьковской, Черниговской, Полтавской и Кіевской губерніямъ ввѣрили мнѣ свои сборники, и я имѣю намѣреніе (не говоря о разныхъ разностяхъ при этомъ) напечатать огромный сборникъ съ надписью: *собранныя такимъ-то, такимъ-то, такимъ-то* и т. д., чтобы всякому воздано было должное въ семъ достохвальномъ дѣлѣ, т. е. въ дѣлѣ собиранія. На Вашъ сборникъ я не имѣю и надежды, чтобы Вы ввѣрили его мнѣ, но если-бы между нами существовало доброе согласіе и еслибъ Вы не пугали меня Вашимъ правиломъ: *Что съ возу упало—пропало*, я бы отдалъ Вамъ свой трудъ (въ чемъ тутъ трудъ—долго и, можетъ, быть, напрасно говорить), я бы согласился помѣстить свое имя только въ числѣ собирателей и закончить ихъ списокъ словами: *и изданныя О. Бодянскимъ*. Но Вы не дадите мнѣ и понюхать своего сборника, а смыслъ моего изданія таковъ, что я, именно я, долженъ имѣть сперва въ рукахъ все, что напечатается, привести пѣсни въ извѣстный видъ (объ этомъ не распространяюсь), и потомъ печатай и пишись издателемъ, кто угодно. Я сдѣлаю болѣе: добуду денегъ на изданіе и вышлю ихъ Вамъ, не требуя никакого обязательства. Знаю, что Вы способны усумниться въ томъ, чтобы ввѣрить мнѣ Ваше собраніе, и очень жалѣю; но то, что я обѣщаю—могу исполнить и исполню. Поступайте, какъ хотите, а я во всякомъ случаѣ буду дѣлать свое дѣло, какъ хватитъ моихъ силъ и какъ поможетъ мнѣ Богъ. П. Кулишъ.

100 [1]).

Уже не въ первый разъ письмо мое принимается Вами съ такимъ чувствомъ, которое, по моему, не должно бы имѣть въ Васъ мѣста. Во первыхъ, Вы какъ будто не вѣрите, что именно такъ написано ко мнѣ по вопросу о Вашемъ изданіи, какъ я написалъ Вамъ Во вторыхъ, Вы какъ будто обидѣлись заочнымъ выраженіемъ о Васъ Галагана и перенесли часть его вины на меня. Посылаю Вамъ вырѣзку изъ письма Галагана, въ которомъ о Васъ не сказано больше ни слова. Если Галаганъ называетъ Васъ *крутенькимъ* по панскому лукавству, а не по дѣйствительности, то чѣмъ же я виноватъ, передавши точныя слова его безъ всякаго намѣренія Васъ обидѣть? Но Вы изъ-за своего неудовольствія отказываетесь издать книгу, нужную для многихъ. Вы имѣете полное право не искать денегъ, но когда для Вашего изданія ищутъ другіе, то Вы не вправѣ не соглашаться на то ни на какихъ условіяхъ. Я не о Васъ тутъ хлопочу, я хлопочу о дѣлѣ, интересующемъ многихъ, кому вовсе неизвѣстно, что дѣло отъ Васъ зависитъ. Слѣдовательно, если я успѣю добыть денегъ (а добыть я могъ-бы, можетъ быть, не отъ одного Галагана), то Вы тутъ ни сколько не будете мнѣ обязаны. Я дѣлаю дѣло *свое*, а не Ваше. *Мнѣ* собственно Вы имѣете право сказать: «Оставьте меня въ покоѣ! знайте себя—свои книги!», но Вы не имѣете права сказать этого публикѣ, которая раздѣляетъ со мной интересъ. А Вы всѣмъ говорите: «Оставьте меня въ покоѣ!», отказываясь входить со мной въ какія бы то ни было объясненія. Неужели Вы не считаете меня способнымъ чувствовать такъ же, какъ и Вы, обиду? а согласитесь, что отвѣтъ Вашъ оскорбителенъ. Я и чувствую, но это оскорбляетъ меня Бодянскій, а предметъ мой остается все тотъ же, и я черезъ личное неудовольствіе никакъ не охладѣю къ нему. Поэтому я преодолѣваю свое нежеланіе писать къ человѣку, не отдающему мнѣ справедливости, и пишу къ Вамъ уже не какъ къ Осипу Максимовичу, а какъ къ владѣльцу невыпущенной въ свѣтъ книги, и прошу Васъ объявить мнѣ не какъ Кулишу, а какъ человѣку, интересующемуся Вашимъ изданіемъ и предлагающему свои услуги,—условія, на которыхъ Вы согласны взять деньги на уплату типографіи ея издержекъ. Вы предпочли сноситься съ Кіевомъ черезъ Сердюкова, и вотъ посмотрите, какъ удаченъ Вашъ выборъ. Прилагаю двѣ вырѣзки изъ письма корреспондента Сердюкова. Я потому до сихъ поръ не брался за дѣло по Вашимъ изданіямъ, что не пришла пора, что не устано-

[1]) Письма подъ №№ 97—99 будутъ помѣщены въ концѣ статьи.—*Ред.*

вились у меня такія отношенія съ людьми, чтобы я могъ прямо говорить: *Дайте! вамъ стыдно не дать!* Повторяю, что, и кромѣ Галагана и Тарновскаго, есть у меня люди, готовые на доброе дѣло. Поступайте, какъ Вамъ угодно, но я счелъ нужнымъ представить Вамъ все, какъ оно есть и какъ я понимаю.

Преданный Вамъ землякъ П. Кулишъ.

1857, февр. 25. С.-Петербургъ.

Выръвки изъ писемъ 1) *Галагана*: «Може чи не сберусь и самъ. Бодянскому я напишу, тильки винъ, знаете трошки крутенькій, то Богъ знае, чи погодиться на яке небудь діло».

2) Корреспондента *Сердюкова*: « . . . . Недавно я получилъ изъ Москвы отъ Сердюкова, близкаго знакомаго Бодянскаго, письмо, въ к. онъ проситъ меня предложить Тарновскому или Судіенку издавать рукописи, принадлежащія Бодянскому, на условіяхъ для нихъ выгодныхъ; съ первымъ я не имѣю удовольствія быть знакомымъ, а второму говорилъ, но онъ промолчалъ; говоритъ, что самъ на слѣдующій годъ собирается въ Москву».

(На послѣдней страницѣ письма сбоку приписано): Ошибаешься ты, серденько, на счетъ изданія Гоголя. Обожди конца.

---

105 [1]).

Проѣзжая черезъ Москву съ юга на сѣверъ, хотѣлъ я видѣть почтеннѣйшаго земляка Осипа Максимовича, но на двукратное мое звоненіе не послѣдовало никакого отвѣта. Вчера я зашелъ въ Вамъ вмѣстѣ съ Александрой Михайловной,—та же исторія! Тутъ какой-то сѣрый человѣчекъ, видя, что мы удаляемся, дверемъ затвореннымъ выразился о Вашемъ обычаѣ такъ: «Баринъ капризный: иногда и вовсе будетъ дома, а скажетъ нѣту». Не зная, до какой степени вѣрно сіе народное преданіе и до какой степени Вы утонули въ Вашихъ занятіяхъ, я прибѣгаю къ послѣднему средству дать Вамъ знать о своемъ желаніи видѣть Васъ. Если Вамъ это угодно, благоволите увѣдомить меня по городской почтѣ. Я живу на Никитской, на углу Кисловскаго переулка, въ домѣ Зотова. Мы пробудемъ въ Москвѣ не меньше мѣсяца для нѣкоторыхъ книжныхъ дѣлъ.

Преданный Вамъ душою П. Кулишъ.

1859, окт. 12.

---

[1]) Письма подъ №№ 101—104 будутъ помѣщены въ концѣ статьи.—*Ред.*

107 [1]).

Посылаю Вамъ, почтеннѣйшій Осипъ Максимовичъ, новое издѣліе моей типографіи и старое—моего суетнаго воображенія. Хотя сему издѣлію и жутко будетъ стоять у Васъ на полкѣ въ сообществѣ книгъ основательныхъ, но за грѣхи свои пускай его страдаетъ молча.

Освѣдомляется у меня нѣкій философствующій мужъ: имѣетъ-ли уже кого-нибудь въ виду Московскій университетъ на каѳедру философіи? Сдѣлайте одолженіе, удѣлите минутъ пять Вашего драгоцѣннаго времени для отвѣта на сей мой вопросъ, адресуя въ мою типографію, на Обуховскій проспектъ. У насъ въ Петербургѣ хорошаго ничего не слышно, а дурнымъ непріятно съ кѣмъ бы то ни было дѣлиться, тѣмъ паче съ Вами. Подписка на журналы идетъ тихо, въ томъ числѣ и на *Основу*, которой 1-я книжка уже набирается. Я вздумалъ попробовать писать по украински нашу исторію. Очень мудреное дѣло, но мнѣ хочется сдѣлать все для меня возможное, чтобы хоть попытка къ этому была заявлена судьямъ нашей народности. Для народа я ужъ написалъ книжку о временахъ Хмельницкаго и хлопочу только въ цензурѣ; но заговорить по украински съ людьми учеными дѣло совсѣмъ иное! Впрочемъ утікъ не втікъ, а побігти можно.

Что Ваши Чтенія? щадитъ ли ихъ цензура? Да позвольте еще спросить: къ кому изъ собесѣдниковъ обратиться за полученіемъ одной итальянской рукописи, которую я когда-то имѣлъ глупость послать Константину Аксакову (посольство къ Ивану IV)?

Будьте здоровы и не забывайте преданнаго Вамъ земляка

П. Кулиша.

1860, дек. 5 С.-Петербургъ.

108.

Можетъ быть Вамъ и неизвѣстно еще, что Константинъ Аксаковъ умеръ. Ольга Семеновна писала сюда къ своимъ роднымъ. Такъ славянофилы падаютъ одинъ за другимъ не только морально, но и физически. Жаль бѣднаго Консты: онъ былъ одинъ изъ благороднѣйшихъ людей, какихъ только мнѣ случалось встрѣчать, но въ немъ многое было неестественнаго, какъ и самая привязанность къ отцу, которая свела его въ могилу. Кто-то напишетъ о немъ въ журналѣ или газетѣ! Вотъ бы Вамъ написать, если бъ Вы были свободнѣе. Вы коротко

[1]) Письмо подъ № 106 будетъ напечатано въ концѣ статьи.—*Ред.*

знали его. А то, чего добраго, еще и тутъ не отдадутъ ему должной справедливости, займутся только его ошибками и увлеченіями.

Отъ всей души благодарю Васъ за 3-й томъ безцѣнныхъ Вашихъ *Чтеній* и съ нетерпѣніемъ жду выхода 4-го. Вы строите себѣ несокрушимый временемъ памятникъ. Хоть бы и не хотѣло потомство, то проторитъ къ нему дорогу, потому что безъ *Чтеній* шагу нельзя будетъ сдѣлать въ исторіи.

Въ бумагахъ Гоголя случайно отыскалъ я слѣды существованія драмы его изъ украинской исторіи. Неважные впрочемъ наброски. Но мы ихъ печатаемъ въ *Основѣ*, которая, по цензурнымъ причинамъ, никакъ не можетъ выдти къ 1-му числу. Вы будете получать книжку за книжкою тѣмъ же путемъ, что и мои повѣсти получили. Особеннаго нетерпѣнія у Васъ, я думаю, нѣтъ читать Основу; то два—три дня лишнихъ для Васъ ничего не будутъ значить, а пожалуй этакъ иногда и скорѣй получите, чѣмъ черезъ почтамтъ, потому что изъ типографіи немедленно передается книжка книгопродавцу.

Всею душою преданный Вамъ П. Кулишъ.

1860, дек. 22 С.-Пб.

109.

Основа снуется Богъ знаетъ какъ, чему я не причастенъ, удалихся бо и умыхъ руцѣ мои отъ всѣхъ распоряженій и даже совѣтовъ, зане редакторъ возмнилъ себя быти мудрѣйша паче всѣхъ земнородныхъ. Записку Вашу передамъ въ редакцію, но не ручаюсь ни за что въ этомъ хаосѣ. Вскорѣ предстану предъ Васъ лично, летючи въ вырей, и тогда повѣмъ Вамъ вся чудеса Основская.

За гостинцы отъ всей души благодарю П. Кулишъ.

1861, апр. 24 С.-Петербургъ.

---

111 [1]).

Пишу къ Вамъ, почтеннѣйшій Осипъ Максимовичъ, вотъ по какому случаю.

А. Н. Драшусовъ къ моему поклону, по добродушію своему, прибавилъ нѣсколько словъ о *Чтеніяхъ* не въ томъ смыслѣ, въ какомъ упоминалъ я о нихъ. Я просто выражалъ сожалѣніе, что въ Варшавѣ не имѣю подъ рукой *Чтеній* Вашихъ, а онъ сдѣлалъ изъ этого

[1]) Письмо подъ № 110 будетъ помѣщено въ концѣ статьи.—*Ред.*

просьбу, на которую я не рѣшился бы и въ величайшей крайности, видя, что Вы взираете на меня почему-то неблагосклонно. Такъ какъ Вы, въ письмѣ къ Драшусову, совѣтуете мнѣ поразмыслить о нашихъ отношеніяхъ въ послѣдніе пять лѣтъ, то я даю себѣ право сообщить Вамъ результатъ моихъ размышленій. До половины этого печальнаго періода Вы удостоивали меня присылкою *Чтеній*. Къ сожалѣнію, я не могъ отвѣчать Вамъ ничѣмъ подобнымъ, будучи занятъ литературными бездѣлушками. Предполагая весною 1862 года ѣхать черезъ Москву, я послалъ Вамъ книжечку своихъ стиховъ и выразилъ надежду бесѣдовать съ Вами лично. Но случилось, что два раза я не засталъ Васъ дома, а когда толкнулся въ канцелярію унив. типографіи, то меня не только къ Вамъ не допустили, но даже не осмѣлились доложить Вамъ во время Вашего разговора съ кѣмъ-то въ директорской комнатѣ. Признаюсь откровенно, что это меня раздосадовало, а какъ часы моего пребыванія въ Москвѣ были сочтены, то я и уѣхалъ, не видавшись съ Вами. Потомъ я сидѣлъ въ захолустьѣ и не писалъ къ Вамъ потому, чтобъ Вы не объяснили этого желаніемъ получить gratis *Чтенія*. Да и грустно было, по правдѣ сказать; все опошлилось вокругъ меня, все показало мнѣ свою изнанку; я вообще сократилъ свою корреспонденцію до самыхъ прозаическихъ нуждъ. Отношенія мои къ Вамъ могли показаться Вамъ странными потому, что разныя непріятности, имъ же нѣсть числа, довели меня до молчаливой хандры, отъ которой насилу излечился я хуторскимъ зодчествомъ, огородничествомъ и садоводствомъ. Но не буду утомлять Васъ дальнѣйшимъ о себѣ повѣствованіемъ. Прошу передать Марѳѣ Никитишнѣ поклонъ отъ меня и отъ Александры Михайловны, которая и Вамъ усердно кланяется. П. Кулишъ.

1865 года, 1 февраля Варшава.

---

113 [1]).

Дорогая Марфа Никитишна!

Берегите себя, моя добрая. Мы съ большой грустью узнали о Вашей и нашей потерѣ. Такъ живы въ памяти тѣ пріятные вечера, которые мы, бывши въ Москвѣ у Васъ, проводили. Напишите, что съ Вами? Гдѣ думаете жить! Опишите все, что можете и не забывайте друзей Вашихъ, искренно уважавшихъ покойнаго Вашего мужа.

[1]) Письмо подъ № 112 будетъ помѣщено въ концѣ статьи.—*Ред.*

Искренно всегда преданная Вамъ, цѣлую Васъ крѣпко Александра Кулишъ.

Искренно уважаемая
Марѳа Никитична!

Въ великой утратѣ Вашей пускай утѣшитъ Васъ мысль, что Вы свою жизнь посвятили для спокойствія такого благороднаго подвижника науки. Покуда люди будутъ изучать русскую исторію, все будутъ вспоминать Бодянскаго, который такъ великодушно служилъ ей, а вмѣстѣ съ Бодянскимъ будутъ вспоминать и Васъ, потому что безъ Вашей къ нему любви и дружбы не могъ бы онъ совершить своего славнаго подвига, и давно бы прервалась его жизнь. Онъ служитъ всѣмъ намъ образцомъ безкорыстнаго трудолюбія на пользу общую, а Вы, достойнѣйшая Марѳа Никитична, должны служить образцомъ всѣмъ женщинамъ, которымъ судьба указала сопутствовать великимъ трудолюбцамъ и великимъ характерамъ.

Прошу вѣрить моему душевному къ Вамъ уваженію и преданности П. Кулишъ.

1877, сентября 17, хуторъ Мотроновка подъ Борзною.

P. S. Прошу Васъ, напишите о себѣ, не оставьте насъ въ безызвѣстности. Съ нетерпѣніемъ жду Вашего письма. А мы лѣтомъ все выглядывали и распрашивали, не пріѣхали ли Вы въ Прилуку къ Вашимъ роднымъ. Смотримъ на Ваши портреты, и такъ грустно дѣлается. Помню, какъ онъ заботился обо мнѣ, какъ я была больна, и Вы съ нимъ такое участіе выказывали.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

Кн. Николай Григорьевичъ Репнинъ.

Къ портрету князя Николая Григорьевича Репнина.

Прошло уже болѣе пятидесяти лѣтъ со дня смерти князя Николая Григорьевича Репнина, этого безкорыстнаго благороднаго государственнаго дѣятеля, не щадившаго ни силъ, ни способностей, ни даже личныхъ матеріальныхъ средствъ для общественной пользы, а между тѣмъ полезная служебная дѣятельность его не получила еще надлежащей оцѣнки. Мало того, появляющіяся иногда въ печати данныя для его жизнеописанія бываютъ большею частью ошибочны и, кромѣ того, иногда представляютъ въ совершенно превратномъ свѣтѣ нѣкоторые факты изъ его жизни и дѣятельности.

Такъ какъ въ исторіи малороссійскихъ козаковъ князь Николай Григорьевичъ Репнинъ занималъ видное мѣсто, то мы полагали умѣстнымъ приложить къ нашей статьѣ его портретъ и помѣстить хотя краткія біографическія свѣдѣнія о немъ, заимствованныя изъ фамильныхъ документовъ князей Репниныхъ, за пользованіе которыми, а равно за любезное разрѣшеніе сдѣлать фототипическій снимокъ съ портрета мы приносимъ нашу глубокую признательность его внуку, г. кіевскому губернскому предводителю дворянства гофмейстеру князю Николаю Васильевичу Репнину.

Князь Николай Григорьевичъ родился въ 1778 году. Родители его были генералъ-адъютантъ князь Григорій Семеновичъ и статсъ-дама княгиня Александра Николаевна Волконская. Мать его была урожденная княжна Репнина, дочь одного изъ замѣчательнѣйшихъ государственныхъ людей времени императрицы Екатерины II, генералъ-фельдмаршала князя Николая Васильевича Репнина.

Князь Николай Васильевичъ Репнинъ былъ посломъ въ Варшавѣ, участвовалъ въ войнѣ съ турками 1773—1774 гг., за-

ключалъ въ 1774 г. кучукъ-кайнарджійскій миръ, въ 1778 г. былъ посломъ на тешенскомъ конгрессѣ, предводительствовалъ русскими войсками во время второй турецкой войны и въ 1791 г. одержалъ блестящую побѣду надъ турками подъ Мачиномъ, за что и былъ награжденъ орденомъ Георгія 1-ой степени; въ концѣ царствованія императрицы Екатерины II былъ генералъ-губернаторомъ виленскимъ, гродненскимъ, эстляндскимъ и лифляндскимъ, а при императорѣ Павлѣ I получилъ званіе генералъ-фельдмаршала и былъ посломъ въ Берлинѣ; въ 1798 г. вышелъ въ отставку и 12 мая 1801 г. скончался въ Москвѣ 67 лѣтъ отъ роду. Отъ брака съ княжной Натальей Александровной Куракиной онъ имѣлъ только трехъ дочерей, изъ которыхъ старшая и была княгиня Александра Николаевна Волконская, а такъ какъ другія линіи рода князей Репниныхъ были безпотомныя и со смертью князя Николая Васильевича родъ пресѣкся, то императоръ Александръ I указомъ отъ 12 іюня 1801 г. повелѣлъ второму сыну князя Григорія Семеновича и княгини Александры Николаевны Волконскихъ, князю Николаю Григорьевичу, именоваться княземъ Репнинымъ, взамѣнъ прежней своей фамиліи, во вниманіе къ государственнымъ заслугамъ дѣда.

Приведемъ самый указъ:

„Въ ознаменованіе отличнаго нашего уваженія къ воинскимъ и гражданскимъ подвигамъ покойнаго генералъ-фельдмаршала князя Репнина, въ память добродѣтели его и любви къ отечеству, коими въ мирѣ и на войнѣ, и на службѣ, и въ уединеніи, до самаго конца жизни своей, былъ онъ преисполненъ, и въ свидѣтельство, что истинныя заслуги никогда не умираютъ, но, живя въ признательности всеобщей, переходятъ изъ рода въ родъ, согласно желанію его, ближнимъ его родственникамъ и намъ самимъ извѣстному, соизволяемъ, чтобы родной его внукъ, отъ дочери его рожденный, полковникъ князь Николай Волконскій принялъ фамилію его и отнынѣ потомственно именовался княземъ Репнинымъ. Да родъ князей Репниныхъ, столь славно отечеству послужившихъ, съ кончиною послѣдняго въ ономъ не угаснетъ, но, обновясь, пребудетъ съ именемъ и примѣромъ его въ незабвенной памяти россійскаго дворянства“.

О мѣсторожденіи и первоначальномъ воспитаніи князя Николая Григорьевича мы не нашли никакихъ свѣдѣній. Мать его владѣла имѣніями въ московской, ярославской, нижегородской, саратовской и костромской губерніяхъ, всего въ количествѣ 2956 душъ, и домомъ въ Петербургѣ; отъ отца онъ получилъ имѣнія въ московской и нижегородской, въ количествѣ 1682 душъ. Что касается образованія, то въ формулярномъ спискѣ его сохранилась слѣдующая запись: „грамотѣ по россійски, по нѣмецки и по французски читать и писать и математики знаетъ.“

Князь Николай Григорьевичъ поступилъ на службу, будучи 14 лѣтъ отъ роду, 9 октября 1792 года, прапорщикомъ въ лейбъ-гвардіи измайловскій полкъ. Дальнѣйшую службу онъ проходилъ въ слѣдующемъ порядкѣ:

1 Января 1796 г. онъ произведенъ въ подпоручики, 12 декабря 1796 г. въ поручики, 14 апрѣля 1797 г. переведенъ въ лейбъ-гвардіи гусарскій полкъ, 29 сентября 1797 г. назначенъ флигель-адъютантомъ, 25 сентября 1798 г. произведенъ въ штабсъ-ротмистры, 20 сентября 1799 г. въ ротмистры, 27 сентября 1800 г. въ полковники, 26 января 1802 г. ему повелѣно состоять по арміи, 17 сентября 1802 г. онъ былъ зачисленъ въ кавалергардскій полкъ, 11 сентября 1806 г. уволенъ отъ службы по болѣзни отъ ранъ генералъ-маіоромъ, въ декабрѣ 1806 г. нижегородскимъ дворянствомъ избранъ въ уѣздные командиры земскаго войска и въ кандидаты на должность губернскаго начальника, 11 ноября 1808 г. вновь принятъ на службу и ему повелѣно состоять по арміи, 7 января 1809 г. назначенъ чрезвычайнымъ посланникомъ и полномочнымъ министромъ при вестфальскомъ королевскомъ дворѣ, въ 1810 г. перемѣщенъ на такую-же должность при испанскомъ дворѣ, 15 марта 1812 г. назначенъ командиромъ 9-й кавалерійской дивизіи, 8 марта 1813 г. назначенъ генералъ-адъютантомъ, 8 октября 1813 г. назначенъ генералъ-губернаторомъ королевства Саксоніи, въ каковой должности пробылъ до конца 1814 г., 5 марта 1814 г. произведенъ въ генералъ-лейтенанты, 22 іюля 1816 г. назначенъ малороссійскимъ военнымъ губернаторомъ и управляющимъ гражданской частью, въ каковой

должности состоялъ по 1 января 1835 г., 25 іюня 1828 г. произведенъ въ генералы-отъ-кавалеріи, 1 января 1835 г. назначенъ членомъ государственнаго совѣта, 16 іюня 1836 г. уволенъ отъ службы въ отставку.

Изъ орденовъ князь Николай Григорьевичъ имѣлъ всѣ русскіе до св. Александра Невскаго включительно, въ томъ числѣ св. Георгія 4-ой и 3-ей степени и много иностранныхъ.

Боевая дѣятельность князя Николая Григорьевича выразилась въ слѣдующемъ:

Въ 1795—96 г. г. онъ числился въ составѣ арміи, расположенной въ Польшѣ; 6-го іюня 1799 г. былъ переведенъ въ корпусъ, находившійся подъ командой генерала Германна. Этотъ корпусъ былъ посаженъ на суда, входившія въ составъ эскадры адмирала Ханыкова, въ томъ числѣ на корабль „Михаилъ“, а потомъ на англійскій корабль „Омгейстенъ“, для высадки на берегахъ Голландіи, каковая и произошла 30 августа 1799 г., а затѣмъ былъ цѣлый рядъ авангардныхъ дѣлъ, закончившихся 8 сентября генеральнымъ сраженіемъ при д. Бергонѣ въ алькмаарскомъ округѣ сѣверной Голландіи между русско-англійскими и французско-голландскими войсками, при чемъ первыя одержали блестящую побѣду. Послѣ этой побѣды русскій десантъ былъ посаженъ на англійскомъ кораблѣ „Сенсибль“ для крейсированія вдоль французскихъ береговъ и около о. Жерзее до 30 августа 1800 г. Въ 1805 г. князь Николай Григорьевичъ участвовалъ въ походѣ въ австрійскія владѣнія и въ сраженіи подъ Аустерлицемъ 2 декабря 1805 г. былъ раненъ. Въ 1812 г. князь Репнинъ состоялъ въ корпусѣ подъ начальствомъ графа Витгенштейна и участвовалъ въ сраженіяхъ подъ Клястицами 20 іюля, подъ Свольнымъ 30 іюля подъ Полоцкомъ 5 и 6 августа, при взятіи Полоцка 6 и 7 октября, подъ Чашниками 20 октября въ 1813 г., при преслѣдованіи французовъ за-границу, до Данцига, командуя авангардомъ арміи Витгенштейна, онъ переправился чрезъ р. Одеръ у крѣпости Кюстринъ и занялъ Берлинъ, вытѣснивъ оттуда и преслѣдуя передовыми отрядами до р. Эльбы корпусъ французскихъ войскъ подъ предводительствомъ вице-короля италіанскаго, въ томъ же 1813 году, состоя при особѣ императора Александра I, онъ участвовалъ въ

сраженіяхъ подъ Дрезденомъ 14 и 15 августа, подъ Кульмомъ 19 августа, подъ Лейпцигомъ 4, 6 и 7 октября. Въ 1814 г. князь Николай Григорьевичъ, будучи генералъ-губернаторомъ королевства Саксоніи, командовалъ на правахъ отдѣльнаго корпуснаго командира русскими и саксонскими войсками, находившимися въ предѣлахъ королевства, въ 1815 г., состоя при особѣ императора Александра I, участвовалъ во второмъ походѣ во Францію.

Изъ вышесказаннаго мы видимъ, что князь Николай Григорьевичъ долѣе всего занималъ постъ малороссійскаго генералъ-губернатора, а именно, около двадцати лѣтъ. Неудивительно, что онъ изучилъ край и нужды всѣхъ классовъ населенія во всѣхъ народностяхъ, полюбилъ Малороссію, считалъ ее какъ-бы своею родиной и снискалъ всеобщую любовь и уваженіе.

Еще болѣе закрѣпилъ его связь съ Малороссіей бракъ съ дочерью министра народнаго просвѣщенія графа Алексѣя Кирилловича Разумовскаго, графиней Варварой Алексѣевной, внучкой послѣдняго малороссійскаго гетмана, графа Кирилла Григорьевича Разумовскаго, получившей въ приданное 5342 души въ полтавской губерніи, 4553 души въ черниговской и домъ въ Полтавѣ (кромѣ того, она владѣла 4172 душ. въ нижегородской губ. и 1837 душ. въ костромской.)

По выходѣ въ отставку, князь Николай Григорьевичъ прожилъ около десяти лѣтъ тяготясь своей бездѣятельностью и въ огорченіи, что его многолѣтніе безкорыстные труды на пользу общественную не нашли справедливой оцѣнки со стороны высшаго правительства. Онъ умеръ 7 января 1845 г. въ м. Яготинѣ пирятинскаго уѣзда полтавской губерніи и погребенъ, согласно выраженному имъ желанію, въ Густинскомъ монастырѣ прилуцкаго уѣзда той-же губерніи.

И въ печати, и въ устныхъ преданіяхъ, сохранились различныя версіи разсказа о причинахъ выхода его въ отставку.

Приведемъ здѣсь два отзыва людей, близко къ нему стоявшихъ.

Г. Ст. фонъ-Носъ говоритъ объ этомъ слѣдующее: „мы еще въ дѣтствѣ, живя въ центрѣ бывшаго управленія князя Н. Г. Репнина, слышали о происках и клеветѣ нѣкоей партіи на

дѣйствія князя. Кто-бы могъ подумать, что этотъ видный государственный дѣятель, горячій патріотъ, преданнѣйшій слуга престола и отечества былъ заподозрѣнъ и почти обвиненъ ни болѣе ни менѣе, какъ, говоря по нынѣшнему, въ сепаратизмѣ и украинофильствѣ. И однако это такъ. И не одинъ князь пострадалъ отъ нелѣпой интриги, но и множество людей ни въ чемъ неповинныхъ. Дѣло въ томъ, что во время возмущенія поляковъ въ 31-мъ году энергическимъ и вмѣстѣ заслуженнымъ довѣріемъ Репнинъ сразу поставилъ нѣсколько полковъ козацкихъ. Интрига не усомнилась сію скорость, исправность и чистоту дѣла очернить особеннымъ, опаснымъ для цѣлости государства вліяніемъ... Государственныя заслуги Репнина были, конечно, неизмѣримо выше того страннаго обвиненія, какимъ враги его старались теперь бросить въ него, и не оно было ближайшею причиною внезапнаго удаленія его въ концѣ 1834 г. отъ службы, тутъ примѣшались новыя обстоятельства: растрата якобы суммъ по постройкѣ полтавскаго института и личное столкновеніе строгаго формалиста Репнина съ прибывшимъ по дѣлу постройки института графомъ Строгановымъ“ [1])...

И. И. Сердюковъ, служившій въ канцеляріи князя Н. Г. Репнина, разсказываетъ объ этомъ въ своихъ запискахъ [2]) слѣдующее:

...„Дѣла князя Репнина приходили въ упадокъ. Онъ, бывши еще въ 1814 году назначенъ въ Дрезденъ вице-королемъ, жилъ тамъ роскошно, надѣлалъ много долговъ, поэтому была назначена коммиссія или попечительство въ Петербургѣ изъ графа А. Х. Беккендорфа и д. с. с. Лубяновскаго. Къ этому присоединился жандармскій доносъ за недостатокъ казенныхъ суммъ, и князя отозвали въ Петербургъ въ члены Государственнаго Совѣта. На его мѣсто въ августѣ 1835 года прислали графа Строганова, коему и поручено разслѣдованіе о казенныхъ суммахъ“...

Главной причиной немилости императора Николая Павловича къ князю Николаю Григорьевичу, какъ видно, была та широкая популярность, которой онъ пользовался среди всѣхъ классовъ населенія Малороссіи и причины которой партія са-

[1]) „Кіев. Стар.“ 1882 г., т. IV, стр. 561 сл.

[2]) „Кіев. Стар.“ т. IV, стр. 195.

новниковъ, относившаяся вообще несочувственно ко взглядамъ князя на управленіе Малороссіей и не прощавшая ему его прямодушія, старалась объяснить Государю въ опасномъ для цѣлости государства свѣтѣ. Особенно безпокоило его противниковъ, а еще болѣе было имъ на руку, то нравственное вліяніе, которое онъ имѣлъ на малороссійскихъ козаковъ, искренно любившихъ его и готовыхъ исполнять всѣ его велѣнія, о чемъ упоминаетъ, какъ мы видѣли выше, и г. Фонъ-Носъ, въ благодарность за его заботы объ ихъ благоустройствѣ [1]). Подкапываясь подъ князя Репнина, противники его выдвигали ему и преемника въ лицѣ зятя князя В. П. Кочубея, графа А. Г. Строганова, который, будучи посланъ въ Полтаву для производства разслѣдованія о расходованіи казенныхъ суммъ при постройкѣ полтавскаго института, о чемъ подробно разсказываетъ Сердюковъ въ своихъ запискахъ, представилъ все дѣло въ своемъ докладѣ Государю въ превратномъ видѣ. Графъ А. Г. Строгановъ и былъ малороссійскимъ генералъ-губернаторомъ съ 12 ноября 1836 г. по 1 января 1840 г.

Два фамильныхъ преданія объясняютъ намъ отчасти, почему императоръ Николай Павловичъ давалъ вѣру несправедливымъ обвиненіямъ, взводимымъ на князя Репнина его противниками.

Однажды, въ бытность князя генералъ-губернаторомъ Саксоніи, имѣлъ проѣзжать черезъ Дрезденъ великій князь Николай Павловичъ. Князь Репнинъ испросилъ у императора Александра I на этотъ случай соотвѣтствующихъ инструкцій, при чемъ повелѣно было принимать великаго князя, съ соблюденіемъ всѣхъ правилъ военной іерархіи и дисциплины, не обращая вниманія на его высокое званіе по рожденію, что и было въ точности исполнено и не могло, конечно, понравиться юному великому князю.

Князь Николай Григорьевичъ, глубоко огорченный ссылкой въ Сибирь его младшаго брата, князя Сергѣя Григорьевича

[1]) „Родственники разсказывали намъ,—читаемъ въ запискахъ Сердюкова—„что онъ пользовался большимъ расположеніемъ козачьяго населенія. Былъ случай въ Ромнахъ, что козаки выпрягли изъ его кареты лошадей и везли ее сами нѣкоторое время съ криками радости.“

Волконскаго, извѣстнаго декабриста, не могъ присутствовать на коронованіи императора Николая Павловича. Отсутствіе его было, конечно, замѣчено и истолковано не въ его пользу.

Судьбѣ было угодно, черезъ пятьдесятъ лѣтъ послѣ смерти князя Николая Григорьевича, вознаградить этого благороднаго государственнаго дѣятеля, въ лицѣ его потомства, за всѣ испытанныя имъ огорченія, соединивъ узами брака его единственную правнучку, княгиню Ольгу Николаевну Репнину съ правнукомъ императора Николая Павловича, герцогомъ Георгіемъ Николаевичемъ Лейхтенбергскимъ.

Помѣщенный нами здѣсь портретъ князя Николая Григорьевича относится къ 1814 году и принадлежитъ кисти неизвѣстнаго намъ, по всей вѣроятности, нѣмецкаго художника. Князь изображенъ въ формѣ генералъ-адъютанта стоящимъ на знаменитой Брюлевской террассѣ [1]) въ Дрезденѣ, имъ сооруженной и представляющей одну изъ достопримѣчательностей города; сзади виднѣ возстановленный имъ „старый“ мостъ или „мостъ короля Августа III“ черезъ Эльбу.

Кромѣ этого портрета, который мы выбрали, какъ изображающій его въ самомъ расцвѣтѣ его дѣятельности и почти наканунѣ назначенія его малороссійскимъ генералъ-губернаторомъ, сохранилось еще нѣсколько портретовъ князя: 1) 1805 г., эпохи Аустерлица, 2) 1810 г., въ бытность его испанскимъ посломъ, сдѣланный французской художницей, m-me Hanye, въ Парижѣ, въ то время, когда Наполеонъ I удерживалъ его при себѣ, находя излишними непосредственныя сношенія русскаго двора со своимъ братомъ, королемъ испанскимъ Іосифомъ Бонапартомъ, 3) 1830-хъ годовъ, исполненный какимъ-то доморощеннымъ художникомъ въ Полтавѣ (не кисти-ли юнаго тогда Шевченка?) и 4) 1841 г., кисти швейцарскаго художника Hornuny'a, исполненный во время пребыванія князя Николая Григорьевича въ Швейцаріи послѣ отставки. Н. С.

---

[1]) На этомъ мѣстѣ былъ разведенъ роскошный садъ любимымъ министромъ короля польскаго Августа III, графомъ Брюлемъ, почему и самая террасса называется Брюлевской. Она тянется вдоль р. Эльбы, къ ней ведетъ отъ дворцовой площади широкая лѣстница, украшенная аллегорическими группами, изображающими Ночь, Утро, День и Вечеръ. Главнымъ фасадомъ на террассу выходитъ величественное зданіе академіи художествъ.

Документы, извѣстія и замѣтки.

Рѣчь запорожскаго войсковаго писаря императрицѣ Екатеринѣ II.[1]) Когда въ началѣ сентября 1762 г. императрица Екатерина прибыла въ Москву для коронаціи, то, остановившись предварительно въ Петровскомъ, она здѣсь и «допускала къ рукѣ всѣхъ знатныхъ обоего пола на то время ко двору собравшихся,» причемъ и запорожскій атаманъ кошевой (имъ въ это время былъ Калнишевскій), услышавъ о благополучномъ восшествіи ея императорскаго величества на всероссійскій престолъ, скоропоспѣшно явился въ Москвѣ со многимъ числомъ старшинъ войсковыхъ, и просилъ черезъ шефа своего его с-ва ясн-наго гетмана, графа Кирила Григорьевича Разумовскаго, чтобъ и онъ щастіе имѣлъ допущенъ быть, съ своей помянутой старшиной, изъявить отъ всего войска радость и усердіе вѣрноподанническое, съ рабскимъ повиновеніемъ къ ея императорскому величеству. Государыня, какъ скоро ей доложено о томъ было, соизволила помянутаго атамана кошевого со всею его старшиною на третій день допустить къ себѣ въ большую галлерею. И какъ помянутой атаманъ кошевой, такъ и всѣ старшины, падъ къ стопамъ ея величества, говорили чрезъ писаря своего запорожскаго, яко чрезъ первѣйшаго войсковаго старшину, слѣдующую рѣчь, чрезъ все время стоя на колѣнахъ.— «Всепресвѣтлѣйшая, всеавгустѣйшая, благочестивѣйшая великая государыня императрица и самодержица Всероссійская, мать отечества всемилостивѣйшая! Вся премудростію, силою, славою и благостію своею сотворивый Господь, вѣчно и непоколебимо узаконилъ рѣкамъ вѣдать свой югъ, магниту сѣверъ, тучѣ востокъ,

[1]) Намъ неизвѣстно, кто былъ въ 1762 г. войск. писаремъ въ Запорожьи. Глоба имъ въ это время еще не былъ, такъ какъ онъ былъ выбранъ писаремъ только въ 1765 г. См. Истор. Нов.-Сѣчи, изд. 3-е, ч. II, стр. 265-267.

солнцу западъ, намъ же человѣкамъ учрежденную надъ собою власть. Сей нашъ всеобщій и непремѣнный долгъ такъ насъ крѣко понуждаетъ, и къ наблюденію своему влечетъ, что аки бы онъ на скрижалѣхъ сердца нашего былъ написанъ. Его исполненіе приноситъ намъ пользу, покой, тишину, во всемъ благополучіе и похвалу предъ Богомъ; и его преступленіе приводитъ на насъ бѣдность, непріятельскія насилія, междуусобную брань, всякое злоключеніе и проклятіе отъ Бога. Послѣдовательно жизнь наша и все наше щастіе въ сей жизни зависитъ отъ власти Богомъ надъ нами опредѣленной; за что мы божественному Его о насъ промыслу никогда лучше не благодаримъ, какъ когда тѣхъ достодолжно почитаемъ, которыхъ Онъ самъ богами и сынами Вышняго называетъ; а паче еще, что какъ они на высочайшей степени всякаго человѣческаго достоинства поставлены не ради своей, а ради нашей чести, славы и пользы, такъ и мы ихъ почитая, себя почитаемъ, себя прославляемъ, себѣ пользуемъ, и предъ Богомъ себя оправдаемъ. Чего всего въ разсужденіи, когда и Царь небесный ваше императорское величество на престолъ Всероссійскій всесильною своею десницею возвелъ, и мы всѣ сыны и питомцы низоваго Днѣпровскаго запорожскаго коша, какъ приломанные дѣти и птенцы орляго твоего гнѣзда, не могли отъ несказанной радости не вострепетать, и тебѣ, истинной матери нашей, о чадѣхъ своихъ веселящейся, едиными усты и единымъ сердцемъ слѣдующаго привѣтствія не возгласить: Богъ духовъ и всякія плоти вашего императорскаго величества духъ жизни, которымъ вся Россія живетъ, движется и процвѣтаетъ, въ священнѣйшемъ ковчезѣ августѣйшаго тѣла, дражайшимъ здравіемъ и свѣтозарнымъ долгоденствіемъ да оградитъ! Господь силъ, крѣпокъ во бранѣхъ, свѣтъ державы твоея въ силѣ своей и славѣ да удержитъ, дондеже оружіемъ твоимъ въ руцѣ своей крѣпкой водимымъ всѣхъ враговъ твоихъ подъ ноги тебѣ сокрушитъ Царь вѣковъ, домъ и престолъ Давида россійскаго Петра Великаго, да утвердитъ непоколебимо и непремѣнно пребывати на земли, дондеже солнце и луна пребудутъ на небеси.—Августѣйшая монархиня, всемилостивѣйшая государыня! съ симъ искренно-усернымъ желаніемъ и вѣрноподданническимъ привѣтствіемъ священнѣйшему вашего императорскаго величества лицу, Низовое Запорожское войско являться дерзаетъ, и притомъ себя въ глубочайшемъ благоговѣніи къ высокоматернимъ стопамъ вашего цесарскаго величества раболѣпно повергаемъ. («С.Петербургскія Вѣдомости» 1762 г., № 82).

Лѣтописныя замѣтки 1783—1811 гг. Замѣтки взяты изъ присланной въ редакцію тетрадки, озаглавленной—«Записка оставшимся по насъ о разныхъ въ Малой Россіи отмѣнахъ». Авторомъ ея былъ Хоружій Нѣжинской поповой канцеляріи Василій Осиповичъ Бѣлозерскій, дѣдъ Н. М. Бѣлозерскаго, изъ бумагъ котораго тетрадка вдовою его и взята. Вся тетрадка состоитъ изъ 10 стр. въ 4—ку и заключаетъ въ себѣ нѣсколько выписокъ изъ хроникъ к. XVIII в., въ родѣ Симоновскаго, а затѣмъ помѣщено въ ней нѣсколько замѣтокъ, принадлежащихъ, повидимому, самому В. О. Б—ому. Эти замѣтки мы здѣсь и приводимъ, какъ заключающія въ себѣ свѣдѣнія, могущія имѣть интересъ въ лѣтописаніи Малороссіи.

«Въ 783 году, по переписѣ ревизіи съ половины года, начали подушніе денги братись съ козаковъ и изъ мѣщанъ по 1 руб. 20 к., съ казенныхъ по 1 р. 40 к., а изъ господскихъ по 70 коп. А въ 1794 годѣ повелѣно брать зъ мѣщанъ, зъ душѣ, по 2 р.

Въ 787 году, въ генварѣ мѣсяцѣ, монархиня Екатерына Алексѣевна чрезъ Малую Россію на Чернѣговъ слѣдовала...

По проездѣ ея, въ 788-мъ годѣ била неслыханная во всей Малой Россіи дороговизна хлѣба: жита одинъ четверичокъ платился подъ-гребло 1 р. 25 к., а четверть государева 10 р.; по такой же ценѣ мѣра вверхъ, и ячмѣнь, греча—четверть 8 р., овесъ четверичокъ 55 к., а четверть государева—4 р. 40 к.

Въ томъ же 788 годѣ началась съ турками баталѣя. Помирившися съ турками въ 1792 годѣ, армия пошла въ Полщу—ляховъ билп, а въ 793 году часть Полщи подъ Росію присовокупленна.

Въ 1793 годѣ зима была весма снѣжная и долгая, ибо и на самое Благовѣщание да и посля еще такіе били морози, что иногда и въ генварѣ такихъ небываетъ, а потому сѣно было очень дорого: продавался пудъ по 30 и 35 коп. Въ семъ годѣ Георгія било на страстную субботу, а на другой день Воскресеніе, и на Георгия нетолко и малѣйше паши не било, но и дерево еще не роспукивалось.

1796 года, въ декабрѣ мѣсяцѣ, государиня Екатерина Алексѣевна умре, а царство принялъ государь Павелъ Петровичъ и отъ него хотя послѣдовалъ било указъ, что Малая Россия возвращается на прежние права, но посля того великіе дани положенны: вомѣсто четверичковъ борошна положено платить денгами по 30 к., да на кормъ артилерійскихъ лошадей еще по 26 к.; а посля еще на козаковъ прибавлено на каждую душу по 7 р. (?) на бумагу гербовую прибавлено по 20 к., еще по 10 к. На содержаніе суда генералнаго

зъ дворянъ 80 тысячъ рублей, чего никогда небывало; но за покойной государынѣ всѣ присудствующіе по судамъ на жалованѣ были и имъ жалобщики пересудового неплатили, а вносили толко въ Казну пошлини; а за государя и пошлины велѣно взыскивать и пересудовое суддямъ платить. И такъ вдвое бѣда людямъ наложенна.

1798 била суша безмѣрная и въ іюлѣ мѣсяцѣ гречка ранняя, которая цвѣсти зачинала, инде мѣстами, а другіе совсѣмъ нивы цѣліе вымерзли, а инде толко долини. Зима настала рано и была прелютая зъ снѣгомъ, вѣтромъ и морозами до Благовѣщенія; и людей много померзло.

1799 года сарана виплодилась и поила въ яринѣ совсѣмъ: ячменѣ, овси и пшеницю, а жита Богъ миловалъ. Лѣто било сухое, но осень преспльно дощовита и весма грязкая била; по 13 ноября и холоду небило, а зъ сего числа начало мерзнуть.

1800 года также саранча поила мѣстами жито, пшеницю, а сентября 17-го снѣгъ випалъ и холодно; а 1806 года сараны нестало.

1808 года, сентября 20 д., въ неделю дулъ болшой вѣтеръ, а въ 4-мъ часу сполдня такая силная бура была, что не толко хороми пообдирала, но и млины вѣтранне зъ самого фундамента нѣкоторие попереворочала; а всего удивительнѣе, что зъ Оленовского длинного магазейна [1]) крышку зъ трома деревями зрубу совсѣмъ скинула. И между тою бурею такая темность наступила била, бурею гнатая, что въ день здѣлалось какъ ночь. Въ той же темнотѣ, бурею гнатой, видимо было синіо, блакитно и жолтовато; сія темность била какби съ полчетверти часа; а какъ тую темность бура перегнала, то и паки стало ясно такъ какъ и било. Чумаки которие ходили на Донъ за рибою говорили что и тамъ также было.

1811 года, сентября 2 числа, въ Борзнѣ запаленно днемъ пустую хату отчего здѣлался силной пожаръ и церковъ деревяная Рождества Богородици зъ двумя еще престолами апостола и первомученика Стефана и великомученицы Варвари совсѣмъ згорѣла; а другая церковъ каменная Рождества—обгорѣла. Посля того и въ другое сентября 7, въ день же, коморку пустую на базарѣ стоячую, подъ самую сушь и силній вѣтеръ, запалено, отчего много домовъ погорѣло и церковъ Николая обгорѣла. А въ оба пожарѣ до двохъ сотъ домовъ згорѣло.

---

[1]) С. Оленовка, борзенск. уѣзда.

Письма Маріи Ивановны Гоголь къ П. А. Кулишу и Д. С. Каменецкому. Въ редакцію доставлено Г. С. В-емъ 13 подлинныхъ писемъ матери Н. В. Гоголя къ Кулишу и Каменецкому, касающихся главнымъ образомъ денежныхъ счетовъ по изданію сочиненій знаменитаго писателя. Письма обнимаютъ періодъ времени съ 28 января 1858 г. по 12 октября 1859 г. Кромѣ увѣдомленій о полученіи денегъ за сочиненія и «за литургію»[1] (всего 6515 р. билетъ на неуказанную точно сумму) и благодарности за хлопоты Кулиша и Каменецкаго по этому дѣлу, въ письмахъ есть нѣсколько не лишенныхъ интереса подробностей, рисующихъ внутреннюю жизнь родныхъ покойнаго писателя, въ связи съ извѣстнымъ завѣщаніемъ его.

Сообщая отъ 28 января 1858 г. о полученіи 1000 р., М. И. Гоголь пишетъ Кулишу: «100 р. я отдала меньшой дочери моей Ольгѣ для раздачи; каждая хочетъ въ своемъ мѣстѣ быть полезной, а я уже свои получила и изъ нихъ удѣляю очень осторожно съ большимъ разсмотрѣніемъ, прося молиться за упокой доставившаго эту помощь... Билеты я буду складывать получаемые отъ васъ, покуда наберется такая сумма, что можно отдать каждому слѣдуемую ему часть съ общей суммы—и тогда успокоюсь».

Въ письмѣ Каменецкому отъ 19 февраля 1858 г. М. И. Гоголь проситъ прислать ей 4 экземпляра сочиненій сына и прибавляетъ: «Вы вѣрно удивитесь такому странному писанью моему стакими ошибками и приписками, но если вспомнитѣ, что у насъ въ Малороссіи назадъ тому 60 лѣтъ некасался лучъ просвѣщенія, то извените миня и притомъ имѣя столько хлопотъ въ моей жизни, и частые отвѣты на многія получаемыя письма, неуспѣваю чище писать, бывъ увѣренна въ достоинствѣ вашемъ судя по выбору дружескаго сношенія вашего съ почтеннѣйшемъ Пантелеймономъ Александровичемъ (т. е. Кулишомъ), надѣюсь, что вы миня извенитѣ» ...Издѣнигъ за литургію вамъ остается только выслать сто рублей, а остальные полторы тысячи оставить въ билетѣ для другихъ распоряженій дитей моихъ».

1 марта 1858 г. М. И. Гоголь проситъ Кулиша отдать въ переплетъ экземпляръ сочиненій сына, не слишкомъ дорогой, но порядочный, для отсылки одному семейству, любившему покойнаго ея сына. Получивъ книгу въ красивомъ переплетѣ, М. И. Гоголь пишетъ Каменецкому: «я буду очень довольна, что не буду въ долгу добрымъ моимъ знакомымъ, услужившимъ мнѣ при доставкѣ разныхъ вещей въ военное время, избавляя меня отъ хлопотъ; они ни въ чемъ не

[1]) „Размышленія о божественной литургіи", сочин. Н. Гоголя.

нуждаются и только этой маленькой услугой доставлю имъ удовольствіе... О второмъ изданіи сочиненій моего сына нечего и помышлять скоро, не только въ большомъ количествѣ, но и въ маломъ, когда и это такъ медленно идетъ, какъ вы пишете, и наслѣдники нуждаются въ деньгахъ».

По поводу литературныхъ трудовъ Кулиша М. И. Гоголь пишетъ 28 января 1858 г.: «Воображаю себѣ, какъ вы углубились въ ваши занятія. Оно бываетъ и пріятно, когда покойно на душѣ и никто не мѣшаетъ, но во время отдохновенія пріятно видѣть участіе въ любимой насъ особѣ, вполнѣ цѣнящей трудъ, доставляя пріятныя минуты за часы трудовъ въ нашей жизни». Въ письмѣ 19 мая 1859 года: «Съ большимъ удовольствіемъ окончила я вашего Маёра: одно лицо въ немъ очень странное, живутъ же на свѣтѣ такого роду люди, хотя и не темно имъ на немъ; теперь остаюсь въ пріятномъ ожиданіи читать въ будущемъ годѣ вашу *Хату*, если доживу до того пріятнаго времени.—Видно сочиненія моего Ангела сына трудно расходятся, не такъ, какъ вы полагали, почтенный П-нъ А-чъ, обѣщая въ прошломъ еще годѣ въ іюлѣ мѣсяцѣ выслать всѣ сполна вырученныя за нихъ деньги. Досадно, что не исполнилось ваше обѣщаніе и ожиданіе дѣтей моихъ, нуждающихся въ нихъ.—Вы писали, что ваше теперешнее пребываніе въ С. П. гораздо спокойнѣе для васъ прежнихъ временъ. Дай Богъ, чтобъ горе къ вамъ никогда не возвращалось и вы были всегда въ душѣ спокойны. Это есть истинное счастіе на землѣ»... Весна оканчивается, а я нахожусь въ пріятнѣйшемъ ожиданіи видѣть хотя въ началѣ лѣта дорогого гостя графа Александра Петровича Толстово, по письму вашему.»

Въ письмѣ 6 іюня 1859 г. М. И. Гоголь проситъ Кулиша поговорить съ гр. А. П. Толстымъ о ея дѣлѣ: «не знаю, соберуся ли я написать къ нему особо о томъ дѣлѣ; надѣюсь, что ваши слова, подѣйствуютъ лучше моего письма. О себѣ не могу сказать вамъ ничего утѣшительнаго: горе и хлопоты не оставляютъ меня... Дочь моя поѣхала въ Диканьку помолиться Чудотворцу Николаю, внукъ мой украшаетъ дворъ цвѣтами. Я радуюсь, что его хоть что нибудь занимаетъ. Когда-то вы къ намъ пріѣдете и обрадуете насъ?»

Въ послѣднемъ письмѣ настоящей коллекціи (отъ 12 октября 1859 г.) М. И. Гоголь извиняется предъ Кулишемъ за долгое молчаніе, ссылаясь на большія непріятности, бывшія у нея все время. Зятю своему Влад. Ив. Быкову «я передала право получать отъ васъ (т. е. Кулиша) билеты за сочиненія покойнаго моего сына, во избѣ-

жаніе горькихъ обидъ и подозрѣній. И прошу васъ покорнѣйше высылать вмѣсто меня упомянутому моему зятю Владиміру Ивановичу Быкову, котораго я считаю не иначе, какъ роднымъ своимъ сыномъ» (адресъ другой рукой: «Влад. Ив. Быкову, командиру 4-го понтоннаго парка въ Кіевѣ»). «Не нахожу словъ, какъ благодарить васъ за ходатайство ваше у почтеннаго Г. А-ра П-ча Толстого о переводѣ къ намъ просимаго мною священника... мы ожидаемъ съ нетерпѣніемъ устройства порядку въ нашей церквѣ. Полагаю, что это событіе удивило нашего Архіерея и что еще все медлитъ (съ присылкой указа), видно ожидаетъ моего отзыва съ прилагательнымъ, но я не нахожу нужнымъ отзываться къ нему, когда все безъ него устроено Богомъ и благодѣтельными людьми.» Сбоку письма приписка: «Священникъ объявилъ, что онъ получилъ уже отъ благочиннаго присланный ему указъ.» На томъ же листѣ бумаги особая приписка за подписью А. Г. (Анны Вас. Гоголь, сестры поэта): «Сколько непріятностей намъ было отъ зятя Головни. Слава Богу, что Вла-ръ Ив-чъ беретъ на себя денежныя дѣла, и вы потрудитесь къ нему обращаться. Вообразите, что Головня хотѣлъ лишить его части, пользуясь его болѣзнью, на томъ основаніи, что въ духовной сказано сестрамъ, а не племяннику, какъ будто онъ не сынъ сестры; потомъ началъ придираться, по какому праву Машенька брала у васъ деньги, даже зачѣмъ она себѣ купила коляску, что это прихоть. Все подозрѣваетъ, что его хотятъ обмануть, что мы себѣ утаиваемъ деньги (вѣрно судитъ по себѣ), и придирается ко всякой копѣйкѣ. Теперь слава Богу хоть на время мы отъ него избавились. Онъ кажется васъ струсилъ, потому что не смѣлъ требовать тогда у васъ никакихъ объясненій и сказалъ, что все хорошо; а насъ мучилъ. Какой это невыносимый человѣкъ. Извините ради Бога, что я такъ безпорядочно пишу, но я ужасно растревожена».

Къ исторіи военныхъ поселеній въ Новороссіи. Извѣстный епископъ Порфирій (Успенскій), проѣзжая въ 1846 г. изъ Бессарабіи въ Петербургъ, имѣлъ возможность видѣть нѣкоторыя поселенія что и отмѣтилъ въ своемъ дневникѣ, нынѣ изданномъ, подъ заглавіемъ «Книга бытія моего» (ч. III. СПБ. 1896. стр. 53).

«По дорогѣ до Кременчуга—говоритъ еп. Порфирій—я видѣлъ нѣсколько военно-населенныхъ деревень. Онѣ выстроены весьма красиво, даже съ кокетствомъ. Но поселенцы говорили мнѣ, что прежде

они были хозяева, а теперь стали бобылями. Одинъ изъ нихъ въ селѣ Павлышъ, жалуясь, сказалъ:

Я козакъ,—душа въ тили.
А рубашку вони сѣили,

По словамъ ихъ, государь приказалъ имъ работать три дня на казну и три дня на себя. А царевы приставники заставляютъ ихъ работать шесть дней на казну и два на себя. Бѣдный народъ! Когда онъ дождется своего Моисея? Но рано или поздно настанетъ время, когда людъ Божій зароетъ своихъ притѣснителей въ зыбучій песокъ и притопчетъ его своими чоботами. Великій, умный и добрый народъ не можетъ быть вѣчнымъ холопомъ» ...

Мы считаемъ нужнымъ отмѣтить это цѣнное наблюденіе почтеннаго епископа, такъ какъ оно теряется въ массѣ матеріала иного содержанія, а между тѣмъ можетъ представлять интересъ для спеціальнаго изслѣдователя исторіи новороссійскихъ военныхъ поселеній.

Сообщ. **Н. С.**

Обычай ломать скорлупу яйца. Обычай ломать скорлупу встрѣчается въ Россіи въ разныхъ мѣстахъ среди простонародья. Многіе изъ интеллигентныхъ людей придерживаются этого обычая, не давая себѣ отчета въ его цѣлесообразности: ломаютъ скорлупу по привычкѣ съ дѣтства. Въ Малороссіи существуютъ разныя толкованія обычая; чаще всего приходится слышать замѣчаніе, что ломка яицъ содѣйствуетъ здоровью курицы, снесшей яйцо, или здоровью человѣка, съѣвшаго яйцо. Точно такой-же обычай и также съ различными толкованіями распространенъ во Франціи, Англіи, Германіи, Австріи, Бельгіи. Цѣлью ставятъ, чтобы яйца не портились (въ Вѣнѣ), чтобы не было лихорадки или зубной боли (въ Ольденбургѣ), чтобы куры неслись (въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Франціи). Надлежащее объясненіе можно услышать во многихъ мѣстахъ Франціи: скорлупу ломаютъ, чтобы въ пустомъ яйцѣ не поселились черти. «Если вы не разобьете яйца, говорятъ въ Вандеѣ, и оно попадетъ къ колдуну, то колдунъ соберетъ въ него росы (украинскія вѣдьмы дѣлаютъ то же) и начнетъ колоть черной шпилькой, что причинитъ смерть. Какъ высыхаетъ роса, такъ и человѣкъ начинаетъ сохнуть отъ болѣзни. Въ старину въ Бельгіи на судебныхъ процессахъ вѣдьмъ снимали допросъ,—ѣздили вѣдьмы въ Англію въ мельничномъ ковшѣ или въ

яичной скорлупѣ. (*Rolland*, Faune populaire, VI, 98; *Liebrecht*, Zur Volkskunde, 375). Вполнѣ согласно съ этими повѣрьями во Франціи въ XVII в. существовалъ оберегъ отъ колдовства въ формѣ троекратнаго ломанія скорлупы: «ceux qui pour se preserver de malefice frappent trois fois sur les cocques des oeufs qu'ils ont mangés, et les remettent ensuite dans le plat (*Liebrecht*, Des gervasius Otia Imperialia.

Н. Ѳ. Сумцовъ.

Письмо А. К. Деллена къ П. В. Павлову. Печатаемое ниже письмо проф. Алекс. Карл. Деллена представляетъ маленькую страничку изъ жизни Кіевскаго Университета 50-хъ годовъ. А. К. Делленъ, въ 60-е годы одинъ изъ лучшихъ профессоровъ-классиковъ въ университетѣ Св. Владиміра, въ 1839 году назначенъ былъ адъюнктомъ по каѳедрѣ римской и греческой словесности въ Кіевѣ, имѣя только степень магистра, а затѣмъ сейчасъ-же въ 1840 году былъ утвержденъ экстраординарнымъ профессоромъ, и въ этомъ званіи пробылъ до 1850 г., когда онъ былъ назначенъ исправляющимъ должность ординарнаго професора, но, какъ магистръ, не имѣлъ права на утвержденіе въ этой должности до полученія степени доктора. Очевидно, не видя въ близкомъ будущемъ возможности для себя докторизоваться, А. К. Делленъ выискивалъ способъ обойти законъ и, опираясь на данныя ему раньше обѣщанія, обратился между прочимъ за содѣйствіемъ къ извѣстному профессору-коллегѣ П. В. Павлову походатайствовать о немъ въ Петербургѣ объ утвержденіи его въ званіи ординарнаго профессора внѣ правилъ. Эта-то просьба и составляетъ главное содержаніе прилагаемаго письма. Оказалось, впрочемъ, что желанныхъ результатовъ эта просьба не принесла, т. к, въ ординарные профессора попалъ онъ только черезъ 10 лѣтъ, въ 1864 году, т. е. по полученіи степени доктора. Въ письмѣ этомъ сообщены многія автобіографическія справки, пополняющія тѣ свѣдѣнія о А. К. Делленѣ, которыя мы находимъ въ «Біографическомъ Словарѣ профессоровъ и преподавателей Императорскаго Университета св. Владиміра» (Кіев. 1884 г.).

Вы были такъ добры, Платонъ Васильевичъ, что не только не отказали мнѣ при Вашемъ отъѣздѣ въ С. Петербургъ взять съ собою два мои сочиненія для передачи Г-ну Министру Народнаго Просвѣщенія, но даже изъявили свою готовность содѣйствовать къ утвер-

жденію меня въ исправляемой мною уже 4 года должности Ординарнаго Профессора. Оцѣняя вполнѣ Ваше участіе, я останусь всегда благодарнымъ, еслибы даже Ваши старанія не возымѣли успѣха. Хотя Вы довольно хорошо знаете, что со стороны нашего факультета и Совѣта я до сихъ поръ не представленъ къ утвержденію въ должности Ординарнаго Профессора только потому, что они опасаются отказа, а не потому, что не признаютъ меня достойнымъ представленія; но я считаю долгомъ сообщить Вамъ, на чемъ именно основываются мои претензіи на ординарство.

Въ мартѣ мѣсяцѣ 1838 года я, состоявши въ должности старшаго учителя нѣмецкаго языка при Рижской Гимназіи, приглашенъ былъ бывшимъ въ то время Попечителемъ Кіевскаго Учебнаго Округа, Генераломъ фонъ-Брадке, для занятія мѣста адъюнкта по каѳедрамъ латинскаго и греческаго языковъ при Кіевскомъ Университетѣ. Обѣщанія и увѣренія Его Превосходительства произвести меня въ теченіи трехъ лѣтъ въ Орд. Профессоры, по пріобрѣтеніи мною до этого времени степени Магистра, и надежда занимать болѣе соотвѣтствующее моимъ занатіямъ мѣсто побудили меня оставить занимаемую мною должность, выгодивѣйшую въ денежномъ отношеніи даже мѣста Ординарнаго Профессора даже въ Кіевѣ, и покинуть Ригу и пріятный для меня кругъ моихъ родственниковъ. Дабы устранить всѣ препятствія, я рѣшился тотчасъ въ Дерптѣ подвергнуться испытанію на степень Магистра философіи и имѣлъ счастіе защищать свою диссертацію въ присутствіи тогдашняго Г-на Министра Народнаго Просвѣщенія, который 29-го сентября 1839 года утвердилъ меня Адъюнктомъ при Университетѣ Св. Владиміра. А какъ въ слѣдствіе двухмѣсячнаго отсутствія моего изъ Рижской Гимназіи и долговременной болѣзни одного изъ учителей ея тамъ были безпорядки въ преподаваніи, и какъ за это полугодіе лекціи по моей каѳедрѣ при Кіевскомъ Университетѣ уже поручены были одному изъ Адъюнктовъ, то мнѣ приказано было оставаться въ Ригѣ до конца года для исправленія должности учителя Гимназіи. По этимъ обстоятельствамъ я прибылъ въ Кіевъ только въ январѣ мѣсяцѣ 1839 года, и уже не могъ воспользоваться даннымъ на текущій 1838 годъ всѣмъ преподавателямъ университетскимъ облегченіемъ къ полученію степени доктора однимъ только защищеніемъ диссертаціи, хотя я къ этому готовился. Чрезъ два же мѣсяца послѣ моего пріѣзда въ Кіевъ фонъ-Брадке подалъ прошеніе объ увольненіи его отъ должности Попечителя Кіевскаго Учебнаго Округа, и Университетъ Св. Владиміра

на время былъ упраздненъ. Въ октябрѣ мѣсяцѣ 1840 года Совѣтомъ Университета единогласно избранъ я былъ экстра-ординарнымъ профессоромъ Римской словесности и 30-го ноября того-же года Г-мъ Министромъ утвержденъ былъ въ этой должности. А какъ новый Уставъ, по которому только имѣющіе степень доктора могли быть произведены въ экстра-ординарные и ординарные профессоры, долженъ былъ воспріять свое дѣйствіе съ 15-го іюля 1842 года, до котораго срока было еще годъ и восемь мѣсяцевъ, и какъ въ Кіевскомъ Университетѣ тогда еще не было ни одного случая, чтобы экстра-ординарные профессоры послѣ годоваго срока не были представлены и утверждены въ ординарные проф., поэтому я, надѣюсь быть произведеннымъ въ ординарные профессора послѣ года, не думалъ приготовляться къ испытанію на степень доктора, и предпочиталъ всѣми силами стараться удовлетворить требованіямъ хорошаго и совѣстнаго преподавателя. Къ несчастію моему товарищъ мой Ник. Дмитр. Иванишевъ, который по службѣ только двумя недѣлями былъ старше меня, въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1841 года былъ представленъ Совѣтомъ Университета въ ординарные профессоры, но не былъ утвержденъ Г-мъ Министромъ, вѣроятно только потому, что онъ 15-го іюля тогоже года въ торжественномъ собраніи во время Акта Университетскаго произнесъ рѣчь, не хорошо принятую Кіевскимъ Митрополитомъ. А какъ въ отвѣтѣ Г на Министра сказано было, что Иванишевъ не утверждается по молодости въ службѣ, то Совѣтъ, имѣя это въ виду, не осмѣлился представить и меня по истеченіи годоваго срока. Потомъ 15-го іюля 1842 года введенъ былъ въ дѣйствіе новый Уставъ—прежде, чѣмъ я сдѣлался ординарнымъ профессоромъ, и я только вторично утвержденъ былъ профессоромъ экстра-ординарнымъ, хотя этимъ касательно меня нарушенъ былъ § 76 (стр.19) нашего Устава, гдѣ сказано, что никто не можетъ быть ординарнымъ или экстра-ординарнымъ профессоромъ, не имѣя степени доктора. Въ слѣдствіи того я рѣшился подвергнуться испытанію настепень доктора; разсужденіе мое было готово и я уже хотѣлъ подать прошеніе объ испытаніи, какъ вдругъ 6-го апрѣля 1844-го года вышло новое положеніе о производствѣ въ ученыя степени, по которому я принужденъ былъ испытываться и въ философіи, отъ каковаго впрочемъ испытанія я какъ магистръ философіи, по прежнимъ правиламъ о томъ былъ свободенъ. Встрѣтивъ къ достиженію цѣли новое препятствіе, я рѣшился не искать болѣе степени доктора и напечатать только написанное мною разсужденіе, чтобы тѣмъ устранить могущія возникнуть о мнѣ

невыгодныя мнѣнія. Книга моя: Beiträge zur Kritik und Erklärung der Satiren des Juvenalis. Кіевъ 1864" весьма хорошо была принята за границею, какъ это видно изъ трехъ рецензій, напечатанныхъ въ Парижѣ (Revue de philol. etc. auriennes. Vol. II. 1847. pag. 373), въ Берлинѣ (Literat. Zeitung. 1847. pag. 464.) и въ Геттингенѣ (Gelehrt. Anzeig. 1847. Stük 81. pag. 810—816) профессоромъ Германномъ, корифеемъ филологовъ въ Германіи. Такъ какъ въ нашемъ Уставѣ § 31, (стр. 20.) сказано, что: Экстраординпрофессоръ не прежде удостоивается званія проф., какъ по пріобрѣтеніи достаточной извѣстности или отличнымъ преподаваніемъ или учеными сочиненіями и изысканіями", и такъ какъ я по мнѣнію Совѣта вполнѣ удовлотворилъ этимъ требованіямъ, Совѣтъ представилъ меня ординарнымъ профессоромъ, но Г-нъ Министръ Народн. Просвѣщенія утвердилъ меня въ январѣ мѣсяцѣ 1850-го года только исправляющимъ должность Ординарнаго проф. Теперь, состоявши 17 лѣтъ на службѣ и будучи въ такомъ уже возрастѣ, въ которомъ трудно и даже вредно не только для дальнѣйшаго собственнаго образованія, но и для моихъ слушателей, перемѣнить занятія и бросить на долгое время всѣ начатые мною литературные труды, я безъ значительнаго ущерба уже не могу думать объ испытаніи на степень доктора, и надѣюсь, что долголѣтняя, добросовѣстная служба моя и отзывы ученаго міра о моихъ литературныхъ трудахъ, если не даютъ мнѣ полное право на полученіе Ординарства, то по крайней мѣрѣ въ глазахъ моихъ начальниковъ и товарищей удостоятъ меня этого званія. Даже и форма утвержденіемъ меня въ должности Ординарнаго Профессора не нарушится, поелику § 76 (стр. 19) нашего Устава уже не касался меня, бывшаго экстраординарнымъ профессоромъ почти двумя годами раньше введенія этого Устава и долженствующаго только удовлетворить требованіямъ, высказаннымъ въ томъ-же Уставѣ въ § 31. (стр. 20).

Вотъ что я имѣлъ объяснить Вамъ, Платонъ Васильевичъ, въ дополненіе того, что Вамъ обо мнѣ извѣстно. Не стану хвастаться предъ Вами своимъ прилежаніемъ и усердіемъ въ службѣ; Вы, какъ долголѣтній добрый товарищъ мой, довольно хорошо меня знаете. Притомъ письмо это уже такъ длинно, что пора кончить, дабы Вамъ не наскучить. И такъ имѣю честь быть съ искреннимъ почтеніемъ

Вашъ покорн. слуга А. Делленъ.

Кіевъ. 4-го Января 1854-го года

Письмо въ редакцію о предполагаемомъ изданіи Литературнаго Сборника въ память И. П. Котляревскаго. Въ виду наступающаго въ 1898 году столѣтія со времени появленія «Энеиды» извѣстнаго малорусскаго писателя И. П. Котляревскаго, желательно бы было почтить эту знаменательную годовщину въ исторіи малорусской литературы, между прочимъ, и изданіемъ литературнаго сборника, посвященнаго памяти ея начинателя. Вслѣдствіе этого обращаюсь съ призывомъ ко всѣмъ малорусскимъ писателямъ, какъ украинскимъ, такъ и галиційскимъ, и прошу ихъ принять участіе въ предполагаемомъ сборникѣ. Для этого, исключительно беллетристическаго, сборника требуются произведенія всѣхъ родовъ изящной словесности,—драмы, комедіи, повѣсти, разсказы, стихотворенія, а также и переводы классическихъ писателей. Пока составится редакція Сборника, о составѣ которой я письменно извѣщу каждаго сотрудника, я принимаю на себя обязательства собирать и хранить присылаемыя произведенія, прося уважаемыхъ авторовъ направлять ихъ въ Редакцію «Кіевской Старины» для передачи мнѣ. Желательно-бы было, чтобъ это мое заявленіе перепечатано было и въ Галиційскихъ періодическихъ изданіяхъ.

М. П. Старицкій.

Подписка на памятникъ И. П. Котляревскому въ Полтавѣ. Въ теченіе ноября и декабря мѣсяцевъ въ редакцію вновь поступили слѣдующія пожертвованія: 1) отъ М. Ф. Комарова—*6 руб.*; 2) отъ В. И. Ковальскаго—*3 руб.*; 3) отъ Д. И. Мѣрнаго—*4 руб.*; 4) отъ А. Г. Сластіонова—*5 руб.*;—всего *18 руб.*, что вмѣстѣ съ прежними *817 р. 77 к.* (см. № 11), составитъ *835 р. 77 к.*, которые и отправлены въ Полтаву.

Библіографія.

Д. И. Эварницкій. Исторія Запорожскихъ Козаковъ. 1686—1734.

Томъ третій. Спб. 1897. 8 д. л. IV+646 стр. Съ рис.

Издавая второй томъ своей работы, г. Эварницкій жаловался, что онъ былъ «написанъ при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ», такъ какъ авторъ въ это время «находился вдали отъ столицы болѣе чѣмъ на 5000 верстъ разстоянія, живя то въ Ташкентѣ, то въ Самаркандѣ»... «Третій томъ И. З. К., говоритъ авторъ, написанъ имъ при болѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ, нежели второй: съ началомъ весны 1894 г. и до начала весны 1895 г., авторъ имѣлъ возможность жить въ Москвѣ и пользоваться тамъ не только печатными матеріалами, относящимися до И. З. К., но и весьма значительнымъ количествомъ архивнаго богатства, находящимся въ первопрестольной столицѣ Россіи. Такимъ образомъ, главнымъ и наиболѣе цѣннымъ матеріаломъ для третьяго тома исторіи послужили неизданные до сихъ поръ документы, хранящіеся въ трехъ московскихъ архивахъ: архивѣ мин. ин. дѣлъ, архивѣ мин. юстиціи и отдѣленіи архива гл. штаба. Кромѣ матеріаловъ московскихъ архивовъ, авторъ пользовался также нѣкоторыми документами казеннаго архива при Варшавской Казенной Палатѣ, писанными на польскомъ языкѣ»... Какъ видимъ, у автора въ распоряженіи находился обширный матеріалъ, который его предшественниками совсѣмъ не трогался. «Третій томъ обнимаетъ собою періодъ времени съ 1686 по 1734 г. и касается такихъ событій, какъ походы запорожцевъ, вмѣстѣ съ русскими войсками въ Крымъ; участіе ихъ въ походахъ Петра В. на турецкій городъ Азовъ; походы подъ турецкіе городки Тавань, Кызыкермень и другіе, на низовье (?) Днѣпра; участіе въ полтавскомъ дѣлѣ, вмѣстѣ съ гетманомъ Мазепою, удаленіе въ предѣлы

Крымскаго ханства и наконецъ продолжительныя и усиленныя хлопоты ихъ о возвращеніи изъ «мѣстъ агарянскихъ» въ разныя мѣста.» Вотъ содержаніе третьяго тома, говоря словами самого автора.

Какъ сводъ свѣдѣній объ участіи Запорожья въ событіяхъ, представлявшихъ внѣшнюю исторію Малороссіи въ указанное время, книга г. Эварницкаго является очень полезнымъ научнымъ вкладомъ. По множеству фактовъ, извлеченныхъ авторомъ изъ перечисленныхъ имъ архивовъ, третій томъ И. З. К., конечно, будетъ необходимою книгою для занимающихся исторіей Малороссіи. Но, какъ *исторія*, книга г. Эварницкаго заставляетъ желать многаго... Разсказывая подробно всѣ тѣ походы к. XVII и нач. XVIII в., въ которыхъ принимало участіе Запорожье, авторъ не даетъ возможности уразумѣть—что же такое было Запорожье въ это время, чѣмъ оно обособлялось отъ остальной Малороссіи, какія цѣли оно преслѣдовало?—Эти вопросы авторъ, какъ будто иногда и пытается разрѣшить, но разсужденія его въ этихъ мѣстахъ отличаются неясностью, напр.—желая, обрисовать отношенія Запорожья къ московскому правительству во второй половинѣ XVII в., авторъ говоритъ слѣдующее: «между кошемъ войска З. К. и правительствомъ московскихъ царей уже въ теченіе 30-ти предшествовавшихъ лѣтъ (т. е. до 1686 г.) сложились отношенія, въ силу которыхъ запорожцы заняли оборонительное, а московское правительство наступательное положеніе. О равномѣрности силъ въ этой борьбѣ, разумѣется, не могло быть и рѣчи: запорожское войско отъ одного рѣшительнаго прикосновенія къ нему московскихъ войскъ сразу и навсегда перестало бы существовать. Но такихъ рѣшительныхъ мѣръ Москва не могла предпринять въ силу различныхъ причинъ, не зависящихъ отъ нея. Въ этомъ отношеніи московское правительство находилось, въ полномъ смыслѣ слова, между двухъ огней. Съ одной стороны оно не могло допустить рядомъ съ собою такого явленія, какъ община запорожскихъ козаковъ, которая основана была на слишкомъ широкихъ началахъ, неслыханныхъ ни въ одной республикѣ ни въ древнее время, ни въ средніе вѣка. Съ другой стороны—оно находило весьма полезнымъ для себя существованіе запорожскаго войска... Запорожскіе козаки прикрывали южную границу московскаго государства отъ бусурманъ и давали возможность русскимъ царямъ сосредоточить всѣ боевыя силы на южной границѣ для борьбы съ польскимъ королемъ. Далѣе. Рѣзкая противоположность между Запорожьемъ и Малороссіей, съ одной стороны, и Великороссіей—съ другой, наиболѣе стала сказываться во второй поло-

винѣ XVII в. Въ теченіе всего этого времени въ московскомъ государствѣ идетъ сильное развитіе идеи государственности; въ Запорожьи и въ Малороссіи въ это же время наиболѣе проявляется стремленіе къ удержанію вѣковѣчныхъ правъ и вольностей и, чрезъ нихъ, къ сохраненію индивидуальности народа. Лучшей формой для сохраненія индивидуальности южно-русскаго, по понятію малороссійской массы, считалось козачество» ...

Изъ приведенныхъ мѣстъ нельзя не видѣть нѣкоторой неясности въ представленіи автора объ исторіи Запорожья и отношеніяхъ послѣдняго какъ къ московскому правительству, такъ и къ гетманщинѣ... Вообще, такъ называемыя обобщенія въ книгѣ г. Эварницкаго не занимаютъ виднаго мѣста. Сбивчивы у автора и характеристики историческихъ личностей, хотя они и нечасты въ его книгѣ. Въ этомъ отношеніи характеристика Мазепы обращаетъ на себя особое вниманіе. Желая обрисовать отношенія Запорожья къ новопоставленному на гетманство Мазепѣ, г. Эварницкій говоритъ, что Запорожцы «написали новому гетману письмо, поздравили его съ полученіемъ булавы, желали много лѣтъ оставаться на гетманскомъ урядѣ, быть полезнымъ своей отчизнѣ-Украинѣ и своему малороссійскому народу, оказывать ласку войску запорожскому»... А затѣмъ *вслѣдъ* читаемъ: «но напрасны были старанія (?) запорожцевъ: Мазепа не могъ быть истинно національнымъ дѣятелемъ. Не могъ быть потому, что по воспитанію и понятіямъ онъ былъ болѣе полякъ, чѣмъ малороссіянинъ, и его натурѣ противны были всѣ простонародныя стремленія и традиціи малороссіянъ. Скрывая, однако, до поры до времени, свои настоящіе инстинкты, Мазепа, какъ ловкій, воспитанный и превосходно образованный человѣкъ, прекрасно поддѣлался подъ тонъ Москвы и старался казаться поборникомъ великороссійскихъ интересовъ и монархическихъ началъ въ Малой Россіи... Такимъ образомъ Мазепа, прикрываясь силой и правомъ, дарованными ему Москвой, выступилъ противъ стремленій низшаго класса людей Малороссіи и, вмѣстѣ съ тѣмъ, противъ массы запорожскаго войска. Но малороссійская масса и масса запорожскаго войска, понимая настоящія стремленія Мазепы, всѣми мѣрами противились ему, и эта борьба, то усиливаясь, то ослабляясь, смотря по времени и обстоятельствамъ, длится цѣлыхъ двадцать лѣтъ»... Читатель ждетъ указаній на факты относительно тѣхъ «простонародныхъ стремленій и традицій малороссіянъ», которыя противны были натурѣ Мазепы, или—относительно борьбы «малороссійской массы» противъ стремленій Мазепы, и—ничего не

находитъ... Обрисовавъ Мазепу сначала такими мрачными красками, г. Эварницкій далѣе говоритъ о немъ нѣсколько уже иначе, причемъ этотъ разсказъ относится къ тому времени, когда Мазепа присоединился къ Карлу XII.—«Въ общемъ въ характерѣ Мазепы сочетались черты частнаго человѣка, черты непріятныя, своекорыстныя и отталкивающія, и черты общественнаго малороссійскаго дѣятеля, хотѣвшаго видѣть свою родину независимою въ политическомъ отношеніи. Мазепа видѣлъ, что Малороссія еще со времени гетмана Б. Хмельницкаго была въ постоянномъ шатаніи, что въ ней немало находилось людей, недовольныхъ правительствомъ Москвы и что самыя важныя лица, присланныя отъ Москвы для управленія Малороссіей (?), вели себя далеко не всегда умѣренно и съ подобающимъ тактомъ. Видѣлъ Мазепа и то, какъ печальны были успѣхи русскаго царя въ первомъ столкновеніи его подъ Нарвой со шведскимъ королемъ. Онъ хорошо, наконецъ, былъ освѣдомленъ и о томъ, каковъ былъ шведскій король и какова была его слава, какъ полководца. И старый гетманъ впалъ въ раздумье по поводу будущаго въ Малороссіи: какъ сохранить ему Украйну на случай пораженія Русскаго царя шведскимъ королемъ? А пораженіе такое неминуемо должно произойти. Для этого нужно заранѣе войти въ тайныя сношенія со шведскимъ королемъ. Тогда только, и именно черезъ шведскаго короля, можно добиться для Украины независимыхъ правъ. И Мазепа рѣшился на такой страшный шагъ... Поэтому нѣтъ основаній согласиться съ мнѣніемъ тѣхъ историковъ, которые характеризуютъ Мазепу только какъ чудовищнаго эгоиста и ненасытнаго честолюбца, совершенно забывавшаго ради личныхъ выгодъ и интересовъ положеніе управляемаго имъ народа и будущее его родины. Вся бѣда для Мазепы состояла въ томъ, что онъ хотѣлъ ввести въ Малороссіи польскіе порядки и при управленіи Украйной старался брать за образецъ государственное устройство въ Польшѣ»... Послѣднія строки возбуждаютъ въ читателѣ особое недоумѣніе... Свои разсужденія о личности Мазепы г. Эварницкій продолжаетъ и далѣе и все въ такомъ же родѣ, что, вѣроятно, и дало автору основаніе для его окончательнаго вывода, что «гетманъ Мазепа—натура весьма сложная и потому трудно доступная для пониманія»...

Еще одно замѣчаніе. Зная со словъ теперешняго хранителя варшавскаго «архива короннаго скарба» Н. Ф. Бѣляшевскаго о находящихся въ послѣднемъ матеріалахъ для исторіи Малороссіи, мы полюбытствовали—какія же свѣдѣнія извлекъ г. Эварницкій изъ этого

архива?—Просмотрѣвъ ссылки по всему тому И. З. К., мы нашли всего двѣ ссылки на «архивъ короннаго скарба». На стр. 2-й, изъ этого архива приведено слѣдующее свѣдѣніе: «Для сношенія короля съ Украйной и Запорожьемъ въ то время (при Собескомъ) установленъ былъ почтовый пунктъ въ Бѣлой-Церкви. Оттуда посылались гонцы въ Кіевъ, въ города лѣвобережной Украйны и въ Запорожье. Добытыя вѣсти (?) привозились обратно въ Бѣлую Церковь и оттуда доставлялись въ Дубно, Львовъ и Заславъ». Это малопонятное извѣстіе вброшено въ текстъ книги послѣ извѣстія о томъ, что на королевскомъ листѣ къ запорожцамъ съ приглашеніемъ ихъ помогать въ походѣ противъ татаръ, имѣется приписка «короннаго регента», чтобы листъ короля сообщенъ былъ на Донъ и къ прочимъ, кому касаться будетъ»... При чемъ тутъ былъ почтовый пунктъ въ Бѣлой Церкви, какой это былъ пунктъ, какія при Собескомъ могли быть сношенія польскаго короля съ городами *лѣвобережной Украины*—никакихъ объясненій нѣтъ... А вотъ и другое свѣдѣніе изъ того же архива. Разсказавъ о посылкѣ запорожцами въ 1687 г. въ Москву плѣнныхъ татаръ и о просьбѣ запорожцевъ—взять съ Кодацкаго острова «въ Сичу» [1]) двѣ пушки, г. Эварницкій тутъ же добавляетъ: «Въ это же время запорожцы отправили своихъ посланцевъ съ «поганскимъ языкомъ» и въ Польшу. Съ 26 сент. по 10 окт. въ городѣ Злочовѣ находились 10 человѣкъ запорожскихъ козаковъ со старшиною Вышетравцемъ и имъ выдано было за все время пребыванія въ Злочовѣ—523 злот. и 15 грошей».—Почему говорится о пребываніи этихъ запорожцевъ въ одномъ только Злочовѣ—неизвѣстно.

Неужели только два эти свѣдѣнія г. Эварницкій и нашелъ годными для своей работы среди тѣхъ «документовъ» варшавскаго архива, на пользованіе которымъ онъ обращаетъ вниманіе въ предисловіи?... Думаемъ, что другихъ свѣдѣній изъ этого архива въ книгѣ

---

[1]) Г. Эварницкій разно склоняетъ слово „Сичь“ (Сѣчь); винит. падежъ этого слова онъ пишетъ иногда „въ Сичь“, а иногда „въ Сичу“ (стр. 64, 102, 103, 106, 371 и т. д.). Разумѣется, ставить въ винит. падежѣ слово Сѣчь—*въ Сѣчу* такъ-же неправильно, какъ сказать вмѣсто въ печь—*въ печу*. Не скажетъ же какая нибудь полтавская селянка, что она посадила хлѣбъ *въ пичу*... Г. Эварницкій, повидимому, смѣшиваетъ слова *Сѣчь и Сѣча;* первое въ нарицательномъ смыслѣ обозначаетъ—лѣсной порубъ (отчего и происходитъ слово *Сѣчь*), а второе—сраженіе, битву. Къ этому можно добавить, что слово *сѣчь*, или *сичь*, одинаково склоняется какъ по-русски, такъ и по малорусски, а поэтому нельзя по малорусски сказать—ѣхать въ *Сичу*, а нужно—въ *Сичь*.

г. Эварницкаго нѣтъ—на томъ основаніи, что нѣтъ болѣе на него ссылокъ, а относительно послѣднихъ г. Эварницкій точенъ до мелочей [1]).

А. Л.

Powszechna wystawa krajowa 1894 r. i siły produkcyjne kraju. (*Lwów, 1897*):

1) Tom I, zesz. 1: *B. A. Baranowski* i *Dr. T. Pilat.* Wstęp geograficzno-statystyczny. *J. Starkel* i *dr. T. Dwernicki.* Historya i organizacya Wystawy (gr. in—4. Стр. 314+карта+2 плана. Иллюстраціи въ текстѣ).

2) Tom II, zesz. 1: *Dr. Wł. Pilat.* Własność ziemi i stosunki posiadania. *Prof. Wł. Lubomęski.* Uprawa ziemiopłodów (gr. in —4. Стр. 86).

3) Tom IV, zesz. 1: *Prof. K. Skibiński.* Drogi i koleje (gr. in—4. Стр. 70+2 карты+9 таблицъ рисунковъ).

Въ майской книгѣ «Кіев. Старины» за 1896 г. (отд. библіогр. стр. 66—69) указаны задачи и предполагаемый объемъ полезнаго львовскаго изданія, три новыхъ выпуска котораго указаны въ заголовкѣ, и данъ отчетъ о 7-мъ выпускѣ II-го тома, посвященномъ охотѣ и рыболовству въ Галичинѣ.

Обширный выпускъ 1 тома I, кромѣ исторіи, организаціи и описанія галицкой областной выставки 1894 г., имѣющей второстепенный интересъ для неспеціалистовъ, даетъ общій географическо-статистическій очеркъ Галичины, гдѣ предложена краткая характеристика края въ отношеніяхъ географическомъ, историческомъ, этно-

---

[1]) Любопытный примѣръ въ этомъ отношеніи представляетъ то мѣсто книги г. Эварницкаго, гдѣ онъ говоритъ о Палiѣ (стр. 215). Источниками этого мѣста книги указаны: Исторія Соловьева, Лѣтопись Величка и кромѣ того—„Сынъ Отечества, 1848, VIII“ и „Московскій Наблюдатель, 1838“). При этомъ авторъ не называетъ статей указанныхъ журналовъ, но мы можемъ сказать, что обѣ статьи о Палiѣ, какъ въ С. От., такъ и въ Моск. Набл., принадлежатъ къ числу тѣхъ безсодержательныхъ компиляцій, изъ которыхъ *ничего взять нельзя.* Статья въ С. Отеч. принадлежитъ Савельеву-Ростиславичу, а статья въ Моск. Набл. написана должно быть Срезневскимъ, который помѣщалъ въ этомъ журналѣ свои коротенькія компиляціи по Исторіи Малороссіи (напр., о *Барабашѣ*, 1835 г., апр., 597—611 стр., о *Брюховецкомъ*, т. ж., ноябрь, 133—151 с.). Обращаясь къ подобнымъ статьямъ для пополненія свѣдѣній о Палiѣ, г. Эварницкій почему то опускаетъ диссертацію о послѣднемъ В. Б. Антоновича...

графическомъ, общественномъ и экономическомъ. Вступительная статья г. Барановскаго написана очень живо, но не даетъ ничего новаго. Углубляясь въ туманъ вѣковъ, авторъ ограничивается лишь намеками (стр. 1—33). Болѣе содержательна статья д-ра Ю. Старкеля (стр. 35—47), посвященная статистическому очерку населенія. По оффиціальнымъ даннымъ, въ 1890 г. въ Галичинѣ числилось 6.607.816 чел. Приростъ населенія въ теченіе 10 лѣтъ до 1890 г. составлялъ 10,89% или 1,8% въ годъ. Эмиграція превысила за тотъ же періодъ иммиграцію на 67.460 чел. Въ томъ же 1890 г. на кв. километръ приходилось въ Галичинѣ по 84 чел. (Пруссія въ 1890 г.—86 чел., Франція въ 1891 г.—71 чел.). Такимъ образомъ, по густотѣ населенія Галичина уступала лишь Бельгіи, Голландіи, Великобританіи, Италіи и нѣкоторымъ германскимъ землямъ. До 84% всего галицкаго населенія кормилось отъ земли, но изъ нихъ лишь 26,4% занимали самостоятельное положеніе, остальные 73,6%—рабочее земледѣльческое населеніе.

Статистической характеристикѣ землевладѣнія посвящена статья д-ра Вл. Пилята въ 1 выпускѣ II-го тома. Конечные выводы автора мало утѣшительны, хотя основаны на данныхъ 1890—1893 г. На долю крупнаго землевладѣнія (свыше 1000 морговъ) приходилось 32,64%, средняго (200—1000 морговъ)—6,10%, мелкаго (главнымъ образомъ менѣе 25 и даже 10 морговъ)—54% поверхности края. Такимъ образомъ, крупное и мелкое, даже карликовое, землевладѣніе занимаютъ 5/6 земли, и при этомъ быстрая мобилизація земель идетъ въ направленіи, неблагопріятномъ для средняго землевладѣнія. Крупныя имѣнія увеличиваются новыми покупками, мелкіе участки еще болѣе дробятся путемъ раздѣловъ. Результатомъ такого движенія долженъ быть конечный упадокъ средняго землевладѣнія (50—200, 200—1000 морговъ). Слѣдуетъ удивляться, что авторъ не приводитъ болѣе подробныхъ данныхъ для статистической характеристики земельнаго пролетаріата, мелкаго крестьянскаго землевладѣнія, его крайней парцелляціи (въ среднемъ менѣе 4 морговъ), бездоходности, податного обремененія и крайней задолженности, при невозможности имѣть посторонніе заработки вслѣдствіе слабаго развитія промышленности [1]).

[1]) Ср. напр. В. Будзинскаго „Аграрні відносини Галичини“ въ Зап. наук. товар. ім. Шевченка, т. IV, стр. 29—123. Его же „Хлопска посілість в Галичині суспільно-реформаторскі змагана“. Львив. 1885.—Слѣдуетъ замѣтить, впрочемъ, что программа настоящаго изданія, только что начатаго, даетъ возможность вновь возвратиться къ этому печальному сюжету и высказаться болѣе опредѣленно и рѣшительно.

Тѣмъ не менѣе, и указываемыя г. Вл. Пилятомъ общія цифры рисуютъ экономическое положеніе галицкаго мужика въ самомъ грозномъ видѣ. Такою же недоговоренностью отличается и статья г. Вл. Любоменскаго, посвященная характеристикѣ отдѣльныхъ отраслей земледѣлія въ Галичинѣ (стр. 24—70). По словамъ автора, мелкіе земледѣльцы съ надеждою смотрятъ на заботы областнаго сейма въ этомъ направленіи: къ сожалѣнію, изъ статьи не видно осязательныхъ результатовъ такихъ заботъ, ибо рѣчь идетъ больше о благодѣтельныхъ проектахъ, нежели о дѣйствительной помощи, а совѣты автора позаботиться о поднятіи народнаго образованія лишь свидѣтельствуютъ о печальномъ положеніи послѣдняго. Подобная манера трактовать жизненные вопросы страны сама по себѣ представляется достаточно печальнымъ симптомомъ.

Весьма интересна работа г. Скибинскаго (т. IV, вып. 1), посвященная очерку шоссейныхъ и желѣзныхъ дорогъ въ Галичинѣ къ 1894 году. Не подлежитъ сомнѣнію, что какъ центральное, такъ и областное правительство тратятъ на улучшеніе дорогъ сравнительно крупныя суммы и что дорожное дѣло въ Галичинѣ стоитъ безъ всякаго сравненія выше, нежели, напр., въ сосѣднемъ юго-западномъ краѣ Россіи. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно взглянуть на приложенныя къ работѣ г. Скибинскаго карты дорогъ и на списки послѣднихъ, приведенные въ текстѣ, съ разсчетомъ ежегодныхъ расходовъ на содержаніе и устройство дорогъ. Къ сожалѣнію, и въ этомъ случаѣ приходится отмѣтить достойную удивленія лаконичность автора, когда рѣчь подходитъ къ вопросу о положеніи и порядкѣ содержанія дорогъ, содержимыхъ натуральною повинностью населенія или мѣстными взносами: можно подумать, что для этого вопроса во Львовѣ нѣтъ почти никакихъ точныхъ данныхъ. Вслѣдствіе этого, работа г. Скобинскаго, при всѣхъ своихъ техническихъ достоинствахъ, въ значительной мѣрѣ утрачиваетъ цѣнность: неполнота ея слишкомъ бросается въ глаза для непредубѣжденнаго читателя. Въ заключеніе отмѣчу, что о финансовыхъ результатахъ львовской выставки 1894 г. очень трудно дать себѣ отчетъ на основаніи тѣхъ свѣдѣній, какія сообщаются въ исторіи выставки, принадлежащей перу г. Дверницкаго. Тѣмъ не менѣе, обширный очеркъ этого автора, съ приложеніемъ документовъ in extenso, заслуживаетъ вниманія спеціалистовъ въ отношеніи техническомъ. Недавній опытъ кіевской с. хозяйственной выставки достаточно научилъ цѣнить техническую сторону подобныхъ предпріятій

Н. М.

„Койросъ Подолія“ (судьбы Подоліи) и исторія тамошнихъ евреевъ или матеріалы для исторіи евреевъ въ Россіи. Составилъ по историческимъ источникамъ въ трехъ частяхъ М. Н. Литинскій. *Часть 1. Одесса, 1895. (Стр. 68. Цѣна 50 к. На еврейскомъ языкѣ).*

Въ началѣ своей брошюры авторъ даетъ краткій очеркъ историческихъ судебъ Подоліи до 1793 г. съ древнѣйшихъ временъ. Очеркъ этотъ, къ сожалѣнію, изобилуетъ фактическими и хронологическими ошибками даже при изложеніи событій слишкомъ общеизвѣстныхъ (напр., вѣщій Олегъ освобождаетъ въ 907 г. Русь отъ аваровъ, подъ монгольское иго Русь подпадаетъ по смерти Ярослава I, соединеніе русскихъ княжествъ съ Литвой въ XIV и XV в. происходитъ, будто-бы, исключительно путемъ браковъ князей, «безъ всякаго давленія», на началахъ полной свободы, по оливскому миру къ Москвѣ присоединена Малороссія). Не лишено интереса враждебное отношеніе автора къ исторической Польшѣ. По его выраженію, жители Подоліи, переходя изъ рукъ въ руки, особеннымъ угнетеніямъ подвергались подъ владычествомъ іезуитско-католической Рѣчи Посполитой и «жестокаго, неслыханнаго въ исторіи деспотизма ея властителей, продолжавшагося вплоть до раздѣла 1793 г.» Нѣсколько странною кажется характеристика кор. Станислава-Августа: онъ былъ добродушенъ, любилъ науку и ея представителей и во всемъ отвѣчалъ своему назначенію! Если вѣрить, далѣе, автору, населеніе Подоліи и въ особенности евреи, освободившись отъ болѣзненной Польши и господства іезуитовъ, почувствовали себя совершенно свободными и пр. Вообще должно сказать, что общія историческія характеристики не принадлежатъ къ сильнымъ сторонамъ автора.

Переходя затѣмъ собственно къ исторіи евреевъ въ Подоліи, авторъ вкратцѣ излагаетъ противорѣчивыя мнѣнія о времени появленія въ краѣ евреевъ. Возражая противъ мнѣнія о положеніи здѣсь евреевъ лишь съ XV в., авторъ ссылается на старыя кладбища и найденные имъ почти во всѣхъ городахъ надгробные памятники (изъ коихъ многіе уже совершенно разрушены временемъ, а остальные обветшали до того, что невозможно разобрать надписи на нихъ), будто-бы удостовѣряющіе, что еще задолго до XIII в. Подолія была населена евреями. Отсутствіе еврейскихъ письменныхъ свидѣтельствъ объ этой ранней эпохѣ авторъ объясняетъ постоянными войнами и

смутами. Къ сожалѣнію, ссылки автора на свидѣтельства лѣтописей и позднѣйшихъ писателей (Каганъ, Левензонъ, Іостъ, Грецъ, Финъ, Гаркави и др.) не имѣютъ никакого отношенія собственно къ Подоліи. Единственное относящееся прямо къ вопросу указаніе принадлежитъ нашему автору: по его словамъ, въ м. Тывровѣ (Виннвц. у.) онъ нашелъ на старомъ еврейскомъ кладбищѣ «нѣсколько сохранившуюся и по возможности реставрированную надгробную надпись. Она составлена въ формѣ акростиха въ 1240 г., 2-го числа мѣсяца адаръ, весною, на смерть раввина Самуила Галеви.

Итакъ, не только Тывровъ существовалъ въ 1240 г., но тогда были тамъ и раввины. Какое блистательное подтвержденіе для бывшаго когда-то въ модѣ сопоставленія Тыврова съ таинственными тиверцами. Къ великому сожалѣнію, крайне сомнительно, чтобы акростихъ на смерть Галеви былъ составленъ въ 1240 г.: по всей видимости, при реставраціи памятника авторъ нѣсколько увлекся и впалъ въ ошибку столѣтія, примѣрно, на четыре.

Въ дальнѣйшемъ изложеніи своемъ авторъ все никакъ не можетъ сосредоточиться на Подоліи вплоть до эпохи возстанія Хмельницкаго. Разсказавъ исторію съ Чаплинскимъ, г. Литинскій говоритъ, что Хм. обрушилъ свою ярость на евреевъ за то, что (какъ устанавливаютъ нѣкоторые еврейскіе писатели) нѣкій еврей Захарій Забѣлинскій былъ причиной разоренія Хм. въ дѣлѣ съ Чапл. и затѣмъ узналъ и донесъ полякамъ о союзѣ Хм. съ крымскимъ ханомъ. «Зажигая своими рѣчами страсти козаковъ, Хм. имъ доказывалъ, что они будто-бы проданы поляками въ руки евреевъ. Этихъ словъ было вполнѣ достаточно, чтобы произвести желаемый эффектъ среди козаковъ, неразвитыхъ и никогда особенно несимпатизировавшихъ евреямъ».

Слѣдуетъ перечисленіе ужасовъ 1648 и 1649 г. Ссылаясь на свѣдѣнія, почерпнутыя имъ изъ различныхъ еврейскихъ книгъ, хранимыхъ въ городахъ Подоліи, авторъ заявляетъ, что изъ еврейскаго населенія этой мѣстности осталось тогда не болѣе десятой части; остальные частью истреблены, частью уведены въ татарскій плѣнъ. Причиною волненій и звѣрствъ въ Подоліи послѣ 1664 и до 1672 г. авторъ считаетъ разрытіе могилъ Хмельницкихъ регементаремъ Чарнецкимъ! Упоминанія автора о согоризмѣ, франкизмѣ и хасидизмѣ въ Подоліи лаконичны. Весьма сомнительно, чтобы споры и диспуты послѣдователей Бешту изъ Межибужья и Нахмана изъ Брацлава съ приверженцами Сабатая Цви и Франка и другими противниками со-

дѣйствовали (какъ думаетъ г. Литинскій) дѣйствительному подъему умственной жизни подольскихъ евреевъ: по крайней мѣрѣ, на то нѣтъ доказательствъ.—Изложеніе событій коліевщины не представляетъ ничего новаго. Для нынѣшняго столѣтія авторъ ограничивается перечнемъ законовъ о евреяхъ въ хронологическомъ порядкѣ. По его словамъ, въ царствованіе имп. Александра II евреи умственно двинулись сильно впередъ, но интеллигентный классъ евреевъ, увлеченный общимъ теченіемъ цивилизаціи, совершенно забылъ о своемъ народѣ и ничего не дѣлалъ въ общую его пользу съ цѣлью содѣйствовать умственному и нравственному преуспѣянію массы. Безпорядки 80-хъ годовъ, по мнѣнію нашего автора, принесли свою пользу, убѣдивъ еврейскую интеллигенцію въ необходимости серьезно подумать о мѣрахъ къ болѣе раціональному устройству жизни еврейской массы.

Таково, въ общихъ чертахъ, содержаніе брошюры г. Литинскаго, которое я считалъ неизлишнимъ указать здѣсь, въ виду малой распространенности языка, на которомъ она написана. Какъ видно, очеркъ г. Литинскаго не составляетъ цѣннаго вклада въ исторію подольскихъ евреевъ, такъ какъ собственно Подоліи онъ почти не касается.

Въ концѣ брошюры помѣщены: краткое письмо о бѣдствіяхъ караимовъ, привилегія 1775 г. (на польск. яз.) Маеру Гершковичу на центральное раввинство русское и брацлавское, надгробныя надписи, некрологи, заупокойныя молитвы, гдѣ оплакивается мученическая смерть разныхъ лицъ. Всѣ эти памятники, найденные авторомъ въ Подоліи въ старыхъ книгахъ или на старинныхъ кладбищахъ, относятся къ 1648, 1649 и 1768 годамъ. Многіе изъ памятниковъ этого рода сильно испорчены временемъ и съ трудомъ разобраны авторомъ. Содержаніе ихъ довольно однообразно: нескончаемый плачъ, безутѣшное горе по погибшимъ въ годины народныхъ волненій.

Н. М.

Матеріалы для біографіи Гоголя. В. И. Шенрока. *Томъ четвертый М. 1898. Стр. VIII+978.*

Мы уже имѣли случай въ свое время дать въ «Кіевской Старинѣ»[1]) отчетъ о выходѣ въ свѣтъ трехъ предшествующихъ томовъ

[1]) О I томѣ въ 1892 году № 4, о II томѣ въ 1893 № 3, о III томѣ въ 1895 № 4.

этого замѣчательнаго сочиненія г. Шенрока, посвященнаго біографіи одного изъ величайшихъ нашихъ писателей. Въ настоящее время съ выходомъ IV тома заканчивается этотъ капитальный трудъ, на который авторъ положилъ огромный запасъ знанія, вдумчивости и безграничной любви къ избранному предмету. Энергія, съ которой велось дѣло г. Шенрокомъ, не только не ослабѣвала, но, напротивъ, пріобрѣтала все большую и большую силу: сочиненіе вначалѣ задумано было лишь на три тома, но потомъ ихъ оказалось четыре, при чемъ каждый послѣдующій томъ превосходилъ въ объемѣ всѣ предшествующіе (I 385 стр., II 403 стр., III 546 стр. IV 978 стр.). Вмѣстѣ съ тѣмъ, по мѣрѣ приближенія къ концу, сочиненіе выигрывало и въ содержаніи: внесеніе излишняго полемическаго тона, особенно невыгодно отразившееся на II томѣ, въ двухъ послѣдующихъ томахъ уже въ такой мѣрѣ не замѣчается, а между тѣмъ критическое отношеніе къ разнымъ мнѣніямъ, высказаннымъ о Гоголѣ, не только не ослабляется, но и пріобрѣтаетъ еще особую авторитетность, спокойствіе и зрѣлость; вниманіе ко всѣмъ даже самымъ мелкимъ подробностямъ изъ жизни Гоголя, положенное въ основу «Матеріаловъ» съ самаго начала, выдержано и до конца труда съ замѣчательной послѣдовательностью. Такимъ образомъ, что касается пріемовъ автора въ своей работѣ и вообще отношенія его къ принятому на себя труду, только что вышедшій IV томъ ни въ чемъ не уступаетъ томамъ предшествующимъ, а въ иномъ даже и превосходитъ ихъ. По содержанію своему онъ обнимаетъ послѣдніе десять лѣтъ жизни великаго писателя, съ 1842 по 1852 годъ, при чемъ авторъ съ особенной внимательностью останавливается на анализѣ болѣзненнаго процесса упадка физическихъ и духовныхъ силъ Гоголя, приведшаго его къ предсмертному уничтоженію своихъ бумагъ и, наконецъ, къ смерти, обставленной такими величавыми и поистинѣ трагическими подробностями; въ вышедшемъ томѣ «Матеріаловъ» г. Шенрока читатель найдетъ обстоятельнѣйшее съ неизвѣстными доселѣ данными, описаніе послѣднихъ дней Гоголя (стр. 840—865), до сихъ поръ не имѣвшееся въ нашей литературѣ; впрочемъ и въ другихъ мѣстахъ этого тома можно найти не мало цѣнныхъ, впервые самимъ г. Шенрокомъ опубликованныхъ данныхъ, въ родѣ переписки Гоголя въ 1850 году съ монахами Оптиной пустыни (стр. 824 и слл.) или выдержекъ изъ дневника сестры Гоголя Елизаветы Васильевны Быковой, относящихся къ 1848—51 гг. (стр. 703—705) и т. п. При такомъ богатствѣ матеріала и объемѣ вышедшаго тома можно поставить въ поло-

жительный упрекъ автору совершенное отсутствіе оглавленія, которое дало бы возможность осмотрѣться въ содержаніи книги ранѣе ея чтенія, да и послѣ чтенія облегчило бы отысканіе въ ней нужнаго.

Впрочемъ, несмотря на свою великую цѣну, «Матеріалы для біографіи Гоголя» г. Шенрока остаются все-таки лишь матеріалами и оставляютъ желать послѣ себя труда о жизни и сочиненіяхъ Гоголя не менѣе полнаго, но болѣе систематическаго, который можно было бы уже назвать «біографіею». Для такого труда г. Шенрокомъ собранъ, приготовленъ и изслѣдованъ весь имѣющійся въ извѣстности (и во многомъ сдѣлавшійся извѣстнымъ благодаря самому г. Шенроку) матеріалъ; поэтому, и для написанія біографіи Гоголя онъ является лицомъ самымъ подготовленнымъ. Въ виду этого, мы съ особеннымъ удовольствіемъ привѣтствуемъ обѣщаніе г. Шенрока дать въ будущемъ подобный трудъ, выраженное имъ такъ въ предисловіи къ вышедшему тому: «Настоящимъ томомъ заканчивается нашъ трудъ, къ которому, однако, мы предполагаемъ со временемъ вернуться, чтобы обработать его въ окончательной формѣ... Мы предполагаемъ не столько расширить размѣръ его, для чего едва ли можетъ найтись много новыхъ данныхъ, сколько точнѣе выяснить всѣ подробности, начиная съ мелочныхъ хронологическихъ, и устранить кое-гдѣ нарушающія стройность общаго плана невольныя возвращенія къ предыдущему, вслѣдствіе появленія въ печати новыхъ матеріаловъ, которые не могли быть приняты во вниманіе въ предшествующемъ, уже отпечатанномъ, томѣ» (стр. III—IV). Кромѣ того, г. Шенрокъ въ томъ же предисловіи обѣщаетъ дать черезъ нѣкоторое время «сокращенное изложеніе біографіи Гоголя въ одномъ томѣ, съ удержаніемъ всего наиболѣе существеннаго» (стр. VIII).

Отъ души желаемъ, чтобы оба эти намѣренія какъ можно скорѣе были приведены въ исполненіе авторомъ.

Е. П.

Брошюры за послѣдніе годы.

Много изъ печатающихся брошюръ, какъ извѣстно, въ продажу не поступаютъ и потому попадаются въ руки бібліографа, очень часто, лишь случайно. Такъ точно нѣкоторыя и изъ нижеуказываемыхъ брошюръ, изданныя до настоящаго года, стали намъ извѣстны лишь теперь. Помѣщая здѣсь перечень брошюръ, появившихся въ послѣд-

ніе два—три года, о содержаніи ихъ говоримъ лишь въ томъ случаѣ, когда оно не вполнѣ объясняется заглавіемъ.

1. Опытъ программы для собиранія народныхъ математическихъ свѣдѣній. К. Щ—ны Изд. Полт. Губ. Статист. Комитета. Полтава. 1893. 8 д. л. 18 стр.

2. Къ исторіи Западно-русскаго просвѣщенія. Виленская братская школа въ первые полвѣка ея существованія. К. Харламповича. (Изъ Литовск. Епарх. Вѣд. 1897 г.) Вильна. 1897. 16 д. л. 67 стр.

Виленская православная братская школа открыта ок. 1585 г. Съ этого момента и до 1635 г.—подробно разсказана ея исторія, при чемъ авторъ пользовался не только печатными свѣдѣніями, но и архивными.

3. Кудрицкій М. Климатъ Коростышева, по наблюденіямъ метеорологической станціи при Коростышевской учительской семинаріи. Кіевъ. 1897. 8 д. л. 200 стр. Съ таблиц.

4. Обзоръ дѣятельности Кіевской Комиссіи Народныхъ чтеній 1882—1897. Кіевъ. 16 д. л. 45 стр.

5. Маруся Чураивна. Историческа поэма 1652 року. Скомпоновала Е Озерская-Нельювская. Кіевъ. 1896. 16 д. л. 33 стр.

Переработка извѣстной легенды, составляющей содержаніе пѣсни: «Ой не ходи, Грицю...» Первая переработка этой легенды принадлежитъ кн. Шаховскому, въ его разсказѣ «Маруся». (Сто Русск. Литер., т. I).

6. Церковно-приходская лѣтопись церкви Казанскія иконы Божія Матери села Иваничъ, Владиміръ-волынскаго уѣзда, Волынской губерніи. Владиміръ-Волынскъ. 1896. 16 д. л. 32 стр.

Хорошій примѣръ—въ какомъ видѣ могутъ появляться труды сельскихъ священниковъ по собранію историческихъ свѣдѣній объ ихъ приходскихъ церквяхъ съ добавленіемъ—извѣстныхъ преданій о селахъ и церквяхъ. Интересно, что въ с. Иваничахъ фамилія Гуцевичей непрерывно священствуетъ съ *1704* г. Брошюра составлена и издана *80*-тилѣтнимъ свящ. Ал. В. Гуцевичемъ, послѣднимъ представителемъ этой фамиліи.

7. В. М. Скворцовъ. Богуславское Общество трезвости и борьба со штундою. Кіевъ. 1895. 8 д. л., 81+22 стр.

8. Фридрихъ Мельхіоровичъ Енни, первый учредитель товариществъ свеклосахарныхъ заводовъ въ Юго-Западномъ краѣ. Соч. Павла Клебановскаго. Кіевъ. 1897. 8 д. л. 46 стр.

Обстоятельныя свѣдѣнія о развитіи свеклосахарной промышленности въ Юго-Западномъ краѣ, начиная съ 50-хъ годовъ.

9. Замѣтки о нѣкоторыхъ рукописяхъ, хранящихся въ библіотекѣ Историко-филологическаго Института кн. Безбородко. Е. В. Пѣтухова. Кіевъ. 1895. 8 д. л. 56 стр.

Рукописный отдѣлъ Института заключаетъ въ себѣ свыше 100 номеровъ, разнаго содержанія, XVI—XIX в. в.; въ числѣ рукописей—52 номера профес. С. П. Шевырева, пріобрѣтенныхъ Институтомъ въ 1876. Есть рукописи и письма Гоголя, но ими уже пользовалось нѣсколько ученыхъ.

10. И. А. Сребницкій. Очерки изъ Исторіи Лицея князя Безбородко. (1832—1875). Нѣжинъ. 1895. 8 д. л. 39 стр.

Самъ авторъ говоритъ, что его «Очерки» представляютъ вновь передѣланный очеркъ, помѣщенный во втор. изд. Гербеля—«Гимназія Высшихъ наукъ и Лицей кн. Безбородко». (Сб. 1881).

11. О разверстаніи и упраздненіи пастбищнаго сервитута въ Юго Западномъ краѣ. Д. О. Кишки. Кіевъ. 1894. 16 д л. 67 стр.

12. Десятилѣтняя земская давность по литовскому статуту и по общимъ законамъ имперіи (Истор.-юрид. справка) С. Ф. Рубинштейна. (Оттискъ изъ Виленск. Вѣстн. 1896 г.). Вильна. 1896 16 д. л. 22 стр.

Опроверженіе мнѣнія Змирлова (Журн. мин. юст. 1895 г., стр. 124) по вопросу объ источникѣ закона, изложеннаго въ Полн. Собр. зак., 1783 г., № 15654.

13. Изъ бумагъ П. І. Шафарика и В. В. Ганки. Е. Д. Пѣтухова. Юрьевъ. 1896. 8 д. л. 55 стр. (Оттискъ изъ «Ученыхъ Запис. Имп. Юрьевскаго У—та, № 1, 1896 г.)

Подлинники напечатанныхъ бумагъ хранятся въ Чешскомъ національномъ музеѣ, въ Прагѣ. Здѣсь напечатаны письма къ Ганкѣ—Бодянскаго, Хомякова, С. М. Соловьева, Греча. Писемъ Бодянскаго 15, обнимающ. время 1841—1848 г. г.

14. Николаевскій свекло-сахарный заводъ наслѣдниковъ Ив. Серг. Курдюмова. (1845—1896). Изд. по поводу 50-тидесятилѣтія завода. Состав. директоръ завода К. Ф. Абрагамъ. Кіевъ. 1896. 8 д. л. 33 стр.

Заводъ находится въ конотопск. уѣздѣ, на границѣ путивльскаго уѣзда, при х. Вовчикъ. Ближайшіе къ заводу села—Козацкое и Бочечки, курск. губ.

15. О результатахъ геологическихъ изслѣдованій въ окрестн. Канева, лѣтомъ 1896 года. Г. А. Радкевича. Кіевъ. 1897. 8 д. л. 16 стр.

16. Гидрогеологическое изслѣдованіе верхнеднѣпровскаго уѣзда екатеринославской губ., въ виду обводненія и орошенія края, съ приложк. замѣтки о полезныхъ ископаемыхъ. (Отчетъ Екатеринославскому губ. земству, снарядившему гидрогеологическую экспедицію подъ руководствомъ проф. А. В. Гурова). П. И. Пятницкаго. Харьковъ. 1895. 8 д. л. 217 стр., карта и табл.

17. Лубенскій музей Е. Н. Скаржинской. Программа для собиранія народныхъ писанокъ. Кіевъ. 1895. 8 д. л. 7 стр.

18. Старинныя публики. Матеріалы для этнологіи и быта. Черниговъ. 1897. 16 д. л. 23 стр. (Оттискъ изъ Черниг. губ. вѣд. 1897 г., № 1239).

Въ числѣ старинныхъ публикацій, заимствованныхъ изъ архива Брянск. нижн. земск. суда (П. Тихановымъ), одна заключаетъ въ себѣ подробное перечисленіе церковной утвари и одежды, украденной въ 1800 г. изъ церкви с. Лыщичъ, стародубск. у.

19. Чѣмъ вызвано сооруженіе въ Вильнѣ въ 1597 году православнаго храма во имя Святаго Духа. (Изъ Виленскаго календаря» на 1897 г.) А. Бѣлецкаго. Вильна. 1896. 8 д. л. 27 стр.

20. Хронологическая перечень фактовъ и документовъ съ комментаріями по дѣлу о тайномъ замежеваніи и присвоеніи помѣщикомъ І. Фр. Ярошинскимъ Романовскаго инструкціоннаго участка земли генер. Павлова. (Вмѣсто рукописи). Кіевъ 1896. 8 д. л., 41 стр.

Перечень обстоятельствъ дѣла по спору г. Павлова съ Ярошинскимъ за Романовское имѣніе, купленное первымъ у П. А. Антоновича.

21. Пинскій Богоявленскій бывшій братскій монастырь. (Изъ исторіи православія на Полѣсьѣ). Изъ Виленскаго календаря на 1897 годъ. (А. Миловидова). Вильна. 1896. 8 д. л. 29 стр.

Авторъ пользовался кромѣ печатныхъ и архивными источниками.

22. Уничтоженіе древняго Ярославова вала въ Кіевѣ. Въ защиту исторической правды. (По поводу реферата проф. В. Б. Антоновича «по вопросу объ уничтоженіи Ярославова вала») (Т. Кибальчича) Кіевъ. 1895. 16 д. л. 105 стр.

Отдѣльные оттиски изъ кіевск. газеты «Кіевское Слово», гдѣ эта статья была помѣщена съ нѣкоторыми рисунками.

23. Проф. Д. И. Багалѣй. Украинская Старина. (Очерки, замѣтки, матеріалы изъ стародавняго харьковскаго быта и культуры). I. Харьковъ. 16 д. л. 304 стр.

Отдѣльные оттиски изъ Харьк. губ, вѣд. за 1896 г. Содержаніе: 1. Наказы харьковскаго дворянства въ екатерининск. комис. 1767 г. 2. Харьковскій городск. голова Е. Е. Урюпинъ и 3. Священники В. Фотіевъ и Андр. Самборскій.

24. Збирникъ Украиньскихъ писень. Упорядкувавъ Александра Хведоровичъ. Зъ нотами. Одесса. 1896. 16 д. л. 112+17+III стр. Цѣна 30 к.

Сборникъ заключаетъ въ себѣ 101 пѣсню, каждая съ нотами.

Д. Мордовецъ, Козаки и Море. Поэма. *Сбп. 1898 г.*

Это давнее и, кажется, единственное стихотворное произведеніе талантливаго автора перепечатано отдѣльною книжкою изъ «Саратовскаго Сборника», гдѣ оно появилось ровно сорокъ лѣтъ назадъ. Впрочемъ, и безъ этой справки видно сейчасъ, что это произведеніе молодости. Его залихватскій тонъ, усиленное прославленіе козацкаго геройства и даже козацкихъ звѣрствъ составляетъ отличительное достояніе и молодого сочинительства, и ранней поры словесности. Съ тѣхъ поръ взглядъ на многія явленія прошлаго сталъ трезвѣе, ухарскій тонъ сталъ безполезенъ и досаденъ, задачи малороссійской словесности стали труднѣе и серьезнѣе. Переиздавая ее, авторъ, конечно, и самъ смотритъ на свою поэму лишь какъ на личное, молодое воспоминаніе.

Поэма вдохновлена нѣкоторыми изъ раннихъ произведеній Шевченка, но ихъ сжатые образы распространены и усилены на цѣлыя страницы и десятки страницъ описаній. Образы условны, намѣчены по извѣстному типу. Козаки непрерывно проявляютъ геройство, а если нѣтъ, то поютъ и мечтаютъ. Подлинная народная поэзія рисуетъ ихъ не такъ односторонне, а болѣе сдержанно и правдиво. Въ народныхъ думахъ это люди борьбы, мучительной и тяжкой, а не люди удалыхъ приключеній. Большая часть поэмы наполнена картинами военныхъ схватокъ, нападеній и осадъ, гдѣ всевозможнѣйшіе ужасы нагромождены въ такомъ изобиліи, что переходятъ мѣру и впечатлѣнья не дѣлаютъ. Да и слишкомъ видно, что ноты эти взяты

авторомъ намѣренно. Тонъ ихъ не скрываетъ присущаго писателю добродушія.

Рѣзня съ турками идетъ отчаянная, сцены одна жесточе другой смѣняются въ поэмѣ Дорошъ; главный герой кричитъ въ изступленіи «Бый о камень ихъ младенцы!.. Былы—утомылысь», прибавляетъ авторъ. Чтобъ воспѣть подвиги Богдана Ружинскаго, у него просто не хватаетъ словъ:

Богданъ зъ корогвамы,
Зъ сынамы, зъ ножамы
Зъ крывымы шаблямы
Надъ пекломъ пануе...
„До чайки!“... Не чуе..
Торохъ!.. Зъ корогвамы,
Зъ сынамы, зъ ножамы
Зъ крывымы шаблямы,—
И уси зъ чубамы,—
И муры и брамы...
Земля застогнала
Ничого не стало,
Не стало, не стало...

Козаки нападаютъ на турецкую галеру: «Громада гуляе, гуляють ножи по шыяхъ турецькыхъ»... Отецъ спрашиваетъ сына: Остапе, де ты?—Ось де батьку.—Шо, ризавъ?—Ризавъ.—А чимало?—Чимало, тату.—Добре сынку!.»..

Въ описаніи взятія Прусы тѣ-же картины, вновь и вновь повторенныя. «Горыть Пруса, горыть червоніе... Скризь бороды посмалени, паши, янычары, валяютця, рубаютця у поломъи гынуть, старе, мале, скаличене и гарныхъ до сына»...

А вечеромъ, на своемъ кораблѣ, лежа на взятыхъ у турковъ «златоглавыхъ шатахъ», козаки превращаются въ мирныхъ овечекъ и сентиментальныхъ мечтателей.

Де не де якій спивае
Про чорныи бровы,
Про Вкраину, про ролыну,
Про гай зеленевькый...

Такихъ переходовъ не знаетъ правдивая, подлинная поэзія народа, гдѣ никогда ужасъ войны не обращенъ въ потѣху, а истинное чувство въ маниловскія фантазіи.

Козаки вездѣ нещадно бьютъ турокъ, рѣзня идетъ такая, что отъ «больного человѣка», казалось, должно бы остаться одно мокрое мѣ-

сто. А онъ живетъ себѣ да поживаетъ! Самое обиліе недоброжелателей идетъ ему въ прокъ, и еще на дняхъ онъ снискалъ себѣ симпатіи эгоистической Европы въ борьбѣ съ христіанской Греціей.

Какъ память прошлаго, какъ одинъ изъ пунктовъ литературной карьеры автора, поэма, иллюстрированная нѣсколькими удачными рисунками г. Сластіона, любопытна. Но современной поэзіи и этотъ тонъ, и эти образы надо оставить. Она должна направить свой взоръ на основы народности, видѣть не чубы и сабли, а творящую душу народа. Тогда станетъ она не развлеченіемъ, а дѣломъ и найдетъ образы и слова, чуждые напряженности и поддѣлки.

W.

СОДЕРЖАНІЕ.

Томъ LIX, 1897 г. Октябрь, Ноябрь и Декабрь.

СТР.

ОТДѢЛЪ I.

I. СЛАВЯНАМЪ. Неизданное стихотвореніе Т. Г. Шевченка, *съ предисл.* **Н. И. Стороженка.** . . . . . 1—5

II. СНѢТИНСКАЯ СТАРИНА. **В. Милорадовича.** (*Окончаніе*). 6—26

III. ПИСЬМА П. А. КУЛИША КЪ О. М. БОДЯНСКОМУ. (1846—1877 г.г.). Сообщ. **А. Титовъ.** (*Продолженіе*). 27—45, 242—280 . . . . . 370—472

IV. ПЕРЕДЪ БУРЕЙ. Историческій романъ изъ временъ Хмельницины. **М. Старицкаго.** (*Окончаніе*). 46—114, 157—241 370—448

V. КЪ ИСТОРІИ МАЛОРОССІЙСКИХЪ КОЗАКОВЪ ВЪ КОНЦѢ XVШ И ВЪ НАЧАЛѢ XIX ВѢКА. **Н. С.** (*Окончаніе*). 115—131, 143—156 . . . . . 332—350

VI. ПИСЬМА Н. И. КОСТОМАРОВА КЪ В. М. и Н. М. БѢЛОЗЕРСКИМЪ. . . . . 132—142

VII. СВАДЕБНЫЕ ОБРЯДНЫЕ ХЛѢБЫ ВЪ МАЛОРОССІИ. **В. Ястребова.** . . . . . 281—288

VIII. ПИСЬМА ДАНИЛА МИХАЙЛОВИЧА ВЕЛЛАНСКАГО. (1805—1834 г.г.). **А. Л.** . . . . . 289—310

стр.

IX. ПРАЗДНИКЪ ЦЕРЕРЫ. (Изъ воспоминаній польскаго шляхтича о событіяхъ въ Юго-западномъ краѣ 1819—1824 г г.). О. Л. . . . . 312—331

X. ИЗЪ ИСТОРІИ КІЕВСКОЙ АКАДЕМІИ. (В. Серебренниковъ. Кіевская академія съ половины XVIII в. до преобразованія ея въ 1819 г. Кіевъ. 1897). . . . . 351—369

XI. КЪ ПОРТРЕТУ КНЯЗЯ НИКОЛАЯ ГРИГОРЬЕВИЧА РЕПНИНА Н. С. . . . . 473—480

ОТДѢЛЪ II-й.

I. ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ. а) Подготовительныя работы къ устройству XI-го Археологическаго съѣзда въ Кіевѣ. б) В. Г. Григоровичъ-Барскій. в) Черниговская архивная комиссія г) Позволительный листъ святителя Феодосія Угличскаго на установленіе братства и цеха въ м. Лѣткахъ. д) Выкупъ М. С. Щепкина изъ крѣпостного состоянія. е) Внушительная рѣчь генер.-губерн. Д. Г. Бибикова, обращенная къ кіевскимъ студентамъ въ 1846 году. ж) Письмо Ивана Танскаго къ В. А. Гоголю. з) Странствованія чумака, бурсака и раба. Сообщ. Н. М. и) Подписка на памятникъ И. П. Котляревскому въ Полтавѣ. і) Голосъ малороссійскаго дворянина по поводу столѣтія дворянской грамоты. к) Вирши о Мазепѣ и Чернышѣ, 1710 года. Ѳ. Левицкаго. л) Литовская метрика, м) Дьячки старой Малороссіи н) Сборникъ узоровъ писанокъ. о) Гоголь и В. Я. Ломиковскій. п) Протоколъ второго засѣданія Кіевскаго Отдѣленія Предварительнаго Комитета по устройству въ Кіевѣ XI-го Археологическаго Съѣзда 5 октября 1897 г. р) Подписка на памятникъ И. П. Котляревскому. с) Рѣчь запорожскаго войсковаго писаря императрицѣ Екатеринѣ II. т) Лѣтописныя замѣтки 1783—1811 гг. у) Письма Маріи Ивановны Гоголь къ П. А. Кулишу и Д. С. Каменецкому. ф) Къ исторіи военныхъ поселеній въ

стр.

Новороссіи Сообщ. И. С. к) Обычай ломать скорлупу яйца. Н. Ѳ. Сумцова. ц) Письмо А. К. Деллена къ П. В. Павлову. ч) Письмо въ редакцію о предполагаемомъ изданіи Литературнаго Сборника въ память И. П. Котляревскаго. М. П. Старицкаго. ш) Подписка на Памятникъ И. П. Котляревскому въ Полтавѣ. 1—20, 33—48 . . . . . 68—71

II. БИБЛІОГРАФІЯ. а) Обзоръ дѣятельности министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ за третій годъ его существованія (30 марта 1896—30 марта 1897 года). Н. М. б) И. А. Сикорскій, профессоръ. Эпидемическія вольныя смерти и смертоубійства въ Терновскихъ хуторахъ (близъ Тирасполя). Н. М. в) Юго-Западный край. Статистическое обозрѣніе. Томъ I. Восточное Полѣсье. Составилъ по рекогносцировкамъ офицеровъ генеральнаго штаба и по офиціальнымъ источникамъ ген. штаба подполковникъ И. Н. Толмачевъ. Н. М. г) Описаніе рукописныхъ собраній, находящихся въ городѣ Кіевѣ. Выпускъ II. Н. И. Петрова. Ѳ. Титова. д) Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ въ его письмахъ. Томъ 4-й. Письма 1858—86 гг. А. Л. е) «Труды Подольскаго епархіальнаго историко-статистическаго Комитета». А. Лотоцкаго. ж) Першій русско-американскій календарь. А. Л. з) С. А. Венгеровъ, Критико-біографическій словарь русскихъ писателей и ученыхъ. Томъ V. и) Д. И Эварницкій. Исторія Запорожскихъ Козаковъ. 1686—1734. i) Powszechna wystawa krajowa 1894 r. i siły produkcyjne kraju. Н. М. к) «Койросъ Подолія» (судьбы Подоліи) и исторія тамошнихъ евреевъ или матеріалы для исторіи евреевъ въ Россіи. Составилъ по историческимъ источникамъ въ трехъ частяхъ М. Н. Литинскій. Н. М. л) Матеріалы для біографіи Гоголя. В. И. Шенрока. Е. П. м) Брошюры за послѣдніе годы. н) Д. Мордовецъ, Козаки и Море. Поэма. W. 21—32, 49—62. . . . . 76—94

стр.

III. ПРИЛОЖЕНІЯ: Интерлюдіи Митрофана Довгалевскаго XVIII вѣка. (97—112), (113—117).

Портретъ кн. Н. Г. Репнина.

ОБЪЯВЛЕНІЯ. 1—30 . . . . . 1—34

КАТАЛОГЪ КНИЖНАГО СКЛАДА «КІЕВСКАЯ СТАРИНА»

(*въ концѣ книги*)

МАЛОРОССІЙСКАЯ СВАДЬБА.

Неоконченная повѣсть изъ жизни малорусской старшины половины XVIII вѣка.

Александра Михайловича Марковича.

Неоконченная повѣсть А. М. Марковича, (найденная въ его бумагахъ), какъ видно, основана—какъ на тщательномъ изученіи дневника его дѣда Якова Андреевича Марковича, такъ и на разсказахъ тѣхъ стариковъ, переживавшихъ вторую половину XVIII в., которыхъ авторъ долженъ былъ лично знать въ своей молодости. Хотя задуманная Марковичемъ повѣсть, осталась не оконченною, но, по своимъ бытовымъ подробностямъ, она имѣетъ значеніе историческаго мемуара, почему редакція и нашла полезнымъ напечатать этотъ отрывокъ. Судя по бумагѣ, повѣсть писана въ двадцатыхъ годахъ. Объ авторѣ повѣсти см. „Кіевск. Стар.“ 1897, январь и февраль.

МАЛОРОССІЙСКАЯ СВАДЬБА.

ГЛАВА I.

Лѣтъ 30-ть тому назадъ жилъ еще 80-ти лѣтній бунчуковый товарищъ Горбачевскій, и старики помнятъ еще его веселый нравъ и любопытные разсказы о давно минувшихъ происшествіяхъ. Онъ родился и умеръ въ Глуховѣ, служилъ въ малороссійской войсковой и гражданской службахъ и давно уже жилъ въ отставкѣ. Единственнымъ удовольствіемъ его въ сіе послѣднее время были воспоминанія о прежней славѣ Глухова и достопамятностяхъ той эпохи, и никакія великія происшествія нашего времени его столько не занимали, какъ тѣ, которыя въ глазахъ его проходили въ прежней гетманской резиденціи. Всѣ событія со времени императрицы Елисаветы Петровны сохранились живо въ его памяти: зналъ онъ многое, что и до того времени случилось, ибо отецъ его въ числѣ прочаго, впрочемъ не слишкомъ богатаго наслѣдства, оставилъ ему и нѣкоторой запасъ для разсказовъ еще изъ временъ гетмановъ Скоропадскаго и Апостола. Но панъ Горбачевскій любилъ преимущественно разсказывать то, чему самъ былъ свидѣтелемъ. Нельзя сказать, чтобы повѣствованія, въ наслѣдство ему доставшіяся, были менѣе любопытны, какъ тѣ которыя могъ онъ назвать своимъ благопріобрѣтеннымъ имѣніемъ. И я можетъ быть при досугѣ, сообщу оныя моимъ читателямъ; но на сей разъ приступаю къ разказу одного изъ происшествій, которое преимущественно любилъ разсказывать покойный панъ Горбачевскій, потому можетъ быть, что онъ самъ игралъ въ ономъ роль. Роль сія конечно была не важна и происшествіе сіе могло и совершиться, и расказано быть— безъ воспоминанія о его имени, но меня могли бы упрекнуть неблагодарностью, если бы я умолчалъ о томъ, что панъ Горбачевскій считалъ такъ важнымъ въ отношеніи себя и что при всякомъ повтореніи повѣсти, не упускалъ съ важностію сообщить своимъ слушателямъ. Какъ послѣ читатель увидитъ, я не отниму у него принадлежащаго ему въ сей драмѣ мѣста. Мы сравнили выше разсказы пана

Горбачевскаго съ имѣніемъ наслѣдственнымъ и пріобрѣтеннымъ. Да не подумаютъ читатели, что мы сіе сдѣлали или желая пошутить надъ покойнымъ добрымъ паномъ Горбачевскимъ или показать свое остроуміе. Нѣтъ! Панъ Горбачевскій дѣйствительно щиталъ всѣ достопамятныя произшествія своею собственностію. Онъ овладѣвалъ ими со всѣмъ деспотизмомъ азіатскаго владѣльца и не позволялъ никому нарушать права своего владѣнія. Правда, онъ имѣлъ и многіе документы на сіе право: записки, копіи съ любопытныхъ всякаго рода бумагъ, акты и прочіе документы (чѣмъ мы въ семъ воспользовались), которые иногда останавливали дерзновенныхъ вступать въ его предѣлы. И никогда, должно сказать, смѣльчаки сіи не оставались безъ отмщенія. Имъ обыкновенно возмездіемъ было или сатирическая замѣтка или малороссійская пословица, или колкое словцо, которое всегда бывало довольно чувствительно. Но послѣ, однако, къ всему этому привыкли и безпрекословно признали пана Горбачевскаго въ полномъ правѣ пользоваться тѣмъ, чѣмъ онъ хотѣлъ. И если иногда другіе позволяли себѣ при немъ вспомнить и разказывать минувшія бы́ли, то сіе дѣлали проказники, которые хотѣли заставить пана Горбачевскаго пуститься на поприще слова.

Съ кончиною императрицы Анны, Малороссія начала отдыхать отъ всякаго рода тягостей, которыми она была обременена. Но не утвердившееся правленіе и перемѣны въ ономъ держали еще всѣхъ въ неизвѣстности. Съ восшествіемъ императрицы Елисаветы Петровны Малороссія такъ сказать воскресла. Всѣ знали добрыя и милостивыя свойства императрицы и всѣ надежды въ душѣ малороссіянъ ожили. Уже не боялись ни фельдмаршала Миниха, котораго проѣздъ бывалъ такъ страшенъ, ни министерской канцеляріи, ни—слова и дѣла государева. Военные сержанты и капралы, правда, все были еще страшны, но они нѣсколько присмирѣли; а малороссіяне нѣсколько пріосанились. Надобно сказать, что мои земляки не столько боялись офицеровъ рускихъ, сколько нижнихъ чиновъ; вѣроятно отъ того, что первые были въ поступкахъ своихъ благороднѣе и въ требованіяхъ умѣреннѣе. Правда, иногда и московскій панъ (такъ называли офицеровъ) бывалъ тяжелъ, но все таки капраловъ боялись больше.— Вездѣ говорили о будущихъ перемѣнахъ; ожидали что великороссійскіе члены въ коллегіи будутъ уничтожены, что гетманъ будетъ избранъ и пр. и пр. Это обыкновенныя слѣдствія новаго правленія. Конечно, большая часть народа или сама не знаетъ чего хочетъ или ничего не желаетъ, и судя по пословицѣ *что панъ, то батько*, кажется

малороссіяне равнодушны, какъ ни называется ихъ начальникъ и какія права онъ ни имѣетъ; однако перемѣны въ правленіи были такъ тяжелы и такъ утѣснительны и не сообразны съ духомъ народа, что для этого одного желать могли гетманства. Теперь, можетъ быть, не очень бы порадовались назначенію выбора гетмана, и не послали бы депутаціи просить о семъ государя; но тогда съ избраніемъ гетмана уничтожался настоящій порядокъ правленія и этого было довольно; надобно правду сказать, что всегда и вездѣ о подобныхъ перемѣнахъ заботятся люди въ государствахъ высшаго класса, иные изъ чистыхъ видовъ, ожидая улучшенія состоянія страны, большая же часть по личнымъ отношеніямъ: иной ищетъ собственнаго возвышенія, другой счастливаго оборота въ своихъ дѣлахъ, третій паденія непріятелей. Больше всего всзродило надежды малороссіянъ возвышеніе Разумовскаго, о которомъ узнали почти въ тоже время, какъ получили извѣстіе о восшествіи императрицы на прародительскій престолъ. Еще это былъ первый примѣръ возвышенія малороссіянина при россійскомъ дворѣ; народъ же, на особыхъ правахъ присоединенный къ государству, всегда радуется могуществу своего земляка при особѣ государя. Сколько онъ надѣется имѣть въ немъ предстателя, столько же и поставляетъ ему въ обязанность заботиться о благосостояніи земляковъ своихъ. Отчасти сей образъ мыслей основателенъ, ибо въ подобномъ случаѣ когда въ составъ государства вошелъ народъ на особыхъ правахъ состоящихъ, то безъ всякаго сомнѣнія много пріобрѣтетъ завистниковъ изъ тѣхъ, которые сими правами не пользуются. Къ сожалѣнію, природа человѣка такова, что если онъ и ничего не теряетъ черезъ то, что другому лучше, но онъ не менѣе отъ того досадуетъ и неперестаетъ желать, чтобы другой потерялъ, хоть самъ чрезъ то ничего не пріобрѣтаетъ. Въ доказательство тому служитъ существовавшая долгое время народная непріязнь между дѣтьми одной матери Россіи, великороссіянами и малороссіянами, не смотря на то, что исторія сихъ послѣднихъ не представляетъ ни одного примѣра вражды или непріязни противъ своихъ единовѣрцевъ и одноземцевъ. Непріятели Малороссіи только и помнятъ измѣну гетмана Мазепы; но сія измѣна человѣка, во первыхъ не природнаго малороссіянина, именно не удалось ему по причинѣ оказанной вѣрности войска и народа. И если въ теченіи можетъ быть ста лѣтъ земляки пана Горбачевскаго не показывали довѣрія и боялись москалей, то это не отъ чего другаго, какъ отъ того, что русскіе ихъ не любили Теперь, благодареніе Богу, все сіе давно уже миновалось. Всѣ мы, и

великороссіяне и малороссіяне, русскіе, дѣти единаго отца и любимъ другъ друга, сколько люди способны любить другъ друга. Если мы оправдываемъ въ одномъ отношеніи требованія малороссіянъ, которыя они простираютъ къ возведеннымъ судьбою на степень могущества и славы землякамъ своимъ, то въ другомъ не можемъ не сознаться, что сіи требованія простираются иногда за предѣлы умѣренности и безпристрастности. Малороссіяне поставляютъ таковымъ вельможамъ въ обязанность не только быть защитниками всего края вообще, но и каждаго изъ нихъ въ особенности, такъ какъ родственники возвысившагося человѣка требуютъ отъ него исключительныхъ себѣ мѣстъ и наградъ, забывая, что благоразумный вельможа долженъ токмо смотрѣть на достоинства человѣка и на ту пользу, которую употребленный на службу можетъ приносить обществу. Отъ сего сохранились доселѣ пріязнь къ однимъ и ненависть къ другимъ вельможамъ изъ малороссіянъ, можетъ быть не совсѣмъ безпристрастныхъ; а поелику тѣхъ изъ нихъ, которые заслужили первую гораздо меньше, нежели послѣднихъ, то не отъ того ли возродилось въ Малороссіи невыгодное мнѣніе на счетъ тѣхъ изъ соотечественниковъ, которые возвысились. Впрочемъ, все здѣсь сказанное относится ко временамъ минувшимъ. Теперь малороссіяне радуются возвышенію не земляка своего, но человѣка достойнаго и интересы ихъ одни со всею Россіею. Но оставляю дальнѣйшее разсужденіе объ одномъ изъ такихъ предметовъ, о которомъ мнѣнія людей будутъ всегда различны, приступаю къ разсказу происшествія, желаю читателямъ моимъ столь удовольствія при чтеніи, сколько доброй панъ Горбачевскій доставлялъ утѣшенія своимъ слушателямъ. Я сомнѣваюсь однако, чтобы желаніе мое исполнилось, ибо хотя я соблюдалъ (sic) весьма строго вѣрность историческую, и не позволилъ себѣ прибавить ни одного обстоятельства сверхъ того, что точный и правдивый п. Горбачевскій намъ оставилъ, однако тотъ оригинальный разсказъ, та національная веселость, особенный образъ изъясненій, движенія комическія п. Горбачевскаго, что доставляло слушателямъ столько удовольствія, все это къ сожалѣнію погибло для читателей. Мы постараемся однако сколько возможно замѣнить сей недостатокъ историческими мѣстными извѣстіями и замѣчаніями, которыя не нужны были для тогдашняго времени, ибо всѣмъ были извѣстны, но которыя нужно сообщить нашимъ читателямъ.

Городъ Глуховъ не то значилъ прежде, что онъ значитъ въ наше время. Теперь проѣдешь иногда черезъ городъ и не увидишь на улицѣ

живой души; а прежде, какъ старики разсказывали, не разминешься бывало съ берлинами, колясками и тарадайками; кареты были еще рѣдки, однако знатнѣйшіе люди имѣли оныя. Множество пановъ жило въ городѣ по должности, другіе же и безъ дѣла; нѣкоторые изъ нихъ хоть не имѣли постояннаго пребыванія, но живя въ сосѣдствѣ, пріѣзжали весело проводить время въ малороссійской резиденціи; къ сему надобно прибавить великороссійскихъ чиновниковъ, военныхъ; такъ что все это составляло общество многолюдное и разнообразное. Бывали часто обѣды, банкеты, которые продолжались...(?) цѣлый день, на которыхъ не жалѣли ни водки, ни венгерскаго вина. Вечеромъ бывали собранія для игры, въ которой участвовали и дамы, равно и въ банкетахъ играли въ пикетъ, въ памфилъ, въ ломберъ. Танцовали рѣдко, ибо дѣвицы выѣзжали токмо на свадьбы; но со времени гетмана Разумовскаго начали давать балы и дѣлали собранія менѣе утомительныя. Къ гетману съѣзжались на обѣды, потомъ разъѣзжались, а вечеромъ снова собирались на балъ. Въ это время завелся въ Глуховѣ и французскій театръ. Декабря 19, 1751-го года открыли представленіе комедіей *La foire de Hizin*. Панъ Горбачевскій сказывалъ, что, какъ слыхалъ онъ отъ одного старика, Глуховъ въ древности Васильковымъ назывался и что, до раззоренія, однихъ церквей въ ономъ было 70[1]). Послѣ же разоренія, когда начали селиться въ немъ люди, они прозвали новый городъ Глуховымъ—отъ глуши. Извѣстно по исторіи, что Глуховъ былъ разоренъ Батыемъ, который чрезъ него возвращался. Извѣстно также, что во время моровой язвы въ немъ не осталось ни одного человѣка живого. Глуховъ здѣлался резиденціей и правленія со времени избранія Скоропадскаго. Послѣ измѣны Мазепы, Батуринъ, прежнее мѣсто пребываніе гетмановъ, былъ взятъ приступомъ и разоренъ. Глуховъ, какъ и теперь, раздѣлялся собственно на городъ и на предмѣстія—Верягинъ, Бѣлополовка Усовка и Красная-Горка, названная вѣроятно по красотѣ своихъ видовъ. Улицы были не прямы и дома строили, какъ и гдѣ хотѣлъ. Но когда въ 1748 году, въ маѣ, послѣ пожарей, пять дней возобновлявшихся, почти весь городъ выгорѣлъ, то указомъ сената 1748 года, 23 числа іюня и сентября 16, повелѣно—разширять улицы въ городѣ и строить порядочно. Въ городѣ были; домъ малороссійской коллегіи, домъ гетмана, близъ церкви Анастасіевской, монастырь дѣвичій, значительнѣйшія церкви, канцелярскій курень, торговые ряды, базаръ, который назывался въ Малороссіи *мѣсто*, домы казенные и нѣкото-

[1]) Это свѣдѣніе взято изъ дневника Як. Марковича.—*Ред.*

рыхъ частныхъ людей. Въ городѣ было четверо воротъ: кіевскіе, московскіе, путивльскіе и бѣлопоповскіе. Впрочемъ, по тѣснотѣ мѣста, богатые люди начали послѣ строить домы на предмѣстіяхъ. Гетманъ Скоропадскій имѣлъ домъ на Бѣлопоповкѣ, который назывался *напастовнику*, т. е. на огородѣ. Гетманъ Апостолъ тоже выстроилъ на семъ предмѣстіи домъ, но не долго въ оном пожилъ. Въ день коронаціи императрицы, 28-го апр. 1733 г., ясновельможный далъ огромный банкетъ, на которомъ самъ больше всѣхъ гостей подгулялъ и тутъ же занемогъ; отъ сего болѣе не вставалъ. Другіе вельможные паны имѣли домы на Бѣлопоповкѣ и на Верегинѣ, гдѣ былъ и министерскій дворъ. Тутъ построили послѣ новый домъ, въ которомъ жилъ гетманъ Разумовскій. Еще и теперь есть остатки прудовъ и садовъ гетманскаго жилища. Глуховъ имѣетъ довольно хорошее мѣстоположеніе. Городъ собственно называемый, предмѣстіе къ селу Сваркову и Красная-Горка, какъ уже и сіе названіе показываетъ, поселены на возвышеніи, а прочія предмѣстія—на низменностяхъ. Городъ соединяется съ Веригинскимъ предмѣстіемъ посредствомъ широкой плотины: при въѣздѣ на оную воздвигнуты великолѣпныя каменныя кіевскія ворота. Плотина сія теперь не очень пріятна для проѣзжающихъ, но прежде всегда содержалась въ порядкѣ и въ старыя времена высыпалась пескомъ и служила мѣстомъ гулянья для всего города. На правой сторонѣ оной—обширной и красивой прудъ, въ которой вдался отъ стороны Веригина низменный мысъ. На семъ мѣстѣ фельдмаршалъ Румянцовъ-Задунайскій построилъ было для себя дворецъ, выкопалъ пруды и разсадилъ садъ. Нѣкоторые старые козаки помнятъ еще и теперь, что они довольно потрудились строивши, какъ они говорятъ, домъ на болотѣ. Подобныя работы были одною изъ причинъ, заставлявшихъ козаковъ переходить въ посполитые, то есть въ состояніе собственно земледѣльческое. На главной улицѣ города, между воротъ московскихъ и кіевскихъ, построенно было великолѣпное каменное зданіе въ три этажа, украшенное многими статуями (правда не весьма красивыми). Тутъ помѣщались: малороссійская коллегія, генеральный судъ и другія присутственныя мѣста. Въ полдень, когда оканчивались занятія по присутствіямъ, выходила на балконъ войсковая музыка и раздавались громкіе звуки литавръ и трубъ. Все приходило въ движеніе: чиновники и канцелярскіе служители и множество зрителей на улицѣ, все это смѣшивалось и говоръ заглушалъ иногда самую музыку. Всѣ расходились потомъ обѣдать.

Въ 178... году [1]) отъ пожара, который истребилъ большую часть города, сгорѣло и сіе огромное зданіе, остатки онаго долгое время представляли великолѣпныя руины. Къ 180... сдѣлали изъ онаго три корпуса для присутствій, которые черезъ нѣсколько лѣтъ обратились въ безобразныя развалины; немногія же оставшіеся статуи попали къ охотникамъ: еще и теперь видна одна въ впадинѣ постоялого двора на большой дорогѣ. Такъ преходитъ слава міра сего!—Гдѣ теперь гаубтъ-вахта, которая вѣроятно скоро умножитъ число городскихъ развалинъ, былъ канцелярскій курень, тоесть домъ, гдѣ помѣщались канцелярскіе служители. Тогда въ Глуховѣ служили молодые люди и всѣхъ лучшихъ шляхетскихъ фамилій. Домъ сей былъ жилищемъ веселостей и позволительныхъ шалостей рѣзвой молодежи. Однако эта молодежь знала и свое дѣло, многіе молодые люди учились основательно (особливо для того времени) въ кіевской академіи и не перемѣняли ежегодно потомъ мѣста своей службы. Еще иногда и теперь слышимъ, что если говорятъ про какого знающаго дѣльца, то во первыхъ упоминаютъ, что онъ служилъ въ малороссійской коллегіи и съ патріотическою гордостью разсказываютъ, что когда одинъ губернаторъ изъ великороссіянъ отзывался о малороссійской коллегіи невыгодно въ присутствіи фельдмаршала Задунайскаго, то графъ сказалъ: знаете-ли, батюшка, что тамъ есть канцеляристы умнѣе насъ! Въ малороссійской коллегіи началъ службу Безбородко, Трощинскій и другіе люди, которые въ послѣдствіи преходили важныя государственныя должности. Но приступимъ къ повѣствованію.

ГЛАВА II.

Ой знати, знати, въ кого есть дочки,
Топтаны стежечки подъ оконечки
Малорос. пѣсня.

Въ верстахъ 15 отъ города, жилъ отставной ея царскаго пресвѣтлаго величества малороссійскаго войска полковникъ [2])... Онъ служилъ долго, былъ въ походахъ противъ турокъ при императрицѣ Аннѣ и наконецъ 55-ти лѣтъ вышелъ въ отставку. Уже нѣсколько лѣтъ, какъ онъ потерялъ жену. Семейство его состояло изъ одной дочери. Надежда, такъ звали ее, была 18-ти лѣтняя прекрасная,

[1]) Пожаръ этотъ случился въ 1784 г.

[2]) Въ рукописи оставлено мѣсто для фамиліи.

свѣжая, румяная дѣвушка. Черные волосы возвеличивали бѣлизну ея лица и блестящій румянецъ на щекахъ. Теперь, можетъ быть, красавицу съ такимъ живымъ румянцемъ нашли бы слишкомъ деревенскою; но въ старыя времена здоровье почитали въ дѣвицахъ первою красотою; и женихи, и родственники ихъ заботились, чтобы избираемая ими въ семейство свое дѣвушка была совершенно здорова. Тогда не знали бы что дѣлать съ спазмами и нервическими припадками, при которыхъ, какъ мужья утверждаютъ, часто не одна больная страждаетъ. Надобно однако сказать, что молодые люди, сохраняя въ то время свою молодость и здоровье весьма строго, имѣли болѣе права и основательныхъ причинъ, нежели нынѣшніе, такъ много заботиться о здоровьи тѣхъ, коихъ избирали себѣ въ подруги. Весьма часто случалось, что женихъ вступалъ въ бракъ такъ же невиннымъ, какъ и любезныя ихъ невѣсты. Третье лице, составлявшее семейство полковника, была тоже молодая дѣвица, однихъ почти лѣтъ съ Надеждой. Она была съ-родни полковнику и оставшись въ дѣтскихъ лѣтахъ сиротою, бѣдною и безпріютною, взята была въ домъ полковника, двоюроднаго своего дяди Софія была прелестная дѣвица. Она не имѣла блестящей наружности Надежды, ни ея веселости, была нѣсколько блѣдна и томна. Голубыя ея глаза являли нѣжность ея сердца и доброту души. Полковникъ называлъ ее овечкою. Хоть таковымъ названіемъ не хотѣлъ онъ ее совершенно обидѣть, однако показывалъ симъ, что недоволенъ ея тихостію, молчаливостію и томностію Онъ часто говорилъ, что изъ нея не будетъ доброй хозяйки, ибо хозяйка должна быть бойчѣе, подвижнѣе и проворнѣе. Въ старину болѣе всего заботились, чтобы дѣвица, особенно бѣдная, подавала надежду о себѣ, что будетъ въ своемъ домѣ хорошею хозяйкою, и потому заранѣе препоручали имъ разныя обязанности хозяйственныя и смотрѣніе въ домѣ родительскомъ. Такъ и въ домѣ полковника дочь его имѣла на рукахъ своихъ все женское хозяйство; но она, такъ сказать, была почетная хозяйка. Труднѣйшія же и существенныя части домоводства были дѣломъ Софіи. Полковникъ часто ей твердилъ, что ненадобно даромъ хлѣба есть; нельзя сказать, что бы онъ сіе дѣлалъ изъ жестокости или желая ее оскорбить, но тогда менѣе были отчетливы и въ словахъ, и въ поступкахъ. Напротивъ, онъ бы считалъ себи виноватымъ, если бы ее баловалъ и пріучилъ къ праздности. Какъ бы то ни было, Софія большую часть дня проводила въ хозяйскихъ трудахъ; всѣ амбары и кладовыя находились въ ея владѣніи: огромная связка ключей всегда была у ней или въ

рукахъ или подъ полою ея кофты; ночью же они почевали они подъ ея подушкой. Самыя дорогія вещи были подъ смотрѣніемъ Надежды, напримѣръ, серебро, гардеробъ ея покойной матери, сахаръ, водки и закуски; однако Надежда или будучи занята съ гостями или лѣнясь сама пти, не рѣдко дѣлала довѣренность Софіи поуправиться и въ своемъ департаментѣ. Когда нужно было имъ вывѣсить, при хорошей погодѣ, бархатные и аксамитные кунтуши, шубы, стеганыя одѣяла ея матери, или же къ какому празднику вынуть изъ кладовой серебро или налить въ графинчики изъ сулѣй [1]) водки, то обыкновенно поручаемы ей были ключи, которые по окончаніи припорученія возвращались Надеждѣ обратно. Надежда во время сихъ операцій навѣдывалась въ кладовую, и даже безъ оныхъ почти ежедневно бывала тамъ, большею частію послѣ обѣда, ибо въ это время она всегда запасалась тамъ павидломъ, т. е. медовымъ вареньемъ, на полдникъ, для котораго обыкновенно, при шествіи ея въ кладовую, слѣдовала за нею служанка съ *тальркою* [2]) и ложкою. Дворъ полковника состоялъ изъ значительнаго числа служителей обоего пола. Тогда въ панскихъ дворахъ не было такъ много дворовыхъ, какъ то бывало въ послѣдующее время, ибо, какъ извѣстно, въ эпоху нами описываемую, помѣщики не имѣли крѣпостныхъ людей; поселяне, жившіе въ помѣщичьихъ селеніяхъ, имѣли право переходить съ мѣста на мѣсто, пріобрѣтать свою землю и назывались не крестьянами, но подданными. Однако полковникъ,—по примѣру прочихъ знатныхъ пановъ, имѣлъ значительную дворню: домоправителя, повѣреннаго, комнатныхъ служителей, изъ которыхъ холостые назывались молодиками и хлопцами, кучеровъ, машталѣровъ, охотниковъ, трубачей, которые въ торжественные и веселые дни составляли музыку, бояръ, то есть верховыхъ, которые, во время поѣздокъ полковника, скакали впереди и проч. Сверхъ того, при дворѣ полковника находился домовой священникъ и дьячекъ, ибо въ то время богатые паны имѣли въ селахъ особыя домовыя или придворныя церкви, для которыхъ содержали священно и церковнослужителей изъ своихъ собственныхъ доходовъ. Въ то время малороссійскіе паны были очень набожны. Въ нѣкоторыхъ домахъ придворный дьячекъ ежедневно приходилъ въ комнаты читать заутреню, часы и вечерню, и часто сопровождалъ пана въ его поѣздкахъ, во время которыхъ сіе обыкновеніе не на-

[1]) Большія бутыли.

[2]) Почеркнуто въ подлинникѣ.

рушалось. Дворовые служителя, особенно повѣренный и писарь, присоединялись къ дьячку, попеременно съ нимъ читали и громогласно пѣли священныя пѣсни. Священники, особенно духовники, весьма были уважаемы; духовные дѣти безпрекословно повиновались налагаемой на нихъ эпитеміи. Правду сказать, что духовники налагали оныя съ снисхожденіемъ и уваженіемъ, и эпитеміи почти всегда заключались въ чтеніи псалтыри или молитвъ опредѣленныхъ. Дворовые люди лучшіе имѣли какъ и всегда и вездѣ, преимущество предъ другими; но въ то время они пользовались почестію, которая послѣ вышла изъ обычая. Въ свѣтлый праздникъ тѣ изъ людей сихъ, которые поведеніемъ своимъ и заслугами пріобрѣли уваженіе, пользовались правомъ обѣдать за однимъ столомъ съ панами. Домъ полковника въ деревнѣ былъ въ числѣ обширнѣйшихъ и великолѣпнѣйшихъ. Тогда по большей части строили дома деревянные, которые имѣли немного выгодъ и не защищали довольно отъ холода, что мы и теперь къ удивленію видимъ, хоть по климату нашему и должно было бы ожидать большей о семъ заботы. Въ домахъ обыкновенно бывало много холодныхъ сѣней. Комнаты имѣли названія отличныя отъ теперешнихъ. Гостиная называлась парадною, или середнею; посему, большею частью, она была въ срединѣ другихъ комнатъ; буфетъ—крейденцомъ, дѣтская... (?) [1]), была зала, боковыя и проч. Предъ главнымъ входомъ обыкновенно было большое крыльцо и крыши всегда высокія, и часто въ два яруса. У полковника домъ украшенъ былъ, какъ не у многихъ изъ тогдашнихъ пановъ. Въ гостиной были заграничные шелковые обои, которые называли плахтами, зала была выштукатурена и потолокъ украшенъ былъ узорчатыми фигурами лѣпной работы, полы были хоть не паркетные, но штучные. Двери изъ сѣней въ различныя комнаты были одноштучныя, выкрашенныя темнозеленою краскою, на которыхъ нарисованы были различныя эмблемы, почерпнутыя большею частію изъ книги изданной при Петрѣ I въ... году подъ заглавіемъ [2])... Не далеко отъ дому полковника была огромная каменная кладовая, со сводами, крытая желѣзомъ. Эта кладовая служила главнымъ украшеніемъ двора, ибо паны поставляли свое честолюбіе въ томъ, чтобы имѣть огром-

[1]) Трудно прочесть; мож. быть—*мамкиною.*

[2]) Можно предполагать, что Марковичъ имѣлъ здѣсь въ виду, изданную въ 1705 г. книгу: „Символы и Емблемата," состоящую изъ гравированныхъ на мѣди рисунковъ, эмблемъ и символическихъ изображеній, которыхъ всѣхъ числомъ 840. См. Пекарскій, „Наука и Литература при Петрѣ В." II, 142. *Ред.*

ныя кладовыя. Она состояла изъ нѣсколькихъ отдѣленій и погребовъ и была въ два яруса, изъ коихъ на второмъ находилась комната, въ которой часто лѣтомъ полковникъ гулялъ съ пріятелями. Погребъ былъ тутъ же, слѣдовательно недалеко было ходить за венгерскимъ, фортиньякомъ и разными наливками, которыя нѣкоторые гости предпочитали самымъ лучшимъ винамъ. Близъ дому былъ садъ регулярной и цвѣтникъ. Аллеи въ ономъ, какъ и въ болъшей части прочихъ садовъ, обсажены были липами, а въ куртинахъ были плодовитыя деревья. У полковника была и оранжерея, хотя не весьма богатая, но и та служила предметомъ удивленія и доказательствомъ богатства пана, ибо подобныя заведенія были еще очень рѣдки.

Въ домѣ полковника жилъ съ давнихъ лѣтъ п. Бандура-Галошкевичъ, хотя изъ бѣдной, но старинной фамиліи шляхтичъ. Предки его, по преданіямъ, сохраняемымъ съ большимъ стараніемъ п. Бандурой, назывались прежде Галошкевичами, но одинъ изъ нихъ мастерски игралъ на бандурѣ и гетманъ Мазепа любилъ забавляться его музыкой. Ясновельможный пожаловалъ его войсковымъ товарищемъ, и въ одну изъ веселыхъ минутъ сказалъ, что для сохраненія въ «потомные часы» памяти о его мастерствѣ, онъ придаетъ къ прежней фамиліи его *пришдомокъ* Бандура. Съ тѣхъ поръ все потомство славнаго музыканта сохраняло съ благоговѣніемъ сіе прозваніе. Нѣкоторые люди, вѣроятно, по непріязни, утверждали, что п. Бандура произвольно перемѣнилъ свою фамилію, и что предки его назывались не Галошкевичами, а Галушкевичами; но сіе п. Бандура считалъ всегда великою себѣ обидою и никога не прощалъ, если кто и неумышленно превращалъ его прозваніе. Къ несчастію сходство сей фамиліи съ названіемъ весьма употребительнаго въ Малороссіи кушанья, затрудняло весьма многихъ и невольно заставляло многихъ ошибаться въ произношеніи. Дворовымъ людямъ полковника это обстоятельство было настоящимъ камнемъ преткновенія: они охотно бы желали называть взыскательнаго полковника п. Бандурой, но п. Галошкевичъ весьма не любилъ, чтобы отдавали преимущество новѣйшей фамиліи предъ древнѣйшею. Требованія его на сей счетъ сдѣлались особенно настоятельныи съ тѣхъ поръ, какъ п. асаулъ ценеральный, который учился въ кіевской академіи и зналъ латинскій и французскій языки, сообщилъ п. Бандурѣ Галошкевичу свои догадки о томъ, что фамилія его по всѣмъ соображеніямъ происходитъ отъ галловъ и совѣтовалъ ему писать оную чрезъ латинское G, что п. Галошкевичъ принялъ весьма основательнымъ и охотно послѣдовалъ совѣту п. асаула ве-

неральнаго, котораго учености онъ съ того времени еще болѣе довѣрять началъ.

П. Бандура-Галошкевичъ—былъ *все* въ домѣ полковника, а наиболѣе его собесѣдникомъ. Онъ имѣлъ неограниченную въ домѣ власть и всѣ ему безпрекословно повиновались. Онъ участвовалъ во всѣхъ предпріятіяхъ и во всѣхъ забавахъ п. полковника. Во всѣхъ важныхъ и малыхъ дѣлахъ спрашивалось его мнѣніе. Всѣ закупки на ярмаркахъ и въ городѣ совершались Галошкевичемъ. Домоправитель, войтъ [1]) и другія должностныя (лица?) не предпринимали ничего безъ его совѣта и голосъ его всегда былъ уважаемъ. Въ одинъ изъ зимнихъ дней ожидали возвращенія п. полковника изъ города, куда онъ за нѣсколько дней предъ тѣмъ уѣхалъ. По сему случаю п. Галошкевичъ всталъ раньше обыкновеннаго, т. е. прежде восхожденія солнца. Онъ переходилъ изъ комнаты въ комнату. Потомъ, отправился онъ въ людскія, мастерскія, на кухню и конюшю, вездѣ разнесъ съ собою пробужденіе, сопровождаемое то ласкою, то угрозами, смотря съ кѣмъ имѣлъ онъ дѣло. На другой половинѣ дома происходили подобныя явленія, хоть главное дѣйствующее лице было другое. Послѣ п. Галошкевича безспорно значительнѣйшая особа въ домѣ была ключница. Трудно даже рѣшить, кто изъ нихъ былъ важнѣе. Прежде называли ее Дарьей; но когда п. полковникъ назначилъ ее въ ключницы, то изъ почтенія къ новому званію начали величать ее Одаріей Семеновной. Не смотря на то, что панночки сами смотрѣли отчасти за хозяйствомъ и имѣли ключи, можно сказать, что Одарія Семеновна была настоящая хозяйка въ домѣ. Панночки ничего не смѣли сдѣлать, не испоривъ прежде ея совѣтовъ или лучше сказать приказаній. Безъ ея опытности и напоминаній онѣ часто не знали бы что дѣлать, и если дочь и племянница заслуживали иногда гонку отъ п. полковника, то это всегда было послѣдствіемъ того, когда онѣ, по молодости, уклонялись отъ пути, предназначеннаго опытною домоводкой. Сверхъ того, Одарія Семеновна смотрѣла за ними еще съ самой колыбели, а это одно могло сдѣлать, что онѣ имѣли бы къ ней невольное почтеніе, если бы она и не заслуживала онаго своею къ нимъ привязанностію и ласковымъ угожденіемъ ихъ прихотямъ, когда она, разумѣется, была къ тому расположена. Одарія Семеновна встала немного позже п. Голошкевича и, какъ опытная домоправительница, не менѣе показала въ сей день усердія и заботливости, ожидая п. полковника. Все утро

[1]) Позднѣе—„приказчикъ", распоряжавшійся работами крестьянъ.

она, какъ говорится, не присѣдала, и языкъ ея, который можно сказать былъ неутомимъ, не болѣе оставался въ покоѣ, какъ и ея ноги. Она уже нѣсколько разъ обходила и кухню, и пекарню, и кладовую. Во время сихъ заботъ, переходовъ и обильныхъ разсказовъ, съ перерывами, она была (безпокоима?) частыми требованіями служителей, особенно поварчуковъ, которые присылали къ ней за столовой провизіей. Надобно сказать, что бережливая домовка имѣла правило никогда не отпускать за однимъ разомъ столько провизіи на кухню, сколько отъ ней требовали, хоть бы требованія сіи были весьма умѣрены. Это дѣлала она изъ расчетливости экономической, соображая весьма справедливо, хотя и не сознаваясь въ томъ, что повара и. полковника скорѣе готовы будутъ сдѣлать возможное изъ не возможнаго, нежели обратиться къ ней съ новыми требованіями провизіи, такъ боялись они грому и крику, которыми обыкновенно Одарія Семеновна поражала служителей кухни. Не успѣла она узнать причину прихода поварчука, какъ обильныя рѣчи, подобно лавѣ, лились на бѣдную его голову. Хоть она послѣ принималась за ключи, но симъ не прекращался шумный ея разговоръ, крикъ ея раздавался и на дворѣ и на кухнѣ, куда она за поварчукомъ слѣдовала, когда тотъ получилъ отъ нея нужное, бѣгомъ уходилъ, опасаясь, чтобы она, не довольствуясь тѣмъ, что дала полную волю своему языку, не дала оной и рукамъ. И когда Одарія Семеновна уходила изъ кухни, то подобно, какъ на театрѣ изумленному зрителю мнится еще слышать разъяренную Клитемнестру, хотя она уже скрылась за сцену, такъ пораженнымъ служителямъ кухни казалось, что грозная ключница все еще мещетъ на нихъ громъ и молнію и тогда, какъ неутомимая домодовка уже на другомъ концѣ двора избрала мѣсто дѣйствія. Во время сихъ утреннихъ прогулокъ часто случалось, что п. Галошкевичъ встрѣчался съ трудолюбивою ключницею. При этомъ случаѣ они обыкновенно останавливались и сообщали другъ другу всѣ важныя происшествія и распоряженія, каждый по своему вѣдомству. Нельзя сказать однако, чтобы встрѣчи его всегда были дружественныя. Что касается до п. Галошкевича, то онъ раздѣлялъ общее мнѣніе, невольно всѣми въ домѣ полковника принятое, что безъ трудолюбивой Одаріи Семеновны не могъ бы существовать домъ и слыша часто отъ самаго п. полковника, что онъ, оставшись безъ жены, существенно ей обязанъ за порядокъ и сбереженіе своего имущества, п. Галошкевичъ считалъ необходимостію жить въ добромъ ладу съ экономкою и заслуживать ея дружбу. Но Одарія Семеновна, которая никогда не покорялась совершенно

никакимъ политическимъ видамъ, весьма не жаловала п. Голошкевича. Впрочемъ, уважая волю своего пана, она никогда не позволяла себѣ ни сдѣлать, ни сказать ему всего того, чѣмъ бы она иногда желала его попотчивать, и это принужденіе, котораго она во всякомъ случаѣ была великій врагъ, едва ли не побудительнѣйшею причиною было той пріязни, которую она питала къ п. Галошкевичу. П. Бандура былъ не безъ ума и не безъ хитрости; и въ отношеніи къ Одаріи Семеновнѣ онъ употребилъ всѣ расчеты и искусство стараго дипломатика, чтобы разгадать ея характеръ и узнать слабую онаго сторону; но въ теченіи многихъ лѣтъ всѣ старанія его оставались напрасными. Какъ часто, думалъ онъ, видя свой успѣхъ сегодня, что наконецъ достигъ своей цѣли, но на завтра разрушились всѣ его надежды. Что удавалось и годилось вчера, то сегодня не служило ему ни къ какой пользѣ, а часто имѣло для него и невыгодныя послѣдствія. Все зависѣло отъ внутренняго расположенія трудолюбивой домодовки и отъ ея произвола. Самыя лестныя для нее слова, самыя явственныя знаки уваженія иногда худо принимались; въ другой разъ и съ меньшими пособіями удавалось смягчить ея гнѣвъ или заслужить ея привѣтливость. Когда Одарія Семеновна была въ ладахъ съ п. Галошкевичемъ, то она, хоть неохотно и съ трудомъ, но производила его прозваніе отъ галловъ; въ противномъ случаѣ давала оному другой корень. Часто одного этого затрудненія въ произношеніи достаточно было, чтобы вывести ее изъ терпѣнія, и хотя, п. Голошкевичъ одной ей не показывалъ негодованія своего за сіе оскорбленіе, однако Одарія Семеновна обыкновенно, подъ видомъ извиненія, прерывала разговоръ сими или подобными словами: воля ваша п. Галошкевичъ, я понѣмецки не училась и позаморски васъ называть не умѣю! Прошу не погнѣваться, п. Галошкевичъ, а мнѣ право кажется, что вы напрасно трудите христіанскій міръ, заставляя его называть васъ не по нашему! И развѣ стыдно вамъ называться п. Галушкевичемъ? Развѣ наши галушки такая вещь, что и называть стыдно? Вы сами видите, что иногда и вельможные паны и панія ихъ кушаютъ. И послѣ этого, казалось бы, не кстати вамъ спмъ обижаться! Прибудетъ ли вамъ чести отъ того, что вы происходили отъ какихъ то нехристовъ? Воля ваша п. Галушкевичъ, я сему не вѣрю. И дѣдъ, и прадѣдъ вашъ, благодаря Бога были христіане, и за моремъ никогда, можетъ быть, по нашему не бывали, такъ зачѣмъ вамъ гоняться за нѣмецкими прозвищами?—П. Галошкевичъ выслушивалъ это иногда съ терпѣніемъ, а иногда и съ усмѣшкою. Онъ старался увѣ-

рить Одарію Семеновну, что всѣ, въ томъ числѣ и она, происходятъ отъ не-христіанъ, потому что въ древнія времена всѣ народы были прежде не христіане; но трудолюбивая Одарія Семеновна, соглашаясь съ послѣднимъ, никакъ первому вѣрить не хотѣла, и православное свое происхожденіе весьма крѣпко защищала.

Часу въ одинадцатомъ утра, возвратился п. полковникъ.—П. Галошкевичъ и служители встрѣтили его на крыльцѣ. Одарія Семеновна и панночки въ гостинной ожидали прихода его. Дочь и племянница недолго оставались тутъ, но поцѣловавши руку полковника и отвѣтивши на два-три вопроса его, удалились въ свою комнату. Остались Дарья Семеновна и п. Галошкевичъ.

— Долго загулялись, добродѣю, въ городѣ, началъ п. Галошкевичъ.

— Да, п. Галошкевичъ. Было много дѣла. Ты, я думаю скучалъ?—

— Какъ же не скучать, добродѣю? Безъ васъ, кажется, въ домѣ пусто.—Не кажите, сего, п. Галошкевичъ, подхватила Одарія Семеновна, которая съ нетерпѣніемъ слушала уже сей разговоръ,—слава Богу, у насъ въ домѣ не пусто. Панночки всегда въ домѣ, и я, нечего вамъ говорить, не сидѣла подъ замкомъ! Правда, что безъ пана, не такъ весело въ домѣ, но всѐ жъ таки не пусто! А коли вамъ скучно съ нами, было вамъ ѣхать въ городъ съ вельможнымъ паномъ! Вы все привыкли съ панами быть вмѣстѣ, такъ нечего вамъ оставаться съ нами, п. Галушкевичъ, и вельможному пану было бъ веселѣе съ вами. Дѣла же вамъ въ домѣ немного и мы бы управились сами.

— Одарія Семеновна! отвѣчалъ п. Галошкевичъ, у васъ свое дѣло, а у меня свое. П. полковнику знать про то, гдѣ мнѣ оставаться надо.

— Полно, полно, сказалъ полковникъ. — Вы поссоритесь, да забудете дать мнѣ водки. Кажется, Одарія, что пора намъ выпить по чаркѣ и закусить. У тебя конечно есть пироги.

Одарія Семеновна вышла сейчасъ изъ комнаты, чтобы сдѣлать нужныя распоряженія къ завтраку.—

— Видно у васъ не ладно было, сказалъ п. полковникъ къ п. Галошкевичу?

— По прежнему, добродѣю. Кажется и ясно на дворѣ, а смотришь и набѣжитъ туча.

— Я надѣюсь, п. Галошкевичъ, что ты, какъ умной человѣкъ, будешь со всего этого смѣяться.

— Ваша вельможность знаетъ, что съ бабами тоже что на морѣ не знаешь, когда настанетъ буря.—

— Но мы къ этому привыкли. Надобно же и Одаріи Семеновнѣ дать волю!

— Конечно, добродѣю, я бы желалъ, чтобы ваша вельможность, нѣсколько ее поудержали, но въ этомъ будь ваша воля! Иногда бываетъ мнѣ и не вмоготу переносить ея затѣйливости, и мнѣ кажется, что Одарія Семеновна должна бы изъ уваженія къ в. в. не давать такой воли своему языку. Для чести вашего знатнаго дому, должна бы она быть поскромнѣе, и я боюсь, чтобы злые люди не вынесли чего худого, видѣвши своевольство Одаріи Семеновны... Надобно конечно сознаться, что Одарія Семеновна у вашей вельможности вѣрная слуга и не всякой можетъ похвалиться такою неутомимою и честною ключницею.

Причина, по коей п. Галошкевичъ перемѣнилъ такъ внезапно конецъ своего разговора, была то, что онъ въ это время послышалъ, что Одарія Семеновна подходила къ той комнатѣ, гдѣ онъ съ п. полковникомъ бесѣдовалъ. Трудолюбивая ключница явилась въ это время съ подносомъ, на которомъ стояло нѣсколько карафинчиковъ съ водкою разныхъ цвѣтовъ и разныхъ качествъ и сребренными чарками. Вскорѣ затѣмъ лакеи принесли хлѣбъ, балыкъ, икру паюсную, приливную осетрину, печоную рыбу и пироги. Паниочки тоже вышли къ завтраку.

— В. в., такую добрую водку не вездѣ въ городѣ пили, сказалъ п. Галошкевичъ п. полковнику, когда тотъ наливалъ чарку.

— Правда твоя, п. Галошкевичъ. Выпей же и ты за здоровье Одаріи, которая намъ такія славныя водки дѣлаетъ.

П. Галошкевичъ подступилъ къ столу и взялъ за карафинчикъ, которой обыкновенно разчетливая ключница для него и подобныхъ ему ставила. Но Одарія Семеновна, которой на ту пору понравилась похвала водкѣ и которая слышала послѣднія слова п. Галошкевича на счетъ ея сказанныя, остановила его.

— Нѣтъ, п. Галошкевичъ, сказала она, для панскаго пріѣзда выпейте чарку кардамоновой. Я тоже выпью за ваше здоровье. Запеканку и полынную настойку будемъ мы съ вами пить въ другое время. Вы же, п. Галошкевичъ, недавно жаловались на нездоровье, а я благодаря Бога, людямъ помагаю. При старой паніи, вѣчная ей память, продолжала Одарія Семеновна, выпивая водку, я также понаучилась лѣчить людей и не проходитъ дня, что бы ктонибудь изъ нашего и ближнихъ селъ не приходилъ за лѣкарствомъ. П. знатной бунчуковый товарищъ, хоть и завелъ въ Глуховѣ аптеку, но какъ

видно не всѣ туда ходятъ за лѣкарствами. И мнѣ кажется, добродѣю, что вы напрасно такъ много передали туда денегъ за заморскія лѣкарства. Благодаря Бога, мы аптеки прежде не знали, а все таки своего вѣку доживаемъ.

— Я очень вѣрю, добрая моя Одарія, что ты лѣчить мастерица, но ты не можешь имѣть нужныхъ всѣхъ лѣкарствъ, которыя находятся въ аптекѣ.—Но поговоримъ о другомъ. Ты знаешь, что послѣ завтра я именинникъ. Ко мнѣ назвались многіе гости пріѣхать, поэтому я и самъ многихъ звалъ, и я думаю, что у насъ будетъ человѣкъ 50.

— Воля ваша, добродѣю, а коли бы старая пани была жива, то она бы васъ побранила. Не то чтобы она гостямъ была не рада, и я милости прошу чужихъ людей, но надобно бы вамъ было, добродѣю, загодя дать мнѣ знать. Вы сами знаете, что день не годъ, и не мѣсяцъ. Въ одинъ день не много сдѣлаешь. Я не забыла на послѣзавтра, но не чаяла, что у васъ будетъ такъ много гостей. Пятьдесять человѣкъ не пять и не десять. Правда, что за годъ до смерти старой панiи случилось тоже, что нежданно наѣхало почти столько же на ваши именины, и я помню сколько я тогда понабѣгала.

— Однако, любезная Одарія Семеновна и я помню тоже, что благодаря твоимъ стараніямъ все хорошо было и ты не посрамила день моего ангела.

— Ну и. Галошкевичъ, выпьемъ еще по чаркѣ. Послѣ такихъ жирныхъ пироговъ не худо. Одарiи будетъ хлопотъ довольно, а мнѣ надо поговорить съ тобою о дѣлахъ.

— Я думаю, Лукьянъ, сказала Одарія Семеновна къ старому креденцарію (буфетчику?), который за нѣсколько предъ тѣмъ минутъ вошелъ въ гостиную, чтобъ прибрать завтракъ, я думаю, что и. Галошкевичъ столько же разумѣетъ дѣла, какъ и мы съ тобою, и кажется не для чего бы ему такъ надуваться, когда панъ позоветъ его на совѣтъ.

— Правда ваша, Одарія Семеновна, пусть уже нашъ братъ, которой не выходитъ изъ креденца, —мы конечно дѣлъ не знаемъ,—но мнѣ кажется, что вы, Одарія Семеновна, завѣдывая столько лѣтъ всѣмъ дворомъ весьма, бы могли подать иногда и лучшіе совѣты, чѣмъ и. Галошкевичъ.

— Конечно, Лукьянъ, мы таки что нибудь знаемъ, отвѣчала ключница, наливая рюмку водки и подавая Лукьяну, сверхъ того, какъ будто у пана нѣтъ другихъ грамотныхъ людей... Писарь Горбатый я думаю и самого и. Галошкевича загналъ бы въ тупикъ. А покупки, для которыхъ всегда посылаютъ и. Бандуру, и всякой изъ насъ не хуже бы сдѣлалъ.

— Правда ваша, Одарія Семеновна. Я право не знаю, на что пану нужна эта Бандура? Хоть бы она играла, какъ при Мазепѣ, а то все молчитъ.

— Не скажу того, пане Лукьяне, хоть и не играетъ, да и не молчитъ. Ты думаешъ, черезъ кого выходятъ во дворѣ каламутини? Черезъ кого другого, какъ не чрезъ п. Галошкевича. Я бы его двухъ дней въ дворѣ не задержала. На что таки держать такого дармоѣда, на котораго столько надобно коштy. Что жъ будешь робить съ панами? Но коли бы они насъ слушались, да почаще спрашивались, то едва ли не лучше бы у нихъ все было, и едва ли не больше бы водилось у нихъ денегъ.

ГЛАВА III.

Наступилъ день именинъ полковника. Слишкомъ бы много было описывать всѣ труды и приготовленія, сдѣланныя къ сему дню неутомимою Одаріей Семеновной. Она не спала ни днемъ, ни ночью, и если она не свалилась съ ногъ, то это потому только, что домашнія хлопоты были ея стихіей. Скорѣе бы могла она сдѣлаться больною, еслибы отняли у нея возможность предоставлять ногамъ и языку своему безпрестанное движеніе, и безъ всякаго сомнѣнія, если бы трудолюбивая ключница не имѣла къ сему охоты, то все бы могли устроить и съ меньшимъ шумомъ и съ меньшею бѣготнею. Должно однако сознаться, что въ старину всякой необыкновенный съѣздъ гостей навлекалъ въ домъ множество заботъ, ибо тогда не пришло еще время, когда господа стали поставлять свои домы на такую ногу, что почти безъ приготовленія могли принимать гостей. Прежде жили весьма просто, и какъ скоро праздникъ оканчивался и оставались хозяева одни, то всѣ лучшія вещи, серебро, стекло, посуду и прочее прятали въ кладовыя. Посему то, когда ожидали какого праздника въ домѣ, столько было труда все это (нужно было?) вытаскивать изъ кладовыхъ и сундуковъ, вытирать вымывать, чистить. Не знаю осуждать ли это должно или слѣдовать сему? по-крайней мѣрѣ, нечего сему удивляться, ибо всякой вѣкъ имѣетъ свой обычай. И въ древности римляне изумлялись, что при дворѣ царей македонскихъ употребляли самые драгоцѣнные приборы и украшенія не для параду и чрезвычайныхъ случаевъ, какъ то дѣлалось придворѣ александрійскомъ, но ежедневно и запросто.

Гости начали съѣзжаться. Всѣ не принадлежавшія къ высшему классу, поставляли въ обязанность пріѣхать къ знатному пану какъ можно

раньше, и хоть они отправлялись на обѣдъ, но пріѣжали уже въ девять часовъ утра. Это были: п. Горошковскій-Бобъ, отставной войсковый товарищъ, п. значковый Грачь, мелкопомѣстные сосѣди п. полковника, которые обыкновенно ближайшаго богатаго пана считала своимъ патрономъ, оказывали ему всякое уваженіе и побаивались, чтобы на случай вельможному пану не пришла охота на ихъ счетъ округливать своихъ владѣній!—П. полковника симъ упрекать нельзя было и сосѣди жившіе въ одномъ селѣ съ нимъ и поблизу, на него не жаловались и его почитали. Сверхъ сихъ ранопріѣхавшихъ, вскорѣ явились канцеляристы изъ коллегіи и генеральнаго суда, которые оказывали п. полковнику услуги по дѣламъ его въ сихъ присутственныхъ мѣстахъ, и потому всегда имѣли право бывать у п. полковника, и хорошо принимаемы были. Всѣ эти гости, по раннему своему пріѣзду, могли бы быть нѣсколько обременительны хозяину, еслибы они были взыскательны, но они довольствовались въ боковой комнатѣ бесѣдою п. Бандуры Галошкевича и гостепріимствомъ Одаріи Семеновны, которая въ подобныхъ случаяхъ была ласкова и привѣтлива. Въ ожиданіи пріѣзда пановъ и начала настоящаго угощенія, она потчивала гостей водкою и закускою, такъ что гости ея нимало не были въ накладѣ отъ поздняго пріѣзда знатнѣйшихъ гостей. Наконецъ, часу въ двѣнадцатомъ начали съѣзжаться вельможные паны, генеральная старшина: п. обозный генеральный Яковъ Лизогубъ, войсковые генеральные судьи—Акимъ Горленко и Федоръ Лысенко, прежній генеральный судья Михайло Забѣла, генеральный бунчучный Даміанъ Оболонскій, асаулы: Петръ Валькевичъ и Яковъ Якубовичъ, генеральный хорунжій Николай Ханенко, исправлявшій должность подскарбія генеральнаго п. Яковъ Марковичъ, полковникъ лубенскій п. Петръ Апостолъ, п. Галаганъ, п. Полуботокъ, п. Михайло Скоропадскій, п. Ив. Гамалѣя и нѣкоторые другіе. Великороссійскіе члены войсковой канцеляріи и генеральнаго суда тоже прибыли: бригадиръ Ильинъ, полковникъ Челищевъ, Тютчевъ, Семеновъ. Богатѣйшіе паны пріѣзжали въ каретахъ, берлинахъ съ позолоченными украшеніями, съ вензелями на дверцахъ, выбитыми маленькими мѣдными гвоздями, цугомъ въ шорахъ съ красными обшивками, *съ люцами и кантарами*. Ожидали только пріѣзда бывшаго тогда главнымъ начальникомъ Малороссіи генералъ-лейтенанта Бибикова [1]) и п. генеральнаго писаря Андрея Безбородка, замедлившихъ потому, что въ тотъ день пришла

[1]) Назначенъ правителемъ Малороссіи весною 1742 г. Во время его правленія, пріѣзжала императрица Елисавета въ Глуховъ, попути въ Кіевъ. Бибиковъ на правительствѣ и умеръ, въ маѣ 1745 г. Дневн. Зап. Як. Марковича, II, 223.

изъ Петербурга почта. Изъ дамъ были немногія, только двѣ ближайшія родственницы полковника: пани Яковлева Чарнишъ и пани Иванова Яворская. Первая изъ нихъ приняла на себя и должность хозяйки. Хотя люди одинъ на другаго не похожи, но трудно было бы сыскать двухъ женщинъ между собой болѣе различныхъ. Пани Яковлева не мало не отступала отъ старинныхъ малороссійскихъ обычаевъ и потому имѣла она гродетуровую двуличнаго цвѣта юпку и оксамитный зеленый кунтушъ, на шеѣ видна была часть тонкой сорочки, которая застегивалась запонкой; на головѣ былъ корабликъ, середина коего была парчевая, а края бархатные чорные. Волосы всѣ были подобраны подъ корабликъ. Въ языкѣ она тоже не дѣлала никакого измѣненія, равно и во всѣхъ заведеніяхъ прежнихъ. Пани Иванова напротивъ имѣла особенную охоту возиться и знаться съ супругами великороссійскихъ господъ. Неизвѣстно, что было побудительною сему причиною. Нѣкоторыя пани можетъ быть и несовсѣмъ справедливо утверждили, что пани Иванова имѣла отъ сего нѣкоторыя выводы, и что честолюбіе ея во многихъ случаяхъ отъ сего знакомстра выигривало. Но какъ бы то ни было, всѣ великороссійскія дамы очень съ нею были дружны и часто случалось, что вновь пріѣзжавшія были уже съ нею знакомы посредствомъ своихъ знакомыхъ, которые прежде ихъ были въ Малороссіи. Пани Иванова была между малороссіянами и великороссіянами нѣчто среднее, какъ въ отношеніи языка, такъ и въ отношеніи одѣянія и прочихъ обычаевъ. Она уже не носила ни корабликa, ни кунтуша, но чепцы и нѣмецкія платья. Въ нарядахъ однако было ей гораздо легче подражать, нежели въ языкѣ. Великороссійскія дамы дружески шутили при странномъ для нихъ произношеніи нѣкоторыхъ словъ, особливо тѣхъ, гдѣ малороссіяне произносятъ букву *ъ* какъ *и*, а потому пани Иванова была на счетъ сего въ большомъ затрудненіи, и стараясь избѣжать ошибокъ, впадала въ другой родъ неправильнаго произношенія, произнося часто *ъ* тамъ, гдѣ въ обоихъ нарѣчіяхъ употребляется *и*. Она всегда говорила *Чернъювъ*, *кибъткa*, *зъма*. Странности тогда не такъ замѣтны были, сверхъ того не одна пани Иванова подражала уже обычаямъ русскихъ; были и другія паніи и высшаго разряду. Въ Глуховѣ съ давнихъ уже лѣтъ живали знатныя русскія дамы, княгиня Шаховская, Румянцева, княгиня Борятинская, Неплюева, которыя пріѣзжая изъ столицъ, безъ сомнѣнія имѣли большое вліяніе на обычаи и нравы общества, какъ то всегда бываетъ.

Наконецъ увидали карету генерала Бибикова. Всѣ засуетились, вышли на встрѣчу и провожали его съ... [1])

---

[1]) На этихъ словахъ рукопись кончается.

ЗАПИСКА

О

МАЛОРОССІЙСКИХЪ ЧИНАХЪ

АДРІАНА ИВАНОВИЧА ЧЕПЫ.

(1809 г.).

Послѣ изданія въ 1783 г. дворянской грамоты, малорусская козацкая старшина оставила прежнія заботы о доказательствахъ своего шляхетства, полученнаго де отъ польскихъ королей, а поспѣшила записываться въ „дворянскія родословныя книги“, хорошо уразумѣвъ какія значительныя права она получаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ. Сначала, казалось, что дворянство получить не трудно, но скоро „герольдія“ сталъ дѣлать затрудненія, находя что не всѣ козацкіе чины даютъ право на записку въ дворянскія книги. Мѣстные историки стали возражать, приводя историческія доказательства о значеніи козацкихъ чиновъ. Изъ такихъ доказательствъ до настоящаго времени извѣстны двѣ *записки*: одна, принадлежащая В. Г. Полетикѣ, уже напечатанная (Кіевск. Стар. 1893 г., янв., прилож.) а другая, печатаемая здѣсь, написана А. И. Чепою, извѣстнымъ „любителемъ отечества своего“. *Записка* Чепы печатается по ея подлиннику, находящемуся въ библіотекѣ кіевскаго университета, куда она поступила вмѣстѣ съ бумагами М. О. Судьенка. Подробности о составленіи этой записки—см. въ перепискѣ Чепы съ Чарнышемъ и Полетикою, напечатанной В. П. Горленкомъ [1]).

---

[1]) „Кіевск. Старина“ 1893 г., январь, стр. 46 и слѣд.

Записка о преимуществахъ чиновъ малороссійскихъ. Сочинена по препорученію г. малороссійскаго полтавскаго маршала Василія Ивановича Чарныша статскимъ совѣтникомъ Адріаномъ Чепою. 1809 года, февраля 18 дня.

Указъ правительствующаго сената по герольдіи, что малороссійскіе чины не такіе, коимъ дворянскою грамотою присвоено дворянское достоинство—несогласенъ съ малороссійскими привилегіями и высочайшими грамотамы. Сіе доказывается слѣдующими обстоятельствами.

1-е.

1. Малая Россія есть часть Русскаго царства или великаго княженія Кіевскаго. Народъ, населяющей оную, есть древній русскій [1]). Она съ 1240 года силою отторжена татарами; потомъ, подвергнута польской коронѣ до 1654 года. При такихъ перемѣнахъ, подъ чужимъ игомъ, сохранила она отъ временъ древняго русскаго правленія православную вѣру, русскій языкъ, имена городовъ и нѣкоторыхъ селеній, древнія права, уставы, привилегіи, обычай и раздѣленіе состояній народа. Въ такомъ положеніи она соединилась попрежнему съ всероссійскою державою, удержавъ учрежденное въ ней во время польскаго владѣнія [2]) военное правленіе и рыцарство, или войсковые чины [3]).

---

[1]) Нѣкоторые лѣтописатели малороссійскіе выводятъ происхожденіе народа, нынѣ населяющаго Малую Россію, одни отъ кимвровъ, другіе, толкуя имя козакъ, полагаютъ ихъ отъ козаръ и прочая, но все то несправедливо: одни берутъ очень издалека, а другіе говорятъ безъ основанія. Гетъманъ Хмельницкій въ универсалѣ 1648 г. маія, 19, къ малороссійскому народу, называетъ Малую Россію предковѣчною отчизною ихъ, а славныхъ и валечныхъ руссовъ предками ихъ.

[2]) 1576 года королемъ Стефаномъ Баторіемъ.

[3]) Въ прошеніи гетьмана Хмельницкаго и чиновъ войсковыхъ ихъ царю Алексѣю Михайловичу, 1654 года февраля 17 дня, написано. „Пожаловавъ, ущедрить права, уставы и привилегіи отъ всякія свободы и державы добръ отъ духовныхъ и мирскихъ людей во всякомъ чинѣ и преимуществѣ сущихъ, елико кто имяше отъ

2) Рыцарство или малороссійскіе войсковые чины—были слѣдующіе: гетманъ, писавшійся войскъ запорожскихъ и обѣихъ сторонъ Днѣпра, генеральные старшины: обозный, судьи два, а иногда одинъ, подскарбій, писарь, асауловъ два, а инода одинъ, хоружій, бунчучній, и принадлежащіе вѣдомству гетмана бунчуковые и войсковые товарищи и войсковые канцеляристы. Особо того: генеральной артилеріи асаулъ, хоружій и атаманъ, полковіе старшины: полковникъ [1]), судья, обозный, писарь, асаулъ, хоружій и принадлежащіе вѣдомству полковника: значковые товарищи, сотенные старшины, сотникъ и атаманы городоные и сотенные или куренные, писарь, асаулъ и хоружій.

3. Важность и власть сихъ чиновъ въ народѣ малороссійскомъ доказывается обширностію сихъ должностей и именно: гетманъ былъ главнокомандующій войскомъ и главноуправляющій доходами, земскою управою и полиціею; имѣлъ власть награждать за заслуги деревнями и чинами, яко то: значковыми, потомъ войсковыми и потомъ бунчуковыми товарищами. Генеральные чины имѣли власть по-

---

вѣковъ, отъ князей и пановъ благочестивыхъ и отъ королей польскихъ, въ государствѣ россійскомъ наданныхъ отъ нихъ же. Мы кровь свою проливаемъ отъ дѣдовъ и прадѣдовъ тія содержаще и пагуби я не допускающе".

Въ томъ же прошеніи, въ изображеніи обѣщанія царя Алексѣя Михайловича чрезъ присланнаго отъ него, написанно: „большими васъ, рече, свободами, державами и добрами пожалуетъ его царское величество, паче королей польскихъ и княжатъ древнихъ русскихъ, точію челомъ бійте". Изъ упомянутаго универсала гетьмана Хмельницкаго, 1648 года, маія 18 дня, видно, что каждый король давалъ Малой Россіи подтвержденіе ея правъ и протчая.

Примѣчаніе. Кромѣ статута, двухъ королевскихъ и Зборовскихъ пунктовъ, не находится древнихъ общихъ устововъ [2]) и привилегій князей руских и литовскихъ, хотя, повидимому, были оныя. По преданію же извѣстно, что привилегіи и грамоты во время войнъ съ татарами и турками, после Хмельницкаго бывшихъ, иніе утрачены а иніе измѣнникомъ Мазепою со всею архивою къ шведамъ увезены, поелику присланіе отъ царя Алексѣя Михайловича къ Хмельницкому для принятія и присяги боярина Бутурлина, окольничій Алферовъ да думной дьякъ Лопухинъ упоминали объ нихъ въ увѣреніе Хмельницкаго и старшины, то можетъ быть и получили съ оныхъ копіи, можетъ быть всѣ они отыщутся между дѣлами посольскаго приказа того времени въ государственой иностранной коллегіи, изъ коей въ послѣдующее время присланы имѣющіеся въ малороссійской архивѣ копіи съ договорныхъ пунктовъ гетманскихъ.

[1]) Изъ прописанныхъ чиновъ генеральные и полковники подлежали высочайшему утвержденію, а о полковой старшинѣ и сотникахъ гетманъ долженъ былъ доносить императорскому величеству съ описаніемъ ихъ слулбъ и достоинствъ.

[2]) Г. А. господинъ Полетика подъ словомъ *уставы* разумѣетъ конституціи коронныя польскія. Письмо его 1772 года, генваря 31.

соблюющую гетману. Полковые чины командовали въ полкахъ, кои были конные, и полковою артиллеріею, а сотенные чины—нѣсколькими сотнями реестровыхъ козаковъ и тоже сотенною артиллеріею. По мѣстному раздѣленію сего края было полковъ двадцать до 1711 года, въ каждотъ неравнымъ числомъ, отъ 2150 до 9096 человѣкъ реестровыхъ козаковъ, кромѣ охочихъ полковъ, шести конныхъ и пѣшихъ. При военной службѣ сихъ чиновъ, они имѣли сборъ казенныхъ доходовъ, земскую управу и полицію, даже и въ оставшихся съ 1711 года десяти полкахъ до 1769 года, то есть до устроенія урядовъ земскихъ по статуту.

4. Сіи чины въ прежнія времена, до 1765 года, выбираемы были отъ всего войска, по личнымъ достоинствамъ и заслугамъ избираемаго, съ уваженіемъ заслугъ предковъ его, хотя тогда и козаки имѣли право быть выбираемы въ чины, но требовалось, чтобы они оказали особливыя способности и заслуги главнѣйшія.

5. Сіи то чины съ войскомъ малороссійскимъ бывши въ поляковъ, служили имъ оплотомъ противъ татаръ и турковъ, и военными подвигами своими пріобрѣли отъ нихъ подтвержденіе древнихъ ихъ преимуществъ, уравненіе съ шляхетствомъ и присвоеніе имъ права книги статута, но послѣ оказанныхъ имъ притѣсненій, они, командуя козаками, со многимъ пролитіемъ крови своея на тридцати шести сраженіяхъ, свергнули иго притѣснителей своихъ поляковъ и Малую Россію, прародительскую отчизну всероссійскихъ монарховъ, повергнули къ подножію престола ихъ.

6. Царь Алексій Михайловичъ, «яко орелъ на птенцы своя вожделѣ», принялъ ихъ подъ высокодержавную свою руку 1654 года. Съ того времени они, находясь въ природномъ своемъ подданствѣ, всероссійскимъ самодержцамъ всегда служили вѣрою и правдою; возмущенія къ несчастію извнѣ коварствомъ навѣваемыя, они тогда же отражали и истребляли вооруженною рукою и всегда оставались вѣрными подданными всероссійскимъ монархамъ. Съ того же времени служили имъ во всѣхъ бывшихъ Россіи войнахъ съ татарами, турками, поляками, Персіею, шведами, при взятіи городовъ Смоленска, Азова, Очакова, Хотина и прочая. Содержали пограничную стражу, а паче отъ бывшихъ татаръ; всегда во всемъ были послушные исполнители, что только благоугодно было высочайше повелѣлъ имъ: командированы были съ козаками для строенія разныхъ крѣпостей внутри и внѣ Малой Россіи, для копанія пограничныхъ линій, Ладожскаго канала и дѣланія плотины на рѣкѣ Сулакѣ, а въ 1739 году, во всю зиму, по-

лонили ледъ на рѣкѣ Днѣпра, отъ Кіева даже до самой линіи, чтобъ не перешли татары; не имѣли никогда отставки, служили во всю жизнь на собственномъ содержаніи.

7. Покойный господинъ генералъ-фельдмаршалъ, сенаторъ, малороссійскій генералъ-губернаторъ и разныхъ орденовъ кавалеръ графъ Петръ Александровичъ Румянцовъ Задунайскій, во время царствованія безсмертной славы государыни императрицы Екатерины Великія, за увольненіемъ гетмана, находясь по высочайшему опредѣленію шефомъ и главнокомандующимъ малороссійскими войсками, поступалъ по высочайшей волѣ и намѣреніямъ ея величества; по ея повелѣнію; безъ сомнѣнія, на высочайшемъ соизволеніи основанному введенъ порядокъ согласно россійскимъ узаконеніямъ, то есть: малороссійскіе воинскіе чины уже не были избираемы по удостоеніямъ отъ команды производимыми и повышаемы по разсмотрѣнію заслугъ не только удостоенныхъ, но и предковъ ихъ, но къ казеннымъ должностямъ выбираемы были собраніями чиновъ по полкамъ и повѣтамъ, яко то: въ предводители шляхетства, въ члены и должности судовіе, земскіе и градскіе, по статуту; для собранія и храненія казенныхъ податей въ повѣтовые комисары, въ каждый повѣтъ по одному, изъ осѣдлыхъ и имуществомъ небѣдныхъ бунчуковыхъ или войсковыхъ товарищей, для счета въ кассиры по одному изъ значковыхъ товарищей, и для письма или въ писари по одному изъ полковыхъ канцеляристовъ. По учрежденію реченнаго главнокомандующаго, 1765 года, сентября 9 дня, къ новоучрежденной онымъ же главнокомандующимъ съ 1765 года и высочайше утвержденной конной почтѣ, въ почтмейстеры изъ войсковыхъ или значковыхъ товарищей, сначала 15-ть человѣкъ, а въ теченіи времени, по усмотрѣнію надобности, умножены почтовыя мѣста, кои заняты сими же чиновниками, и въ смотрители коронныхъ имѣній.—Сверхъ того, изъ сихъ же малороссійскихъ чиновниковъ опредѣляемы были отъ главнокомандующаго въ члены: въ генеральныя—скарбовую канцелярію и счетную коммисію, въ полковыя счетныя же коммисіи, для присутствія въ учрежденной въ Глуховѣ главнокомандующимъ же съ 1778 года для воинскихъ процессовъ коммисіи, одинъ изъ генеральныхъ старшинъ и нѣсколько бунчуковыхъ и войсковыхъ товарищей, а за аудитора и для писма—изъ канцелярскихъ служителей. Вообще же для исполненія бывшихъ въ военныя времена разныхъ отъ земли нарядовъ: фуръ воловъ, погонщиковъ и прочая, и для изслѣдованій на мѣстѣ, въ случаѣ преступленія должностей, командируемы были паипаче бунчуковые, войсковые

и значковые товарищи. И всѣ чины малороссійскіе, по повелѣнію того же главнокомандующаго 1778 года данному, занимаясь службою, не должны были обовязываться постороннимии дѣлами.

8. Сіи чины всегда заслуживали къ себѣ высочайшее и всемилостивѣйшее вниманіе и благоволеніе всѣхъ съ того времени царствовавшихъ самодержцовъ всероссійскихъ. Сіе гласятъ всѣхъ ихъ высочайшія грамоты съ подтвержденіемъ имъ правъ и преимуществъ данныя; многія высочайшія ихъ грамоты писаны на имя чиновъ войсковыхъ, даже до куреннаго атамана, и во многихъ изъ оныхъ удостоены они названія вѣрнолюбезныхъ подданныхъ.

2-е.

Отъ изданія первой грамоты короля Сигизмунда 1563 года, коею подтверждены малороссійской войсковой старшинѣ, или рыцарству, ихъ прежнія права, вольности, обычаи и преимущества,— до состоянія высочайшаго имяннаго отъ 28 іюля 1783 года указа, по коему они переименованы въ великороссійскіе чины, протекло 220 лѣтъ, а до сего указа правительствующаго сената, по геролдіи послѣдовавшаго къ уничтоженію сихъ чиновъ, 7-го ноября 1807 года, прошло 244 года, но со времени присоединенія ихъ подъ всероссійскую державу, съ 1654 года, уже 155 лѣтъ, никогда не оказано сумнѣнія и не сдѣлано опроверженія на ихъ преимущества; и они пользовались ими по высочайшимъ подтвержденіямъ всѣми царствовавшими самодержцами всероссійскими. Сверхъ того, оные высочайшею ихъ властію и постановленныхъ отъ нихъ начальниковъ усовершенствованны и умножены, ибо что

1, пользовались они всѣми шляхетскими преимуществами точно такъ, какъ россійскіе дворяне и чины по табели о рангахъ установленные;

2, удостоены высочайше уравненія между нѣкоторыми чинами ихъ;

3, признаваемы были достойными къ уравненію и награжденію ихъ введенными въ Россію по примѣру прочихъ европейскихъ державъ чинами, и наконецъ—

4, они дѣйствительно переименованы въ великороссійскіе большею частію военные чины такимъ порядкомъ, какъ бы и прежніе ихъ малороссійскіе были классные.

На сіи четыре положенія имѣются слѣдующія доказательства.

На первое. 1-е. Въ Малой Россіи чиновники войсковые изъ незапамятуемыхъ временъ владѣли деревнями и прочими недвижимыми имѣніями по предкамъ, по пожалованію за службы и по благоприобрѣтенію. Они имѣли, по высочайше утвержденнымъ докладнымъ пунктамъ 1729 года августа 22, позволеніе покупать въ Россіи маетности и прочія недвижимыя имѣнія и быть во всемъ противъ великороссійскихъ вотчинниковъ,—право, которое тогда однимъ россійскимъ дворянамъ принадлежало.

2-е. Многіе изъ малороссійскихъ военныхъ чиновниковъ, по подобію бывшихъ въ Россіи для чина дворянскаго помѣстьевъ, имѣли [1]) ранговыя деревни даже до открытія троихъ малороссійскихъ намѣстничествъ, а вообще всѣ чиновники, за умноженіе заслугъ, получали отъ гетмановъ, а потомъ отъ всероссійскихъ самодержцовъ, имѣнія потомственно, какъ въ Россіи дворянамъ жалованы были помѣстья въ вотчины.

3-е. По таковымъ преимуществамъ въ Малороссіи войсковыхъ чиновниковъ, совершенно сходственымъ съ шляхетскими, уже не было между ими и нѣкоторымъ числомъ шляхетства изъ Польши переселившимся, никакого различія: всѣ они равно и вновь за службы получившіе чины, по древнему обычаю, выборомъ и производствомъ, коихъ полагается токмо малое число, пользовались одинаково правами и преимуществами шляхетскими, всѣмъ имъ, женамъ ихъ и дѣтямъ присуждаемо было по рѣшеніямъ всѣхъ уридовъ, прательствующаго сената и иногда по высочайшимъ конфирмаціямъ, безчестье въ статутѣ шляхетскому состоянію положенное, и поелику тѣхъ, другихъ и третьихъ обязанность была служить во всю жизнь, то по умноженіи заслугъ и отличностей каждаго изъ нихъ, имѣли они равное право на всѣ чины, достоинства и награжденія.

4-е. При военномъ управленіи Малой Россіи, когда признано необходимо нужнымъ учредить земское правосудіе, то и произведено оное, 1763 года. По статуту узаконенно: занимать всѣ земскія должности рыцарству и шляхетству. Малороссійскіе войсковые чиновники безъ всякаго сумнѣнія о ихъ шляхетскихъ преимуществахъ выбраны въ оныя, утверждены отъ начальства и поступили: генеральнаго суда въ депутаты въ каждомъ полку, въ два подкоморскіе и въ два земскіе суды и въ нѣжинскомъ въ три, въ каждый судъ: по одному подкоморому, по одному судьи и по два подсудка, по одному пи-

[1]) Изъ высочайшаго манифеста при грамотѣ о дворянствѣ.

сарю и по одному возному, да въ каждомъ полку въ городскій судъ: по одному писарю, по одному возному, а въ каждую сотню по одному возному же. Сверхъ того, изъ нихъ же избираемы были, вмѣсто маршальскаго чина, по статуту положеннаго, въ каждомъ повѣтѣ по одному предводителю шляхетства.

5-е. По имянному высочайшему рескрипту къ господину генералу фельдмаршалу, сенатору и кавалеру графу Петру Александровичу Румянцову Задунайскому послѣдовавшему, онъ имѣлъ штатъ шефа малороссійскихъ войскъ, котораго класные военные чины: одинъ генералъ и два флигели адъютанты, оберъ-аудиторъ, секретарь, регистраторъ, переводчикъ, фурьеръ и нижніе чины—наполняеми были преимущественно изъ чиновниковъ малороссійскихъ.

6-е. Ея императорское величество высочайше и всемилостивѣйше соизволила повелѣть оному господину генералъ фельдмаршалу и кавалеру, отъ 2 маія 1767 года, нѣсколько изъ малороссійскихъ лутшихъ фамилій дѣтей обоего пола прислать къ опредѣленію въ кадетскій корпусъ и общество благородныхъ дѣвицъ. Онъ представилъ ея величеству, 1768 года, генваря 6 дня, дѣтей малороссійскихъ чиновниковъ при всеподданнѣйшемъ своемъ донесеніи и при двухъ о числѣ ихъ спискахъ; они приняты безъ всякаго сумнѣнія о ихъ шляхетствѣ, и съ того времени понынѣ всегда были принимаемы въ корпусы и прямо въ службу; служили и нынѣ служатъ въ сухопутной арміи, въ артилеріи, въ флотѣ и въ штатской службѣ, вездѣ во многомъ числѣ, на такихъ точно преимуществахъ, какъ прочіе россійскіе дворяне. Изъ нихъ примѣчательнѣйшіе состоятъ нынѣ въ службѣ: контръ-адмиралами Михайловскій и Коробка, и оба за отличныя заслуги, всемилостивѣйше награждены орденами: Михайловскій—св. Анны первой и св. вел.-мучен. и побѣдон. Георгія четвертой степени.

7-е. Во время открытія въ Малой Россіи троихъ намѣстничествъ, покойная государыня императрица Екатерина Вторая реченному главнокомандовавшему малороссійскими войсками сообщила, при рескриптѣ 1781 года октября мѣсяца, проектъ главы о дворянствѣ для руководства его и дворянскихъ предводителей съ ихъ обществами въ разборѣ дворянства. Основываясь на оном, какъ главнокомандующій, такъ и предводители съ обществомъ, не встрѣтили ни малѣйшаго сумнѣнія въ допущеніи имѣющихъ малороссійскіе чины къ выборамъ и поступленію въ должности, означенныя въ высочайшемъ о губерніяхъ учрежденіи, они тогда утверждены начальствомъ. Въ бывшіе послѣ того выборы, были выбираемы, какъ должно, подъ

надзираніемъ господъ генералъ-губернаторовъ или губернаторовъ, были утверждаемы, служили и получали даже ордены св. равноапостольнаго князя Владиміра, какъ за отличія, такъ и за тридцатипятилѣтную службу, коей большая часть продолжена была въ малороссійскихъ чинахъ. Нѣкоторые изъ нихъ опредѣляемы были въ коронную службу губернаторами, вицъ-губернаторами, экономій директорами, совѣтниками, ассесорами, прокурорами, стряпчими и прочая, и повышаемы были въ чины по табелю о рангахъ установленные и ниже произведены къ мѣстамъ секретарями.

8-е. По основанію вышеупомянутаго проекта главы о дворянствѣ и по изданной потомъ всевысочайшей и всемилостивѣйшей грамотѣ о дворянствѣ, тѣ малороссійскіе чины по заслугамъ предковъ ихъ и ихъ самихъ и по привилегіямъ и высочайшимъ грамотамъ, имъ вообще пожалованнымъ, дворянскими комиссіями троихъ малороссійскихъ губерній внесены въ дворянскія родословныя книги.

На второе. 1-е. Гетманъ графъ Кирила Григорьевичъ Разумовскій въ представленной имъ на высочайшее разсмотреніе табели о чинахъ малороссійскихъ, въ 1756 году, положилъ чинъ войскового товарища считать не ниже сотничьяго.

2-е. Высочайшимъ именнымъ указомъ, даннымъ сенату въ 10 день ноября 1764 года, повелѣно: членамъ (кои по статуту избирались на всю жизнь) считаться заурядъ; подкоморымъ—первымъ по полковникѣ, судьямъ земскимъ—съ первостатейными бунчуковыми товарищами, по старшинству, подсудкамъ—съ бунчуковыми же товарищами второстатейными; писарямъ земскимъ—по старшинству противъ полковыхъ асауловъ, а вознымъ—первымъ предъ сотникомъ малороссійскимъ.

На третье. 1-е. 1733 года государственная иностранная коллегія, по прошенію гетмана Апостола, въ мнѣніи своемъ полагала обозному генеральному: «надлежитъ имѣть рангъ генералъ маіора или бригадира, двумъ судьямъ генеральнымъ, одному подскарбію, одному писарю, двумъ асауламъ, одному хоружему и одному бунчучному—ранги подполковничьи; десяти полковникамъ—не менѣе ранга россійскаго подполковника, бунчуковымъ товарищамъ—ранги маіорскіе, полковникамъ компанѣйскихъ охочихъ полковъ, артиллеріи генеральной асаулу и хоружему, въ полкахъ малороссійскихъ, обозному, судьи, писарю, асауламъ и хоружимъ—рангъ капитана-порутчика, сотникамъ полковымъ и городовымъ—противъ подпорутчика или прапорщика; сотенной и городовой старшинѣ, тоесть атаману, хоружему, асаулу и писарю—противъ вахмистра». Но сіе предположеніе

только упослѣждающее чины малороссійскіе осталось и по тогдашнимъ обстоятельствамъ не могло быть введено.

2-е. Главнокомандовавшій въ Малой Россіи генералъ аншефъ графъ Александръ Ивановичъ Румянцовъ, въ предложеніи въ войсковую генеральную канцелярію, 16 декабря 1738 года, предписалъ: «войсковому канцеляристу Максимовичу быть въ товарищахъ капитану глуховского гарнизона Протопопову при отдачѣ высочайше пожалованныхъ грузинскимъ князьямъ и дворянамъ имѣній; и впредь, гдѣ войсковые канцеляристы съ оберъ-офицерами къ какимъ либо дѣламъ опредѣляемы будутъ, должны быть въ товарищахъ, какъ то и прежде обыкновенно исполняемо было, ибо объ нихъ, войсковыхъ канцеляристахъ, не такъ разумѣть, какъ о ротныхъ писаряхъ и прочихъ надлежитъ, но всегда содержаны быть должны въ обсерваціи и достоинствѣ, какъ дѣйствительно и самимъ имъ главнокомандующимъ исполняется».

3-е. Высочайшимъ именнымъ указомъ, даннымъ правительствующему сенату въ 10 день ноября 1764 года, по случаю увольненія графа Разумовскаго отъ гетманства, учрежденія малороссійской коллегіи и прочая, повелѣно: «желая, чтобы между опредѣленными въ коллегію членами никакого различія не было, а каждый мѣсто свое по чину и старшинству занимать могъ, всемилостивѣйше жалуемъ: сихъ малороссійскихъ членовъ уравненіемъ въ классахъ съ великороссійскими нижеслѣдующими чинами, а именно: генеральнаго обознаго Кочубея — генералъ-маіорскимъ, писаря Туманскаго — чиномъ статскаго совѣтника, асаула Жоравку [1]) и хоружого Апостола—полковниками».

И на четвертое. 1-е. Вышереченный главнокомандующій малороссійскими войсками господинъ генералъ-фельдмаршалъ, сенаторъ и кавалеръ графъ Петръ Александровичъ Румянцовъ-Задунайскій представлялъ малороссійскихъ чиновниковъ по заслугамъ не только къ награжденію деревнями, но и великороссійскими чинами; и по предстательствамъ его чинимы были всемилостивѣйшія удовлетворенія. Такъ, по представленію его, императрица Екатерина Вторая пожаловала малороссійскихъ полковниковъ Забѣлу и Заньковскаго въ бригадиры, сказавъ: «полковникъ единожды уже здѣланъ полковни-

[1]) Г. Жоравка подписывался: „Генеральный асаулъ, статскій совѣтникъ Иванъ Жоравка“. О другихъ не помню.

комъ», слова подтверждающія достоинство малороссійскихъ чиновъ, подлежащіе написаннымъ въ табели о рангахъ.

2-е. Въ теченіи времени оной главнокомандующій имѣлъ особливое стараніе, чтобы малороссійскіе чины были переименованы въ россійскіе. Безъ сумнѣнія, была на сіе высочайшая воля императрицы. И такъ они, по представленіямъ его, производимы были: бунчуковые товарищи, полковые старшины и даже войсковые товарищи—въ коллежскіе ассесоры; прочіе чины—по соразмѣрности ихъ заслугъ и степеней, о чемъ правительствующему сенату изъ дѣлъ во все протекшее время извѣстно. Иные же изъ нихъ принимаемы были въ регулярную россійскую службу прямо штабъ и оберъ офицерскими чинами, тоже соразмѣрно ихъ заслугамъ. Когда же правительствующій сенатъ вопросилъ реченнаго главнокомандующаго о объясненіи порученностей и заслугъ, какія здѣланы представленными отъ него къ награжденію малороссійскими чиновниками, то онъ писалъ къ господину генералъ прокурору князю Вяземскому, отъ 3-го маія 1774 года, что «чиновники таковые въ прежнія времена пользовались награжденіями въ полной мѣрѣ въ службахъ ихъ—раздаваемыми отъ гетмановъ недвижимыми имѣніями, приносящими великіе доходы, и чинами въ сей земли довольно почитаемыми, а прибывали большею частію въ вѣдомствѣ между собою, не имѣя надобности искать сравненія съ великороссійскими».

И наконецъ 3 е. Когда высочайшимъ именнымъ вѣчной памяти государыни императрицы Екатерины Второя указомъ государственной военной коллегіи, въ 28 день іюля 1783 года даннымъ, о преобразованіи малороссійскихъ полковъ въ регулярные повелѣно: «находящихся въ малороссійскихъ войскахъ чиновниковъ, кои похотятъ остаться въ военной службѣ и къ оной отъ главнаго начальства способными найдены будутъ, опредѣлить, смотря по степенямъ и заслугамъ, штабъ и оберъ офицерскими чинами въ сихъ полкахъ, а прочихъ отъ службы увольнить, переименовавъ для опредѣленія къ дѣламъ», то во исполненіе того чины малороссійскіе чрезъ бывшаго ихъ главнокомандующаго реченнаго господина генералъ-фельдмаршала сенатора и кавалера графа Петра Александровича Румянцова Задунайскаго, по особо послѣдовавшему къ нему высочайшему именному рескрипту, и переименованы въ армейскіе, какъ бунчуковые товарищи—въ премееръ маіоры, полковые асаулы, хоружіе и писари—въ секундъ маіоры, сотники—въ ротмистры, войсковые товарищи—въ порутчики, значковые товарищи и сотенные атаманы, писари, асаулы

и хоружіе—въ корнеты. Все сіе явствуетъ по дѣламъ и послужнымъ спискамъ сихъ чиновъ въ государственной военной коллегіи. Нѣкоторые же изъ тѣхъ чиновъ, почитая заслуженные малороссійскіе чины надежнымъ увѣреніемъ о принадлежащихъ имъ шляхетскихъ преимуществахъ, не просили о переименованіи и хотя въ маломъ числѣ, но остались въ оныхъ.

3-е.

Права, привилегіи и высочайшія грамоты, коими малороссійскому рыцарству или войсковымъ чинамъ утверждены преимущества шляхетскія и сравненіе съ онымъ, суть слѣдующія:

1. Грамоты короля польскаго Сигизмунда 1563, іюня 7, и 1569 годовъ, іюня 5 числъ, «краю сему (русской кіевской землѣ) быть при своихъ правахъ, вольностяхъ и обычаяхъ и какъ чину рыцарскому и шляхетству изъ между себя избирать въ воинскіе, граждан кіе и земскіе чины и на своихъ урядахъ судиться книгою статутъ».

2. Въ договорныхъ пунктахъ гетмана Богдана Хмельницкаго съ польскою республикою, учиненныхъ подъ Зборовымъ [1]): «малороссійскимъ войсковымъ старшинамъ или чинамъ войска запорожскаго наровнѣ считаться съ шляхетствомъ».

3. Грамота государя царя Алексѣя Михайловича (о на изъ двухъ) 1654 года, марта 27 дня, гетману Хмельницкому и старшинѣ войсковой генеральной, полковникамъ, асауламъ и сотникамъ, при принятіи ихъ со всѣмъ малороссійскимъ народомъ, въ свое подданство, коею пожаловалъ [2]): «всему Войску Запорожскому обѣихъ сторонъ (Днѣпра) и старшинѣ быть при своихъ правахъ и вольностяхъ войсковыхъ и по своимъ правамъ и обычаямъ судиться». А согласно тому въ статьяхъ его гетмана Хмельницкаго—первою и тринадцатою утверждено.

4. *четвертое.* Въ статьяхъ гетмана Ивана Игнатовича, 8-й пунктъ [3]): «какъ напредъ сего заслуженные были пожалованы честію шляхетскою, то чтобы они при томъ же чину и чести пребывали».

5. Въ статьяхъ гетмана Ивана Самойловича, 17 пунктъ [4]): «малороссійскаго Войска Запорожскаго посланцы, при разграниченіи съ

---

[1]) 1649 года, 17 августа.

[2]) 7162 года, въ Москвѣ.

[3]) 7177 года, въ Глуховѣ.

[4]) 7180 года.

Польшею, должны быть наравнѣ съ польскими послами, какъ они и прежде сего на сеймахъ земскихъ, за польскаго владѣнія, бывали и равно съ ними сидѣли».

6. Въ статьяхъ гетмана Ивана Мазепы 19-й пунктъ: «чтобы никто изъ великороссійскихъ не привозносился тѣмъ, что онъ государевъ, а потому и малороссійскихъ старшинъ гетманскаго регименту не унижалъ и не укорялъ, яко оба сіи народа подъ одною самодержавною властію пребываютъ, то имъ и быть въ равной чести и въ равномъ уваженіи».

7. Въ рѣшеніи верховнаго тайнаго совѣта, по волѣ государя императора Петра Втораго, 1728 года, августа 22, на пункты гетмана Апостола, на 3-й: «выбирать въ генеральную старшину и полковники изъ заслуженныхъ и знатныхъ, представлять объ нихъ его императорскому величеству и ожидать указа, а опредѣленныхъ его величествомъ безъ указа не отставлять. Полковую старшину и сотниковъ выбирать изъ людей заслуженныхъ, а гетману утверждать и писать къ его императорскому величеству, описавъ службы и годность ихъ». На 15-й: «маетности и другія недвижимыя имѣнія великороссіянамъ въ Малой Россіи покупать и малороссіянамъ въ Великороссіи свободно и быть во всемъ противъ великороссійскихъ вотчинниковъ».

8. Въ утвержденномъ Малороссіи польскомъ правѣ, книгѣ Статутъ постановленны преимущества шляхетскія, коими малороссійское рыцарство или чины войсковые всегда пользовались суть слѣдующіе:

1. Рыцарство, шляхта должны служить военно. Раздѣла 2, по артикулу 7-му.

2. Простой человѣкъ, оказавшій явныя знаменитыя рыцарскія услуги, мужествомъ противъ непріятелей, имѣетъ право получить отъ короля привилегію на вольности шляхетскія и на гербы. Раздѣла 3, по артикулу 26-му.

3. Распоряжать по желанію своими имѣніями, выслуженными, купленными и другимъ образомъ благопріобрѣтенными. Раздѣла 3, по артикуламъ 4 и 43.

4. Давнихъ ихъ привилегій, преимуществъ и обычаевъ не нарушать и не перемѣнять безъ соизволенія сейма. Раздѣла 3, по артикуламъ 2 и 10, § 1, и артикулу 15, § 1.

5. Достоинствъ и урядовъ простымъ людямъ не давать, а давать только шляхтѣ и каждому рыцарскаго состоянія человѣку, при-

роднымъ, осѣдлымъ, по способностямъ и заслугамъ ихъ. Раздѣла 3, по артикулу 18.

6. Всѣхъ—сохранять въ ихъ достоинствѣ урядахъ чести, какъ кому опредѣленно. Раздѣла 3, по артикулу 13-му. Оныхъ безъ оправданія не отнимать. Раздѣлъ 3, по артикулу 14.

7. Рыцарство шляхта имѣютъ право выбирать:

— короля, разд. 3, по артикулу 3, § 1.

— пословъ въ генеральный сеймъ и сеймики. Розд. 3, по артикулу 6-му.

— подкомораго, разд. 9, по артикулу 1-му.

— судей земскихъ и писаря, розд. 4, по артикулу 1, § 1, и артикулу 4, § 1.

— военнаго чиновника хоренжего, разд. 2, по артикулу 5.

— возныхъ, разд. 4, по артикулу 8.

8. Рыцари и шляхту безъ призыва въ судъ и обличенія въ въ тюрьму не садить. Разд. 3, по артикулу 10.

9. Выѣзжать имъ въ чужія земли, кромѣ непріятельской. Разд. 3, по артикулу 16, § 1.

10. Всѣ вышеупомянутыя права и привилегіи подтверждены высочайшими и всемилостивѣйшими грамотами государей царей Феодора Алексѣевича, 7184, февраля 1, Іоанна Алексѣевича и Петра Алексѣевича, 7190, маія 30, императоровъ и императрицъ: Петра Великаго 1708, ноября 1 и 3, 1709, февраля 3, 1711, февраля 5, и 1717, генваря 8, Петра Втораго, 1727, іюня 25, и въ рѣшительныхъ пунктахъ верховнаго тайнаго совѣта, на 1-й пунктъ, 1728, августа 22, Анны Іоановны, 1730, маія 15, Елисаветъ Петровны, 1746, декабря 15, и 1751, маія 22, Екатерины Вторыя, 1764, ноября 10, Павла Перваго, 1796, ноября 30, и нынѣ благополучно царствующаго Александра Перваго, 1802 года, декабря 29 дня.

4-е.

Иностранцы, водворившіеся въ Россіи на поселеніе, не только греки, но грузинцы, молдоване и сербы, признаны въ ихъ иностранномъ дворянскомъ достоинствѣ и даже въ ихъ княжескихъ титулахъ, а истая братія русскихъ, коренные русскіе малороссійскіе, большею частію съ давнихъ временъ отъ предковъ своихъ, дѣдовъ и прадѣдовъ, чиновники, которые въ теченіи 244 лѣтъ, въ томъ числѣ 155 лѣтъ подъ всероссійскою державою, по высочайшимъ и всемилости-

вѣйшимъ подтвержденіямъ пользовались правами и преимуществами шляхетскими, служили вѣрою и правдою, не щадя живота своего,— лишены стали указомъ правительствующаго сената, по герольдіи, всѣхъ тѣхъ преимуществъ и кровію заслуженной чести, сочтены ничего не значущими, потому только что они не такіе чины, коимъ дворянскою грамотою присвоено дворянское достоинство. И тогда, когда тотъ же сената департаментъ герольдіи внеслъ уже въ россійскій гербовникъ, въ 1-е отдѣленіе, гербы чиновъ малороссійскихъ Лагодъ, Лазаревича и Хильчевскаго (оные удостоены высочайшей конфирмаціи), хотя изъ описаній сихъ гербовъ видно, что предки тѣхъ родовъ служили въ малороссійскихъ только чинахъ.

И такъ, малороссійскіе чины имѣютъ причины повергнуться къ подножію престола его императорскаго величества и всеподданнѣйше просить: 1-е, о отмѣнѣ помянутаго указа правительствующаго сената по герольдіи, которымъ уничтожены и въ ничто поставлены малороссійскіе чины и тѣмъ умалена личная честь и преимущества потомковъ ихъ, произшедшихъ не только отъ полковой и сотенной старшины, но и отъ поколѣній гетмановъ и генеральныхъ старшинъ— коимъ не доставало только украшенія титулами, присвоенными въ европейскихъ державахъ подобнымъ достоинствамъ и властямъ; 2, о всемилостивѣйшемъ признаніи родовъ малороссійскихъ чиновъ, служившихъ въ оныхъ съ дѣда съ прадѣда и высше, и лично выслужившихъ чины въ дворянскомъ достоинствѣ и о внесеніи въ ту часть родословной дворянской книги, въ которую одни по древности ихъ принадлежатъ, а другіе, выслужившіе лично оные и кто изъ нихъ пожалованъ въ секретари или переименованъ въ россійскій военный чинъ, какъ въ статьяхъ 78-й и 92-й высочайшей грамоты о дворянствѣ узаконенно, во вторую часть той же родословной книги и 3, о переименованіи, остающихся въ маломъ числѣ, прежнихъ малороссійскихъ чиновъ въ великороссійскіе военные, въ точное исполненіе высочайшаго именнаго указа, въ 28 день іюля 1783 года состоявшагося.

Сіе ихъ прошеніе основано на ихъ правахъ, привилегіяхъ и высочайшихъ грамотахъ. Ежели бы они не имѣли сихъ правъ, присвоевающихъ имъ шляхетскія преимущества, то службы ихъ всероссійскому престолу при употребленіи й пользованіи тѣхъ преимуществъ съ такихъ отдаленныхъ временъ, подаютъ имъ надежду получить всемилостивѣйшее подтвержденіе ихъ въ дворянскомъ достоинствѣ, по примѣру какъ въ прежнія времена россійскіе дворяне бывшіе только

чины, но чрезъ умноженіе заслугъ сдѣлались названіемъ благороднаго состоянія и преимуществами поровнялись съ русскими родословными людьми.

Царь Алексѣй Михайловичъ, чрезъ посланныхъ его, обѣщалъ гетману Хмельницкому и войсковой старшинѣ, какъ видно изъ прошенія Хмельницкаго 1654 года, февраля 17 дня, «таково бо государское твоего царскаго величества слово намъ тотъ же ближній твоего царскаго величества боярин съ товарищи обѣщалъ и больше сихъ дѣлъ рече: одержите отъ великаго царя его царскаго величества, егда вопросите, большими васъ, рече, свободами, державами и добрами пожалуетъ его царское величество, паче королей польскихъ княжатъ древнихъ россійскихъ, точію челомъ бійте».

А государь императоръ Петръ Великій въ высочайшей грамотѣ 1709, февраля въ 3 день, къ малороссійскимъ чинамъ и войску, написалъ: «а особливо малороссійскому народу все обѣщанное при принятіи ихъ подъ высокодержавную отца нашего блаженныя памяти великаго государя его царскаго величества руку свято содерживали и впредь содержать будемъ; и оные вѣрные наши подданные по прежнему на правахъ и вольностяхъ своихъ вѣчно въ покоѣ и тишинѣ благополучно жительствовать могутъ, отъ насъ же за ту свою показанную вѣрность вящшую милость и награжденіе получатъ». Поелику сердце царево въ руцѣ божіей, то слова его святы и непреложны. Просите и дастся вамъ!

О времени поселенія бывшаго Черноморскаго козачьяго войска на мѣста, нынѣ имъ занимаемыя, и о происходившихъ перемѣнахъ по военному и гражданскому управленіямъ.

Записка, составленная по архивнымъ источникамъ, въ 1865 году, есауломъ Барилкомъ и хорунжимъ Кіяшкомъ.

Осенью 1896 г. Кубанское козачье войско праздновало свой двухсотлѣтній юбилей. Въ составъ Кубанскаго войска вошло съ 1861 г. и Черноморское войско, возникшее изъ переселившихся, въ к. XVIII в., на берега Кубани бывшихъ запорожцевъ. Кубанскій юбилей подалъ поводъ къ нѣсколькимъ изданіямъ матеріаловъ для исторіи Кубанскаго козачьяго войска вообще и для исторіи Черноморцевъ въ частности. Въ ряду этихъ изданій Е. Д. Фелицынъ началъ печатать (въ Кубанск. областн. вѣдом.) собранные имъ *Матеріалы для исторіи Кубанскаго козачьяго войска*. Въ числѣ этихъ матеріаловъ издана [1]) и настоящая *Записка*, первая часть которой (до изданія Положенія 1801 г.) перепечатывается нами здѣсь съ любезнаго согласія Е. Д. Фелицына.

---

[1]) Куб. обл. вѣд. 1896 г., №№ 186, 188 и 190.

О времени поселенія бывшаго Черноморскаго козачьяго войска на мѣста, нынѣ имъ занимаемыя, и о происходившихъ перемѣнахъ по военному и гражданскому управленію.

О народонаселеніи.

Черноморское козачье войско [1]), существовавшее подъ именемъ запорожскихъ козаковъ въ XV и XVI столѣтіяхъ, въ разныхъ состояніяхъ и видахъ, и испытавшее многоразличныя перемѣны, получило настоящее свое бытіе въ началѣ войны Россіи съ Оттоманскою Портою въ 1787 году. Затѣмъ, войско это, на основаніи всемилостивѣйшей грамоты, дарованной оному блаженной памяти императрицею Екатериной Второй [2]) въ 30-й день іюня 1792 года, переселено на мѣста, нынѣ имъ занимаемыя, съ нижепоименованнымъ правительствомъ и въ указанномъ здѣсь въ числѣ штабъ и оберъ-офицеровъ и козаковъ, а именно: кошевой атаманъ, арміи бригадиръ Захарій Чепѣга, войсковой судья, арміи полковникъ Головатый [3]), войсковой писарь арміи, подполковникъ Котляревскій, войсковой есаулъ 1, войсковой пушкарь 1, войсковой довбишъ 1, куренныхъ атамановъ 40, войсковыхъ полковниковъ 12, старшинъ: премiеръ-маіоровъ 5, секундъ-маіоровъ 9, бунчуковый товарищъ арміи секундъ-маіоръ 1, капитановъ 5, войсковой товарищъ арміи поручикъ 1, поручиковъ 21, подпоручиковъ 4, прапорщиковъ 32, есауловъ 34, сотниковъ 97, хорунжихъ 32, полковыхъ хорунжихъ (?), арміи прапорщиковъ 3, полковыхъ старшинъ 82, квартирмистровъ 6, сотенныхъ есауловъ 296, канонiръ 162, козаковъ 16173. Итого—17021.

При войскѣ состояла войсковая флотилія, въ которой было канонирскихъ лодокъ 50 и 1 яхта. На флотиліи этой было орудій:

---

[1]) Полное собраніе законовъ, томъ XXII за 1802—1803 года.

[2]) Полное соб. зак., т. XXIII за 1789 по 6-е ноября 1796 года.

[3]) Изъ дѣлъ Черн. войсков. правител., въ арх. по 8 опис., № 48 и 71.

двадцатифунтовая 1, двѣнадцатифунтовыхъ 14, шестифунтовая 1, трехъфунтовыхъ 8, двадцати трехъ фунтовая 1, двадцати фунтовая 1, восемнадцатифунтовыхъ 8, двѣнадцатифунтовыхъ 12, восьмифунтовыхъ 3, всего 49.

Изъ числа означенныхъ чиновъ находилось постоянно на службѣ на флотиліи, охранявшей въ Кизильташскомъ лиманѣ и у береговъ Чернаго моря войсковые предѣлы: начальникъ флотиліи войсковой полковникъ 1, полковыхъ старшинъ 10, сотниковъ 50, канониръ 51 и козаковъ 912; всего—974.

По ордеру генералъ-фельдцейхмейстера [1]) Екатеринославскаго и Таврическаго генералъ-губернатора графа Зубова, данному правителю Екатеринославскаго намѣстничества генералъ-маіору Хорвату, отъ 23 марта 1794 года за № 549, перечислены въ козаки Черноморскаго войска изъ Екатеринославскаго намѣстничества, служившіе въ Запорожской Сѣчи и по уничтоженіи оной поселившіеся было въ томъ намѣстничествѣ: секундъ-маіоровъ 2, поручиковъ 5, полковыхъ есауловъ арміи поручиковъ 5, подпоручиковъ 2, прапорщиковъ 1, арміи прапорщиковъ 5, старшинъ 4, есауловъ, неимѣющихъ армейскихъ чиновъ 6, полковыхъ хорунжихъ 6, губернскій регистраторъ 1, козаковъ—4803. Итого—4840.

По отношенію малороссійской черниговской казенной палаты въ черноморскую войсковую канцелярію, отъ 15 ноября 1802 года за № 8720, зачислены въ Черноморское козачье войско означенной губерніи Сосницкаго повѣта, села Карпльскаго, малороссійскіе козаки—48 чел. [2]).

По отношенію малороссійскаго черниговскаго губернскаго правленія и тамошней казенной палаты въ черноморскую войсковую канцелярію, отъ 3 и 29 іюля 1804 года за № 8759 и 4555, зачислены въ Черноморское козачье войско означенной губерніи, Сосницкаго, Глуховскаго, Нѣжинскаго и Козельскаго повѣтовъ, малороссійскіе козаки—253 челов. [3]).

По предписанію Херсонскаго и Одесскаго военнаго губернатора генералъ-лейтенанта дюка де-Ришелье черноморской войсковой кан-

---

[1]) Изъ дѣла Черноморскаго войскового правительства, хранящагося въ войсковомъ архивѣ по 8 описи 1794 г., подъ № 45.

[2]) Изъ дѣла Черноморск. войсков. канцеляріи 1802 года, хранящагося въ войсков. арх., по какой описи—не означено.

[3]) Изъ дѣла Черн. мор. войсков. канцеляріи 1804 года, хранящ. въ войск. арх. по 24 описи, подъ № 3.

целярін, отъ 5 мая 1806 года за № 1818, зачислены въ Черноморское козачье войско турецкіе выходцы изъ бывшаго Запорожскаго и Усть-Дунайскаго Буджакскаго войска сто двадцать два человѣка козаковъ [1]). По предписанію Херсонскаго и Одесскаго губернатора генералъ-лейтенанта дюка де-Ришелье къ войсковому атаману генералъ-маіору Бурсаку, отъ 4 апрѣля 1808 года за № 338, зачислены въ Черноморское козачье войско изъ упраздненнаго Усть-Дунайскаго Буджакскаго войска: оберъ-офицеровъ 7, урядниковъ 5, козаковъ 423. Итого 435 чел. [2]) Для пополненія убыли черноморскихъ козаковъ, происходившей отъ безпрерывныхъ набѣговъ черкесъ и отъ обыкновенныхъ смертныхъ случаевъ, на основаніи высочайше утвержденнаго доклада министра внутреннихъ дѣлъ, въ 17 день марта 1808 года, за № 22902, вслѣдствіе представленія Херсонскаго и Одесскаго военнаго губернатора генералъ-лейтенанта дюка де-Ришелье, переселены и зачислены въ число козаковъ Черноморскаго войска изъ Полтавской и Черниговской губерній двадцать три тысячи восемьдесятъ восемь малороссійскихъ съ ихъ семействами козаковъ [3]).

По предписанію войскового атамана Черноморскаго войска, генералъ-маіора Бурсака, войсковой канцелярін, отъ 5 мая 1810 года за № 998, основанному на таковомъ къ нему Таврическаго гражданскаго губернатора, генералъ-лейтенанта Бороздина, отъ 18 апрѣля того же года за № 624, зачислены въ Черноморское козачье войско упраздненнаго Усть-Дунайскаго Буджакскаго войска 50 козаковъ [4]).

По разрѣшенію командира войска 13 дивизіи генералъ-лейтенанта Рудзевича, данному войсковому атаману генералъ-маіору Бурсаку, отъ 13 февраля 1815 года за № 121, зачисленъ въ Черноморское войско бѣжавшій отъ горцевъ рядовой 12 егерскаго полка, Афанасій Гайденко, согласно высочайшаго повелѣнія, даннаго министру юстиціи въ дополненіе къ всемилостивѣйшему манифесту, состоявшемуся въ 30 день августа 1814 года [5]).

---

[1]) Изъ дѣла Черноморской войсковой канцелярін 1806 г., хранящагося въ войсковомъ архивѣ по 15 описи, подъ № 120.

[2]) Изъ дѣла Черном. войск. канцеляр. 1808 г., хранящ. въ войсков. архивѣ по 17 описи, подъ № 63.

[3]) Полное собраніе законовъ, т. XXX, 1808 и 1809 г.г.

[4]) Изъ дѣла Черн. войск. канц. 1810 г., хранящ. въ архив. по 35 описи, подъ № 29.

[5]) Изъ дѣла Черноморск. войск. канц. 1815 г., хранящ. въ арх. по 17 описи, подъ № 27.

Зачислены въ Черноморское козачье войско, по распоряженію войсковой канцеляріи, по поданнымъ въ оную прошеніямъ, семь малорсссійскихъ дворянъ и тридцать козаковъ; всего тридцать семь человѣкъ [1]).

Зачислены въ Черноморское козачье войско, по распоряженію войсковой канцеляріи, по поданнымъ въ оную прошеніямъ, два малороссійскихъ дворянина, восемь козаковъ и одинъ отставной солдатъ, всего 11 душъ [2]).

По высочайше утвержденному докладу управляющаго министерствомъ внутреннихъ дѣлъ въ 18 день апрѣля 1820 года, за № 28241, вслѣдствіе обозрѣнія, произведеннаго Черноморскому козачьему войску начальникомъ главнаго штаба 2 арміи генералъ-маіоромъ Киселевымъ, для умноженія Черноморскаго козачьяго войска, переселены изъ Полтавской и Черниговской губерній малороссійскихъ козаковъ съ ихъ семействами двадцать пять тысячъ душъ мужескаго пола [3]).

По положенію комитета министровъ, высочайше утвержденному въ 25 день февраля 1827 года за № 908, зачислены въ козаки Черноморскаго козачьяго войска 62 человѣка малороссійскихъ козаковъ [4]).

По высочайшему повелѣнію, сообщенному департаментомъ военныхъ поселеній командиру отдѣльнаго кавказскаго корпуса, отъ 13 апрѣля 1842 года за № 1278, зачисленъ въ Черноморское козачье войско одинъ малороссійскій дворянинъ.

По распоряженію наказнаго атамана Черноморскаго козачьяго войска зачислены въ козаки Черноморскаго войска, въ 1842 году, четыре малороссійскихъ козака.

По распоряженію наказнаго атамана Черноморскаго козачьяго войска, въ 1848 году, зачислено въ козаки Черноморскаго войска крестьянъ и малороссійскихъ козаковъ двадцать девять душъ мужескаго пола.

По Высочайшему повелѣнію, сообщенному въ отзывѣ военнаго министра главнокомандующему отдѣльнымъ кавказскимъ корпусомъ, отъ 28 января 1848 года за № 415, для пополненія убыли козаковъ Черноморскаго войска зачислены въ оное изъ Полтавской,

---

[1]) Изъ дѣла Черноморск. войск. канцел. 1817—1818 гг., хранящ. въ арх. по описи 35, № 58.

[2]) Изъ дѣла Черноморск. войск. канц. 1820 г., хран. въ арх. по 35 описи, № 68.

[3]) Полное собр. закон., томъ XXXVII, 1820—1821 годовъ.

[4]) Полное собран. закон., томъ II, 1827 года.

Черниговской и Харьковской губерній 2000 семействъ малороссійскихъ козаковъ, всего мужского пола семь тысячъ семьсотъ восемьдесятъ семь душъ.

По высочайшему повелѣнію, сообщенному въ отзывѣ военнаго министра къ главноначальствующему отдѣльнымъ кавказскимъ корпусомъ, отъ 16 апрѣля 1848 г. за № 1576, зачислены въ козаки Черноморскаго войска, издавна пріобрѣвшіе въ войскѣ осѣдлость отставные солдаты, въ числѣ сто одного человѣка мужескаго пола [1]).

По отношенію войскового правленія Черноморскаго козачьяго войска, послѣдовавшему въ войсковое дежурство сего войска, отъ 17 іюля 1858 года за № 7436, зачислены въ козаки Черноморскаго войска дворовые люди чиновниковъ и дворянъ того войска, сначала пріобрѣтенные покупкою, а потомъ, на основаніи всемилостивѣйшаго манифеста, послѣдовавшаго въ 16 день іюня 1833 года, находившіеся во владѣніи чиновниковъ и дворянъ, согласно высочайшаго повелѣнія, объясненнаго въ отзывѣ военнаго министра къ главнокомандующему отдѣльнымъ кавказскимъ корпусомъ, отъ 31 мая 1847 года за № 1810, 25 лѣтъ въ видѣ драбантовъ съ ихъ семействами; всего мужескаго пола триста семьдесятъ три души [2]).

По отношенію войскового правленія Кубанскаго козачьяго войска въ войсковое дежурство того же войска, отъ 31 іюля 1863 года за № 19142, зачислены въ козаки Черноморскаго войска 5 малороссійскихъ козаковъ, 1 выкрестъ изъ калмыковъ, 1 мѣщанскій сынъ и 1 священническій сынъ; всего мужескаго пола восемь душъ [3]).

Указомъ правительствующаго сената, отъ 10 мая 1834 года за № 7069, объявлено высочайшее повелѣніе: уволенныхъ изъ военной службы регулярной службы нижнихъ чиновъ изъ малороссійскихъ козаковъ водворять на земляхъ Черноморскаго войска при родственникахъ ихъ, по высочайшему повелѣнію переселенныхъ изъ Полтавской и Черниговской губерній въ Черноморію и, записавъ въ число козаковъ, не употреблять ни въ какія повинности, по уваженію выслуги ими въ регулярной службѣ 25 лѣтняго срока. Дѣтей же сихъ чиновъ мужескаго пола, рожденныхъ до отставки тѣхъ чиновъ, при-

---

[1]) Изъ дѣла войск. дежур. Черн. коз. войска 1848 года, хранящ. въ войск. арх. по описи 1848 г., № 107.

[2]) Изъ дѣла войск. дежур. Черномор. козач. в., хран. въ войск. арх. по описи 1847 года, № 86.

[3]) Изъ дѣла войс. дежур. Куб. к. в., хран. въ войск. арх., по описи 1863 г., № 112.

числять къ категоріи военныхъ кантонистовъ, а дѣтей, кои родятся по отставкѣ ихъ отцовъ, записывать въ Черноморское козачье войско. Высочайшее повелѣніе это принять правиломъ и на будущее время [1]).

Кромѣ показаннаго выше увеличенія народонаселенія въ трехъ округахъ бывшаго Черноморскаго (нынѣ Кубанскаго) козачьяго войска, были случаи ежегоднаго зачисленія въ одиночку изъ разныхъ званій въ козачье сословіе, исчисленіе коихъ и отысканіе самихъ документовъ, по которымъ происходило зачисленіе ихъ въ козаки, потребовало бы слишкомъ много времени.

Всего же народонаселенія, не включая сюда припращенія послѣ зачисленія въ войско вышепоказанныхъ людей, во всѣхъ округахъ бывшаго Черноморскаго козачьяго войска по 1864 годъ было семьдесятъ девять тысячъ шестьсотъ девяносто двѣ душъ мужескаго пола.

На основаніи проекта, утвержденнаго главнокомандующимъ кавказскою арміею по высочайше предоставленной ему власти, 4-го октября 1860 года, о преобразованіи Черноморскаго и Кавказскаго линейнаго козачьихъ войскъ, разосланнаго по управленіямъ кавказской арміи при приказѣ отъ 13 числа того же октября за № 464 и высочайшаго повелѣнія, объявленнаго въ приказѣ военнаго министра 22 апрѣля 1861 года, для большаго единства управленія, сообразно съ положеніемъ сѣвернаго Кавказа и съ общею системою администраціи, въ положеніи козачьихъ войскъ Черноморскаго и Кавказскаго линейнаго, Черноморское козачье войско переименовано въ Кубанское и къ составу онаго присоединены со всѣмъ народонаселеніемъ 6 бригадъ бывшаго Кавказскаго ленейнаго войска. Въ бригадахъ этихъ, по присоединеніи, равно и во вновь сформированной 7 бригадѣ, было мужескаго пола сто три тысячи триста сорокъ четыре души [2]).

Въ грамотѣ, всемилостивѣйше дарованной Черноморскому козачьему войску, блаженныя памяти императрицею Екатериною Второю, въ 30 день іюня 1792 года, изображено: «Усердная и ревностная войска Черноморскаго намъ служба, доказанная въ теченіи благополучно оконченной съ Портою Оттоманской, храбрыми и мужественными на сушѣ и водахъ подвигами, ненарушимая вѣрность, строгое повиновеніе начальству и похвальное поведеніе, отъ самаго того вре-

---

[1]) Полное собраніе законовъ, томъ IX, отдѣленіе первое 1834 года.

[2]) Изъ дѣла канцеляріи наказн. атамана Кубанскаго козачьяго войска 1860—1863 г.г.

мени, какъ сіе войско по волѣ нашей, покойнымъ генералъ-фельдмаршаломъ княземъ Григоріемъ Александровичемъ Потемкинымъ-Таврическимъ учреждено, пріобрѣло особливое наше вниманіе и милость. Мы потому, желая воздать заслугамъ войска Черноморскаго утвержденіемъ всегдашняго его благосостоянія и доставленіемъ способовъ къ благополучному пребыванію, всемилостивѣйше пожаловали оному въ вѣчное владѣніе, состоящій въ области Таврической островъ Фанагорію, со всею землею, лежащею по правой сторонѣ рѣки Кубани, отъ устья ея къ Усть-Лабинскому редуту, такъ чтобы съ одной стороны рѣка Кубань, съ другой же Азовское море до Ейскаго городка, служили границею войсковой земли. Съ прочихъ же сторонъ разграниченіе указали мы сдѣлать генералъ-губернатору Кавказскому и губернаторамъ Екатеринославскому и Таврическому чрезъ землемѣровъ, обще съ депутатами отъ войска Донскаго и Черноморскаго».

«Всѣ состоящія на помянутой нами пожалованной землѣ всякаго рода угодья, на водахъ же рыбныя ловли остаются въ точномъ и полномъ владѣніи и распоряженіи войска Черноморскаго, исключая только мѣстъ для крѣпости на островѣ Фанагоріи и для другой, при рѣкѣ Кубани, съ подлежащимъ для каждой выгономъ, которыя для вящей войску и особливо на случай военный безопасный сооружены быть имѣютъ. Войску Черноморскому предлежитъ бдѣніе и стража пограничная отъ набѣговъ народовъ закубанскихъ».

«На производство жалованья кошевому атаману и войсковымъ старшинамъ, по прилагаемой росписи, на употребляемые къ содержанію стражи отряды и на прочія по войску нужные расходы, повелѣли мы отпускать изъ казны нашей по двадцати тысячъ рублей на годъ».

«Желаемъ мы, чтобы земское управленіе сего войска для лучшаго порядка и благоустройства, сооружаемо было съ изданными отъ насъ учрежденіями о управленіи губерній. Мы представляемъ правительству войсковому расправу и наказаніе, впадающихъ въ погрѣшности въ войскѣ; но важныхъ преступниковъ повелѣваемъ, для осужденія по законамъ, отсылать къ губернатору Таврическому».

«Мы всемилостивѣйше позволяемъ войску Черноморскому пользоваться свободною внутреннею торговлею и вольною продажею вина на войсковыхъ земляхъ. Всемилостивѣйше жалуемъ войску Черноморскому знамя войсковое и литавры, подтверждая также употребленіе и тѣхъ знаменъ, булавы, перначей и войсковой печати, которыя

ному отъ покойнаго генералъ-фельдмаршала князя Потемкина-Таврическаго по волѣ нашей доставлены».

«Губернатору Таврическому указали мы доставить войску Черноморскому всѣ исходящія отъ насъ узаконенія, предлагать оному о нарядахъ на службу по назначенію военнаго начальства и преподавать всѣ нужныя способствованія; а потому правительство войсковое имѣетъ относиться къ сему губернатору и чрезъ каждыя двѣ недѣли присылать ему свѣдѣнія о благосостояніи войска и обо всѣхъ важныхъ происшествіяхъ, какія въ теченіе двухъ недѣль могутъ приключатся, для донесенія намъ» [1]).

«Роспись жалованью ежегодно полагаемому на войско Черноморское козачье: кошевому атаману 1000 р., войсковому судьѣ 800 р., войсковому писарю 500 р., войсковому есаулу 500 р., протопопу 200 р., попу 100 р., діакону 80 р., на причетъ церковный 120 р., 40 куреннымъ атаманамъ, каждому по 40 рублей,—1600 р., пушкарю и довбишу по 40 р.—80 руб.; итого 4680 руб.»

«На содержаніе артиллеріи и жалованье козакамъ, на дѣйствительной службѣ находящимся, и на всѣ прочіе, по разсмотрѣнію войскового правительства, расходы—15,020 р. Всего—20000 р.».

«Войсковымъ старшинамъ или полковникамъ, когда они внѣ владѣнія войска Черноморскаго на службу отряжены, производитъ въ годъ каждому по 100 руб. Сотникамъ, есауламъ, квартирмистрамъ и прочимъ полковымъ старшинамъ, когда они на службу наряжены внѣ предѣловъ войска Черноморскаго, каждому по 50 р. Козакамъ, откомандированнымъ за предѣлы войсковые, производить жалованья въ годъ по 12 руб. и провіантъ указанный, а конным и фуражъ» [2]).

По прибытіи первой колонны Черноморскаго козачьго войска на мѣста, нынѣ имъ занимаемыя, подъ начальствомъ бригадира Пустошкина и премiеръ-маіора Бѣлаго, по распоряженію и личному указанію бывшаго въ маѣ мѣсяцѣ 1793 года въ Усть-Лабѣ командира грузинскаго корпуса, генералъ-аншефа Гудовича, разставлены и устроены по теченію рѣки Кубани, отъ Усть-Лабинскаго редута къ Бугазскому лиману, впадающему въ Черное море, слѣдующіе кордоны: 1) Воронежскій—18 в., 2) Константиновскій 9 в., 3) Александринъ 6 в., 4) Павловскій 8 в., 5) Великомарьинскій 8 в., 6) Главно-Екате-

[1]) Полн. собр. зак., т. XXIII, 1789 г. по 6 ноября 1797 г.

[2]) Полн. собр. зак., т. XLIII—ч. 12, кн. штат., отдѣл. 1, съ 1711 по 1800 г.

ринодарскій 7 в., 7) Александровскій 6 в., 8) Елисаветинъ 7) в., 9) Елинскій 7 в., 10) Марьянскій 7 в., 11) Ново-Екатериновскій 10 в., 12) Ольгинскій 7 в., 13) Славянскій 7 в., 14) Протоцкій 8 в., 15) Копылскій 2 в., 16) Петровскій 20 в., 17) Андреевскій 19 в., 18) Григорьевскій 22 в., 19) Платоногорскій 21 в., и 20) Фанагорійскій 12 в., [1]).

Въ каждый изъ означенныхъ кордоновъ тогда же назначено по 100 вооруженныхъ козаковъ при исправныхъ чиновникахъ, а дабы имѣть большую возможность строгаго соблюденія дисциплины и порядка въ задержаніи черкесъ отъ покушеній прорываться въ Черноморію, вся кордонная линія раздѣлена на двѣ части, для завѣдыванія коими назначены начальники изъ двухъ войсковыхъ полковниковъ, которые равно, какъ и вся кордонная линія, состояли въ непосредственномъ вѣдѣніи войсковаго есаула; послѣднему поручался надзоръ и за всѣми куренными управленіями. Но для присѣченія всякихъ злыхъ замысловъ постоянно враждебныхъ сосѣдей-черкесъ и чтобы вполнѣ обезопасить кордонную линію и дать возможность спокойно водворяться и обзаводиться жителямъ ближнихъ и отдаленныхъ отъ кордонной линіи куреней домоустройствомъ и хозяйствомъ, по прибытіи послѣднихъ колоннъ черноморскихъ козаковъ, подъ начальствомъ кошевого атамана, всѣ войсковые штабъ и оберъ-офицеры и козаки, по распоряженію кошеваго атамана, водворены во вновь занятыхъ 40 куреняхъ (станицахъ), подъ тѣми же наименованіями, какія до переселія этого существовали въ Запорожскомъ войскѣ, а именно: Екатериновскомъ, Кисляковскоиъ, Ивановскомъ Канеловскомъ, Сергіевскомъ, Динскомъ, Крыловскомъ, Канивскомъ, Батуринскомъ, Поповичевскомъ, Васюринскомъ, Низамаевскомъ, Ирклiевскомъ, Щербиновскомъ, Татаровскомъ, Шкуринскомъ, Кореновскомъ, Роговскомъ, Корсунскомъ, Калниболотскомъ, Уманскомъ, Деревянковскомъ, Нижнестебліевскомъ, Вышестебліевскомъ, Джереліевскомъ, Переясловскомъ, Полтавскомъ, Мышастовскомъ, Минскомъ, Тимошовскомъ, Величковскомъ, Леушковскомъ, Пластуновскомъ, Дядьковскомъ, Брюховецкомъ, Медвѣдовскомъ, Платнировскомъ, Кущевскомъ, Березанскомъ и Наш-

---

[1]) Приведенныя здѣсь свѣдѣнія о кордонахъ не вполнѣ согласуются съ документальными данными Кубанскаго войскового архива, а также съ тѣми болѣе точными, которыя помѣщены въ извѣстномъ сочиненіи уважаемаго исторіографа П. П. Короленка подъ заглавіемъ „Черноморцы“. Е. Ф.

ковскомъ, а часть козаковъ поселена куренями на границѣ, при кордонахъ, въ нижеслѣдующемъ порядкѣ: Воронежскомъ 250 дворовъ, 685 муж. пола, 546 женск. пола, Константиновскомъ 195 дв. 480 м. 406 ж., Александровскомъ 107 дв., 316 м. 269 ж., Павловскомъ 109 двор., 320 м. п., 275 ж. п., Великомарьинскомъ 289 дв., 768 м. п. 646 жен. п., въ гор. Екатеринодарѣ 365 дв., 916 м. 769 ж., Александровскомъ 50 дв., 132 м. п., 116 ж. п., Елисаветинскомъ 39 дв., 93 м. п., 62 ж. п., Елинскомъ 47 дв., 119 м. п., 91 ж. п., Марьянскомъ 125 дв., 306 м. п., 221 жен. п., Ново-Екатериновскомъ 226 дв., 630 муж. 597 жен., Ольгинскомъ 39 двор. 95 муж. п. 70 жен. п., Славянскомъ 54 дв., 129 муж. 98 жен. п., Протоцкомъ 43 дв., 97 муж. п., 81 жен. п., Копыльскомъ 76 дв., 211 муж. п. 173 жен. п., Петровскомъ 65 дв., 175 муж. п., 116 ж. п., Андреевскомъ 77 дв., 174 муж. п., 110 ж. п., Григорьевскомъ 112 дв., 313 муж. п. 267 жен. п., Платоногорскомъ 119 дв., 350 муж. п., 293 жен. п., Фонагорійскомъ 34 дв., 91 муж. п., 59 жен. п., Итого 2421 дв., 6400 муж. п. и 5265 жен. п. Главное управленіе въ войскѣ тогда называлось войсковымъ кошомъ и находилось подъ главнымъ начальствомъ кошевого атамана. Въ немъ присутствовали: кошевой атаманъ, войсковой судья и войсковой писарь.

Между тѣмъ кошевой атаманъ съ войсковыми старшинами, полковниками, бунчуковыми товарищами и куренными атаманами, для лучшаго и удобнѣйшаго соблюденія строгаго порядка по управленію войскомъ въ общемъ совѣтѣ, состоявшемся 1 января 1794 года, постановили нижеслѣдующій протоколъ: Вѣрнаго императорскаго войска Черноморскаго господамъ полковникамъ, бунчуковому товариществу, полковымъ старшинамъ, куреннымъ атаманамъ и всему войску [1]).

Порядокъ общей пользы.

Божіимъ призрѣніемъ и всепресвѣтлѣйшія, державнѣйшія великія государыни императрицы Екатерины Алексѣевны, самодержицы всероссійсеой, монаршимъ благоволеніемъ блаженныя и вѣчно—достохвальныя памяти покойнымъ господиномъ генералъ фельдмаршаломъ священныя Римскія имперіи княземъ и великимъ гетманомъ Григоріемъ Александровичемъ Потемкинымъ-Таврическимъ, при учрежденіи войска Черноморскаго, мы, будучи избранными и утвержденными ко

---

[1]) Изъ дѣла Черномор. войсков. капит. 1796—1816 г.г., хранящ. въ войсковомъ архивѣ.

управленію имъ въ начальники, нынѣ воспоминая первобытное сего войска подъ названіемъ Запорожцевъ состояніе и Божіимъ попущеніемъ онаго за разныя погрѣшности уничтоженіе, а потомъ неизреченною Его милостію и ея императорскаго величества материнмъ милосердіемъ, сверхъ заслугъ сего войска и нашихъ нечаяннаго новаго почтеннѣйшаго и полезнѣйшаго нынѣшняго состоянія сего войска и нашего учрежденія, и съ утвержденіемъ всегдашняго его благосостоянія къ благополучному пребыванію всемилостивѣйшее отъ ея императорскаго величества земли пожалованіе, по принесеніи Богу благодарственнаго моленія и ея императорскому величеству съ преданностію сердечной вѣрности благодаренія, поставляемъ отнынѣ навсегда: первое—по Божіему и монаршему правосудію, за достойное наказаніе въ страхъ и трепетъ воображать, а второе, ощущая Божія и монаршія благодѣянія, изліянныя на насъ и войско Черноморское, яко неоцѣненный даръ, свято почитать и сохранять, дабы сего войско не потеряло, по силѣ высочайшей ея императорскаго величества грамоты въ 30 день іюня 1792 года всемилостивѣйше войску жалованной, сообразуясь изданному отъ ея императорскаго величества учрежденію о управленіи губерній устроить порядокъ нижеслѣдующій:

1. Да будетъ въ семъ войскѣ войсковое правительство, навсегда управляющее войскомъ на точномъ и непоколебимомъ основаніи всероссійскихъ законовъ безъ малѣйшей отмѣны, въ которомъ засѣдать должны: атаманъ кошевой, войсковой судья и войсковой писарь.

2. Ради войсковой резиденціи, къ непоколебимому подкрѣпленію и утвержденію состоящихъ на пограничной стражѣ кордоновъ при рѣкѣ Кубанѣ, въ Карасунскомъ кутѣ воздвигнуть градъ и для вѣчнаго достопамятства нынѣшней жизнедательницы и благодѣтельницы нашей, всемилостивѣйшей государыни императрицы Екатерины Алексѣевны, самодержицы всероссійской, именовать его Екатеринодаръ.

3. По войсковой дисциплинѣ, ради собранія войска, устроенія довлѣемаго порядка и прибѣжища бездомныхъ козаковъ, во градѣ Екатеринодарѣ выстроить сорокъ куреней, подъ названіемъ: Екатерининскій, Кисляковскій, Ивановскій, Конеловскій, Сергіевскій, Динской, Крилевскій, Каневскій, Батуринскій, Поповичевскій, Васюренскій Незамаевскій, Ирклѣевскій, Щербиновскій, Титаревскій, Шкуренскій, Корнѣевскій, Рогивскій, Корсунскій, Калниболоцкій, Уманскій, Джереліевскій, Деревянковскій, Нижнестебліевскій, Вышестебліевскій, Переяславскій, Полтавскій, Мышастовскій, Мѣнскій, Тимошевскій, Велич-

ковскій, Леушковскій, Пластуновскій, Дядьковскій, Брюховецкій, Ведьмедовскій, Платнировскій, Пашковскій, Кущевскій, Небержанскій, по плану, да и войско поселить при границѣ куренными селеніями въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ какому курению, по жребію, принадлежать будетъ.

4. Въ куренѣ избирать атамановъ тѣхъ куреней войску изъ достойныхъ людей и перемѣнять ихъ другими каждаго года іюня 29-го числа, т. е. въ день св. апостоловъ Петра и Павла, и на вѣрность должности приводить ихъ къ присягѣ.

5. Куренные атаманы долженствуютъ въ куренахъ безотлучное пребываніе всегда имѣя, по нарядамъ начальства на службу козаковъ чинить немедленное выставленіе и случающіяся между куренными людьми маловажные ссоры и драки разбирать голословно и примирять, съ доставленіемъ обиженой сторонѣ справедливаго удовольстія, а за важное преступленіе представлять подъ законное осужденіе войсковому правительству.

6. Всѣ обрѣтающіеся у войска старшины безъ должности, какого бы ранга ни были, и козаки, состоя подъ управленіемъ своего куреня, да повинуются атаману и товариществу, напротивъ чего и атаманы съ товариществомъ, отдавая заслугамъ справедливую признательность, старшинъ и козаковъ въ недавно кончившуюся турецкую войну за вѣру и отечество Всероссійскаго престола дѣйствительно лично служившихъ и кровь проливавшихъ, съ уваженіемъ пристойнымъ образомъ—да почитаютъ.

7. Для заведенія и утвержденія по всей войсковой землѣ къ долгодѣйственному спокойствію благоустроеннаго порядка, раздѣлить войсковую землю на пять округовъ и завести окружныя правленія подъ названіемъ таковымъ: первое при р. Кубани, между козачьимъ ерикомъ и Усть-Лабинской крѣпостью, въ г. Екатеринодарѣ—Екатеринодарское; второе, отъ Чернаго моря до Чернаго ерика на Фанагорійскомъ островѣ называемой Таманѣ,—Фанагорійское; третье, отъ Ачуева вверхъ по Азовскому морю до рѣчки Челбасъ, съ лѣвой стороны теченія рѣки Бейсуга, при устьѣ его, Бейсугское; четвертое, отъ рѣки Челбасъ до рѣки Ея, при устьѣ ея, Ейское, и пятое, при границѣ отъ стороны Кавказскаго намѣстничества, по размежеваніи земель, гдѣ за способнѣе будетъ, Григорьевское.

8. Для управленія округами, въ окружныя правленія опредѣлить по одному полковнику, писарю, есаулу и хорунжему, и, на должность приведя ихъ къ присягѣ, велѣть имъ, исключая перваго Екатерино-

дарскаго округа, въ послѣднихъ четырехъ округахъ выстроить окружные города, яко-то: Фанагорію, Бейсу, Ейской и Григорьевской, а села всѣ населять въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ назначено будетъ, переселяющимся изъ разныхъ мѣстъ сего войска военными людьми и для печатанія при правленіяхъ письменныхъ дѣлъ подѣлать окружные печати съ гербами, по приличію округовъ свойственными, яко-то: на Екатеринодарской, такъ такъ на границѣ противу врага имени христіанскаго,—козакъ водрузившій ратище въ землю, и приложа къ нему вмѣсто присошковъ, ружье, держа лѣвою рукою ратище и ружье, а другою прикладъ, врага стрѣляющій, на Фанагорійской—по морю плавающая лодка, со всѣмъ воинскимъ прибором; на Бейсуговской—рыба; на Ейской—козакъ, при границѣ единовѣрныхъ, съ ружьемъ на караулѣ стоящій, а на Григорьевской, отъ пустаго степу,—въ пикетѣ козакъ, сидящій на конѣ, при всемъ воинскомъ приборѣ.

9. Окружныя правленія и командиры долженствуютъ по насылаемымъ отъ атамана кошевого и войскового правительства письменнымъ повелѣніямъ, чинить непремѣнное и немедленное исполненіе. безъ малѣйшаго упущенія.

10. Окружныя правленія имѣютъ попеченіе о заведеніи жителями хлѣбопашества, мельницъ, лѣсовъ, садовъ, виноградовъ, скотоводства, рыболовныхъ заводовъ, купечества и прочихъ художествъ, къ оживленію человѣческому способствующихъ. А имѣющіеся лѣса и родючее дерево да сохранятъ отъ опустошенія вырубкою, скотомъ и пожаромъ, въ цѣлости къ общей войсковой пользѣ. Также между людьми встрѣчающіяся ссоры и драки голословно разбирать, обиженныхъ защищать, съ доставленіемъ справедливаго удовольствія; свирѣпыхъ укрощать, злонравныхъ исправлять, сиротъ и вдовъ защищать и во всемъ имъ помогать; лѣнивыхъ понуждать къ трудолюбію; для распространенія семейнаго житія, холостыхъ къ женитьбѣ понуждать, непокоряющихся власти и непочитающихъ старѣйшихъ, по мѣрѣ преступленія, штрафовать, а содѣявшихъ важное преступленіе къ законному осужденію присылать въ войсковое правленіе.

11. Окружныя правленія о благосостояніи въ той округѣ всѣхъ военныхъ жителей семидневные, а о чрезвычайностяхъ въ тотъ же часъ имѣютъ присылать рапорты атаману кошевому и въ войсковое правительство, для донесенія главной командѣ.

12. Окружныя правленія долженствуютъ имѣть прилежное смотрѣніе, дабы всѣ жительствующіе въ тѣхъ округахъ старшины и ко-

заки, имѣя въ себѣ на каждую мужескаго пола душу военное оружіе во всякой чистотѣ и исправное, на случай наглаго военнаго времени или воровскимъ образомъ на войсковыхъ жителей и проѣзжающихъ по сей землѣ постороннихъ россійскихъ людей, непріятельскаго нападенія, имущественные конно, а неимущественные пѣше къ пораженію непріятеля были на всякой часъ въ готовности, чтобы на войсковой землѣ, за всякимъ дѣломъ, ѣздить, ходить, хлѣба пахать, рыбу ловить и скотъ на пастьбу гонять, безъ военнаго орудія никто недерзалъ, и кто въ семъ ослушнымъ окажется, на томъ же мѣстѣ штрафовать.

13. Окружныя правленія да имѣютъ смотрѣніе по своимъ округамъ, чтобъ на рѣкахъ, болотахъ, и гдѣ надобно, переправы, мосты и гати были во всей исправности.

14. Окружныя правленія должны смотрѣть за жителями, чтобъ въ городахъ и селеніяхъ, по улицамъ и дворамъ, сохраняема была чистота, и на случай пожара имѣли къ тушенію онаго воду и обыкновенные для пожара желѣзные инструменты.

15. Въ тѣхъ округахъ, ежели гдѣ появятся воры и разбойники, окружнаго правленіи командиры долженствуютъ, съ подчиненными имъ старшинами и козаками, стараться всѣхъ переловить и стослать къ законному осужденію, какъ и передержателей въ войсковое правительство при рапортѣ.

16. Ежели въ какой округѣ на людяхъ появится заразительная болѣзнь, отъ чего Боже сохрани, окружныя правленія имѣютъ тотчасъ, зараженныхъ отъ здоровыхъ людей отдѣля, окружить карауломъ съ великою осторожностью, дабы зараженные съ здоровыми отнюдь не совокуплялись и съ подробнымъ объясненіемъ, откудова таковое зло возымѣло начало, рапортовать атаману кошевому и войсковому правительству, безъ малѣйшаго замедленія, для донесенія о томъ главной командѣ.

17. При случаяхъ, въ тѣхъ округахъ, скотскаго падежа, окружныя правленія, стараясь оное зло истребить, чрезъ кого слѣдуетъ увѣдавъ о томъ, подробно тотчасъ рапортуютъ атаману кошевому и войсковому правительству, и, отдѣля скотъ больной отъ здороваго, содержать больной на особомъ закрытомъ пастьбищѣ, пока отъ заразы выздоровѣетъ, а съ палаго кожи не снимать, а съ оными зарывать въ глубокія ямы, и какъ съ того мѣста никуда зараженнымъ, выѣзжать, такъ и въ оное со стороны съ здоровымъ скотомъ, въѣзжать запретить, покудова отъ заразы тое мѣсто освободится.

18. Въ окружныхъ правленіяхъ чиновъ перемѣняетъ войсковое правительство другими каждаго года іюня 29 числа, т. е. въ день св. апостоловъ Петра и Павла. А ежели съ сихъ первые явятся чрезъ тотъ годъ въ препорученности своей должности исполнителями довлѣемаго по законамъ порядочнаго служенія безпорочны, то таковыхъ, уважая, пріостановлять ихъ при тѣхъ же должностяхъ и на дальнѣйшее время. А которые окажутся въ непорядочномъ поведеніи и законамъ противныхъ преступленіяхъ, сихъ не дожидаясь года, въ то самое время когда увѣдано будетъ перемѣна другими, предавать законному сужденію и штрафу.

19. Съ начала учрежденія вѣрнаго войска черноморскаго, старшинамъ и козакамъ, во всю недавно кончившуюся съ Портою Оттоманскою войну, за вѣру, отечество и сію землю дѣйствительно лично служившимъ, кровь проливавшимъ и тѣмъ вольность пріобрѣвшимъ, за ихъ труды и подвиги позволяется въ городахъ и селеніяхъ, по желанію ихъ, имѣть собственные свои дворы, а въ степи хутора и мельницы; при тѣхъ дворахъ, хуторахъ и мельницахъ заводить лѣса, сады, винограды, хлѣбопашество и скотоводство, а на приморскихъ косахъ и другихъ удобныхъ мѣстахъ рыболовные заводы.

20. Въ отмѣнное воздаяніе старшинамъ, яко вождямъ-наставникамъ и попечителямъ о общихъ сего войска благахъ, при своихъ хуторахъ сродственниковъ и вольножелающихъ людей поселить позволяется и опредѣлить имъ земли, по прилагаемой у сего росписи.

21. Старшины поселенныхъ въ своихъ хуторахъ людей да почитаютъ не подданными своими, а вольноживущими подъ ими козаками, и выходить онымъ изъ старшинскихъ хуторовъ на войсковыя земли, куда пожелаютъ, вольно, кромѣ долговъ, коими ежели кто будетъ обязанъ, не имѣетъ волп выйтить дондеже долгъ хозяину возвратитъ.

22. Козаковъ, какъ выше писано, во уваженіе ихъ службы и понесенныхъ ими трудовъ и подвиговъ, ни въ какія общественныя и войсковыя тягости по конецъ ихъ жизни, не употреблять.

23. Вышеписаннымъ старшинамъ и козакамъ на вѣчно-спокойное показанными дворами, хуторами, мельницами, лѣсами, садами, рыболовными заводами владѣніе выдать открытые листы, съ тѣмъ, чтобы до онаго, кромѣ хозяина и законнаго ихъ наслѣдія, ко владѣнію никто права не имѣлъ, да и землю не утѣснялъ.

24. Для военнаго время, а въ случаѣ и воровскимъ образомъ нападенія на военныхъ жителей и постороннихъ россійскихъ людей, отъ закубанскихъ зловредныхъ сосѣдъ, какъ служившіе старшины, съ поселенными людьми и козаками, такъ и не служившіе старшины и козаки, исключая только старыхъ искалѣченныхъ и малолѣтнихъ, къ службѣ не годныхъ, словомъ сказать, всѣ безъ изъятія долженствуютъ, со всѣмъ воинскимъ исправнымъ приборомъ къ пораженію непріятеля имущественные конно, а неимущественные пѣше, быть на каждый часъ во всей готовности.

25. Войсковой есаулъ долгъ имѣетъ, на границѣ и внутри войсковой земли разъѣзжая, смотрѣть за опредѣленными въ окружныя правленія чинами и кордонными старшинами, дабы всѣ повелѣнія атамана кошевого и войскового правительства были выполняемы въ точности безъ малѣйшей отмѣны. И ежели за кѣмъ будетъ имъ усмотрѣна какая неисправность, рапортовать атаману кошевому и войсковому правительству, съ подробнымъ поясненіемъ его вины, для чего отъ кошевого давать ему о томъ полныя наставленія.

Вышеписанный порядокъ, въ соотвѣтствованіе высочайшей ея императорскаго величества воли, мы, будучи обязаны усердіемъ и ревностію къ отечеству и любовію ко всему нашему обществу, почитая для долгоденственнаго благосостоянія сего войска самонужнѣйшимъ началомъ на войсковой землѣ возстановляя, надѣемся, что наше войсковое общество приметъ сей въ кротости духа и воздавъ Богу за ея императорское величество благодарственныя молитвы, посвятить себя въ непремѣнномъ исполненіи на всегда благополучной градъ Екатеринодаръ. 1794 года, января... Подлинное подписали: атаманъ кошевой, арміи бригадиръ и кавалеръ Захарій Чепѣга; войсковой судья, арміи полковникъ и кавалеръ Антонъ Головатый; войсковой писарь, арміи подполковникъ Тимофей Котляревскій».

Въ каждомъ куренѣ (станицѣ) мѣстное управленіе составляли: куренной атаманъ, сельскій атаманъ и сельскій смотритель. Первый изъ нихъ, равно какъ и всѣ прочіе, отъ сорока куреней, куренные атаманы участвовали во всѣхъ совѣщаніяхъ кошевого атамана и войсковаго правительства, какъ-то: командированіе козаковъ на пограничную службу и флотилію и всѣ вообще по войску наряды внутренней службы; эти же куренные атаманы приводили въ исполненіе всѣ дѣлаемыя имъ порученія и предписанія чрезъ сельскихъ смотрителей и сельскихъ атамановъ. Для занятія сихъ послѣднихъ и куренныхъ

сходокъ въ каждомъ куренѣ существовало мѣстное управленіе подъ именемъ куренной или сельской избы.

Порядокъ куренного управленія существовалъ сначала поселенія войска на мѣста, нынѣ имъ занимаемыя, до 1-го числа апрѣля 1801 года, а сего числа назначенный по высочайшему повелѣнію первоприсутствующимъ въ войсковую канцелярію, генералъ-лейтенантъ Кирѣевъ, предложилъ войсковой канцеляріи за № 106: «такъ какъ всѣ куренные атаманы отъ 40 куреней, вопреки своего назначенія, отвлечены отъ своихъ жилищъ и лежащихъ на нихъ обязанностей, проживаютъ въ г. Екатеринодарѣ безъ всякой надобности, то немедленно отправить куренныхъ атамановъ въ курени по принадлежности, со строгимъ приказаніемъ смотрѣть за благоустройствомъ и трудолюбіемъ козаковъ, такъ какъ они находясь въ Екатеринодарѣ, отвлекаются отъ своего назначенія». Распоряженіе это по журналу войсковой канцеляріи 2 числа того же апрѣля приведено въ исполненіе. Но и по возвращеніи куренныхъ атамановъ въ свои курени составъ куренного управленія остался прежней, т. е. изъ куренного атамана, сельскаго атамана и сельскаго смотрителя до высочайше утвержденнаго въ 26 день апрѣля 1827 года положенія объ управленіи Черноморскимъ козачьимъ войскомъ [1]).

При вышеприведенномъ протоколѣ «Порядка общей пользы» приложенъ слѣдующій штатъ: «Штатъ по должности атамана кошевого и войскового правительства къ исполненію письменныхъ дѣлъ должнаго служенія опредѣленнымъ чинамъ съ положеніемъ имъ въ жалованье и на канцелярскіе расходы 2000 р. денегъ. Учиненъ 1 января 1794 г.

Экспедиціи и чины—число людей и жалованье имъ въ годъ.

1) По должности атамана кошевого письмоводитель 200 руб., повытчикъ 100 р., писарей 2 по 50 р.—100 р., въ войсковомъ правительствѣ:—секретарь 200 р. Въ отдѣленіи, въ которомъ паспорты и билеты: повытчикъ—100 р., писарей 2—по 50 р.—100 р. Въ разныхъ воинскихъ, казенныхъ и гражданскихъ дѣлахъ: повытчикъ—100 р., писарей 2—по 50 р.—100 р. Уголовнаго преступленія дѣла: повытчикъ—100 р., писарей 2—по 50 р.—100 р. У дѣлъ по разнымъ публикаціямъ: повытчикъ 100 р., писарей 2—по 50 р.—100 р. Архи-

---

[1]) Изъ дѣла черноморской войск. канцеляріи за 1801 г., хранящ. въ войск. архивѣ по 10 описи, № 66.

варіусъ—100 руб. Для канцелярскихъ расходовъ, на покупку дровъ и на сторожа 500 р. Итого 18 чел.; всѣмъ—2000 руб.

Именемъ высочайшимъ указомъ, даннымъ 18-го октября 1799 года адмиралтейской коллегіи [1]) предписано: построить вновь при войскѣ черноморскихъ козаковъ гребную флотію, а именно: 50 лодокъ, 1 яхту и 5 баркасовъ. На постройку эту и вооруженіе опредѣлено изъ суммъ государственнаго казначейства отпустить 620103 р. 40 3/4 к. и на содержаніе флотиліи ежегодно отпускать 31621 р. 41 к., но былъ ли приведенъ въ исполненіе этотъ указъ и когда—свѣдѣній объ этомъ въ дѣлахъ бывшей Черноморской войсковой канцеляріи, находящихся въ войсковомъ архивѣ, не отыскано, по случаю уничтоженія войсковымъ правленіемъ Кубанскаго войска многихъ дѣлъ прежняго времени въ 1863 и 1864 годахъ. Нѣтъ также свѣдѣній объ этомъ и въ полномъ собраніи законовъ съ 1799 года по настоящее время.

Послѣ этого Новороссійскій военный губернаторъ, генералъ отъ кавалеріи Михельсонъ, ордеромъ отъ 12 іюля 1802 г. за № 554, далъ знать войсковому атаману Черноморскаго войска полковнику Бурсаку, что такъ какъ войсковая флотилія отъ давняго и постояннаго употребленія опой пришла въ ветхость и къ употребленію негодна, то по всеподданнѣйшему его представленію для охраненія войсковыхъ береговъ Чернаго моря и предупрежденія покушеній морскихъ разбойниковъ изъ черкесъ на приморскіе войсковые предѣлы, всемилостивѣйше подарены Черноморскому козачьему войску десять новыхъ канонирскихъ лодокъ, вновь выстроенныхъ при Николаевскомъ адмиралтействѣ въ полномъ вооруженіи, съ 20 на нихъ орудіями, со всѣми принадлежащими къ нимъ зарядами и снарядами. Лодки эти, по распоряженію начальника Черноморскаго флота адмирала Мордвинова, 18 августа того же года флота капитанъ-лейтенантомъ Делегатомъ доставлены въ г. Тамань и сданы назначенному войсковою канцеляріею для принятія ихъ капитану Животовскому и затѣмъ употреблены по высочайшему назначенію [2]).

Когда именно войсковая флотилія уничтожена и по какому случаю—свѣдѣній въ дѣлахъ, нынѣ находящихся на храненіи въ войсковомъ архивѣ, не отыскано и упомянутая флотилія въ годовомъ от-

[1]) Полное собр. закон., т. XXV 1798—1799 годовъ.

[2]) Изъ дѣлъ черном. войск. канц. 1802 г., хранящ. въ войск. арх. по 11 описи, подъ № 226.

четѣ о состояніи Черноморскаго козачьяго войска, представленномъ наказнымъ атаманомъ въ инспекторскій департаментъ военнаго министерства при рапортѣ отъ 1 февраля 1836 года за № 251, уже незначилась.

По переселеніи Черноморскаго козачьяго войска на мѣста, нынѣ имъ занимаемыя, до 1803 г. въ войскѣ штатныхъ полковъ и командъ не было, а таковыя составлялись по военнымъ обстоятельствамъ и по высочайшимъ повелѣніямъ. Такъ, напримѣръ, были составлены въ 1794 году два конныхъ полка пятисотеннаго состава каждый, по образцу полковъ войска Донскаго, и командированы, подъ начальствомъ кошевого атамана арміи бригадира Чепѣги, для участвованія въ послѣдней польской компаніи; въ 1796 году, по случаю войны Россіи съ Персіею, были составлены два пятисотенные пѣшіе полка и командированы въ Персію подъ начальствомъ войскового судьи арміи бригадира Головатаго. Полки эти по окончаніи войны возвращены въ войско.

Всемилостивѣйше дарованною Черноморскому козачьему войску императоромъ Павломъ I-мъ въ 16 день февраля 1801 года грамотою, предписано по войску Черноморскому, вмѣсто войскового правительства, учредить войсковую канцелярію на слѣдующихъ основаніяхъ: 1-е) въ войсковой канцеляріи присутствовать отъ войска Черноморскаго: войсковому атаману, двумъ членамъ и сверхъ того особамъ, по высочайшимъ повелѣніямъ назначеннымъ; 2-е) отъ сей канцеляріи зависѣть должно наблюденіе въ подчиненныхъ мѣстахъ за благоустройствомъ, правосудіемъ и рѣшеніе всѣхъ дѣлъ; 3-е) учредить зависящія отъ канцеляріи экспедиціи: первую для дѣлъ криминальныхъ, вторую для дѣлъ гражданскихъ и тяжебныхъ, третью для дѣлъ казенныхъ, четвертую для дѣлъ межевыхъ, пятую для полиціи и шестую — сыскнаго начальства, соотвѣтствующую земскому суду, и во всѣхъ сихъ экспедиціяхъ быть отъ Черноморскаго войска пристойному числу членовъ; 4-е) экспедиціи сіи, производя дѣла, приговоры свои по онымъ должны вносить на утвержденіе войсковой канцеляріи и высочайше довѣренной особѣ и, доколѣ утверждены не будутъ, исполнять оные не долженствуетъ; 5-е) войсковая канцелярія и подчиненныя ей экспедиціи какъ теченіе дѣлъ, такъ и земское управленіе должны производить на основаніи общихъ установленій Россійской имперіи; 6-е) дѣла по гражданской части на апелляцію вносить въ правительствующій сенатъ, а по военной относиться въ военную кло-

легію; сообразно съ этимъ и уголовныя дѣла вносить на ревизію, по роду ихъ и принадлежности, того или другаго правительства, представляя прежде приговоры по нимъ на разсмотрѣніе высочайше довѣренной особѣ; 7-е) къ судейскимъ должностямъ опредѣлять способныхъ и благонадежныхъ людей на годъ; 8 е) канцелярію и ея экспедиціи снабдить по распоряженію войсковой канцеляріи служителями въ такомъ числѣ, какое для успѣшнаго дѣлопроизводства потребно; 9-е для охраненія правосудія и доставленія каждому скорѣйшаго по дѣламъ законнаго удовлетворенія высочайше повѣлено быть при войсковой канцеляріи прокурору.

ЛАНКАСТЕРСКОЕ УЧИЛИЩЕ

ВЪ КІЕВѢ.

(ок. 1820 г.)

ЗАПИСКА

Ивана Романовича Мартоса.

Печатаемая здѣсь *Записка* Ив. Ром. Мартоса [1]) заключаетъ въ себѣ интересныя свѣдѣнія о введеніи въ Кіевѣ Ланкастероваго метода обученія въ низшей школѣ. Изъ этой записки видно, что едва ли не въ Кіевѣ былъ сдѣланъ и первый опытъ обученія по этому методу, причемъ послѣдній былъ введенъ здѣсь извѣстными генералами Н. Н. Раевскимъ и М. Ф. Орловымъ, которые, повидимому, познакомились съ Ланкастеровымъ методомъ во время похода во Францію въ 1814 году. Записка Мартоса написана, какъ кажется, послѣ 1819 г., когда введена была Ланкастерова метода въ Петербургскихъ училищахъ, трудами главнымъ образомъ Герда.

---

[1]) О Мартосѣ см. „Кіевск. Стар.“ 1895 г., октябрь, 48—71.

Ланкастерское училище въ Кіевѣ (ок. 1820 г.). Записка Ивана Романовича Мартоса.

Любопытство, соединенное съ чувствомъ благоговѣнія, привело меня въ городъ Кіевъ, знаменитый своею древностію какъ въ духовномъ мірѣ, такъ и въ гражданскомъ. Я не стану описывать здѣшнихъ древностей, заключающихся въ церквахъ, въ монастыряхъ, въ мощахъ и въ прочихъ достопамятностяхъ, составляющихъ исключительно священную принадлежность Кіева. Для сего нужно имѣть досужество и отличныя дарованія, дабы въ достойныхъ чертахъ изобразить картину первобытныхъ временъ христіанства нашего, совокупно съ обожаемыми сподвижниками онаго; но признаюсь чистосердечно, что потребныхъ для таковаго произведенія качествъ у меня недостаетъ. Я коснусь перомъ моимъ нѣкотораго новаго предмета, обворожившаго меня при первомъ его обозрѣніи: это есть кіевское военно-сиротское отдѣленіе, или, лучше сказать, введенный въ оное *порядокъ взаимнаго ученія*, Ланкастеромъ изобрѣтенный, приспособленный весьма удачно нетокмо къ чтенію и письму, но и къ ариѳметикѣ, россійской грамматикѣ, катехизису и священной исторіи. Смотря на сей превосходнѣйшій способъ, въ нашъ вѣкъ юношеству доставленный, переходить скорыми шагами изъ тьмы во свѣтъ, открывающій великолѣпные виды къ дальнѣйшему просвѣщенію, нельзя несказать: вотъ наступили послѣднія времена невѣжества, которое стремглавъ падетъ въ бездну, какъ Луциферъ, со всѣми темными легіонами своими; а божественный Свѣтъ ума, коего всѣ желаютъ съ несытостію, взыдетъ на верхъ круга народныхъ смысловъ и будетъ озарять всѣхъ и вся, такъ удобно и легко, какъ озаряетъ вселенную благотворный свѣтъ солнца.

Пріятно было бы мнѣ служить читателямъ подробнымъ описаніемъ порядка сего въ самомъ его выполненіи, переходя отъ первой степени, въ которой начинается ученіе, до послѣдней, въ которой приготовляются избранные къ учительскимъ должностямъ; какія

важныя дѣйствія совершаютъ въ ономъ самыя простыя вещи, какъ-то: песокъ, свистокъ, прутикъ, колокольчикъ, походъ и хлопанье въ ладоши; но сверхъ того, что все сіе описано уже предварительно, частію въ прежнихъ листахъ русскаго инвалида, а частію въ особыхъ сочиненіяхъ, изданныхъ для распространенія порядка взаимнаго ученія,—человѣкъ, пріѣхавшій въ Кіевъ на короткое время для богомоленія, столько имѣетъ развлеченій, что долженъ довольствоваться однимъ поверхностнымъ обозрѣніемъ предметовъ, не углубляясь въ сокровенныя подробности оныхъ.

Съ перваго взгляду показывается, будто видишь предъ собою большое число машинъ, движущихся по звукамъ свистковъ, колокольчиковъ и прочаго, а не собраніе школьниковъ, приходящихъ въ учебный домъ для продолженія своихъ наукъ, числомъ до 1800 человѣкъ. Но когда по опытамъ я замѣтилъ, что лучшій ученикъ, примѣрно въ 11 лѣтъ, каковыхъ тамъ есть очень много, управляетъ другими, гораздо большій возрастъ имѣющими, тогда легко мнѣ было увѣриться, что сей образъ ученія, машинальнымъ кажущійся, никакъ нестѣсняетъ врожденныхъ дарованій; а вмѣсто того, чрезъ соревнованіе, награжденіемъ и постыдѣніемъ возбуждаемое, споспѣшествуетъ развитію оныхъ по всей возможности. Учащійся пользуется купно и наукою и движеніемъ, обращая вниманіе на разные предметы, кои взаимно помогаютъ ему вскрывать свои душевныя способности. Отличный ученикъ можетъ пройти въ нѣсколько мѣсяцовъ всѣ восемь классовъ, оставляя прочихъ на половинѣ пути своего, и сіи не въ состояніи препятствовать ему въ его преспѣяніи. Не безъ удовольствія можно видѣть въ этой школѣ нѣсколько человѣкъ служивыхъ, пожилыхъ уже лѣтъ, чертящихъ на пѣскѣ буквы на ряду съ прочими школьниками, по изъявленному ими желанія пріобрѣсти искусство читать и писать: они хотятъ оправдать собственнымъ опытомъ извѣстное мнѣніе, что никогда не поздно начинать хорошее дѣло, сколь скоро надобно приводить его въ дѣйствіе. Удобность, съ каковою мальчикъ, вступающій въ школу сію, начинаетъ пріучаться къ правильнымъ оборотамъ и прочимъ тѣлеснымъ движеніямъ, успѣвая въ оныхъ свободно, безъ принужденія, нечувствительнымъ образомъ, играючи, позволяетъ сказать, что едва-ли другая какая либо наука можетъ съ большею удачею приспособлять молодыхъ людей къ военному строю, какъ наука взаимнаго ученія. А поспѣшность, съ каковою здѣсь научаются читать, писать, считать и рисовать, также играючи, также безъ большихъ пожертвованій, представляетъ способъ взаимнаго ученія

самымъ выгоднымъ для преподаванія начальныхъ наукъ въ народныхъ школахъ, по казеннымъ и владѣльческимъ селеніямъ. Дѣйствительно теперъ наступило благопріятное время для благонамѣренныхъ помѣщиковъ, кои расположены доставить своимъ крестьянамъ образованіе, приличное состоянію землѣпахарей, бывъ удостовѣряемы ежедневными опытами, что съ образованнымъ селяниномъ несравненно спокойнѣе и выгоднѣе имѣть всякое хозяйственное дѣло, нежели съ неполучившимъ онаго. Кажется, медленной ходъ ученія, по селеніямъ нынѣ преподаваемаго приходскимъ причтомъ, съ одной стороны можетъ содѣлывать всякое расположеніе, къ образованію поселянъ относящееся, недѣйствительнымъ; а съ другой, допускаетъ признавать Ланкастеровъ порядокъ быстротекущимъ источникомъ народнаго просвѣщенія, которое весьма много требовало пожертвованій въ обширныхъ нашихъ провинціяхъ.

Обратимся къ виновникамъ сего новаго введенія. Ежели справедливо, что *порядокъ взаимнаго ученія*, принятой въ Россіи въ 1817 году, первоначально показался въ Кіевѣ, потомъ уже въ С:П:бургѣ и въ другихъ губерніяхъ, какъ русскій инвалидъ въ № 85-мъ увѣряетъ насъ, то сіе можно брать въ разсужденіе съ весьма выгодной стороны. Кому неизвѣстно, что христіанское ученіе, равномѣрно заимствованное изъ внѣ, также получило свое начало въ Кіевѣ при великомъ Владимірѣ, который разліялъ сей свѣтъ отъ береговъ Днѣпра до береговъ Волхова, нелишая спасительныхъ лучей онаго ни малыхъ, ни большихъ областей своея великія державы? Подобно тому въ наши дни разлилось обильными струями народное просвѣщеніе при Александрѣ, который далъ ему чрезвычайное превосходство противу прежняго, содѣлавъ его всеобщимъ для своихъ подданныхъ, неисключая ни рода, ни пола, ни состоянія, ни возраста. Самое введеніе Ланкастерова порядка никогда не могло бы быть допущено, ежели бы непослѣдовало на сіе высочайшаго соизволенія. И такъ, да будетъ успѣхъ народнаго просвѣщенія столь же счастливъ при Александрѣ, сколь счастливъ былъ успѣхъ христіанскаго просвѣщенія при Владимірѣ!

При таковыхъ желаніяхъ очевидцы достойную честь приписуютъ корпусному генералу Н. Н. Раевскому и начальнику генеральнаго штаба генералъ-маіору М. Ф. Орлову, яко главнымъ основателямъ здѣсь новыхъ правилъ взаимнаго ученія. Поводомъ къ тому служило, говорятъ, жалостное состояніе, въ какомъ нашли они сіе отдѣленіе по принятіи начальства, гдѣ солдатскія дѣти, въ наукахъ своихъ упражнявшіеся по нѣсколько лѣтъ, неумѣли ни читать, ни писать поря-

дочно. До чувствительности тронутый таковою оплошностію генералъ Раевскій, какъ человѣкъ, одушевляемый и въ мирныхъ упражненіяхъ по службѣ тою же любовію къ отечеству, каковою пламенѣлъ и въ сраженіяхъ противъ непріятеля, призналъ онъ удобнымъ случаемъ найденную неисправность обратить въ пользу учащихся такимъ образомъ, чтобы тотъ же часъ ввести въ употребленіе *порядокъ взаимнаго ученія*, вывезенный изъ Франціи. Наука сія съ начала заключалась въ однихъ рукописныхъ переводахъ, а послѣ того получены изъ корпуса генерала графа Воронцова новыя книги со всѣми таблицами, на руской языкъ переложенными и напечатанными въ крѣпости Мобежъ въ 1817 году. Недовольно сего: надобно было хлопотать о людяхъ, кои могли бы вмѣстить новыя впечатлѣнія, для преподаванія наукъ по новымъ правиламъ. Все сіе составляло чрезвычайную заботу для начальника генеральнаго штаба, наипаче при недостаткѣ способныхъ людей, въ которыхъ настояла необходимая надобность. Но какъ начинаніе добрыхъ дѣлъ никогда неостается безъ увѣнчанія хорошимъ успѣхомъ, то подобнымъ образомъ и генералъ-маіоръ Орловъ, послѣ многихъ пожертвованій своими трудами, своимъ просвѣщеніемъ и самымъ иждивеніемъ своимъ, достигъ наконецъ до той вожделѣнной цѣли, что возвелъ здѣшнее военно-сиротское отдѣленіе на желанную степень совершенства. Кто не повѣритъ, что безъ таковыхъ усилій новый порядокъ взаимнаго ученія могъ бы существовать здѣсь въ одномъ только умозрѣніи? Но кто-жъ и не порадуется, когда узнаетъ что по поводу сему кіевское военно-сиротское отдѣленіе выиграло найлучшее положеніе, составляя нынѣ въ Россіи, такъ сказать, матку взаимнаго ученія, сколь скоро взять во вниманіе нижеслѣдующія причины: 1-е, что правила сей науки здѣсь показались прежде, нежели въ другихъ нашихъ провинціяхъ, 2-е, что сюда присылаются изъ разныхъ казенныхъ мѣстъ ученики, для приготовленія ихъ къ новымъ таковымъ же заведеніямъ и 3-е, что здѣсь же приготовленные учители открыли уже классы по новому порядку взаимнаго ученія въ Москвѣ, въ Могилевѣ и въ Херсонѣ. Какъ пріятны должны быть таковыя разпространенія для трудившихся въ первомъ начинаніи!.. При семъ случаѣ слѣдуетъ отдать справедливость инженерному штабсъ-капитану Прасолову, надъ всѣми классами дирекцію имѣющему, который столько благопріятствуетъ посѣтителямъ въ наблюденіяхъ, что совершенно удовлетворяетъ ихъ любопытству; да и прочіе учители, кажется, преисполнены ревнованіемъ содѣйствовать благодѣтельному

намѣренію высшей власти, въ разсужденіи просвѣщенія своихъ учениковъ, яко будущей, несомнѣнной надежды отечества.

Надѣюсь подобные мнѣ посѣтители города Кіева, послѣ поклоненія святымъ мѣстамъ, увлекаемы будучи силою своего любопытства, придутъ въ здѣшнее военно-сиротское отдѣленіе, находящееся въ Печерской крѣпости, дабы видѣть въ самомъ дѣйствіи тотъ быстрый потокъ ученія, который въ ономъ разливается по новымъ правиламъ. Они могутъ видѣть его и заимствовать нужное. Но да не помыслятъ, чтобы я предложилъ изъясненіе сіе по какимъ либо личнымъ видамъ. Одно чувство признательности къ виновникамъ сей общеполезной новости, свойственное всякому сыну отечества, управляло слабымъ перомъ моимъ. Да съ умноженіемъ добрыхъ дѣлъ въ наши достопамятныя времена, пусть умножается въ нѣжныхъ сердцахъ и чувства живѣйшей благодарности къ тѣмъ отличнымъ особамъ, которые того достойны бываютъ.

Драматическое произведеніе XVIII-го вѣка, найденное въ рукописяхъ Смоленской духовной семинаріи.

Занимаясь составленіемъ систематическаго описанія небогатой коллекціи рукописей, принадлежащихъ фундаментальной библіотекѣ Смоленской духовной семинаріи, мы нашли въ двухъ изъ нихъ одно и тоже помѣщаемое ниже драматическое произведеніе XVIII-го столѣтія.

Произведеніе это озаглавлено лишь общимъ именемъ *Declamatio*, и въ одной рукописи, именно въ піитикѣ, преподанной въ Смоленской коллегіи въ 1752—53 учебномъ году (Structura artis poëticae, in duas classes, scilicet ligatam et solutam orationem, divisa, in almo Smoleno Wiszpowsciano Collegio generosae juventuti Roxolanae anno Supremi Regis regum 1752 in annum 1753 ad habitandum aedificata)[1]), помѣщено въ самомъ концѣ ея (л. л. 109—117), а въ другой,—тоже піитикѣ, носящей такое же названіе, какъ и первая, и тоже преподанной въ Смоленской коллегіи, только нѣсколько позже, въ 1754—55 учебномъ году[2]),—оно находится непосредственно послѣ текста піитическихъ правилъ de poësi tragica et comica (л. л. 67—75 на обор.). Declamatio состоитъ изъ пролога, пяти небольшихъ частей (дѣйствій)[3]) и эпилога.

Прологъ заключаетъ въ себѣ обращеніе къ слушателямъ съ просьбою ихъ вниманія, и указываетъ общій сюжетъ пьесы, говорящей о *цѣломудріи*, *чистотѣ*, попираемой нечистотою; объ удивительно широкомъ *господствѣ пьянства* и о происходящемъ отсюда *киченіи Бахусова пьянства*.

---

[1]) По каталогу семинарской библіотеки, составленному въ двадцатыхъ годахъ нынѣшняго вѣка, она числится подъ значкомъ Б. 867. О. 2.

[2]) По тому же каталогу, подъ значкомъ Б. 868.

[3]) Въ самой Declamatio нѣтъ дѣленія на дѣйствія, и ихъ можно, пожалуй, признать менѣе пяти, до двухъ всего.

Первую часть составляетъ продолжительный монологъ *Цѣломудрія*, въ которомъ оно изливаетъ свою печаль и свое горе, причиняемыя ему гордостью.

Во *второй* части на сцену выходитъ *Чистота* и тоже изливаетъ свое горе, дѣлясь имъ съ Цѣломудріемъ. Она сѣтуетъ о тѣхъ, которые готовятъ себѣ участь, подобную Содомлянамъ...

Въ *третьей* части лице *Отрады*, являющееся на сценѣ въ сопровожденіи увѣнчанныхъ ангеловъ, утѣшаетъ Цѣломудріе и Чистоту въ ихъ скорбяхъ, говоря, что Всевидящій и Вездѣсущій зритъ ихъ дѣла и вновь возвратитъ имъ ихъ прежнюю славу, а попирающихъ ихъ осудитъ на вѣчную муку.

Въ *четвертой* части на сценѣ *старикъ* удивляется временной и вѣчной гибели пьяницъ. Онъ развертываетъ картину широкаго пьянства.

Какъ бы къ большему огорченію старика, въ *пятой* части на сцену выступаетъ Бахусъ, торжествуя и хвалясь, что онъ владычествуетъ надъ всѣмъ міромъ, а присутствующіе здѣсь представители Азіи, Африки, Америки и Европы изъявляютъ предъ нимъ свое полное рабство. Бахусъ, польщенный такимъ всесвѣтнымъ преклоненіемъ предъ нимъ, съ паѳосомъ перечисляетъ свои услуги человѣчеству, и особенно распространяется о своемъ превеликомъ праздникѣ-маслинѣ, во время которой его наиболѣе почитаютъ и величаютъ многіе изъ его подданныхъ.

Эпилогъ составляетъ просьба къ слушателямъ простить недостатки исполнителей пьесы.

Изъ представленнаго краткаго содержанія видно, что основная мысль этого произведенія—несомнѣнность будущаго всеобщаго суда и воздаянія, выставляемая въ противовѣсъ какъ теоретическому, такъ и практическому отрицанію ея.

Мысль эта была излюбленной темой нашихъ, собственно южнорусскихъ, драматическихъ произведеній XVII и XVIII в. в., особенно выдвигаясь въ нихъ въ XVIII столѣтіи, въ виду поверхностнаго отраженія у насъ западно-европейскаго деизма и атеизма, и въ виду того практическаго невѣрія и распущенности нравовъ, какія были его слѣдствіемъ. Такъ «трагедокомедія о тщетѣ міра сего, составленная (около 1741—2 г.) Варлаамомъ Лящевскимъ и репрезентованная въ академіи Кіевской», или «о награжденіи въ семъ свѣтѣ пріисканныхъ дѣлъ мзды въ будущей жизни вѣчной», съ одной стороны, старается доказать личное безсмертіе человѣка и отвѣтственность его въ за-

гробной жизни, съ другой—обличить распущенность современныхъ нравовъ и сдержать ее угрозами наказаній въ загробной жизни, а вмѣстѣ съ тѣмъ и поощрить праведниковъ въ ихъ бѣдствіяхъ [1]). Туже цѣль имѣетъ и весьма распространенная въ спискахъ пьеса Георгія Конисскаго, подъ заглавіемъ—«Воскресеніе мертвыхъ, обще убо всѣмъ будущее, но страждущимъ всѣмъ неповинно въ вѣцѣ семъ блаженно, а обидящимъ гибельно, въ пяти дѣйствіяхъ въ пользу чающихъ онаго показанное Георгіемъ Конѣцкимъ 1746 года» [2]). Обѣ эти пьесы въ исторіи южно-русской искусственной (драматической) литературы XVIII вѣка имѣютъ то особенное значеніе, что въ нихъ кіевская драма, при вѣрности своему духовно-религіозному, мистеріальному направленію, обнаружила довольно сильное стремленіе сблизиться съ народною жизнью [3]).

Въ непосредственную связь съ ними должна быть поставлена и найденная нами Declamatio, сюжетъ и драматическіе пріемы которой тѣ-же, что и въ нихъ. Мало того, Declamatio стоитъ даже въ прямой зависимости отъ нихъ, являясь иногда буквальнымъ повтореніемъ нѣкоторыхъ мѣстъ пьесы Конисскаго (напр., кантъ Declamatio буквально сходенъ съ кантомъ послѣ второго дѣйствія въ трагедокомедіи Конисскаго; жалоба Цѣломудрія въ нашей пьесѣ на лихоимство суда есть повтореніе 11-ти строкъ рѣчи Діолита во 2 явленіи 2-го дѣйствія у Конисскаго и наконецъ Лице Отрады въ нашей пьесѣ и въ пьесѣ Канисскаго одинаково, въ 12 строкахъ, объясняетъ причину нескораго воздаянія грѣшникамъ и праведникамъ [4]).

Такая зависимость не умаляетъ значенія найденной нами пьесы; напротивъ, она дѣлаетъ ее памятникомъ непосредственнаго продолженія и развитія драматическихъ традицій, какимъ слѣдовала южно-русская драма въ лицѣ Лящевскаго и Конисскаго, и, такимъ образомъ, ставитъ ее въ исторіи южно-русской драмы звѣномъ, соединяющимъ собою драматическую дѣятельность Лящевскаго и Конисскаго съ послѣдующею,—и тѣмъ болѣе дорогимъ звѣномъ, что авторомъ

---

[1]) Свѣдѣнія о ней см. въ „Украинской Старинѣ“ Гр. Данилевскаго, Харьковъ, 1866 г., стр. 96.

[2]) Издана проф. Тихонравовымъ въ „Лѣтописяхъ русской литературы“, т. III, отд. III, с. 39—58.

[3]) Н. И. Петровъ. Очерки изъ украинской литературы XVIII в. Кіевъ, 1880, стр. 27, 92, 98, 113 и др.

[4]) См. въ „Лѣтоп. русской литер.“, стр. 43: 46—47; 55—58.

нашей Declamatio былъ Мануилъ Базилевичъ [1]), питомецъ Кіевской академіи, ученикъ Лящевскаго и Конисскаго [2]), написавшій ее, будучи профессоромъ піитики въ Смоленской коллеліи, для исполненія ея воспитанниками на сценѣ домашняго коллегіатскаго театра въ дни сырной недѣли, или предъ ея наступленіемъ (что видно изъ самой пьесы).

Declamatio.

Prologus.

Слышателеи, васъ трудить любомудрихъ смѣемъ,
О предложенныхъ вещахъ обявить имѣемъ.
А обявить хощемъ не о чесомъ иномъ,
Но о добродѣтели, кая господиномъ
Есть великимъ всякому всегда человѣку,
Еяже кто держится до своего вѣку,—
Цѣломудріе, еже всѣхъ уразумляетъ,
Сіестъ здраваго ума егда кто бываетъ,
Кнейже и чыстота прысовокупленна,
Отъ нечыстоти суще весма обижденна,
И о удивленіи великаго пьянства
Такожъ о киченіи Бахусова панства.
Ваше любомудрствіе, о чемъ утруждаемъ,
О семъ бытъ внимательнымъ покорно вмоляемъ.
(Выходятъ ангели и поютъ канты) [3]).

Цѣломудріе

обиженное отъ гордости внутрной печалится и ускаржается.

Ахъ, горе мнѣ днесъ бѣдной! весма унываю!
Горе жъ, яко боліе уже жытъ не чаю!

---

[1]) Піитика 1752—3 г. не указываетъ его имени, а называетъ его піитика 1754—5 г.

[2]) По всей вѣроятности, Базилевичъ вмѣстѣ съ другими былъ присланъ изъ Кіева въ Смоленскъ, по просьбѣ Смоленскаго епископа Гедеона Вишневскаго, въ 1750 г. (См. Акты Кіево-Братскаго училищнаго монастыря и академіи, собран. В. Аскоченскимъ, т. I, д. № 36.

[3])См. ниже.

Ахъ, горе, какъ въ несносной зостаю печали,
Ибо жалъ серце мое пронзаетъ немалый,
Пронзаетъ убо, аки острою стрѣлою,—
Ахъ! недоумѣваю, что чынитъ съ собою?—
Стрѣлою жъ полною смертоносна яда,
Которы истѣкаетъ з пекелнаго ада.
Что се мнѣ: въ очахъ призракъ? и что за измѣна?
Отвуду мнѣ ключися сія перемѣна?
Не цѣломудралъ была, ничимъ осквернена?
Нынижъ, аки изгребіе есмь уничтоженна...
Цѣла и непорочна, ничимъ невредима
Была, но, аки слонца липота всезрима
Свѣтла же и прекрасна отъ Бога созданна;
Но днесъ пребываю, якъ скверна тынъ попранна:
Всякихъ скверныхъ мерзостей полна есмъ отвсюду,
Не точію же отвнѣ, но и сквозъ внутръ уду.
Не была лъ въ свѣтоносцѣ, иже близъ чертога
Первымъ бяше отъ Аггелъ Создателя-Бога,
Лики превозхождаше вся во оной славѣ,
Юже по превосходству имѣяше явѣ,
Слава же ему бяше,-слава бысть толика,
Какъ бы хоромъ Аггелскимъ всѣмъ бяше владика.
Коей жъ ему болшъ славы искать было треби,
Какъ имѣти жылище въ Херувимскомъ неби?
Но покусися еще болшой искать славы:
Хотѣлъ имѣтъ первенство Божіей державы.
Аки бы не трезвеннымъ умомъ пребываше,
Что недостойно ему, всегда то желаше.
Возимѣ себѣ злую толъ гордостъ премногу—
Рещы не устыдыся: равенъ буду Богу,
Сожизду престолъ горѣ и сяду въ чертозѣ,
И вся мнѣ власты будутъ корытысъ подъ нозѣ.
Ахъ, се ли не обида Творцу сущей твары
Равнятыся? отъ него жъ имѣлъ тои дары,
Ими же недоволенъ, возвысися горѣ,
Посрамленъ же погрязе въ преисподнимъ морѣ,
И со всѣмъ хоромъ своимъ, тоежде мыслящымъ,
Въ равенствѣ жизнъ з господемъ имѣти хотящымъ,
Аки молнія с небесъ и дымъ исчезоша,

Въ глубину неисходну адскую пріидоша;
За кую гордостъ будутъ в вѣкъ тамъ пребывати,
По своей отдалившесъ воли благодати.
Ахъ, горе мнѣ! не была лъ въ первомъ человѣцѣ,
Иже бысть владикою поставленъ въ семъ вѣцѣ
Надъ всякимъ животнымъ. на земли живущимъ,
Надъ звѣрми различными и гадомъ ползущымъ?
Въ его же власти были не точію скоты,
Но которіе бяху и вящшей доброты
Высоко парящые небесные птицы,
Различнаго естества бываютъ колицы.
Бысть же райскому жителъ прекрасному салу,
Въ немъ же имѣлъ паче всѣхъ веливу отраду,
Тамо пребывающе въ веселіи многомъ,
Поставленъ надъ всѣмъ свѣтомъ бяше земнымъ богомъ.
Но мя, цѣломудріе, оный отрынувый
Обрытеся ко гниву Бога воздвигнувый,
Зане прелстился онымъ врагомъ гордолпвымъ,
Иже предъ создателемъ явися строптивымъ,
Покусися отъ древа краснаго вкусити,
З зависты болшу хотяй славу улучити.
Ахъ, горе! не разсудивсъ и сей такъ съ собою,
Чтобы неявитися гордости злобою!
Не былъ ли Богомъ даннымъ разумомъ доволный,
Весма всѣхъ былъ мудростей и художествъ полный?
Довлѣло ему было знать, что естъ преблаго,
А не высокоумить, довѣдуясъ злаго.
Зналъ, что тварь, а ни Творецъ, ни Господъ небесный;
А къ сему его привелъ все хитры змій лестный,
Яко ни мало умомъ размышлялъ благое,
Но пребысть не отмѣненъ знать добро и злы;
Тѣмже самымъ предъ Богомъ гордостенъ явися,
За что всея радости райскія лишыся.
Ахъ, горе мнѣ, ахъ бѣда! стражду нестерпима,
Что мене обиждаетъ гордостъ возносима,
Аки уже не имамъ гдѣ бы обитати,
Почти не вси начали мене оставляти!
Не родъ ли Божи бяше Израилъ реченны,
Но безъ цѣломудріи и сей ослипленъ

Явисъ. Вснидъ пресладчайшу имѣяше манну,
Пречудеснымъ образомъ съ небесе поданну,
Чрезъ море не мокренно превдоша по суху,
Чуднѣе летающихъ отъ птицъ по воздуху;
И не отъ камеия ли жыву воду пиша,
И во всякомъ доволствѣ насыщенны быша?
Но не благодарніи явилисъ и сими,
Господеви своему рабы неключимы,
Уклонившеся въ гордостъ, идолы почтыли;
Какъ бы не чувствовали Божественной силы,
Телца единодушна почтили за Бога,
Иже бысть изліянни отъ злата премнога;
И Богу сотворенны за вражды такія
Отъ зміевъ себѣ, смерти достигнули злыя.
Ахъ, какъ не горе! суще родъ Божій реченный,
А нынѣ обывателъ бываетъ геенны!
Ахъ, горе мнѣ! никогда утѣшна пребуду,
Не имамъ бо радости никакой отвсюду,
Зане суть человѣцы еще въ то злой воли:
Боговъ мертвыхъ множайшыхъ чтутъ чуждыхъ дотоли;
Отъ гордости вражіей имуть то на мнозѣ,
Яко вовся нерадить о праведномъ Бозѣ!
Не толкожъ сіи правди Господа незнаютъ,
Но и хрыстіяне суще не такъ почытаютъ,
Какъ требѣ; о прочіихъ сказати есть диво:
Въ православіи суще держатъ вѣру криво:
Называютъ рускую вѣру весма просту,
Что накладено много правилъ, пѣній, посту.
Правда, хочаи предано во оной есть много,
Но въ душевную ползу поданы суть Богомъ;
А въ рымской-литаніи есть едина толко,
Да еще прыдается и пацѣръ [1]) посколко?
Спрежде сего не было: бысть вѣра едина
Съ нами; но ихъ отвела самая гордыня
Отторгнутисъ восточной отъ церквѣ Христовой,
И бытъ въ своей ересной злоби непстовой.
Горе жъ мнѣ и отъ своихъ, иже, окруженны

[1]) По рукописи второй: „патеръ“.

Многою гордистію, сутъ ума лишенны!..
Не отрынувше лъ мене, панство потерали
Греки, что церкви Божой на прагъ вдезжали:
Гдѣ-бъ со страхомъ и ужасомъ должно ириступати,
Но гордостно не якъ въ храмъ, но якъ до простой хати?
И прочіи такожде, егда мя забыша,
Многимъ сребролюбіемъ умомъ заблудише,
Денно нощно думаютъ паче о маммонѣ,
Нежели авраамли почити на лонѣ,
Ибо хочай бѣднаго вовся разорити,
Что злюбилосъ въ оного, толко бы добыти;
И аще бѣдный станетъ за свою обиду,
Но никоего правды неизыщетъ виду,
Зане гордъ богачъ речетъ: вѣмъ, что съ тѣмъ творити,
Кого аще съ житіемъ хощу разорити,
Ибо на пріятелей надежду имѣю;
Со мною спорящаго вовся одолѣю;
И не толко что много пріятелей маю,
Но въ канторѣ судебной и самъ засидаю:
Начнетъ на мя битъ челомъ, буду отрѣшенный;
Будутъ же судить мои единомышленныи,
Не могутъ ли здѣлати ему волокиты,
Не знаютъ ли правъ къ моей части накрутити?
А буди станетъ на мя аппелловатъ вышше,
И въ вышнемъ судѣ имамъ патроновъ излишше;
Пущай кто толко схощетъ правду защытати,
Денгою доволною могу доказати,
Ослѣплю очы дарми, руцѣ плѣню мздою,
Хотя бъ онъ былъ праведенъ; потягнетъ за мною.
Ахъ, горе! на маммону свою уповаютъ,
А судію истынны Бога отвергаютъ!
Развѣ сіи нечаютъ на судъ страшны стати,
И не чувствуютъ въ себѣ Божей благодати,
Что з гордости ближняго имутъ за ничтоже?
Ихъ же исправи сердца, Ты, едины Боже!

Чистота,

обиженна отъ внѣшней нечистоты, ускаржается цѣломудрію.

Кая здѣ ти, о сестро, вина предстояти
И такъ велѣимъ гласомъ горцѣ восклицати?

(Цѣломудріе отвѣтствуетъ):

Ахъ, какъ не восклицати и не вопить: горе!
Окружаютъ мя врази, какъ всю землю море!..
Была Цѣломудріе отъ Бога избранна,
Нынѣ же, аки мерзостъ кая, есмъ попранна!

(Чистота):

Ахъ, бѣду терпящую тебе созерцая,
Скажу тебѣ и о мнѣ, пребываю кая:
Во всѣхъ внутрностехъ моихъ акибы согнила,
Противъ мя воюющимъ изчезаетъ сила,
Отвергли бо мя мнози, живутъ не въ законѣ,
Еже и всѣмъ явствуетъ въ самомъ Соломонѣ,
Кой премудростъ отринувъ, весма омылися,
Женъ многихъ едною лестію плѣнися;
Пачежъ сего явились мерски содомляне,
Въ нечистотѣ премерской съ ними жъ гоморяне.
Иже волю въ похоти плотской исполняли,
За что сквозь землю въ Адско езеро упали.
И мнози не избигнутъ тосяжде части,
Неудаляющеся отъ такоя сласти,
Мысляще, что безъ сего не мощно пребити,
Всимъ людемъ по естеству никако прожити!
По мысли исполняется не въ бози жывущымъ,
Праздно житіе свое повсегда ведущымъ,
А паче, иже пьянствомъ всегда окруженны,
Тою нечистою сіи сутъ плѣнены.
Ахъ, ахъ! не по разуму таковыи ходятъ,
Но по злой своей воли, яко хотятъ, бродятъ!
Ахъ, горе, что не толко себѣ позволяютъ,
Но и многихъ невинныхъ на сіе прелщаютъ;
Поучаютъ за млада какъ чашу испити,
Какъ бы къ оному злому дѣлу пріучити!

Довлѣло бъ врага плоти на мя повставати,—
Но еще имъ естъ къ сему злое пьянство мати,
Еже на безстудіе оныхъ поощраетъ,
Забытъ себе и Бога разумъ помрачаетъ.
Толко какъ угодити плоти своей тщатся,
А о вѣчности потщытысь и думать гордятся!
Се зрыши, о другине, и мя какъ велика
Скорбь всюду окружаетъ, и тебе колика!
Обаче намъ о всѣхъ сихъ не инна надежда,
Токмо милосердіе Боліе одежда.
(Цѣломудріе глаголетъ):
И откуду надежда намъ бут(д)етъ премногa,
Яко отъ Создателя милостива Бога.

Л и ц е

отрады утѣшаетъ цѣломудренно и чысто жывущихъ яко не временну, но вѣчну радость, а высоко умствующіи и не чысто жывущіи пагубу улучать.

(И ангели виходятъ съ вѣнцами).
Почто здѣ стенаете и такъ скорбеливы?
Не бойтесь: увеселитъ Богъ васъ сотворивый!
(Цѣломудріе отвѣтствуетъ):
Ахъ, како намъ всячески не треба стенати,
Яко отвсюду есмы, аки тынъ, попрати!
(Лице отрады):
Не бойтесь, глаголю, ни будте ужасны,
Якъ создалъ Богъ васъ чыстыхъ, вспять будете красны;
Обоихъ бо зритъ дѣла окомъ не дремлющымъ
И гласъ вашъ слышытъ слуг(х)омъ вездѣ Богъ присущій.
Но что просите, вскорѣ не имать вамъ дати;
Дастъ конечно, но требѣ мало почекати:
Праведно опредѣлилъ злымъ воздати злая,
Обаче, аки отецъ чадомъ не желая
Гибели, долготерпитъ даже до кончины,
А ось престанетъ грѣшникъ отъ своихъ безчынній;

Не радуется бо Богъ, якъ кто погибаетъ,
Тѣмъ и праведный свой гнѣвъ далій отлагаетъ,
Не заразъ же и благихъ обыклъ награждати,
За болшо терпѣніе болшую отдати
Честь и славу, какъ была вамъ данна напредѣ,
Отъ нечыстыхъ изыметъ грѣшниковъ изсредѣ
Васъ, какъ непорочныхъ, прыведетъ во славу,
Сохранитъ невредимыхъ подъ свою державу
И удостоитъ тамо высочайшей чести,
Коея недостанутъ участницы лести;
Васъ отвращающыись и по своей воли
Ходящіи пребудутъ въ плачевномъ удолѣ,
Примутъ нестерпимую и вѣчную муку,
Поидутъ до пекелнаго владыки подъ руку,
Гордіи низринутся въ дно самаго ада,
Гдѣ во вѣкъ имъ не будетъ никая отрада.
В нечыстотѣ жъ сущіи огнемъ негасимымъ
Въ вѣкъ, конца не имуще, будутъ одержимы.
Вы же плачъ отрыните и отрите слезы
Даже милости Божой получите стези!
Отъ окружающыхъ васъ всѣхъ бѣдствій покрыетъ
И отъ всякія скверны Господь Богъ омыетъ.
И за сію скорбь вашу будите готовы
Внити во небесныя жилища чертоги!

(Первый ангелъ глаголетъ къ цѣломудрію):

Се, тя, цѣломудріе, Богъ не оставляетъ,
Но печалящусь вѣнцемъ нетлѣннымъ вѣнчаетъ.

(Второй ангелъ чыстотѣ глаголетъ):

И ты, чыстота, въ скорбѣхъ еси услышанна,
Отъ десницы Божьей пребуди вѣнчанна.

(Чыстота благодаритъ):

Благодаримъ повсегда, нынѣ попремногу
Избавлшему отъ злыхъ предвѣчному Богу.

Старый человѣкъ выходитъ удивляющися временнѣ и вѣчно погибающымъ отъ пьянства.

Здѣ мя пріити понуди не инна причина,
Но сія: не послѣдня-ль наступи година,
Въ ней же извѣствуется мерзость, прорекома
Пророкомъ Даніиломъ, въ пагубу ведома,
Ея же не инъ коренъ, какъ пьянство глубоко,
Имже всякъ поступаетъ на все зло широко.
Что сотвори Лотъ, мужъ святъ, сего исполнены,
Отъ своихъ дщерей бяше на грѣхъ искушенны!
Болше-жъ паче во ономъ всегда пребывая,
Не помыслитъ на добро, но паче на злая...
Лишается богатства сему присѣдящый,
Нощъ по нощъ за чашами лотруя, не спящый;
И честъ уже не честію, толкобь чаша полна,
Аще долговъ великихъ и шыя неволна.
И какъ уже сей, в пьянствѣ прысуще надолзѣ,
Возъможетъ памятствовать о душевной ползѣ?
Дивлюся непомалу: такъ себе вглубиша
Многіи въ оно, яко о себѣ забыша,
И временну жызнь какъ бы добрѣ проводити
Не мыслятъ, но какъ полной чашы не пролити.
Вину дая, что весма на жывотѣ тощно,
Хочъ праздникъ иль неделя однакъ выпить мощно.
Пущай стомаха рады, немощы ль коликой,
И то мѣрно, чтобъ было безъ страсти великой,
Яже бы не лишила сей временной жызни,
А паче всего сего—небесной отчызны,
Пущай в кое время и пиръ сотворяетъ,
Но по силѣ своей чашу испѣваетъ.
Да то бѣда, что егда полной несполнити
Гарцевой, то и начнетъ другъ друга бранити,
И такъ дружка за другш(ж)ку мусить выпивати:
«Любви и впредъ пить вмѣстѣ бы не потерати»;
А любовъ не такъ въ добро, якъ на всяко злое,
Въ любви бъ исполнятъ всегда и тщытся отое;
О, любви сей премерской, любви окаяной,
Что о Божой немыслятъ любви неска(за)ной!

Какъ же о сей имъ мыслить, что себе вглубили
Въ пьянство такъ, яко ему дни опредѣлили
Празденства, которіе преданы святими
Суть, сырныя недѣли, дабы мы хранимы
Были въ нихъ отъ всей скверны ко посту святому
Четыредесятницы, яже есть самому
Преблагопріятная Господу и Богу,
Чрезъ кои въ путь спасителны имѣть бы дорогу..
Но многѣ во зломъ пьянствѣ сія провождаютъ,
Бахуса, аки отца, весма ожыдаютъ,
Ему же пѣсни мерски поютъ велегласно,
Питтемъ, яствіемъ столы предъ ставляютъ красно,
И з великимъ желаніемъ другъ друга срѣтая,
Лобизаетъ искренно, оныхъ поьздравляя,
Приговоруя: «теперъ намъ повеселитысь».
Выпивая пугары, хочь бы разлучытысь
Зъ душею и со тѣломъ, ни что не важаютъ.
Да, Маслѣну въ Бахуса добрѣ провождаютъ,
Коя уже се со лики градетъ и тымпаны,
Дабы увеселити холопы и паны
Игрми и плясаніемъ з безъстудными музы,
Съприговоромъ веселымъ: «гуляйте днесь друзи»!
Отъ коего Бахуса Богъ да защищаетъ,
Но всѣхъ въ цѣломудріи добрѣ укрѣпляетъ.

Бахусъ

выходитъ хвалящися, яко на ввесь свѣтъ имѣетъ властъ.

Имя мое бываетъ славно и велико,
И не изобрящется другое толико!
Силенъ и шуменъ всегда вездѣ пребываю,
Понеже азъ всецѣлымъ свѣтомъ обладаю;
Вси бо мнѣ кланяются чтыри части свѣта,
И кланятимутся даже окончатся лѣта.
А во первыхъ Азію во власти имѣю,
И ея всѣмъ богатствомъ всячески владѣю;
Прыноситъ мнѣ многое предрагое злато,
За вино сокровище даетъ пребогато.

(A s i u s).

Приносимъ, и приносить повсегда желаемъ,
Зане, безъ тебе суще, бѣднѣ унываемъ!

(Б а х у с ъ).

Вся комуже извѣстно, всячески естъ явѣ,
Яко естъ и Африка во моей державѣ,
Аще и плодоносна и силна во брани,
Но ни какъ можетъ пребыть безъ моея длани.

(A f r i c u s).

Правда естъ, господине, безъ тебе неможно
Намъ пребыти всячески, глаголю не ложно!

(Б а х у с ъ).

И въ Америки мене почитаютъ люде,
Глаголютъ: «милостивый Бахусъ намъ да буде»!

(A m e r i c u s).

Такъ, просимъ тя и молимъ: «буди съ нами, добры,
Укрипляембося, и мы тобой бодры»!

(Б а х у с ъ).

Тако жъ изъ Европы славу получаю,
Ибо я тамо свою руку простыраю.

(E u r o p u s).

Такъ, мы не можемъ тебѣ назватися други,
Но кланяемся ти, какъ подчиненны слуги.

(Б а х у с ъ).

Кромѣ жъ васъ, что мнѣ есте вѣрно подчиненны,
Не можетъ быть безъ мене всякъ пиръ учрежденъ,
Ни крезбины, ни свадьба, была бы колика
Въ проста, илъ Господина честна и велика...
Азъ изъ вражды великой привожду во дружбу,
Подчываніемъ готовымъ творю бѣднымъ службу;
Аще кто возводись на честь кую будетъ,
Никаковымъ образомъ мене позабудетъ;
Суще въ бидахъ и немощехъ азъ увеселяю,
А силнаго въ крѣпости изъ ногъ взваляю,

Тако жъ мудръ отъ мене умомъ не постоитъ,
По моей воли ходитъ, еже ми достоитъ;
И глупъ, мнѣ прыхнлившысь, разуменъ бываетъ,
И убогій богатымъ себе называетъ;
Паче жъ сего бываетъ праздникъ мой превелій,
Егоже съ усердіемъ всяки чтить веселый,
Маслину, до которой свободно порогу
Добру вси безъ препятствія имѣютъ дорогу,
Отъ всякой зъ охотою страны пріежжаютъ,
Хочь была бъ кая пропасть, ничто невважаютъ.
Премнози отъ человѣкъ въ немъ мя почитаютъ,
Чашами, пугарами весма величаютъ.
Всегда бо, паче жъ въ оной, не сутъ заключенны
Врата, ни караулы кія утвержденны,
Въ мене гулять свободно и пити доволно,
Но все выдить скармана, хочь было бы полно;
Да не достане ль оттуду, беру и заставы;
Для его жъ политики, чести же и славы
А приговариваю: «гуляй себѣ, пане,
Дотолъ, поки на тебѣ рубища не стане!
И сказую по полной чаши выпивайте,
Маслину же весело вездѣ прославляпте»!
Тако жъ: «да возыграютъ лпки и тымпаны!
Возвеселитесь сердцемъ, вси мои подданы!
Прызываю васъ къ себѣ—прыбывать на сіе:
Спорожняти до конца бочки виновые,
На тое естъ маслина, дабы веселитысь!
Чего не станетъ въ бочкахъ, дрожми покрипитисі,
И сему истощившусь, помывъ и сосуды,
Выпите, толко веселы сей намъ праздникъ буди!

Кантъ.

Какъ внишній миръ сей зрится человѣку,
Что хотѣлъ бы съ нимъ жити до вѣку:
Но изволь разсудить,
Какъ съ тѣмъ вѣкъ заложить,
Иже и самъ кончится.
Се, елика суть намъ въ немъ пожелапна,
Вся кратка, вся непостоянна

На всяку годину,
Пріемлютъ измѣну.
И кто имъ увѣрится?

Взыщу ли въ немъ славы,
Власти ль и державы;
Но когда смерть прыйдетъ,
Тогда ли снійдетъ
Слава въ гробъ со мною?
Тогда, сій во гною,
Кіими имѣю владѣти?

Красоту ли тѣла
Возлюблю до зѣла?
Егда ли вѣчна
Тварь краснолична!
Когда плоть увянетъ,
Сама кость останетъ,
Сладко ли на ню зрѣти?

Аще ли красны созижду палати,
Аки бы вѣкъ въ нихъ обитати,
Но какъ ихъ лишуся
И въ гробъ преселюся,
Кому та по мнѣ будутъ?

Дружину ли вѣрну возъимѣю,
Чадами ли разбогатѣю?
Но и тіи сами,
Точію до ямы
Проведшы, мя забудутъ.

Чыли мнѣ со скоти
Угождати плоти?
Начну ли до сласти
Пити да ясти,
Но се болшъ послѣди
Черву будутъ снѣди
Отъ чрева утучена.

Составлю ли лики
Весь день до музыки?
Но въ день ли остатни
Будутъ пріятны

Гласъ трубы ужасный,
Шумъ и троскотъ страшный
Мира огнемъ зажжена?
Убо мнѣ лучше с мѣромъ попрощатся,
Всѣхъ его прелестей остатся:
Богатства лукава,
Зпскъ, честь и слава
Пущай съ нимъ погибаетъ!
Лучше отъ мира къ Богу приступити,
Малъ часъ сей ему послужити;
А онъ человѣку
Дати въ ономъ вѣку
Вся вѣчна обѣщаетъ.
Потерпимъ въ сей жизни
Бѣды, укоризны,
Всю напасть и вражду,
Алчбу и жажду:
Нехай насытимся
Нехай насладимся
Безконечно о Бозп.
Сѣймо, не стужаси,
Слезы по вся часы:
Придетъ рукояти
Радости пожати;
Тогда пожнетъ тая,
Не ослабѣвая,
Въ небесномъ чертози [1]).

Epilogus.

Вашему любомудрству нами предложено,
Которое бысть дѣло тое изреченно,
О коемъ изволили милости внимати

---

[1]) Послѣ этого канта, вѣроятно, профессорскою рукою замѣчено: „Сего канта 4 пункти по прологу гарно пѣть, а останніе два предъ выходомъ старика". Въ позднѣйшій рукописи кантъ помѣщенъ послѣ эпилога, и при немъ тоже приписано: Hujus cantus quatuor puncta statim post prologum camenda sunt, reliquas vero duas ante introitum veteris hominis disposita.

Вашы. О семъ же просимъ тоя благодати;
Погрѣшеніе ль въ ономъ явилось якое,
Милостей вашыхъ мудрость да покріетъ тое;
Всепокорно просимъ и молимъ простити,
Аще бы погрѣшеніе могло кое быти.

1896 года, 23 ноября.
Смоленскъ.

ИНТЕРЛЮДІИ
МИТРОФАНА ДОВГАЛЕВСКАГО
XVIII ВѢКА.

Въ 1865-мъ году впервые открыты были неизвѣстныя до того времени интерлюдіи учителя піитики въ Кіевской Академіи *Митрофана Довгалевскаго*, сочиненныя имъ въ 1736—7 г.г. Тогда-же даны были о нихъ сообщенія въ «Трудахъ Кіевской Духовной Академіи» проф. Н. И. Петровымъ [1]). Эти сообщенія давали право предполагать, что въ піесахъ Митр. Довгалевскаго заключается много очень интереснаго для изслѣдователей малорусской старой письменности вообще, и для изучающихъ любопытныя страницы въ развитіи малорусской драмы—въ частности. Но такъ какъ эти интерлюдіи считались потомъ затерянными, то въ полномъ видѣ съ ними никто въ печати не могъ и ознакомиться. Оказалось, впрочемъ, что рукопись Довгалевскаго не затеряна и хранится въ библіотекѣ Кіево-Михайловскаго монастыря за № 1710-мъ. Въ настоящее время, благодаря любезному сообщенію намъ Н. И. Петровымъ списка съ этихъ интерлюдій, мы рѣшили напечатать ихъ, при чемъ сохраняемъ правописаніе подлинника въ общемъ характерѣ, но безъ надстрочныхъ знаковъ. Н. И. Петровъ, въ письмѣ къ намъ, высказываетъ по поводу интерлюдій Митр. Довгалевскаго слѣдующія свои соображенія. «Пересматривая и описывая въ 1893 году рукописи Кіево-Михайловскаго монастыря, я обратилъ вниманіе и на эту рукопись, снялъ копію съ интерлюдій и пересмотрѣлъ остальныя статьи, находящіяся въ ней. При этомъ я убѣдился, что интерлюдіи сочинены не М. Довгалевскимъ, какъ я предполагалъ прежде, а ученикомъ его, ученикомъ піитики *Саввой Лебединскимъ*. Во 1-хъ, въ этой рукописи, принадлежавшей самому М. Довгалевскому, интерлюдіи переписаны съ ошибками. Во 2-хъ, въ приложенномъ къ рукописи спискѣ учениковъ піитики значится, въ числѣ другихъ, Савва Лебединскій, сынъ козака изъ Украины, изъ г. Мглина, Стародубскаго полку, который еще въ синтаксическомъ спискѣ аттестованъ у М. Довгалевскаго такъ: «Magister comoediae, salis sermonisque urbanitate abundat, debilis studio, lassatus incuria, extinctus labore, nonnisi propter annos detur commendatio». Такой только человѣкъ и могъ сочинить интерлюдіи».

Считая съ своей стороны этотъ вышеприведенный домыслъ уважаемаго профессора не окончательно убѣждающимъ насъ въ авторствѣ Саввы Лебединскаго въ данномъ случаѣ, мы помѣщаемъ эти интерлюдіи, озаглавивъ ихъ, по старому мнѣнію, *интерлюдіями Довгалевскаго*, думая, что печатный текстъ дастъ возможность большему числу спеціалистовъ сдѣлать свои болѣе или менѣе достовѣрные выводы.

Авторъ интерлюдій пользовался въ нихъ по мѣстамъ и румынскимъ языкомъ. Исправленіе этого румынскаго текста и переводъ его на русскій языкъ сдѣланы, по просьбѣ Н. И. Петрова, г-номъ Гроссу.

Извѣстно, что Митр. Довгалевскому принадлежатъ двѣ драматическихъ піесы «Комическое дѣйствіе» на Рождество Христово (1736 г.), и «Властотворный образъ человѣколюбія Божія», пасхальная піеса (1737 г.). Къ обѣимъ этимъ драмамъ, въ видѣ приложеній къ каждой, примыкаютъ по пяти интердюдій.

[1]) 1865 г., февраль; 1866 г., ноябрь.

РОЖДЕСТВЕНСКІЯ ИНТЕРЛЮДІИ.

Первая.

Выходитъ астрономъ и хвалится своею наукою, до которою выходятъ два мужика, литвинъ, цыганъ, и проженутъ.

Ehey dla Boga iak-iem utrapiony
Z natury będąc szlachcic urodzony
Ktore szlachecstwo gdy matka wrodzila
Panno wżdy będąc we wszystcich nażyla
Rozum Katona mężność Hektorowa
S panienskiey krwi iest mnie statura owa
Znam co się dzieię y w piekle y w niebie
Fortuny nie mam y na-krok u sobie
Butow sukienki a czapki nie pitay
We wszystkim iestem tak jak widzisz witay
Iednak że tego niechce explikowac
Mam glowe mądre znam złotem sżafowac.
Mam prespektywo astronomskiey sztuki.

Муж. О бодай же в кузнѣ бувъ коли змерзъ у руки.
О сежи ми и к вашець стали прихожати
І скажи не соромся якъ маемо звати

Астро. Jestem szlachcic wrodzony, lub bez drogiey szaty.

Муж. А якуюж ти тутъ вашець човпешь веремѣю?
Чи не хочешь ти нас тилко вернуть на менѣю.

Астро. Ale ja nie ten, ja znam co się w niebie czyni
Rozmowie moie słowo nigdy nie omini
Y ia zawsze zgadnie kiedy y orać do chleba

Муж. Пархумъ идижъ сюда ос чортъ принѣсъ с неба
Чоловѣка, сюди до насъ почуешь розмови.

Пархомъ. Чи не вивести до іого своеи корови
Рабои то вѣнъ чого чи не знае
З манацѣи, якое буде теля може и вгадае
Ну кажи якъ Бога боишся
Муж. От не иметъ вѣри также придивися.
Пархом. А що бакъ ти у чорта искажи за птиця
Чи мишь чи кажанъ чи перепелиця.
Астро. A ja iestem Polskiey nauki ostrolog.
Муж. Е се бачу той, що бавлят остронугъ
Що вѣнъ наперед летючую хватае
Около неба звѣзди избирае.
Цыган. О сежъ и я тута в мене ест кобила
Три роки жеребна да ще не родила
Лошати, чи не вгадаешъ дядку
Яке буде чи вороне чи яке на взглядку
Коли вороне дамъ добру заплату
Памятатимешъ и до смерти тату
Литвин. Га га кабузнѣкъ о пчолкахъ чи знаешъ
Въ мшанѣку іост сколко чи въгадаешъ
А въ борцах чи живи чи не рушивъ недзведзь
Кажи чи знаешъ або уже не бредзь
Албо висеяць горохъ колѣ треба.
Астро. Czekay no trocha rzusie się clo niebie
Gwiazdy powidze iak toczosię kołem.
Парх. А моеж нивя чи буде вже полемъ
Астро. Patrżcie iak wpadnie znak planety Raka.
Муж. Швиденко становись остроному рака.
Астро. O summam injuria rusticorum
O tyrandem ztych wozowykorum
O jakiems dostal dzis u chlopskie ręki
Jużem nie cierpial takiey wielkiey męki
Lepiey bylo w Polszcze recreandi
Муж. О я кажу що вѣнъ надувсь до оранди
Цыган. Ось ми коло тебе тепер погуляемъ
Муж. І скроз спектива все всѣ поотбираемъ
Лит. А я проводнѣка подамъ на дорогу
Што починѣвъ у насъ такую тривогу
Каже што дожчу не будзе нѣ трохѣ

Муж. А тижь не знашь крутохвоста здохи
Озмѣмъ лишь его въ руки хорошенко
То вѣнъ перестане крутитця швиденко.

2.

Виходитъ мужикъ сонь росказуе и прикликае до себе еще двохъ. Потому призоветъ бабу и цыганку; цыганъ пріиде за цыганку всѣхъ пропудитъ.

Що се прошу такее на свѣтѣ човнется
Чи во снѣ чи на евѣ се диво плетется
Ужеж питався дяка въ книзѣ чи не мае
Написано, або такъ хто чи не вгадае
І всѣ так читали та не начитали
І всѣ отгадовали да не отгадали.
А такіи сонъ приснився що боюс казати
Що далибѣгъ пришало ис хати втѣкати
Тилко що бувъ прикорхнувъ с працѣ хорошенко
А схватився з опалу такъ дуже швиденко
Стою якъ оцапленній такъ дуже злякався
Ажъ бачця Анголикъ з рогамы до мене прибрався
Тай кажет такъ на мене: чи бачивъ ти дѣво
Я бачця гулкъ на небо ажно небо сиво
А звезда велицузна да з мѣсяцемъ бется
Мѣсяцъ не пуска сюда вона къ мѣнѣ прется
Дакъ я пакъ ище гѣрше хрищус молюс Богу
Якъ злякався да и назад лѣзу и къ порогу
Ажъ бачится мене за руку Хувра да и на пулъ
Дакъ у мене ис правои ноги испавъ постулъ
А дале якъ загримит якъ блисне зненацка
Дакъ то и тогди и по всіому почала рѣзачка
Ризати штурмовати колити избоку
Якъ було мнѣ осталос у кума з уроку.
Колиб бакъ хто сей снище заразомъ отгадавъ
Ябъ остатню корову перѣстую отдавъ
Лишь пакъ сподѣваюсъ що Пархумъ може отгадати
Пархумъ годѣ лишь тамъ ходи лишь до хати
2. А що тамъ, іо що пакъ тамъ сонъ иди отгадай
Буцѣмъ ти не кобзуешъ цур пекъ тобѣ бѣгдай

Кажиж що тамъ за сонъ а юже отгадаемъ
Бо ми ту було лихословицю було также знаемъ
1. Тилко що бувъ прикорхнувъ с працѣ хорошенко
Ажно приснився мнѣ сонъ сей да и швиденко
Бачится Янголъ з рогами прибрався до мене
Сѣпае, торкае, кличе: устань лишь Семене!
Я швиденко кинувся всюди озираюс
А тутъ що хивра хвата я не сподѣваюсъ
За руку, якъ же шпурне мною якъ мячикомъ на пулъ
Дакъ у мене ис правой ноги испавъ постул
А мѣсяць на небѣ и звѣздами бется
А одна звѣзда з неба да до мене прется
О мы сіого не кмѣтимъ якъ би отгадати
Хиба Кузюберду мусмо позвати.
Кузюбердо, га ходи сюда! чого?—Иди швидко!
3. Ужежъ бо мнѣ до васъ и ходити стало гидко
1. От чи не знаешъ сну сего отгадати
3. Атъ чортъ его знае да и чортова мати
От хиба Настя баба що вгадуе всюди
2. Алеж бо братчику вона хорошаяж юда.
1. Поидижъ ти лишь по ей да кланяися низенко
Щоб пріишла, бо пѣдемъ въ оранду швиденко.
Баба. Памагайбѣ сподарѣ дайте милостину.
Глянтес на старост который отцкіи сину.
3. Об вовку мова вовкъ тутже, и вона якъ сакомъ пала
Що мы хотѣли кликать вона якъ все знала.
2, Угадаетъ же вона сеи и сонъ що бути мае
Уже жъ нѣкого не турбуй певне угадае.
Баба. Що тамъ за сонъ дѣточки голосно кажѣте
Коли що якій зліи то и не говорѣте.
1. Оттъ бачится до мене янголѣ ходилы
Да и такъ приснилось бачится збудили
А звѣзда з неба в ротъ тилко не влетѣла
Дакъ я швидко истуливъ дакъ вонаж не вспѣла
А мѣсяцъ зъ звѣздами таке чинивъ диво
Якъ журавля нарадивъ усе небо сиво.
Баба. О сежъ вамъ идетъ на хлѣбъ на плуд да на дѣты
Будетъ за кимъ на старость споконно сидѣты.

Цы. Помагайбѣ пани чи здорови жадаи
Маешъ тугу на сердцу своему
Що снилосъ во снѣ тезкови твоему
Хиба вы мнѣ дайте наибѣлшое сало
Щобъ правдивой циганцѣ за ворожку стало.
Я знаю, що до васъ ангелы и звѣзды ходилы
І всяку потѣху до васъ приносили.

1 О сеж братця цыганка якая излиха
На память до слова беретъ з торби якъ з мѣха.

Цы. Уже жъ бо я не змилю якъ баба от тая
Що вона брехала якъ сука старая

(*Баба*). А ти вже не слухаи тоей мантачкы сыну
Вона въ тебе зъ пазухи витягла хустину

2. Чи справди, бабочко? дакъ вона и злодѣйка
Да не згирша з неи бачу лементѣйка
Я казавъ лучше було послухати баби
Якъ вдарю по виденю дакъ чи мощъ у жабы
очи повилѣзают.

Цыган. Соля мунзже дахътъ куриче ха, ха, ха
Тацкуры намури жда истули дракури та шушкутъ
Мушкутъ нахлавде тараба цавдубѣ жиберинту
Здристиста перъдулицу линдра попардечка
На мандро наждала са що великая була в мого батка
Ковбаса ха, ха, ха, ха, ха, ха, ха, ха, ха, ха.
Що тутъ панове моеи жони голосъ чути.
Хоревъ Маждала.
А тебе чи катъ унѣсъ що дѣшъ тут ты.
Чи тобѣ користь даютъ чи яку заплату

Муж. І мы не кликали еи сюда в хату
А вона пришовши да вкрала хустину
Буде и тобѣ тое негыдному сыну

Цыган. Дакъ вамъ за тее з неи наругатся
Да коли бъ не нахвативсь то бъ ви збили братця.

Муж. Ище ми и до вѣта еи суку попремо
Да и тамъ драла доброго дамо.
І в громадску колоду ногами забемо.

Цы. В нашимъ роду того не мае щобъ у колодкахъ сидѣти
Чого ваши не дождутъ и всы псѣи дѣты
Лучше би цигану не бути на свѣтѣ.

3—tium interludium

Выходитъ козакъ с пѣснею, до которою выходитъ лях на влови козакъ схоронится, потомъ выходятъ к тому жъ ляху подданніи с поклономъ.

Коз. Мати моя старенкая, чи ти мнѣ раденкая
Моеи молодости 2.
Бувъ у турка под рукамы, а в татаровъ з канданамы
У самои жалости 2.
Дадже правда тепера нема добра всюди
Дармо пряцуемъ виставляемъ груды
Богъ выручивъ мя оттуду, а тепер мѣсця не найду
В дому не сидѣти
Лѣсы поля спустошенни лугы сѣна покошенни
Пороспускавъ дѣты 2.
Толкож правда що треба взираты на Бога
Той всѣмъ есть въ добичи простая дорога.
Пойду знову на Сѣчъ маты, пойду долѣ внизъ шукаты
Козацкая доле 2.
Аче й буду потугою а въ москаля заслугою
Матиж моя Оле 2.
Спитаю чи не буде хочъ на низу добра
Чи не трапится де поимати лиса або бобра
Буду турковъ воеваты мечемъ слави добувати
Буду воевати 2.
Кармазини з луданамы шати драты зъ сутанамы
Совсѣмъ буду брати: з очей не спускаты 2.
Егей колиб внят якъ була козацкая слава
Щобъ роспустилась всюди якъ пѣрамы пава
І щоб зацвѣла знову якъ рожа у лѣтѣ
Якъ Богъ позволитъ побрать турецкіи дѣты
Або ляховъ на тои час трапится поиматы
І сѣмъ кіемъ козацкимъ по ребесах дати.

Лехъ.

Лехъ. Padła, Padła, Padła, tu Padła kus kus hałapiur
Teraz że mam czas k memu Polowaniu
V przepiułek wraz pstrych ku łapaniu
Choc ia pstrego mam iastremba chciwa

Do przepiuleczek nie barzo leniwa;
Jednak że żądam od poddanstwa swego
Gdyby przyniesli iastremba drugiego,
Ktoren by mogl złapac drugo albo trzecie
Albo y więcey choc do dwoch set przedzcie.

Лит. Глядзѣце жъ, якъ будзеце передъ паномъ гавариць,
Я васъ старосцю своею магу науяиць.

Всѣ. Харошо гуторишь, бацюхно старенкій,
Харошо 2. гето лебедзікъ беленкій.

1. Слухайце жъ всѣ братѣце якъ буду навчаць:
А ви панове звольце мои слова внѣмаць,
От такъ буду гавариць: на здорове тобе пане
Нехай и панеи стане: і всѣмъ дзіеткамъ вашимъ
Нехай станіесе гето тут приходомъ нашимъ.

Лях. Cu ż to, chlopowie, teraz wy mniè mowicie,
A panskiego gniewu iuż nie wicie?

Лит. Нетъ моспане мы къ тобіе с поклономъ пришлѣ
І саколю маць до твоіеи мѣлосцѣ приніеслѣ.

Лях. Jakie ż to mnie poklony juz teraz bywaią,
Kiedy dzis mi chlopowie w oczy narzekaią.
Wez tylo chlopcze postronki drotowej. *Chopiec*: iuż gotowe.
Wez no chlopcze tylo sam woyta iak starżego.
Biy tlucz wal, pal, biy dobże tamże y drugiego.
Cu ż to za dziwo do mnie y iaka przyczyna
Chlopa zabic-ubic, iak skurwego syna.

Лит. Нужъ моспане и меніе еще прохварасцѣ,
А прохварасцѣвши та и до дому пусцѣ.

Лях. Dobrże, ydz chlopcze! day że dobrże y temu
Sto kijow odmieri, tak iak y drugiemu
Y day go Bogu iaka to chlopska odwaga,
Znać że to moskał abo kozak iemu dopomaga.
Ja poddannych wyrombam karki wszystkim do pniaka
Z Ukrainy tego kpa kozaka,
Ot tylo szlachte swoie na głowe pobudze
Po naszych tu granicach nie mieszkaią ludzie
Lecz nie tyłko w granicach także y na Ukrajnie
Niech że po wszystkich stronach połska sława słynie.

Y to moie poddanstwo w Kijowie bywało,
Gdzie byl gubernatorem szlachce zależało;
A do Hłuchowa miasta ktore wsi należą
Y to ich mosci Guwnowie do siebie odbierżą.
To wszystko mieczem ogniem zwoiowac możemi,
A Leszczynskiego Kroła znowu odbierzemi,
A wnet zaciągnemi tu mężnego Hektora
Y na pomoc przyszle nam od swego też Dwora
Król Francuzki że tysiąć drugie trzecie
My się zbierżemy wkoło do sto tysiąc przedzcie
Będziemy tez woiować do samey Poltawy,
Aby odebrac pierwszy honor naszey sławy.
Mospane Zdupypadskiy, panowie Guwnowie!
Schodciesię do porady, bierżcie arme swoię,
Klaniam iegomosci panu Sraczkowskiemu,—
Ja sługa nayniższy Komputu calemu.
Co będziemy czynic? już wiełka gromada,
Tyłko ż by nie byla b z waspanstwa zrada;
Gdy kozacy będą napadać surowo,
Stoycie, nie buyciesię kładcie glowo z glowo.
Nie buysię wac (waszmość?) gdyby tu kozacy przyszli
My by tu ich kanczukiem w lasy wprowadzili.

Коз. А доки жъ вы бестелюгы будете звегати
Чи то ми васъ не зможемъ кіямы прогнаты.
Земку о земку швидко давай поратунку
Ос тутъ добичи озмемъ не одну вже сунку.

Москал. Што они тебя гаспадинъ панъ казак не ругают ли?

Коз. Деж пакъ не лаютъ? от такъ лают що ажъ лихо!

Мос. Дабро ти казакъ, вос ми убіеромъ ихъ тихо

Поляк. Numy też bracia chwytac do swego oręża
Aby nie utracic żadnego żołnerża.

Мос. Казакъ, пріймайся, небойся, бери з плечеи двоихъ,
А я тотъ часъ уберу далгополих от тих.
А што здезъ о рубежахъ они спаминали,
Будто ляшонки Украйну въ областях держали,—
Дабро, вотъ покажемъ рубежи кнутамы на спинѣ.

Коз І добре земочку, щобъ другій памятавъ
Да и дѣдчои своеи дитинѣ заказавъ.

4—tum interludium

Виизднтъ мужикъ з жидомъ на ярмарокъ до которою виходят ксонзи три езуита, Крижакъ да и Барнадимъ до всѣхъ ихъ прійдетъ москаль и запряжет двохъ а с третѣмъ сядет и отидут.

Муж. Геи собъ якій катъ, воле, тобѣ тепер стався
Жид. Поганяй зе свиденко, в дорозѣ не гайся,
Ну, поспѣсайся скоро в ярмарокъ, Іванце.
Муж. Сиди жъ бо коли сѣдишь, осттилій поганче
Якъ покину то озмет дяволова мати
Жид. Якъ покинес, то не дамъ твоеи заплати
Коли цѣло привезесъ я платити буду
Муж. Я из горла видеру якъ року лобуду
Отъ бачишь якъ хватався на ярмарокъ дуже
Жид. Сподъ наперед с тасою розобратись друже
Муж. Ужеж бо тутъ роспинай, олендару, ташу,
А мы вашець бика поведемъ на пашу
Жид. Скоро зъ вертаися с пасѣ будесъ глядѣть ташѣ.
Муж. А тамъ же хто будетъ доваровать кашѣ.
Отъ еще я тобѣ щось забувъ исказати
Бо Одарка велѣла дещо куповаты
Жид. Сцо жъ такое казала дай же на паперу
Муж. От же якъ тамъ еси бувъ казала и бумберу
Купити галку муштукову и перцю,
Ладану, воску калѣи и курки да и ложечку черцю
Жид. Кази зъ сцо есце треба и к васему святу
(Муж). Го люлку и чубукъ добріи купити моему свату.
Ксон. Niech będzie Iesus Christus pochwalony!
Bądzcie już zdrowy oycowie wielbiony
Жид. Prose na wudecke, prose zwołte pyty
Ксон. Day no żysiu sam na ci szostak bity
My nie taki lud iak syzma przeklęta
2. Prosze, oycze, powied, zkąd ta wiara wzięta
3. A co tut będziesz o wiarze dyszkurować
Slysze, ydzie moskał tu będzie szturmować
Мос. Што здес за шумъ што за крик да нет ли раздіоровъ
1 Ксон. Czekay no, waspan, my nie w twojm dworu

Мос. Што болтаешь скурвои синъ ти меня называеш воромъ
Да ище хвалисся здеся своимъ дворомъ
Полно балтать мне нада дать скоро падводу.
Ксон. My mospanie iestesmy nie takiego rodu.
Мос. Какъ тіе завутъ гавари, кака въ тіе манѣта
Ксон. Ja mospanie iestem wczony jezuita.
Мос. А тебіе другъ какъ завутъ знать ли ти палякъ.
2. Dobrżes zgadnol mospanie że ja iestem Krżyżak
Мос. Тіебіе третои какъ завутъ да и ти ли з нѣмъ.
Ксон. O ja iestem połskeigo zakonu Barnadym.
(*Мос.*) Побратимъ? садись погоняй вить мніе ніе даліоко
В Броварах почту сміенѣмъ или въ Платавіе
Тамъ васъ пущу кармитця на доброй отавіе

5—tum interludium.

Виходить жид, и тужить за кобилою, що згубивъ, до которою приходить грекъ и насмѣвается жиду, до которих виходит волохъ и звелит своему хлопцю вывести кобилу; жид признается до кобили и якъ заговорят одинъ до едною незнат буде, цыганъ толмачъ буде миж нимы, всѣхъ проженетъ.

Жид. Охъ о вей мир якій мнѣ теперь смутокъ стався,
Сцо в дорозѣ до мене капарникъ прибрався;
Цорній год на іого голову нехай іому смутокъ,
А цим зе буде издивъ у мене хомутокъ
Капарникъ бравъ кобилу та забувъ взяти узду;
Я знаю, сцо вѣнъ прінде, я троски позду.
Охъ мир, зал зе бо буде; хороса була кобила:
Хоцъ вѣдьки иду, то вона не зблудила
Зна и в ноцѣ оранду, цуе пахъ велнкій,
Сѣна не показуи, поки не дамъ горѣлки
Взе зъ тепер нѣ до Сари сцо маю цинити,
Колибъ на такую серсть кобилу купити
І на обицай така сцобъ була в дорозѣ:
Нѣ на пяд не оступит, все стоптъ при возѣ
А взе якъ дома, то з оранди не вѣдбиты
Медъ горѣлку й пиво умѣетъ було пити
Охъ о вей мир капара на мою голову стало,
Сцо моеи кобилы тепера не стало.

Грекъ Гей цорта на матара цорта заловала
Цо такъ дурна твой голова на кобилъ поклала
Цортъ пропавъ головъ цѣлъ а кобила була.
Будемъ купилъ на два червона пошелъ на Стамъбула
А ти дурна плачъ кобила грекъ купилъ не плачь
Ти копійка жаловати на кобила не трать
Гей дурна твоя головъ тако учинила
Будемъ поигалъ на Мигаила и щенка кобила купила.

Жидъ. Охъ мир! не знаешь ти мого тепер фрасунку,
Сцо за кобилою плацуци попловавъ у трунку.
А ти сце, капарнику, мене зневазаесъ,
А смутку моего не розвазаесъ.
Сцо така втѣсная то була кобила:
Вона якъ цоловѣкъ то такъ говорила.

Грекъ. Гей дѣдко кобила цорта на матара говоривъ.
Сцо такъ зал великій на кобила покладивъ
Цуза земля знаемъ поступити
Наса грекъ земля кобил твоя не хотѣлъ купити
І матара на цорта будимъ самъ пропадимъ
Така цорта многа въ ярмарка купимъ.

Жид. Узе зъ минѣ тепер нарай якого цоловѣка,
Сцобъ мене одвузъ до мѣста Олика.

Волох. Азиць ши акултацъ чинева си пера асмеяне
Буне, евціецво винде делта буне муне, каре лифостъ
Шилвъ умблатъ инъ цара руменяскіе каре де мулте
Щіевъ вестъ цара греческіе, катудевій сій пера петине
Пітева пуртадинъ цара руменяскіе пине цара турческіе.

Грекъ. Преки мъши греку тенкабе деяне дуте буне дуте туне сецхіе дебоне.

Волох. Інъ цара греческіе. *Грекъ*: акумдоя грекъ куче.
Некацъ австростъ. *Волох*: Ку карокатиця ку табакъ
Ку ле луле, ку чубуче, ку куцате, ку мстра хиде ку аче ку
Елитоне ши куфелде фелде недоць.

Грекъ. Даре мутъ ацтеръгустъ.

Волох. Осуте цинзечь делеи.

Грекъ. Фарте бѣне ацтируить румоне [1]).
Жид.) Охъ мир сцо вѣнъ казе
Ци не хоце продати
Кобили? я мусу гроси готови дати
Грекъ. Тото коли хотѣла то купила.
Жид. Охъ добрій мир годъ и моя була такая кобила
Волох. Кушъ тера девій вра евъ ну съ кушь цвой виняе [2]).
Грекъ. Продала твоя тута не ле инде
Коли гебреосъ добри гросѣ дала
О така кобила добра продала.
Жид. Сцо зъ вѣнъ хоце за тую кобилу я буду плативъ
Грекъ. Гей хорошъ кобилъ швидко грошѣ заплативъ
Волох. Петъ рубле негасте яне [3]).

---

[1]) Такъ—какъ этотъ румынскій текстъ очень испорченъ, то мы пробуемъ возстановить его по слѣдующей догадкѣ.

Волохъ: *Азицъ*] (?) ши аскултацъ, чине ва кумпера ачесто яна буна? (Обращаясь къ греку) Еу ціе цивой винде дела а та буна мина (яна), каре ау фостъ ши ау умблатъ инъ царя румыниска, каре де мулте ци ва вести (динъ) царя греческа; ка ту ди вей кумпера не тине тева пурта динъ царя руманеска пан инъ царя турческа.

Грекъ: *Прекумъ ти греку тенкабе де яна дуте буне дуте туне сец хіе де бине (?)*

Волох: Інъ царя греческа.

Грекъ: аминдой?

Грекъ: Ку че негоцъ ац фостъ?

Волох: Ку каракатица, ку табакъ, ку лулеле, ку чубуче, ку куцыте, ку страфиде, ку аче, ку *елитоме*, ши ку фелъ де фелъ де негоцъ

Грекъ: Даръ мултъ ацъ тыр гуитъ?

Волох: О сута чинзечь де лей.

Грекъ: Форте бине ац тыргуитъ, румыне.

[2]) *Волох*: Кумпера де врей, ну скумпъ цивой винде.

[3]) *Волох*: Пять рубле не ачеста яна.

Вол... Послушайте, кто купитъ у меня эту хорошую кобылу?... Я съ твоей легкой руки продамъ тебѣ кобылу, которая исходила всю страну румынскую и многое можетъ сообщить тебѣ о землѣ греческой; если ты ее купишь, она будетъ везти тебя отъ Румыніи до самой Турціи.

Грекъ: текстъ испорченъ совершенно. Вѣроятно, грекъ спрашиваетъ, гдѣ волохъ путешествовалъ и бывалъ съ кобылой.

Волох: въ странѣ греческой.

Грекъ: вдвоемъ (съ сыномъ)?

Отвѣтъ волоха пропущенъ.

Грекъ: Съ какимъ же товаромъ вы были?

Волох: Были у насъ рыба, табакъ, трубки, чубуки, ножи, винныя ягоды, иголки и разные другіе товары.

Грекъ: А много вы заработали?

Волох: 150 лей (франковъ).

Грекъ: Значитъ, прекрасно торговали, румынъ.

Волох: Покупай, если хочешь; не дорого возьму съ тебя.

Волох: 5 рублей за эту кобылу.

Жид. Сцо зъ бо я не знаю твоей мови, пане брате!
Грекъ. Гей твоя моя жиде мины червона заплатила;
Моя добра розумѣла што онъ говорила,
Жид. Скази зъ ему будь ласкавъ сцо за кобилу хоце
Да взе нехай болсе моей голови не клопоце.
Грек. Она хотѣла квадри рубли о не.
Жид. Нехай зе сѣмъ возме пане Симеоне.
Волох. Бини бини дала твоя мини.
Жид. О тепер зе хвалю Бога сцо такую кобилу купивъ
А сце не дорого за неи заплативъ
Узе зъ тепер Сора еи не познае
Бо и вона такъ якъ тая хвостомъ кивае.
І ся бацу буде добре медокъ затинаты,
Сцобъ цигане взе ей не доздалы браты
Якъ ту кобилу сами з рукъ ухватилы
І до свого сатра очевисне всадили.
Циган: Чхаве кирики чивасе родя памелешь намуравѣ назе
Леной хархали намандро.
А хто тутъ бачу мене зневажае
І злодѣемъ великимъ мене називае
А в мене самого кобила пропала
Колибъ где познати то бъ и родина его памятала
Ха ха! Але бачу и жиди вже конѣ волочатъ,
Тилко бѣдних циганъ злодѣствомъ порочатъ
Ось якъ і сей жидъ власную кобилу у мене вкрав.
Жид. Я въ волосина купивъ, будесъ ти на тое брехав
Циган. А сежъ моя кобила я здамся на люде
Коли въ неи пятна под хвостомъ не буде.
Жид. Такъ сцо хоць пятно естъ? ти ходи до пана,
То мозе ти избудесъ от того зупана.
Циган. А твое око коле на циганскіе жупани
Да може насъ знаютъ лучше тебе паны:
Кому гуляти, кому веселитись съ паномъ.
А ти хочешь еще що скурати с цыганомъ
Лахло, ходи ось свого злочинця зловивъ.
Жид. Бресесъ ти якъ собака есце ти мене не оходивъ
Циган. Озмы, хлопче, кобилу до шатра поведи
А я старому собацѣ урѣжу бороди
Або запряжу іого в хомутъ скурвого сина

Щоб памятала до смерти іого дитина,
Щоб вѣнъ заказавъ роду своему куповаты,
Цыганскаго добра в себе не держаты.
А тепер придатку дамъ сергѣмъ по плечах,
А ти, собачій сину, щоб знався на речах.

ПАСХАЛЬНЫЯ ИНТЕРЛЮДІИ.

Виходитъ два мужика заставляти тенета, до котирих виходитъ третій для поради, оставивши тенета скріются; потомъ виходитъ литвинъ и упадетъ в тенета, и напавши мужикы литвина убютъ. Потомъ виходятъ синки шукаючи батка и знайшовшы воскресятъ. Еще к нимъ виходитъ Ксонзъ питатися що на томъ свѣтѣ дѣется и литвинъ ксонза прожене.

Interludium—1 mum.

Гай, гай, Грицку братухо, іосъ пожался Боже,
Що то за мѣсце було, от близку пригоже,
Не одного се хлѣбомъ попогодовало,
Да не за великій часъ якъ не тее стало.
Тутъ бувало стовпище лучшого звѣрати,
Якъ свѣтъ свѣтомъ такого не було видати
Бацця бъ колиб умѣло, тоб проговорило,
Що не одному паршѣ нащинцу обмило.
Першенкій Пархѣмъ Жижа, мовляла жъ Дроздиха,
Отсѣлъ схвативсь на ноги не з якого лиха.
Такъ же Понаскій Спаскій у злиднях купався
Ни свѣтъ, было, ни зоря той потелѣпався.
Все бувало, якъ Марко по пеклу товчется,
Гледи, той пре, ажъ у тры погибелѣ гнется,
А тепер сидитъ собѣ, якъ журавель у просѣ,
Тилко жъ що хочь говори, есть щось в іого в носѣ;
Нащож якъ и нащинецъ отъ лиха пряцює,
Що въ Бога день на ступѣ и въ жорнахъ танцює.
А коли попадешь той осмакъ и лядскую,
Або шелягъ зламаній, копѣйку якую,
Не збагнешь куди вткнути—всіого душа хоче.

А що дай да й кождому-то таки опроче:
Жунка гризе голову, а тутъ дѣти в крики,
Хочь би вже якого, то зобютъ с полетыки;
Хиба еще и сіого хлѣба запитаю,
Коли жъ недзо, то и прощай, брате Николаю!
Жунку з дѣтми з блеску гдесь зацуприкую,
А самъ пручъ куди очи и почемчикую.
Шкода балагурити и свѣтомъ нудити—
Нумо тилко спитаймо тенета розбити;
Дававъ Богъ братця людямъ, и намъ обицався.
Я бъ таки бачця тута чогось сподѣвався.

Муж. 2. Не йминь я грѣхъ, щобъ тутъ було що такое;
Якъ бачишь, то все от се ничого светое.
От я бъ тобѣ раявъ...
Идавъ хлѣбъ и без того, твуй батко да и маты,
Я жъ кажу, що ти скрутишь, що тобѣ без працѣ
Нащож було наперед брехат; якъ собацѣ,
Якісь тебе катъ тягнувъ сюда воловодомъ;
Мнѣ и трапилос зойтись из дурнимъ удодомъ
Чого ти за се годенъ? якъ би на лихого,—
Вреренав бы до смерти, якъ фища якого.

3. Стуйте! за яку трасцю сплелися ви битись?
Плюнте на мару, згинте, покинте казитись!

2. Тху на тебе все лихо, якъ злекавъ проклятій;
Старій вже, якъ собака, да отъ глуповатій.
Тиб казавъ: бугай дурній верещить, рикае,—

3. Я бо казавъ; хто тебе в шію попирае?

1 Да де в лиха пре в шію? тут соромъ казати:
Дала мнѣ товариша Іродова мати.
Чи не мѣсцеж, от якъ бачишь, чимъ воно благее.

3. Чи еще, жъ! матчинъ сину, се хиба бъ такее.

1. От же вунъ не те човпетъ, скрутивсь да звертѣвся;
Що не верчу покинуть, да годѣ—насѣвся.

3. Чи справдѣ? ну перестань, к кату не казися!
Атъ покинувши сунку, за крило берися.

2. Етъ же, коли намоглись, дакъ и закидаймо,
Атъ закидавши, тут же и позасѣдаймо,
Бо заразъ треба глушить, тѣлко бъ що упало,
Щобъ к матерѣ спаленуй те(не)тъ не порвало.

Литвинъ. Хвалю цiебiе, Господзѣ, зо всiема Святога
Што даждався вiесiолаго цiепiер дня такога!
Нумо жъ ми цiепiер усiе в купiе веселѣтца;
Нiехай Юда Хварышнѣкъ в пiекл'е засмуцѣця;
Калѣ нiе хацiевъ в нiебiе зъ Богомъ лѣковаца.
Восъпознаецъ злодзiей, якъ Бога продаваць!
Колѣ бъ iонъ бувъ по-моему барцми забавлявся,
З дзiеруномъ пагуляцѣ, атуб в гiетакую бiеду
нiе папався;
А я цiепiер исцiенно да душѣ нiе дбаю,
Пчолкѣ ужо виставляць часъ хароши маю.
Гдзiе поидзiешь—усяго iосць и глядзiець пригоже,
I з дзiеруномъ любо граць, хрест на менiе Боже.

Муж. Илку, сюда! ось щось за лихо ввертѣлось.

2. Глуд зуй по головѣ, щобъ с тенет не проилось.

3. Стуйте, брашнѣ, що се ми встукали такее?
Звѣрь не звѣръ, щось такъ собѣ нѣ сее, нѣ тее.
Се ми изроду такого не видали дива:
Тамъ чорне, тамъ бѣле, голова вся сива;
Коли бъ ми от за сее в лихо не попали,—
Чомусь у мене разомъ литки задрижали
Чует духъ, що не лапшiй се вже якис дѣдко.
Нумо ми въ ногы, от якъ тепер людей рѣдко.

Сынъ. Бацка во бацка, залоцанѣкъ, гдзiе ти заховався?

2. Да глядзѣ, чи не к пчолкамъ на сосну взодрався!

1. Ахъ цiе мнiе, штожъ вотъ гето ляжиць за нярище,
Цѣ кошка боровая, чи цѣio сцiервище.

2. Гето жъ, бацка, хварышнѣкъ тута кулѣкаець;
Гдзiе, гдзiе падзiевсь, ажь вотъ iонъ гуляцки
справляець.

1. Чи ягожъ лѣхо унiесло у гетiе сiецѣ!
Вотъ то здура не пазнавъ iонъ! казавъ, што паiецѣ
Може, на борць лiезць хацiвъ. 1. Ахъ, лѣха!
Гето жъ бацка адубiевъ, нiекомъ ляжицъ цѣха;
Ци iонъ тута з якимъ дзiедкамъ барукався,
Цi iонъ зъ сосни з гетими сецмы отарвався.

2 Вот то яго дзярнула соколяя мацѣ

1. Требаж би гаспадзѣна до яго пазвацѣ,
Ачеи бис апяць к нiему духъ цѣ нiе вiернувся.

2. Дай-мо лягушку, то іонъ з голоду адувся.
Баць. Вохъ, Христосъ аскріосъ, синки, я с ніеба ціепера.
Сынъ. Скажижъ намъ, бацюгна, цѣ бачивъ Лѣхвіера.
Баць. Вохъ, синки, вѣдзіавъ в ніебіе кошки баравіе.
Да такъ вжо ніе такіе усіо палавіе.
А на Божомъ гумніе святіе малоцяць,
А Пятро съ Павломъ всіо снапочки валочаць.
Калѣ жъ я пашовъ туда, гдзіе сонце заходзѣцъ,
Ажъ вот тамъ проклятая зміея с агніомъ ходзѣцъ.
Толко жъ што забачила, якъ шмаргніецъ за мною,—
Я вціеки, ажъ Кузма-Дзіемян кричиць: Богъ с табою!
Вот то мы хуціенка тамъ в кузню захавалѣсь,
А яна, ну калацѣць, штоб мы отчинѣлѣсь;
Всіо кричиць: дай злачинцу, бо мніе его треба,
А колѣ ніе дасѣ, сапхнѣжъ яго съ ніеба.
Толка жъ што Кузма-Дзіемян мніе зъ ніеба спусцѣлѣ,
Ажъ тутъ вы з лягушкою ка мніе й загасцѣлѣ.
Благодариць же Бога, што вкупку сплялѣся,
А то булѣ, какъ пчолки по міодъ разбрилѣся.
Ксок. Niech będzie Jesus Chrystus pochwałony, czemuś milczą, na wieki wiekom amen.
Ktoś tu dzis duchownego potrzebował w płacze?
Лит. Здоровъ паніе дзяче.
Ксон. Ktoś, mówie, Spowiednika żądał tey godziny?
Лит. Богъ дасцъ, саколъ, мы и сами іомци до бацвѣни.
Ксон. Widze... głupi ten stary niewiedziec co prawi,
Лит. Да таки вотъ ціепіера пришовъ я из навы
Ксон. Thu przepadni: nie będe juz y gadał do cibie.
Лит. Пахадзѣвъ благодарю Бога и на небіе.
Ксон. Żebis ty był na niebie? tżesz, iak niepotsciwy!
Лит. Виц же ніе хто Богъ —міеніе насѣвъ мѣласцѣвій.
Ксон. Kedy że-s był na niebie, zmów co się tam dzieie?
Лит. Брешешь ти, тамъ всіо святцѣ, то въ піеклѣ зладзіее.
Ксон. Jak że się tam naszemu Papiżu powodzi?
Лит. Памѣнай ужо якъ звалѣ: прапавъ іонъ да и годзѣ.
Яму ніеба и ніе снѣлось ва свіе,—смажиць дошку,

Ксон. Swięty żeby był w piekłe? szczekasz ty, staruszku
Przy nim ieszcze była łaska Chrystusowa.

Лит. Правда, правда угадав ти:
Сагнувшис, саматужки прецъ до піекла дрова,
А хваришнѣки акругъ скачуцъ и играюцъ,
Гетакимы дубцямы вотъ такъ поганяюцъ.

Выходитъ чортъ и несетъ жида за плечима, и приказует ему чинити; потомъ вiидетъ цыганъ и диспутуется з жидомъ, и проженетъ жида цыганъ.

Interludium 2—tum.

Чортъ. Се уже обрѣтохомъ сожителя сѣни,
Котораго азъ ношу на раменах нинѣ;
Се й мнѣ завсегда во всемъ послушливъ бываетъ
І всю мою заповѣдь в себѣ сохраняетъ,
І азъ его сохраню во моей державѣ,
І пребудетъ со мною во единой славѣ,
І дамъ ему владѣти огнемъ негибнущимъ,
Да явится сожител во адѣ живущимъ.

Жид. Дай зе, васець, писмецко, сцобъ мнѣ узе знати,
То взе не буду пана другого сукати;
А якъ росписесся, то одного буду знавъ
І сцо тѣлко приказесъ, то буду слухавъ.

Дiявол. Я никогда же не ямъ, ничто же пію;
Даю и ти заповѣдь, даби хранил сію.

Жид. Охъ мир, добрій годъ на тебе звол, зе мнѣ звѣстити,
То я того не буду николи цинити.

Дiявол. Яжь вся, яже суть въ мирѣ, яже держитъ море,
А хлѣба не яжь, за что будетъ тебѣ горе.

Жид. Охъ и мнѣ нѣ капара, сцо зъ буду цинити?
Сцо бъ то уже минѣ на свѣтѣ не зити.

Дiявол. Не ужасайся,—азъ ти рекохъ слово;
Аще что воспросишь, будетъ ти готово. (отходитъ)

Жид. Елей, цорній годъ іому, хоце поддурити!
А я таки не хоцу, сцобъ іому слузити,
А я таки все буду тутъ орандовати,
Горѣлку, мед, и пиво буду продавати,

Або по ярмаркахъ производитисъ буду
З одного да на другій съ тимъ цого не збуду;
А вунъ, капарникъ, казавъ, сцобъ хлѣба не исти
Та все горнувъ на тое, сцобъ тамъ з нимъ засѣсти.
Елей, порній годъ, хотѣвъ мене осукати,—
Неказавъ хлѣба исти, сцобъ з свѣта зогнати.
Цорнѣ гзерѣ, нехай вунъ не зиветъ на свѣтѣ,
А я все буду исти да якъ панъ сидѣти,
Толко не буду исти одно свинини;
Ухъ, тилко сцо спомянувъ, та не вдерзу слини!

Цыган. Чхаве на мурди прекуренди, на хрля вдере дати!
Диво мнѣ тимъ людямъ, що вмѣютъ махлюваты;
А я заховай Боже, якъ того пураюсь;
Таки бо я на тому махлярству не знаюсь
Що тилко загорую сліожнимы рукамы,
Тимъ и симъ зъ жаданкою, да и з жаданамы,
Якъ попишу симъ перомъ на клячинѣ паси,
То тутъ и ест порося, сало и ковбасы.
А ти старе, заткало, що тут поробляешъ?
Чи витришки продаешь, чи кунми мѣняешъ?

Жид. Мы не того роду, сцобъ кѣними мѣняти;
Мнѣ дай тилко напиткомъ всякимъ синковати.

Цыган. А сала албо ковбас продавать не лучалось?
Коли бъ вони тепер, тоб то смаковалось!

(Жид.) Не кази скоромнаго, я и п слухать не хочу.
Якъ бѣлзе будешъ казать, то навтеки скоцу.

Цыган. А ти тепер не иси скоромного, жиде,
Дакъ се, якъ бачу, твѣй пост ниволи не зійде;
А Сергѣевой же ти не вдавъ звѣрини?

Жид. Насъ равъ бо намъ приказавъ не исти свинини,
А самъ узе на той свѣтъ посовъ есце вцора;
Тамъ вѣнъ тепер истъ въ небѣ вола соробора.

Цыган. Коли жъ такъ, вже й іого дѣдко къ собѣ справивъ,
Бо коли бъ вѣнъ в небѣ бувъ, небо бъ заплюгавивъ.
А и ти тута не хочешъ исти кабанини,
Дакъ мандруй з дѣдкомъ туда жъ до своей родини,
Албо иди в подводу къ царю Фараону,—
Будешъ возить, якъ прежде, на собѣ квадрону.

Віиздитъ мужикъ на торгъ изъ сыномъ и, оставивши сина, поидет торговати, потомъ до сина пріидутъ три яриги и обикрадутъ сина, и скоро пріидетъ батко до сина, будетъ зѣло скорбѣти, потомъ иній ярига пріидетъ, продаючи шляпу, и за той торгъ побются.

Interludium 3—tium.

Бат. Не заиздѣмъ далеко, станмо и к дорозѣ,
Та я пойду на мѣсто, а ты сяд на возѣ.
Синъ. Добре, татку, будемо на возѣ сидѣти,
Тулко не забуд к святѣмъ де-що покупити,
Бат. А я того найбарзе, що сама казала:
Вона и благовѣсного яиця споминала.
Сѣди жъ синку да и гледи от на возѣ мѣхи.
Синъ. Казала еще мати, щоб продавъ орѣхи.
Батко. Чи не казала ще чого на мѣстѣ купити?
Синъ. К светому воскресенію чи не купишъ свити?
Бат. О то еще казала шахрану на паску.
Синъ. То то, татку, купи и запаску.
Бат. Добре, синочку, куплю, ос озму свитище.
Синъ. Ужеж заразомъ купи Солосѣ и днище,
Гребѣнъ и веретено, и люлку для Яця,
Черцю, курки, галуну покрасити яйца (к святу),
А минѣ на чоботи кармазину, тату,
Горщокъ, макутру, мяло и соли у хату.
Бат. Ну вжеж пойду на мѣсто, щоб намъ не баритись.
Синъ. Та вже тебе я знаю, що ти рад напитись.
Бат. Не буйсъ, синокъ, не тее веремя тепера.
Синъ. Та я знаю, що тее буде, якъ и вчера (Батко sołuta oratione)
І о такій пяній бувъ, що в ротѣ нѣ зуба,
Що якъ вдаривъ по мармузѣ, такъ ще болит губа.
Бат. От я сіого, Пелипку, нѣчого не знаю,
Що я чиню пяній; чи бю, чи полаю.
Ну не бѣся, дитятко, не буду вже питы;
Коли бъ тѣлко до дому де-що покупиты.
Яриг. Ек ана, братъ, какіе оченъ срядни рагѣ.
Аврюха, сматри з саду вотъ в міеху перагѣ,
А мы вотъ вжо начніомъ чупруна вбѣратѣ.
Ну братъ, Кирпичовъ, с вала рагѣ та снемать!

Ехъ, срадніе рагі и намъ би здалися!
Ну—ста, братъ, Авруха за вала берися,
Да вотъ, братъ, оба рагі с вала поздемаемъ,
А снявши да поніесіомъ, в карманъ пахаваемъ.

Синъ. Що ви таке робите, не руште бичати,
Бо онъ батко на мѣстѣ,—я буду кричаты.

Ярих. Не ври многа хахол,—рожу растаскаю,
І з голови валаса всіе те позриваю.
Пріими ево харашо, блядиново сина,
Щтобъ онъ віедалъ, скурвои синъ, каковъ я детина.

Синъ. Я, моспанство, пентачка не жалую дати,
Тѣлко будте ласкавы, не руште бичати.

Ярих. Да вотъ мы сами денегъ имѣемъ даволно;
Снеми та рагі с вала,—ужо болтат полно.

Бат. А шо, синокъ, сиди жъ ти? чи не змерзъ у ногы?

Синъ. І от замалимъ з вола не пропали роги.

Бат. Що такее, синочку, з нашого бичати?

Синъ. Едъ не що, зіомочки хотѣли знѣмати.

Бат. Се ж ти, бачу, калачѣвъ не встерѣхъ на возѣ;
Я то казавъ, щоб саму и повезти небозѣ
Я сподѣвавсь на его, негѣдного сина,
Ажно воно придбало, чортова дитина.
Якъ би взявъ, щоб не влучивъ, куди утѣкати,
То б воно наметало, якъ то догледати
Отцевского доброго, а іому все смѣхи,
А того не зна, блазня, що из воза мѣхы
Пропалы, та вже сидит дѣдча собѣ тихо.
Якъ би рѣзнувъ по мурзѣ, щоб напало лихо,
Ачей би вже тетюха іого потрусила,
Тобъ дѣдча детина такъ вдруге не чинила.
Батко бѣдній товчется всюди головою,
А его воза глядѣт покинувъ з бедою,
Такъ вунъ того нѣчичиркъ, щоб того доглядѣвъ.
Лишь я куди вичакнувъ, то вѣнъ к чорту грянувъ.
Тобъ я камъ ся де подѣвъ, а воно нѣдбае;
Щоб худубки доглянувъ, того нѣгадае.
Нехай же, хотѣвъ купит и к святѣмъ шапчину
Ходиж тепер без шапки, нетецкій сину!

Ярих. Ека шлика оченъ срядна,—изволь покупати;
Ветъ такой на базаріе не мошна искаты.

Муж. О скурви синека з блазнямъ, щасливе якое:
Нѣ гадавъ купит шъличку, а тут, акъ на тое
Чортъ принюс ис товаромъ сюда къ мнѣ ста;
Щож мусит батко с тими? отсердится въ ката.
А що дамъ, пане капраній, за сю шапчину?
Колиб не дорожився, тоб я купивъ сину.

Ярих. Да нет, сватъ, не дарага: толко што полтина.

Муж. Ну лишне не калантир озми повъ алтина

Ярих. Да нет, што ти вріошъ, невіежа, да вет ето шляпа.

Муж. І жеб то мы купили тулко но почата: (помала)

Ярих. Какъ жя, чупрун, не купишъ ти етоей шляпы?

Муж. І пѣди, пестелюго, не видали шкапы.

Ярих. Да што ти, безтолковой, меня здесъ ругаешъ?
Какъ пападу за хихол, дакъ ти меня взнаешь.

Муж. Ось яж тебе наперед хлудиною gречѣ!
Якъ писаночку спишу помаленку плечѣ.

Ярих. Какъ чупрунъ мне тронешъ, глаза растаскаю
І валаса з галавы всіе повириваю.

Муж На, колы хочь з денгою алтинъ за шапчину,
А придачку до копи колякою в спину.

Виходят пиворѣзы перѣе единъ, а потомъ другій, которіи и малярство оумѣють; къ нимъ віидетъ мужикъ, и его отмалюютъ пиворѣзы, за которое малярство приведетъ на нихъ вѣйта и ктитора, и проженутъ пиворѣзовъ.

Interludium 4—tum.

Пив. Где бъ то, вашецѣ проше, мѣсце пропскати:
Жившы без кондиціи, потяжко на шаты,
А и ещебъ думалось набрати тузинку,
Бо велце докучают студенти у зимку;
А приодягшис мало, поишол би въ Березну,
Но для совѣта гряду ко другу любезну,
Іже въ Претиской школѣ криласа правитель
Лѣвого, горѣлицы и бражкы любитель.
Паче бо в Коропѣ градѣ корысты [illegible]бивают

І соборніи нашѣ тамо учащаютъ
Всѣмъ той камен прибѣжище заицемъ и маты,
Гдѣ братія животъ свой жаждет скончевати,
Камо и азъ шествую алчній, жаждній пити
Да животъ мой въ градѣ томъ могу кончити,
Въ немъ же мы отъ дѣтскихъ лѣтъ криличествовалы
І по шагу изъ диму рокового брали
І тамъ насъ братія соборнѣйша знаетъ
Толко туди появлюсь, то вся прибѣгаетъ
Под нашу милость, даби клиру сопричтити
І собор миж братію добре утвердиты.
Не толкожъ мы умѣемъ клиромъ управляти,
Но можемъ еще куншти разніе писати.

2 Пив. Хто здѣ таковъ хвалялся себе величаше?
Аще пріидетъ кто къ нему, нѣчого не даше.
А мы було якъ когдась на мѣсцѣ бували,
То до мене всѣ странни в школу прихождалы;
Ми бо бувало всіого подостатку маемъ
І хто прійдетъ к намъ в школу, любезно вгощаемъ.
Веліе бяше число у насъ горѣлицѣ,
Полни чванцы текущы з подтрубной криницы
І всего слава Богу бяше подостатку,
Що у людей, то и в насъ всякого статку
Да и тепер богати маемъ воли и телицы,
Іже купно мандруют по стѣнѣ к трубницѣ.

1. Не хвалѣтесь, бо и мы блощичного роду.
Маемо подостатку и всякого плоду
Доволствуемъ же зѣло, что хлѣба нѣ куса
Все ходячи по школѣ справляемъ труса,
Потрясши кучерами да спати лѣгаемъ,
А уставши раненко бражку попиваемъ.
Може вар(ш)ецъ ремество вмѣете робиты,
Бо и я умѣю, тоб вкупѣ сталибъ собѣ жити.

2. Скажѣть варецѣ проше окуду грядѣшы
Да и азъ ис тобою аможе идешы.

1 Грядемо мосцѣ пане з Середнои Буди

2. І мы толко що пріишли, було нас усюды
Гдеж намѣриваете нинѣ шествовати

1. Ходѣмъ до Березнои, где и дяковаты
Будемъ, бо вже давно к мнѣ присилали
Всѣ титарѣ до мене, и болшъ поступалы
Роковщины, та боюсь, бо построивъ штукы,
Такъ щобъ не попастися прото(по)пѣ в руки.
2. Скажѣте, пане Власе, що то тамъ такое
Сто барбаръ занесли такъ диво самое (Ей ей)
2. Перестанмо сіого, ну—мо маліоватись,
Якъ пойдемъ до Корона добре залѣцатись
Будемъ, наперед мене зволте вмаліоваты
А потомъ мы варецѣ будемъ рисовати.
Муж. Скажѣть панове декы, мудріи вы люде,—
Чи Кавел Кавеля вбивъ кому брехня буде
Чи минѣ бъ то ис кумомъ, чи моему свату?
Все не дает просвѣтку дай же его кату
Пив. Не бойся, о нагрику, кума побѣдиши,
Аще на горѣлицу шага положишы
Муж. Мы тобѣ пане дяче и всіого потроху
Дамо крупѣвъ и солы пшона и гороху
Пив. О курвами о награ и з іого крупамы,
Або то мы без круповъ не звонимъ зубамы!
Муж. Также мы вамъ и шажокъ викинемъ до ката.
Пив. Грядн в школу для толку тамъ до номѣната (моего).
А мы свое, пане Власъ, о чомъ була мова
2. Добре варецѣ проше и фарба готова.
Муж. А ну и мнѣ компердь пердъ умалюйте дяче.
Бо що пріиду до дому, то моя и плаче
Дохна, що не купили гостинця из мѣста
Серегъ або перстеня и низки намиста.
Пив. Добре варець говоришь, мы служит охочѣ
Омалюемъ усіого, толко заплющъ очы.
Пив. От такъ ти того бре(а)те дури знишка скота,
Толкожъ дурно учинивъ не залѣпивъ рота;
Якъ пѣйде до громады да воиту искаже,
То й намъ кіямы ктитар пекарню помаже.
Муж. Що се тобѣ Артюше сталося такее,
Щеж мы вперше из роду видимо от сее
Що такъ от легкодуха терпѣтимут люде

Едже якъ не вибемо, то из насъ смѣхъ буде.
Гледи лишь, Тарасе, да стань от порога,
То мы легкобитовѣ припиляемъ рога.
И іонъ скурвій синъ поднявъ смѣхъ з нашого брата
Коли бъ що добре таки, а то шарапата.

Пив. Забівают нищету нашу, и печал нашу: обіидоша мя псы мнозы, жезлъ твой и палица твоя та мя утѣшиста; о Бозѣ моемъ прелѣзу стѣну: сонмъ лукавих обдержаша мя

Вивозитъ лях мужика въ клѣтцъ и війдетъ до него жид и заорендует мужиковъ. Потом до них війдетъ козак и визволивши мужиковъ запряжет ляха и жида отидет.

Лях. Gdy by mnie kto takiy chłopow potargował
Zayscie syzmatyckiey krwi bym nie żałował.
Nech że kiedy iuż taka odmiana się stała
Co do tych czas wolnosc swięta trwała
A teraz nasi chlopy na nas się buntuią
Y z kozacy na polskie koronę wotuią,
Zeby ią wykorżenic y wszystkie iey cnoty
Y odebrać do siebie szlachecke kleynoty.
Y takie to porade sobie wseymowali,
Zeby nasi poddani na nas y powstali.
Nie doczekaią tego żeby to tak bylo
A będziemy woiowac by szczęscie pluzyło
Poddanstwo swoię przedam już teraz nie trzeba
A u woysku gdzie kolwiek popadne szmat chleba
Y będę sam woiował poki siły stanie.

Жид. Добре васецъ говорисъ, Пердінцкій моспаніе,
А я цувъ що поддапнихъ хоцесъ продаваты;
Не продавай зе васецъ, зволь заорандоваты

Лях. Dobrże Żysiu powiadasz, uczynic to moge
Tylko niewim czy kupisz, bo poddanstwo droge.

Жид. А сцоб васецъ за них проп(х)авъ, я буду вистацавъ
І взе от сіого разу буду гросѣ збиравъ.

Лях. Nie wiele ia, Żysiu, chce za swoie poddane.

Жид. А якъ много цирвонихъ казы васецъ пане.

Лях. Żeby się nie targowac, day, Żysiu, sto złotych

A kiedy się woyna mini, prźyi ade
Y żeby w ten czas byli piniędzy gotowe
Wraz czyrwonemi płacić biędziesz głowe w głow e.

Жид. Ховай Боже я пане не стану за плату
коли цого не стане, я продамъ и хату.

Лях. Day że, Żysiu, zawdatek y postaw mi człeka

Жид. Насцозъ васецѣ свѣдокъ? зн·е и дейнека.

Лях. A czy wicie, chlopowie, tego orędara?

Муж. Знаю, як була въ іого велика кошара
Овець, дакъ мы помалу те все прибп ралы
Чи сита, чи худенка—не перебиралы.

Жид. У ноцѣ, о вей пане, сцоб и мене не вкравъ.
То я имъ буду на ницъ руки ногы вязавъ.

Лях. Я орендаржу tobie tak y prźykazuię
Niech ieden y drugi z nim związani nocuią.

Муж. А буд ласкавъ паночку змилуйся над намы,
Хочь самы мы будьмо володать рукамы.
А то несвѣцкій соромъ прійшлося терпѣты,
Несподѣване лихо ось в турмѣ сидѣти
Пріишлос, а тепер моя нещасная доле
Тилко що бувъ бичаткомъ вихавъ у поле
Ажъ ось ти пане бѣжишь до мене на ниву,
Да и казав взят у мене кобилчину сиву,
А минѣ зказалы бика запрягати,
Дакъ я вже то сюд то туд да и покинув жаты
І посовтавъ до дому, да всовстався въ лихо
Нѣкуды вже будчати тѣлко сидѣт тихо.

Коваль. Щоб то се за причина и якъ розважати,
Що ляхы шилихвости людій продавати
Почали, да не знаю що то с того війде,
Якъ на ляха година нещаслива прійде
За те, що хрестянску кровь жидамъ орендуютъ
Десь то на себе лихо якее вѣщуютъ.
Да ще будет имъ лихо, нехай пождутъ трохы,
Бо мы вже взнали добре ляховецкы здохы;
Тулки ихъ помаленку будемо нуздати
То вони заречутся хрестянъ продаваты.

Муж. Ей будь ласкавъ, козаче, визволь з сего лиха
Якъ пріидешъ до мене, дамъ вовса полмѣха.

Козакъ. А тебе то сеи ляшуга узавъ у кандалы?
Муж. Едже такъ, козаченку, тп(ут) и ночовалы.
Козакъ. А защо ти шевлюго людей даешь въ муку?
Лях. Jako żywo nie daie...
Козакъ. Або не чувъ гуку,
Якъ отъ тебе хрестане отсіи кричалы.
Муж. Ще ото маю: хотѣвъ заслать на каналы
Якъ на роботу, такъ іого стали мы просити
Щобъ неславъ туди, ажъ жид пришовъ щобъ купити
Насъ, а вунъ и запрягъ у ярмо Потапа,
А надо мною знучавсь собачая лаца
Да ще упер у турму, щоб тут намъ сидѣти.
Козакъ. Не буйся, чоловѣче, буде самъ вертѣти
Хвандамы, якъ будемо въ ярмо запрягати,
То вже не одважится людей продавати.
Лях. A mospanie kozacze nade mno zmiłuysię
Y takiey mey głuposci prosze nie dziwuysię
Ja y w pamięci tego nie miałem trafunku.
Жид. Едже васець и мене привѣвъ до фрасунку,
Сцо хоць людій продавати такъ я сіого не знавъ,
Я вінхавъ на мѣсто так ти самъ сказавъ.
Козакъ. Дакъ ти сіого нехристе не знаешь нѣчого?
Муж. І вже заплативъ усѣ сѣмь без золотого тараля
Козакъ. Війми ляше ис турмы сіого чоловѣка
Да самъ клады и з жидомъ голову без крика.
(*Жид.*). О минѣ пане козаце треба до Олика мѣста на ярмарокъ
Лях. A bądz łaskaw mospanie na mnie swego sługe
Już dalebog nie będę tego czynic wdruge.
Козакъ Годѣ калантурит, звол шію в ярмо класты
Да поидем до мене з жидомъ овецъ пасты.

Кромѣ книгъ, помѣщенныхъ въ полномъ каталогѣ при № 10 и въ дополненіи къ нему при № 11, вновь поступили въ складъ слѣдующія названія:

1 **Береженого Богъ береже.** Оповиданне про скотську чуму. Екатеринодаръ, 1896. Стр. 1—16. Цѣна 10 к.

2. **Дикаревъ.** Воронежскій этнографическій сборникъ. Изданіе Воронеж. Губернск. статистич. комитета. Воронежъ, 1891. Стр. 1—314. Цѣна 2 р.

3. Ол. **Кырпатый.** На панському обиди. (Бувальщына). Харькивъ, 1890. Стр. 1—18. Цѣна 5 коп.

4. Ол. **Кырпатый.** Чумацьке лыхо (Зъ народнихъ устъ). Оповиданне. Харьковъ, 1890. Стр. 1—27. Цѣна 5 коп.

5. **Макаровскій.** Наталя або дви доли разомъ. Поэма. Харьковъ. 1890. Стр. 1—39. Цѣна 7 коп.

6. Ѳ. И. **Уманецъ.** Гетманъ Мазепа. Историческая монографія. С.-Петерб. 1897, стр. 1—455. Цѣна 2 р. 50 к.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ „Кіевской Старинѣ“ печатаются: самостоятельныя изслѣдованія по исторіи южной Россіи и разнообразные матеріалы для нея, въ видѣ особо цѣнныхъ историческихъ документовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній разсказовъ, біографій, некрологовъ и характеристикъ, описаній, вещественныхъ памятниковъ южнорусской древности и замѣтокъ обо всемъ вообще, что составляетъ принадлежность и характерную особенность исторически сложившагося народнаго быта или служитъ проявленіемъ народнаго творчества и міровоззрѣнія, каковы неизслѣдованные обычаи религіозные, правовые и т. д., исчезающіе древніе напѣвы, незаписанныя думы, сказки легенды, пѣсни и проч.

Библіографическія свѣдѣнія о вновь выходящихъ у насъ и за границею изданіяхъ, книгахъ и статьяхъ по исторіи южной Россіи, сопровождаемыя критическими замѣчаніями.

При журналѣ, по мѣрѣ надобности, будутъ помѣщаться портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи южнорусскаго народа, виды древнѣйшихъ монастырей, церквей и другихъ зданій, имѣющихъ значеніе для мѣстной исторіи, снимки съ древнѣйшихъ гравюръ и произведеній живописи, рисунки и изображенія всякаго рода украшеній одеждъ, оружія, предметовъ домашняго обихода и проч.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ, въ случаѣ надобности, сокращеніямъ и измѣненіямъ. Рукописи, признанныя для печатанія неудобными, хранятся въ редакціи въ теченіи шести мѣсяцевъ; обратной высылки ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Редакція проситъ авторовъ доставлять книги и брошюры для рецензій.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ СЕМНАДЦАТЫЙ.

ТОМЪ LX.

1898 Г.

Кіевъ, типографія Императорскаго Университета Св. Владиміра
Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Мих. ул., д. № 4-й.
1898.